

Международные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской Федерации

«**ИНО**ЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОМ (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Научный Совет

Барановский Владимир Георгиевич	— доктор исторических наук, член-корреспондент РАН
Дробужева Леокадия Михайловна	— доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович	— доктор исторических наук, профессор
Мельвиль Андрей Юрьевич	— доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Михеев Василий Васильевич	— доктор экономических наук, член-корреспондент РАН
Федотова Валентина Гавриловна	— доктор философских наук, профессор
Шестопал Елена Борисовна	— доктор философских наук, профессор
Юревич Андрей Владиславович	— доктор психологических наук

З О Л О Т А Я К О Л Л Е К Ц И Я

ФОЛЬКЛОР НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

История и современность

По материалам
фольклорного архива
Новгородского университета
за 30 лет

 СТРАТЕГИЯ
Москва - 2005

ББК 63.3 (2 Но)
Ф 27

*Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»*

Р е ц е н з е н т

старший научный сотрудник сектора фольклора ИРЛИ *В. И. Жекулина*

В оформлении использован фрагмент росписи русской прялки XVIII века.

Книга распространяется бесплатно

Ф 27 Фольклор Новгородской области: история и современность / Составитель О. С. Бердяева. – Издательский дом «Стратегия», 2005. – 352 с. – (Золотая коллекция)

ISBN 5-9234-0055-3

Издание представляет собой публикацию уникальных материалов фольклорного архива НовГУ. Сборник включает тексты разных жанров: свадебные лирические песни, похоронные причитания, сказки, былички, мемораты, заговоры, народную драму и другие. Записи проводились в Новгородской области преподавателями и студентами университета с середины 60-х годов XX века до настоящего времени.

В книге дана реконструкция свадебного и похоронного обрядов Новгородской области, включены наиболее характерные и яркие образцы прозаических жанров. Интерес представляет публикация немецкого фольклора, бытовавшего на Новгородской земле. Книга знакомит с талантливыми исполнителями песенного фольклора, перенявшими традицию пения от бабушек и матерей.

Данное издание осуществлено при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», Министерства образования РФ, Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы..

ББК 63.3 (2 Но)

ISBN 5-9234-0055-3

© О. С. Бердяева, составление, 2002

© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2005

© Издательский дом «Стратегия», 2005

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	15
ИСТОРИЯ И ФОЛЬКЛОР В СЕЛАХ НОВГОРОДЧИНЫ	30
Старорусский район. Село Взвяд	30
Немецкий фольклор	40
Рассказы Александра Ивановича Гармонщикова	42
На Ильменское озеро, за рыбой	43
Деревня в 1923 – 1924 – 1925 годах	47
Иванова Екатерина Ивановна	50
ОБРЯДЫ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	59
ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИИ	62
Причеть в составе похоронного обряда	67
Причеть в записях 60-х годов	75
Похоронный обряд по материалам полевых записей 80-х годов	81
СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	87
СЕВЕРНАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО СВАДЕБНОГО ЧИНА ...	92
Свадебный обряд в Старорусском районе (реконструкция)	92
Знакомство	93
Предвенечные обряды	94
Сватовство	94
Рукобитье (сговор, заporучивание)	95
Смотрят место	103
Великая неделя. Шитьё приданого	106
Обрядовая баня	109
Девичник (вечерины)	114
Прощанье с «красной красотой»	117
День венчания	119
Приезд жениха	119
Благословление молодых	120
Отъезд к венцу	122
Перевоз приданого невесты	123

Послевенечные обряды	125
«Раскрывание» молодой в доме мужа	125
Свадебный («княжий») стол	125
Роль дружки на свадьбе	127
Послесвадебные обряды	129
Бужение молодых	129
Хлибины (яишня)	129
Рассказ крестьянки Старорусского уезда	131
Старинный свадебный обряд в Демянском районе (запись 1964 года)	151
Современный свадебный обряд в записях середины 60-х годов XX века (Демянский район)	157
СВАДЕБНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	160
СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА	179
О ЖИВОТНЫХ	184
Курочка и кочеток	184
Коза-дереза	185
Козочка, заяц и петух	186
Коза-дереза, заяц и петух	187
Про козу Дерезу	189
Про козу	190
Котофей Иванович	192
За курочку – гусочку	193
Хитрая лиса	194
Про петушка и курочку	195
Сказка про жаронки	195
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	197
Кудряш и Ильмена	197
Волшебное кольцо	199
Волшебная рубашка	201
Ваня и ведьма	202
Лихо Одноглазая	203
Сказка о трех апельсинах	204
Чудо-дерево	205
Муж-уж	206
Муж-гад	208
Сказка про двух братьев	209
Волшебная тросточка	211
НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ	213
Мудрая внучка	213
Про Ванечку-дурачка	214
Хитрый зять	215
Муж и жена спорщики	216

Сын жених	217
О двух братьях, бедном и богатом	218
Пастушок и царь	219
Сказка о том, как бедный мужик делил гуся у царя ..	220
Мужик и барин	220
Как цыган старуху крестил	221
Про солдата	222
Сказка о похождениях солдата	222
Солдатская загадка	223
Солдат-рассказчик	223
Находчивый солдат	224
Два брата и волшебная береза	226
Хитрый крестьянин	228
Ванюшка и поп	229
Наговорная водица	230
Как муж жену проучил	231
НЕБЫЛИЦЫ	232
Волшебные бобинка и горошинка	232
Сказка о том, как мужик на небо ходил	233
Как бабка с неба упала	234
Как мужик жеребеночка высиживал	235
Рыбак и охотник	236
БЫЛИ И БЫЛИЧКИ	237
Про старую жизнь	237
Про сапожника и его жену	237
Быль про попа	238
Поехал мужик на промыслы	238
Раз зимою	238
Мертвецы и проклятые	239
Варушка-покойница	239
Гость-покойник	240
Как парень мертвеца перехитрил	241
Жена из могилы	242
Как я помер	243
Случай на кладбище	244
Солдат и чудовище	244
Проклятая	246
Из люльки потерялась	248
НЕЧИСТАЯ СИЛА (1–10)	251
Черт и крестьянин	253
Черт и портной	254
Черт и охотник	254
Умные артисты	255
Глупый черт	255

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ	256
Христианские легенды	256
Суд святых	256
Притча про Илью	257
Божья награда	257
Легенды о богатырях и силачах	258
Иван Лобанов на Архангельской пристани	258
Коням не под силу	258
Силач Иван Носков	259
Была девочка	259
Исторические предания	259
Петр I и солдат	259
Топонимические предания	262
Священный крест	262
Золотая гора	262
Деревня Брагин Остров	262
Смерть рыцарей	262
Речка Псижа	262
Деревни Радоль, Ягайлово, Глебово и Святое Поле ..	263
ПРИБАУТКИ, ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ	264
Сказка-миказка	264
Сивенький сивочек	264
Жил-был царь	264
Я сидел на пню	264
СКАЗКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ	
СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ДОЛЖЕНКО	265
Глинушко	265
Сказка о Фоме Брендакове	268
Иванушка	271
Ох	273
Догада	276
Ивашка Красная Рубашка	276
Дни недели	277
Сказка о солдате	277
Василий-лесник	278
ЗАГОВОР В ФОЛЬКЛОРНОМ АРХИВЕ	
НОВГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	279
ТЕКСТЫ ЗАГОВОРОВ	290
На здоровье	290
От разных болезней	292
От сглаза	293
От суреков	295
От осуда	296
От порчи	296

От доспешки	298
От спешки	299
От грыжи	299
От золотухи, рожи	301
От фурункулов и лишая	302
От кругов	303
От ячменя (писяка)	304
От грудницы (маститы)	305
На остановление крови	306
От бессонницы и ночницы	307
От волоса	308
От зубной боли	309
От мозолей	309
От бородавок	309
Заговоры, связанные с домом и домашним хозяйством	310
На удачную торговлю	311
На вход в лес	311
От змеиного укуса	312
На разные случаи жизни	312
От тоски и печали	313
Приворотные и на разлучницу	314
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ	315
Масленичные песни	318
Посиделки	321
Заинька	321
Народная драма	322
Атаман (напевный рассказ)	322
Игра в «покойника»	328
Народные игры	328
Тетера	328
Дударь	328
Игра в камешки	329
Загадки (13–32)	329
Загадки на логическое мышление (33–36)	332
ПРИМЕЧАНИЯ	334
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	347

Предисловие

Фольклор Новгородской области является частью традиционного русского фольклора, в котором языческая славянская мифология сложно соотносится с так называемым народным христианством, а все это вместе взятое выражает своеобразную народную философию. И все же следует сказать о том, что новгородский фольклор – явление уникальное, представляющее собой богатую севернорусскую традицию, поражавшую русских фольклористов своими художественными достоинствами и удивительной сохранностью еще на рубеже XIX–XX веков. Северная Русь волею исторических судеб оказалась хранительницей наиболее древних залежей устного народного творчества на территории великорусского государства.

За последние 70–80 лет эти слои неудержимо опустошаются вместе со столь же неудержимым исчезновением традиционного крестьянского быта и обихода. Так, богатейшая фольклорная традиция, которую зафиксировали на русском Севере П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Н. Е. Ончуков и Е. В. Барсов, истощилась. Новгородская земля все же оказалась гораздо более памятной, чем это могло показаться с первого взгляда.

Даже после революции, Гражданской войны, террора, страшного опустошения Новгородского края во время Великой Отечественной войны традиция устного народного творчества продолжала жить и живет до сих пор. В 60–70-е годы XX века в районах Новгородской области записывались великолепные образцы похоронной причети (одного из наиболее архаических жанров русского фольклора), что вызывало удивление фольклористов, приезжавших сюда из других регионов России. Новгородский педагогический институт (а вслед за ним и его преемник Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) внес свою лепту в сохранение и изучение традиционного новгородского фольклора.

В НовГУ сегодня существует богатейший фольклорный архив, который собирается преподавателями и студентами с 1965 года. Коллекция насчитывает тысячи текстов, которые до настоящего времени еще не вошли в научный обиход и не известны как фольклористам, так и тем, кто интересуется развитием русской культуры, ее процессами. Сделать материалы коллекции доступными – значит

дать возможность сравнить его с уже известными опубликованными образцами русского народного творчества, понять своеобразие фольклора Новгородской области и закономерности вхождения культуры региона в общекультурный пласт. Книга знакомит читателя с историей собирания фольклора Новгородской области, с историей архива НовГУ.

Одна из целей издания – развернуто представить неплохо сохранившуюся фольклорную память о важнейших семейных обрядах: свадебном и похоронном. Однако сразу следует сделать оговорку, что невозможно вместить в один том даже самое интересное из имеющегося в архиве. Основное внимание уделено структуре обрядов, которая хорошо просматривается благодаря собранному материалу. Обрядовая причеть, игравшая в обрядах важнейшую роль, представлена в архиве интересными в художественном отношении текстами, записанными от разных исполнителей в разных районах области. Записи бесед с информаторами и тексты дают возможность понять, что происходило с обрядами в последние десятилетия.

В качестве приложения представлено несколько десятков ярких текстов свадебных лирических песен, записанных в разное время – от 1960-х до 1990-х годов, причем в ряде случаев от одного исполнителя. Свадебные лирические песни, несомненно, требуют специального разговора и отдельной работы.

Прозаические жанры фольклора – интереснейший материал, который записывается реже, чем другие жанры. В книгу включены наиболее характерные и яркие образцы коллекции. Некоторые тексты, по всей видимости, можно считать сугубо новгородскими.

В книге представлен и такой нечасто записываемый жанр, как заговор, который выполняет лечебную или охранительную функции. Здесь помещены заговоры на разные случаи жизни. Заметно, что в этих текстах максимально сохраняются традиционные форма и образы. В раздел вошли редчайшие тексты на удачу в торговле, от грозы, от тоски и другие.

Книга знакомит с портретами талантливых исполнителей песенного фольклора, перенявших традицию пения еще от своих старших родственников – бабушек и матерей. Репертуар этих певиц помещен в книге.

Мы сочли нужным включить в книгу фрагменты публикации «Новгородских ведомостей» 1869 года («Рассказ крестьянки Старорусского уезда»), а также объемные цитаты из книги В. А. Пылаева «Старорусский край. Природа и население» (1929), позволяющие лучше увидеть динамику того, что происходило в народной жизни.

Хотелось бы, конечно, опубликовать и народные традиционные необрядовые лирические песни, составляющие значительную часть коллекции, баллады или жестокий романс, духовные стихи или материал, связанный с посиделками, святками, масленицей или гаданиями. Все эти тексты интересны по художественной структуре и образам лирических героев. Публикация этого материала с комментариями позволила бы представить многообразие фольклорных жанров и вариантов текстов, их распространение по районам, а также историческую динамику жанров. Однако объем книги не позволяет этого сделать.

За чертой издания остается и детский фольклор, и малые жанры фольклора, такие, как загадки, пословицы и поговорки, хотя это в нашей действительности

оказывается важным, так как очень часто современные дети не знают собственный русский фольклор, который формировал не у одного поколения многие хорошие человеческие качества.

Тексты напечатаны с соблюдением отраженных в записях диалектных особенностей, кроме тех случаев, когда местное произношение или структура предложения совершенно затрудняют понимание. Это, в частности, касается рассказов А. И. Гармонщикова и сказочной прозы.

Публикация текстов сопровождается необходимыми комментариями, справочным аппаратом и списком литературы.

Публикуя тексты причитаний и песенной лирики, мы понимаем, что они должны сопровождаться нотными расшифровками, но, к сожалению, часть наиболее старых записей делалась только вручную, а с имеющимися архивными фонограммами должны работать музыковеды, которых нет в лаборатории. И пока только остается надеяться на то, что издание, в котором будет представлена и музыкально-аналитическая часть, рано или поздно состоится.

История и фольклор

История собирания и изучения фольклора Новгородской области

Современная Новгородская область – административная единица России, до 1945 года входившая в состав Ленинградской области. Одна из основных особенностей этого региона состоит в том, что он является историческим и культурным наследником Северной Руси, а еще точнее – Новгородской республики с городом Новгородом в центре, владения которого охватывали практически весь Русский Север. В наследство от средневековой новгородской культуры, уходящей корнями в язычество, осталась мощная фольклорная традиция, существование которой до сих пор не прервано.

На рубеже XIX–XX вв. культура русского Севера попадает в поле зрения фольклористов, записавших огромный пласт былинного эпоса, а затем издавших книги, которые не устарели до настоящего времени. Это «Онежские былины» (1873) А. Ф. Гильфердинга, «Беломорские былины» (1901) А. В. Маркова, «Архангельские былины» (1904) А. Д. Григорьева, «Печорские былины» (1904) Н. Е. Ончукова и ряд других. Великолепной сохранности фольклора, в частности, способствовала удалённость северных территорий от центров цивилизации, консервативность народного быта и обрядовых верований. Интерес к русской культуре в последнее десятилетие привел к тому, что многие из изданий начала XX века были переизданы в конце 90-х годов.

На фоне интереса к Русскому Северу фольклорная традиция Новгородской губернии привлекала внимание исследователей в меньшей степени, хотя отдельные новгородские материалы есть в известных собраниях П. В. Киреевского, П. В. Шейна, Е. В. Барсова. Но работа по собиранию фольклора активно велась на рубеже XIX–XX веков, о чем

свидетельствуют многочисленные публикации на страницах «Новгородских губернских ведомостей».

Однако по-настоящему собирательская работа была начата только в 60-е годы прошлого столетия усилиями таких ярких фольклористов, как Т. И. Орнатская, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова. Ныне их коллекции находятся на хранении в фольклорном архиве ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). В это же время начали свою экспедиционную работу преподаватели и студенты Новгородского педагогического института.

В течение 35 лет на кафедре русской литературы велась работа по собиранию фольклора. Среди преподавателей Новгородского педагогического института, читавших курс устного народного творчества в течение долгих лет, с 1958 по 1970 год, был С. И. Долженко. Сергей Иванович и начал активно собирать новгородский фольклор. Известно, что его личный фольклорный архив был весьма обширным. С. И. Долженко трепетно хранил его до конца жизни, но, к сожалению, в конце 70-х годов все эти материалы были полностью утрачены. Правда, в архиве НовГУ имеются некоторые записи первой половины 60-х годов из коллекции преподавателя. Это несколько листов с текстами свадебных песен и сказки, переданные в институт соседями Сергея Ивановича после его смерти.

Результатом активной собирательской работы преподавателей и студентов педагогического института стал текстовый и фонографический архив записей, а также небольшая коллекция этнографических материалов. Первые годы записи не оформлялись для архивного хранения, поэтому значительное количество текстов за 1968–1974 годы утрачено в связи с тем, что кафедра часто меняла свое местоположение. Спасало положение то, что часть собранных материалов поступала на хранение в архив ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), где они и находятся в Новгородской коллекции № 241. Фольклорная коллекция Пушкинского Дома и сейчас пополняется за счет материалов, записанных студентами в более поздние годы.

Многие из этих экспедиций 60-х годов проходили совместно с Пушкинским Домом, новгородским Музыкальным училищем, Домом народного творчества, фольклористами Ленинграда и Москвы. Большую роль в инициативе собирания новгородского устного народного творчества в эти годы сыграла преподаватель Новгородского педагогического института, ныне ведущий специалист сектора фольклора ИРЛИ РАН, кандидат филологических наук В. И. Жекулина.

С середины 70-х годов работа осуществляется под руководством доцента НовГУ О.С.Бердяевой. С этого времени на кафедре русской литературы XX века ведётся постоянная работа по сохранению собранного материала, формируется архив фольклорных записей. Первые храня-

щиеся в архиве записи, с которых и начинается коллекция, относятся к 1964 году. Ныне коллекция содержит десятки тысяч единиц хранения аутентичного фольклора. Результатом постоянно проводимой работы стало создание в 1998 году лаборатории по изучению и собиранию традиционного фольклора Новгородской области, что создало новые возможности для проведения научной и учебной работы.

Лаборатория осуществляет деятельность по изучению состояния фольклора Новгородской области, подготовке и проведению фольклорных экспедиций с целью описания и сохранения образцов традиционной культуры, пополнения и уточнения имеющихся в архивной коллекции фольклорных записей, ведет работу по созданию необходимой для выполнения учебных задач этнографической коллекции, подготовке и проведению учебной фольклорной практики. Лаборатория также оказывает консультативную помощь в учебной и научной работе преподавателям школ, аспирантам, студентам учебных заведений города.

Одна из важных задач, решаемых сотрудниками лаборатории, – содействие углублению и расширению знаний о русской культуре и народных традициях Новгородской области в молодежной среде. При лаборатории была создана студенческая фольклорная группа «Купина», участники которой включают в свой репертуар произведения, записанные в экспедициях последних лет и те, которые имеются в архиве.

На молодежную аудиторию ориентирована интернет-страница «Фольклор Новгородской области» (автор О. С. Бердяева), посвященная анализу состояния фольклорной обрядовой традиции и отдельным жанрам. Работа по созданию программы была проделана немалая. Проект был высоко оценен не только заказчиком (Институт Открытое Общество Фонд Сороса), назвавшим его среди лучших, опубликованных в сети Интернет за 1999 год. Материалы проекта оказались востребованными как обычными пользователями сети Интернет, так и фольклористами, в том числе и зарубежными (в частности, Финляндии, Эстонии, США).

В 2000-м году на интернет-странице Дальневосточного университета был опубликован каталог 28 лучших, на взгляд руководителей страницы, программ «в поддержку образования, могущих служить целям образования и воспитания», куда вошла и ссылка на сайт Новгородского университета «Фольклор Новгородской области» (<http://www.novgorod.ru/rus/hist/folk/index.htm>) как нужный в перспективном сейчас направлении дистантного обучения «педагогический инструмент».

Лаборатория поддерживает научные контакты с сектором фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), предоставляет материалы для изданий по новгородскому фольклору, которые подготавливают сотрудники сектора.

Так, при содействии лаборатории готовился второй выпуск «Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Заговоры (по записям 1963–1999 г.)», СПб., 2001 г. (издание подготовили Власова М. Н., Жекулина В. И.). В настоящее время готовится к печати следующий выпуск тома «Традиционного фольклора», представляющего детский фольклор, куда тоже войдут материалы, записанные студентами НовГУ.

Те, кто начинали уже в советское время собирательскую работу, вначале даже не думали, что картина будет столь яркой. Хотя ещё в шестидесятые годы было ясно, что сохранность устного народного творчества в разных районах неодинакова. В силу стремительных изменений, происходивших в российском обществе за последние восемьдесят лет, фольклорная традиция резко оскудевает. Исчезают жанры традиционного фольклора, связанные со старинными семейными и календарными обрядами, происходит тематическое осовременивание ряда жанров – таких, например, как былички, анекдоты, частушки.

В статье, предвещающей первое замечательное издание, подготовленное по материалам экспедиций, «Традиционный фольклор Новгородской области» (Л., 1979), говорится о том, что наиболее богаты фольклором северные районы области, а также граничащий с Псковской областью Солецкий. Надо сказать, что картина эта уточнялась и менялась. В 70-е годы записывались прекрасные по сохранности образцы фольклора и в Парфинском, и в Старорусском, и в других районах. В конце восьмидесятых годов В. И. Жекулиной были опубликованы материалы по Старорусской и Валдайской свадьбе. Эти публикации подтвердили, что многие информаторы хорошо помнят не только отдельные свадебные песни или причеты, но в состоянии подробно воспроизвести и сам старинный обряд.

Оказалось, что ещё бытуют долгие, протяжные лирические песни и плачи, и заговоры, хотя, например, о последних в «Традиционном фольклоре» говорилось, что этот жанр прекратил своё существование. В фольклорном архиве НовГУ имеется большая коллекция заговоров на отдельные случаи жизни и тех, что входили как необходимая часть в обряды, например, в свадебный. Заговоры записываются и в настоящее время.

В 70-е же годы возникло и представление об исчезновении настоящих сказителей. Но дальнейший экспедиционный опыт показал, что можно записать и сказки, и былички, и произведения иных жанров фольклорной прозы. По настоящее время собираются исполнявшиеся на посиделках традиционные песни, среди которых популярны поцелуйные, шуточные, игровые.

Да, несомненно надо признать, что многое ушло безвозвратно, в частности то, что находилось в состоянии пассивного бытования. Но, тем

не менее, и сейчас отмечается многообразие фольклора Новгородской области, разнообразие его жанров, многократно подтверждённое позднейшими экспедициями и исследователями. До сих пор встречаются удивительные исполнительские индивидуальности. Задача, которая стоит перед любым человеком, записывающим фольклор, – проследить сохранность, условия и особенности бытования фольклорной традиции, – связана, конечно же, с сохранением русской народной культуры, но в не меньшей степени с осмыслением динамики изменений национальной психологии и одновременно с оценкой меры устойчивости последней.

Хорошо заметно, как сохраняется традиция в отдельных районах и деревнях. Так, например, свадебные песни и причеты, зафиксированные в конце 60-х годов в Пестовском районе, записывались и в 90-е, хотя и в усечённом виде. Интересно и то, что данный жанр бытует, несмотря на то, что сам прежний свадебный обряд, предполагавший включение в себя подобных текстов, уже не исполняется. Свадебный обряд изменился, осовременился. Попытка соединить старые и новые традиции в обряде, предпринятая в начале 70-х годов, не увенчалась успехом, и это закономерно. Изменившееся мироощущение молодежи сильно отличалось от того, как видели жизнь и события люди старшего поколения, поэтому свадебные песни, пусть даже и торжественные величальные жениху и невесте, прекрасно исполненные носителями фольклора, выглядели анахронизмом в свадебном обряде 70-х годов. Но в памяти местных жителей старшего возраста, хоть и не видевших прежнего свадебного обряда, песни сохраняются, ибо так пели их матери и бабушки. Поразителен тот факт, что те, кто в семидесятые годы были молодыми и нигилистически относились к прежним обрядам и традициям, стали вспоминать, как пели их матери и как люди старшего поколения исполняли тот или иной обряд.

На протяжении долгих лет сохраняются в деревнях поющие коллективы, которые с некоторых пор стали называться фольклорными. Однако себя они не ощущают каким-то «фольклорным» коллективом, а собираются и поют, потому что так привыкли, так было и раньше, так собирались и пели когда-то. Хотя надо отметить и тот факт, что старые женщины любят выезжать на фольклорные праздники в Витославицы, что под Новгородом, чтобы показать себя, послушать других. Несомненно и то, что исполнительницами песен на это время, хоть ненадолго, забываются все трудности их жизни. В этот момент они ощущают праздник и свою востребованность.

В течение 30–40 лет фольклористы Новгорода, Петербурга и Москвы слушают Городенский народный хор, хоры деревень Мокрый Остров и Старое Рахино Крестецкого района или деревни Бабки Парфинского

района, при этом репертуар этих коллективов сохраняется. На протяжении трех последних лет мы наблюдали и записывали хор деревни Бабки. Сейчас для этого коллектива, видимо, наступили трудные времена, потому что стареют и болеют исполнительницы. Остается надеяться, что традиция окажется сильной и хор не перестанет звучать.

В 1998 году от старшей певицы деревни Бабки Егоровой А. Д., 1914 года рождения, записана свадебная песня:

Из-за лесу, лесу темного,
 Из-за садика зеленого
 Вылетало стадо гусей.
 Одно стадиго гусиное,
 А другое лебединое.
 Гуси-лебеди стали щипати,
 Она стала кликати:
 Не щипайте, гуси-лебеди,
 Не сама я залятывала,
 Занесло меня погодою,
 Завезли меня кони,
 Кони Васильевы,
 Василия Ивановича.
 Кони карие,
 Кони карие, окрученные,
 Уздечки серебряные,
 Ленточки белые.
 Повезли Машеньку
 В дальние края,
 В дальние края...

Долгие годы поют вместе жительницы этой деревни А. И. Корнева и М. И. Степанова. От них записаны в том же году такие частушки, исполняемые диалогом под гармонь.

- 1-я поет: Ой, подружка моя Тоня,
 Выходи и выходи,
 Про меня чего не знаешь,
 Мне, пожалуйста, скажи.
- (Диалог) – Правда, Жень?
 – Правда, Тонь.
 – Чего мне врать.
 – Ты не врешь, и я не буду.

(вместе) – Давай дальше продолжать.

(вместе) Эй-хлоп, заигрались,
Эво, примечали ли,
Говорите, не таите,
Кого где оставили.

2-я поет: Мимо нашего окна
Бегали телята,
А я с печки да в окно:
Думала – ребята.

– Правда, Жень?
– Правда, Тонь.
– Ты не врешь?
– Чего мне врать.
– Ты не врешь, и я не буду.

(вместе) – Давай дальше продолжать.

(вместе) Эй-хлоп, заигрались,
Эво, примечали ли,
Говорите, не таите,
Кого где оставили.

1-я поет: Ой-ка бабочки-девчоночки,
Ой ная-наяночки,
Мы нигде не пропадем,
Ни на какой гуляночке.

– Правда, Жень?
– Правда, Тонь.
– Ты не врешь?
– Чего мне врать.
– Ты не врешь, и я не буду.

(вместе) – Давай дальше продолжать.

(вместе) Эй-хлоп, заигрались,
Эво, примечали ли,
Говорите, не таите,
Кого где оставили.

2-я поет: Говори ему: «Спасибо»,
Товарочка милая,

Его тоже ожидает
Девочка любимая.

- Правда, Жень?
- Правда, Тонь.
- Ты не врешь?
- Чего мне врать.
- Ты не врешь, и я не буду.

(вместе) – Давай песню петь кончай.

В деревне Пола Парфинского района живет Завиринна Мария Алексеевна, 1923 года рождения, которая не помнит старинных обрядов, но прекрасно исполняет частушки, аккомпанируя себе на балалайке. Сохранились в ее репертуаре песни периода Гражданской и Великой Отечественной войны.

Например:

Командир был славный наш Будёный –
Своим отрядом впереди.
Он командовал своим отрядом,
Веселил своих ребят.
Все ребята едут-веселятся,
Все на родину спешат.
Все ребята едут-веселятся,
Все на родину спешат.
Только лишь один боец невесел –
Был он круглой сиротой.
Только лишь один боец невесел –
Был он круглой сиротой.
Буйну голову свою повесил
На вороного коня.
Буйну голову свою повесил
На вороного коня.
– Если б знал, что я домой поеду,
Я на родину свою.
Если б знал, что я домой поеду,
Я на родину свою,
Лучше б было в поле застрелиться,
В чистом поле, в том бою.
Лучше б было в поле застрелиться,
В чистом поле, в том бою.

В чистом поле, в поле поневоле
Под зеленою сосной.
В чистом поле, в поле поневоле
Под зеленою сосной.

А вот память о войне 1941–1945 годов:

А я гора, гора, гора малинова,
Да а на той горе убили милого,
Убили милого, да поздно вечером,
А я одна была, мне делать нечего.
Убили милого, да положили в гроб,
Я долго плакала окол евоных ног,
Я долго плакала и умолялася –
Зачем молоденька в него влюблялася?
А я гора, гора, гора-гориночка,
Да без миленочка я сиротиночка,
Да сиротиночка я не по матери,
А сиротиночка я по симпатии.

Редкий случай представляет собою тюремная песня, практически не записывающаяся в последние годы:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.
Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.
Как хотите стерегите,
Я и сам не убегу,
Мне и хочется на волю –
Цепь порвать я не могу.
Мне и хочется на волю –
Цепь порвать я не могу.
Ах вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать вас, не порезать,
Нету острого ножа,
Не порвать вас, не порезать,
Нету острого ножа.
Не гулять мне как бывало,
По родимым по полям,

Моя молодость завяла
По острогам да тюрьмам,
Моя молодость завяла
По острогам да тюрьмам.

Лирические песни сменяются «лейтенантскими» частушками, в которых сочетаются, с одной стороны, задор молодости, с другой – печаль, навеянная жестокими обстоятельствами войны. В частушках упомянуты населенные пункты Новгородской области, где в последнюю войну шли тяжелые бои – это город Старая Русса и поселок Окуловка:

Голубая опоясочка –
Военного люблю,
Сама знаю, что не парочка –
Расстаться не могу.

Полюбила лейтенанта,
Он хотел меня увезть,
До Окуловки доехал
И сказал, что жена есть.

Полюбила лейтенанта,
Думала, что я одна,
К нему женочка приехала,
Четыре пацана.

Полюбила лейтенанта,
А майор мне говорит:
– У меня ремень пошире –
Босоножки можно сшить.

Полюбила лейтенанта,
Подошел ко мне майор,
На майора загляделась –
Лейтенанта кто-то спёр.

Подошла я к телефону
И кричу: «Алё, алё!
Дайте пару лейтенантов
И майора одного!»

Я иду, я иду –
Два майора на лугу.

Ох, уж я тут растерялась,
Ох, уж я тут не могу!

Я не буду из-под дуба
Зеленую воду пить.
Милый раненый приедет –
Всё равно буду любить.

Старорусским на поле
Была сильная война,
Маво милого убили –
Я осталась одна.

Дорога моя подруга,
Снятся горы и леса,
Снится форма лейтенанта,
Его серые глаза.

Частушки соседствуют с редкой колыбельной песней, которую Мария Алексеевна исполняет с большим чувством:

Бай-бай-бай-бай, спи, сыночек, засыпай,
Завтра рано нам вставать – рожь поспела, надо жать.
Я тебя с собой возьму, на снопочке уложу.
А как солнышко взойдет, братец Ванюшка придёт,
Братец Ванюшка придёт, нам позавтракать принесет.

Вот еще одна колыбельная:

А баю, баю, баю,
Живет барин на краю,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят,
Кашка масляная,
Ложка крашенная.
Ложка гнется,
Нос трясется,
Сердце радуется.

Своих детей у Марии Алексеевны нет, но она много жила по людям в годы последней мировой войны.

Мария Алексеевна живет одна, много рукодельничает: вяжет крючком ажурные воротнички на платье, накидки на кровати и на подушки, вяжет из старых тряпочек небольшие прикроватные яркие коврики, придумывая сама им форму, например в виде ромашки, так как круглые и овальные – уже привычно.

И вот снова звучат песни, теперь игровые:

Туки-туки под окном,
Едет Фомка с толокном.
– Куда, Фомка, едешь?
Куда погоняешь?
– Сено косить.
– Куда тебе сено?
– Коровушек кормить.
– Куда тебе коровушки?
– Ребятишек поить.
– Куда тебе дети?
– Желуди собирать.
– Куда тебе желуди?
– Свиной кормить.
– Куда тебе свины?
– Норы копать.
– Куда тебе норы?
– Бочки катать.
– Куда тебе бочки?
– Пиво варить.
– Куда тебе пиво?
– Сына женить.

Или поет:

– А мы просо сеяли, сеяли,
Ходит ладо сеяли, сеяли.
– А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ходит ладо вытопчем, вытопчем.
– А мы коней выпустим, выпустим,
Ходит ладо выпустим, выпустим.
– А мы коней в плен возьмем, в плен возьмем,
Ходит ладо в плен возьмем, в плен возьмем.

– А мы коней выкупим, выкупим,
Ходит ладо выкупим, выкупим.
– А чем же вам выкупить, выкупить,
Ходит ладо выкупить, выкупить?
– А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ходит ладо сто рублей, сто рублей.
– Нам не надо тысяча, тысяча,
Ходит ладо тысяча, тысяча.
– А чего ж вам надобно, надобно,
Ходит ладо надобно, надобно?
– А нам надо девицу, девицу,
Ходит ладо девицу, девицу.
– А како ж вам девицу, девицу,
Ходит ладо девицу, девицу?
– А нам надо Машеньку, Машеньку,
Ходит ладо Машеньку, Машеньку.
– Открывайтесь, воротцы, воротцы,
Ходит ладо воротцы, воротцы,
Принимайте девушку, девушку,
Ходит ладо девушку, девушку.
– В нашем полку прибыло, прибыло,
Ходит ладо прибыло, прибыло.
– В нашем полку убыло, убыло,
Ходит ладо убыло, убыло.
– В нашем полку скачется, скачется,
Ходит ладо скачется, скачется.
– В нашем полку плачется, плачется,
Ходит ладо плачется, плачется.
– В нашем полку пиво пьют, пиво пьют,
Ходит ладо пиво пьют, пиво пьют.
– В нашем полку слезы льют, слезы льют,
Ходит ладо слезы льют, слезы льют.

А дальше идет рассказ о том, как играли в эту игру, как ходили стенка на стенку и пели. Веселая игра была.

От Завириной записана и такая веснянка:

Ах вы, сени, мои сени,
Запирайтесь поскорей.
Это первый дождь весенний,
Застучался у дверей.

Дождик, дождик, приударь,
 Чтоб взошла на поле ярь,
 Дождик, дождик, припусти,
 Чтобы хлебушку расти.
 Дождик, лейся грядкам в рот,
 Поливай наш огород.
 У земли сто почек в брюхе –
 Не напьется – быть засухе.
 Кричит туче Ванин голос:
 – Дождик, лейся, как ручей,
 Рожь взойдет, поднимет колос,
 Спрячет Ваню до плечей.

Этот текст поется Марьей Алексеевной как народный, хотя в нем заметны следы литературной обработки. Однако скажем, все, что исполняет певица, она всегда брала только с голоса. В ее репертуаре есть и романсы, и духовные стихи, и былички.

Марья Алексеевна говорит:

– Сидишь вечером у окна, возьмешь балалайку, да и запоешь сама себе.

Беседы с певицей длились в течение недели, и каждый день приносили новые записи.

Коренная жительница деревни Взвзд Старорусского района Нина Ивановна Михеева помнит рекрутские частушки, которые пели парни, когда уходили в армию (запись 1998 года):

Ловати-то реки поили коней-то рыбаки,
 А белогривого коня поила вербинка моя.
 Остались на Ловати огонечки-то гореть.
 А там остались-то девчоночки по нам плакать и реветь.

Я по этой-то по деревенке пойду-то последний раз.
 А неужели-то расхорошая напиться не подаст?

Та скажи, родима маменька, кому ты рубашку шьешь?
 Она заплакала-то, сказала: «Ты в солдатухи пойдешь».

Посмотри-ка, родима маменька, в переднее окно,
 А не твое ли то милое деточко забритое пошло?

Я под мерку становился, мерка-то поднималась.
 Моя кудринка-то зарыдала, мама засмеялась.

Я под мерку-то становился, мерку поднял головой,
Моя кудринка-то зарыдала пуще маменьки родной.

А нас сдавали-то, браковали в большом каменном дому.
А мои русые-то волоски оставались на полу.

А мой кудринка-то* пробирался березняшком-то реденьким.
А я приду – она обнимет ручкам своим беленьким.
А я к девчоночке-то ходил, тропинку ямочкам-то набил,
Набил до желтого песка, но не добился не разка.

От Михеевой же были записаны частушки на местные темы, исполняемые на две партии – мужскую и женскую.

Женская:

Дорога моя подружка,
Твой залётка лётает.
А мой залётка рыбу ловит –
Больше заработает.

Мой залётка рыболов,
А я рыболовочка.
Поедем рыбу мы ловить,
В Чертицкое озёрчко.

Что ты, Игорь, Игорёчек?
У тебя печальный вид:
На бок сбитые ботинки
И платок бабин покрыт.

Мужская:

Михеева ты Нина,
Бывшая Липатова,
Тебя один слепень кусил,
Ты и то заплакала.

Последние две частушки Нина Ивановна прокомментировала: «На поэне были (с мужем). Игорь, покойничек, значит. Я стою на стогу, а он подавал. Он в ботиночках все в кривых (стоптанных) ходил. Жарко было. И покрыт платок [женский] у его [на голове]. Я и пою песню, сочиняю с ходу, тогда под вдохновение. А он мне в ответ сразу поет».

* Кудринка – возлюбленный, возлюбленная.

История и фольклор в селах Новгородчины

История бытования фольклорной традиции в различных местах Новгородской области примерно одинакова, так как на неё влияли общие тенденции развития, направленные на разрушение прежнего уклада жизни. В фольклорной культуре это, прежде всего, проявилось в том, что исчез или оказался «размыт» ряд наиболее древних жанров, а также в том, что возникли новые по содержанию тексты, функционально заменяющие старые. Правда, фольклорная традиция в каждой конкретной местности всегда оставалась своя, особая.

Старорусский район. Село Взвзд

Какие изменения произошли в новгородской деревне к концу XX столетия, можно хорошо представить по «Дневнику экспедиции», который велся В. И. Жекулиной в период экспедиции в июне 1979 года в Старорусском и Новгородском районах. В это время в Старорусском районе были обследованы села Устрека, Взвзд, Чертицко. Через двадцать лет экспедиция 1998 года повторила тот же маршрут.

Вначале обратимся к исследованию В. А. Пылаева 1929 года «Старорусский край. Природа и население». В нем содержится подробное описание быта и культуры жителей края, в частности, перемены, произошедшие в вечернем отдыхе молодёжи. Приведем значительную цитату из названного сочинения. «Чтобы веселее шла работа, пряжа, вязанье и др., исстари заведено собираться по вечерам к огоньку по очереди на посидки (которые в Новгородской области имеют и другие названия, например посидки, вечерки, вечорки, посиделки, беседы, сэпрядки). Ждёт не дож-

дётся этой поры молодёжь. Весело за работой проходило время. Посреди избы ставился светец, кто-нибудь переменял лучину, а кругом, по стенкам, рассказывались, каждый со своей работой, – девушки прядут, парни плетут лапти или вяжут сети. Звонко заводил запевало песню, а после начинались загадки, шутки, прибаутки, пословицы и веселей работалось. Здесь-то и родилось много задушевных, хороших песен о горе и радостях жизни крестьянской. Обычно поседки начинались с Михайлова дня 8 по старому стилю, или 21 ноября по новому стилю, и шли до масленицы. Только последние десятилетия характер поседок, или «супрядок», изменился. Под гармоньку начинаются пляски, песни, частушки, а вместе с этим и угощения. И так – изо дня в день. Таким образом среди веселья молодёжь отвыкает и от работы, и от семейной мирной жизни. Разоряется и крестьянское хозяйство нерасчетливыми угощениями и неумеренными удовольствиями. А местами развито на таких супрядках буйство, драки, так что в редкой деревне не бывали раненые и даже убитые.

Нравы населения вообще грубы и дики. Дерутся спьяна, дерутся из-за задора, дерутся из-за девиц, одним словом всегда найдётся повод для драки. Деревня идёт на деревню. В ход пускаются колья, ножи, кинжалы, а во время войны, когда в деревне появились револьверы и огнестрельное оружие, пускали в ход и винтовки и револьверы. Порезанные, побитые, с раскроёнными черепами люди старались впоследствии отомстить своим обидчикам, и так являлись нескончаемые поводы для драк.

Меня били, колотили –
В три кола, четыре гири.
Я, мальчишка не бежал,
С кармана ножик вынимал, –

говорится в одной местной частушке. И это горькая правда. И убитых много. Убийства тайные, явные, в драке в 1920–1922 гг. были особенно распространены. Тогда крестьяне, почти поголовно, принялись за выгонку самогонки. Распустившаяся и озверевшая под влиянием многолетней войны, деревенская молодёжь сильно опустилась. В 1922 году за время только от 19 декабря до 20 января было 37 человек убитых. Вообще в годы войны количество убитых на супрядках и праздничных возросло. Характерны для пьяной, буйной молодежи частушки, которые распевали по деревням. В них с особой силой высказывалась потеря всякого доброго чувства, озверение, искание крови, и этим похваляются разошедшиеся пьяные молодцы. Как образец этой ужасной вакханалии могут служить взятые наудачу частушки:

Мы без ножигов не ходим,
 Без кинжалов никогда,
 За наганы нет суда.

Или

Зарезали братуху,
 Всё равно я ворочу.
 Попадёт ко мне навстречу,
 Я кинжалом закачу.

Или

Попадётся супротивник,
 На узенькой дороженьке,
 Закачу двулезный ножик,
 Он протянет ноженьки.

А ещё раньше 1922 года были деревни, в буквальном смысле занимавшиеся грабежами, нападавшие целыми шайками. Зато и расправы с грабителями были кровавы. Вообще за старорусцами идет нехорошая слава драчунов, забияк. По-видимому, и спокойные, и хорошие люди, а в задоре готовы на все... Так повелось истари, а самогонка только усилила зло».

Так пишет о старорусских деревнях и нравах 20-х годов Пылаев. Тяжелый путь прошла русская деревня. Однако надо сказать, что фольклорная культура не свелась в конце концов к частушкам «под драку», о которых говорил в своей книге В. А. Пылаев. Вглядимся более подробно в историю Приильменского села Взвяд.

Старинное село Взвяд известно с XII века. Оно упоминалось в летописях как княжеская волость, «богатая охотой на водоплавающую дичь», известно оно и тем, что «князья гнали зверя» в этих местах. Взвяд расположен на берегу озера Ильмень при впадении в него реки Ловать. Издавна здесь жили лодманы, хорошо владевшие своим искусством, водившие суда вверх по течению реки, для чего специально держали лошадей.

История села Взвяд своеобразна и в то же время напоминает истории многих сел. Об истории новгородского Приильменя рассказывается подробно в книге Л. А. Секретарь и Л. А. Филипповой «По Приильменью» (Л., 1991). Русская деревня прошла через нелёгкие испытания: годы коллективизации, войну, послевоенную нищету; всегда страстно желавшая жить по-человечески, теперь она переживает ещё и перестройку.

Погост Взвяд – древнее название поселения, произошедшее от глагола «возводить» – «проводить вверх по течению» (о судах), то есть совершать «взвяд». Через реку Ловать и озеро Ильмень проходил старинный путь «из варяг в греки». Основным занятием жителей было ры-

боловство. Удобное географическое положение Взвада способствовало его развитию как крупного торгового и рыбопромыслового поселения. Здесь в XVI веке торговали не только русские купцы, но и иноземные.

С начала XVII века развитие села прекращается в связи с моровым поветрием, о котором писал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. Он отмечал, что Взвад пришёл в запустение «люди померли в моровое поветрие, а иные побиты от немецких и литовских людей» в период польско-литовской интервенции.

Были и другие исторические события, а также частые наводнения, не позволявшие Взваду подняться до высокого экономического уровня развития. О весеннем наводнении 1903 года писали в «Вестнике Новгородского земства»: «Мы живем, как среди Ледовитого океана: кругом вода. И ждём ежечасно, когда нам лёд поломает все постройки. 27 марта сломало двухэтажный дом. А 28 марта сломало несколько мережных бань. По площади катаются на лодках и челноках. Настоящая Венеция, только горькая и непоэтическая». Дома на улицах села располагались близко один к другому, потому что места было очень мало, ибо Взвад находится на острове. Местные жители шутили: «Можно было из дома в дом на ухвате пироги подать, угостить соседа в окошке».

В 1908 году вышла небольшая книга «Взвад», написанная графом Павлом Шереметьевым. Страстный любитель охоты, он писал со знанием дела: «Лучшая охота на Взваде – весенний пролёт гусей. Летом охотятся на бекасов и уток. Бекасов так много, что можно ходить без собаки». Граф в этом селе имел дом и охотничьи угодья, держал собственных егерей.

Во Взваде мы столкнулись с редким случаем. В селе с любовью организован небольшой музей, рассказывающий об истории села. Местные жители помнят прошлое, любят о нём вспоминать. Так, Нина Фроловна Михеева рассказала о том, что «Взвад славился», в частности тем, что из Петербурга «сюда приезжали князья на охоту» и останавливались у её бабушки Ивана Михеевича Михеева. Рассказчица показала фотографию и прокомментировала: «Князь Николай Михалыч приезжал, это брат царя. Он любил уток бить. Дарственная была у Николая-то. Дедушке подарена». Великий князь запечатлён на фотографии с охотничьими трофеями рядом со своим егерем Васей. Нина Фроловна продолжила: «Из Взвада потом ездили на Вешку. Это озёрко так называется, что в десяти километрах в сторону Парфино (районный центр), и там охотились». На другой фотографии – дом бабушки с надписью «квартира смотрителя Ильменской охоты». Она вспоминает, что в последнюю войну был разрушен дом, где жили князья, что в 1937 году начали разрушать церковь:

«Разобрали верх (купол), сделали танцплощадку (клуб). Здесь в первый класс я ходила, была школа в ней. А потом, после войны мы приехали, она так и стояла – половина колокольни пробитая... Два трактора под церковь подвели, стену было не повалить. В 1971 году клуб открыли», – закончила повествование Нина Фроловна.

В ноябре 1917 года на месте княжеской усадьбы был образован Взвадский сельский совет. С октября 1929 года создан колхоз «Красный рыбак», первым председателем которого стал Гоголь Иван Васильевич. Колхозные рыбаки ловили рыбу в основном на вёсельных лодках, как в старину. Лишь перед войной колхоз приобрёл катер «Ударник», который буксировал невод в озеро. Колхоз ныне уже не существует, ибо работы по организации рыбной ловли с началом периода перестройки взяты в частные руки. Местным жителям, правда, от этого не стало легче, ибо заработков нет, да и рыба ловится всё хуже в связи с ухудшающейся экологической обстановкой.

В годы войны ушли защищать Родину 253 жителя села, вернулись лишь 151. С момента освобождения (февраль 1944 года) в разорённом селе снова взялись за строительство вёсельных лодок и вязание сетей. Жизнь налаживалась, но очень медленно. После войны возобновилась в селе и «фольклорная» жизнь. Снова, как и в прежние, ещё дореволюционные времена, жители села приходили отдохнуть на вечерки, проходившие то в одном, то в другом доме. На вечерках пели песни, водили хороводы, играли. Ещё в конце семидесятых годов молодые женщины вспоминали, что они детьми тоже были на этих вечерках и слышали «Розочку алую» и «Сведи, маменка, в хоровод гулять».

В «Дневнике экспедиции» 1979 года читаем о том, что «по инициативе библиотекаря Рыбаковой Раисы Фёдоровны и председателя колхоза Масловой Галины Антоновны в 1967 году был организован фольклорный хор, в составе которого были и пожилые люди, старшей из них, Ивановой Ольге Ивановне, было 77 лет, а молодым, ученицам 10 класса школы, – по 16 лет. Всего в хоре пели 35 человек. Хор исполнял местные старинные взвадские песни, затем в его репертуар вошли песни новгородского композитора Никитина “Город над Ильменем” и учителя школы самодеятельного композитора Эдуарда Павловича Турмана “Взвадский вальс”».

В конце 70-х годов остался лишь основной состав хора из семи человек, которые, по словам самих исполнителей, пели «только для себя на вечерках, да и то теперь в одиночку стали петь-то». Вечерки стали отходить в прошлое. Пожилые женщины стали ходить на спевки всё неохотнее, а молодежь вечерки в прежнем их виде не устраивали. Правда, в это время в хор ходили три ученицы 10 класса, которые учились

петь старинные песни. Пожилые женщины вспоминали, что с «долгими» песнями ходили по своей деревне во время праздников: «Пройдём раз-другой да и пойдём в Чартицко (деревня, находившаяся в 5 километрах), так там все рты разинут. Они там не пели. Но мы не любили туда ходить. Лучше у себя пели, ходили да пели. И хороводы водили, все так и разыгрывали: сын ходит крестьянский, дворяночку выбирает, потом мещаночку, а нужна-то дочь крестьянская, колхозница (иронизировала рассказчица). А потом в конце песни и целуются парень с девушкой».

Хороводную песню «Сведи, маменка, в хоровод гулять...» во Взваде помнят до сих пор:

– Сведи, маменка,
В хоровод гулять,
В хоровод гулять,
Невест выбирать.

– Выбери-ка, ты,
Добрый молодец,
Самолучшую
Дочь – крестьяночку.

– Выбери-ка ты,
Добрый молодец,
Саму лучшую
Дочь – мещаночку.

Дочь – крестьяночка
Выходила к нам,
Выходила к нам,
Говорила нам:

Дочь – мещаночка
Выходила к нам,
Выходила к нам,
Говорила нам:

– Добрый молодец,
Я жена тебе,
Твоему дому
Я хозяйюшка,
Белым рученькам
Я заменушка.

– Добрый молодец,
Не жена тебе,
Твоему дому
Не хозяйюшка,
Добрым рученькам
Не заменушка.

– Родна маменка,
Я женат хожу,
Я женат хожу
С моей милюю.

– Сведи, маменка,
В хоровод гулять,
В хоровод гулять,
Невест выбирать.

Где ни встретимся –
Там обнимемся,
Где ни сойдемся –
Поцелуемся.

На вечерках танцевали и кадрили. Репертуар хора села Взвад включал в себя такие старинные песни, как «Ты воспой, воспой, жавороно-

чек», «Вспомни, вспомни, мой хороший», «Снеги белые», «Не стучало, не гремело – сын дворянский выезжал», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу». Всего было записано одиннадцать песен. Эти песни ещё помнятся.

В 1998 году лирическая протяжная песня «Снеги белые» была записана от Н. И. Михеевой.

Снеги белы... снеги белы да пушистые
Призакрыли... ой, призакрыли все поле.
Одно поле... одно поле не закрыли
Горе лю... ой, горе лютое моё.
Ой, на кого... ой, на кого горе напало
Ой, на меня... ой, на меня на молоду.

Взвяд в фольклорном смысле выглядит исключением, поскольку в деревнях, расположенных, подобно ему, вблизи озера Ильмень, песенные фольклорные традиции часто почти совсем отсутствуют. Ещё в 60-е годы фольклористы узнали от информаторов, родившихся в начале века, то есть в 1900–1905 годах, о том, что, например, в поселке Рабочая слободка, расположенном в пяти километрах от города Старая Русса, в 20-е годы никаких свадебных обрядов не существовало. Их забыли как и календарные обряды.

«Какие там обряды да наговоры – перекрестили скотину да в поле», – говорила в 1979 году семидесятидевятiletняя Александра Алексеевна Тимофеева, жительница Рабочей слободки, родившаяся во Взваде. Она рассказывала о том, что вся её юность прошла «у рыбы». Работала вместе с отцом: «Бывало, как затрепещет в сетях, как ухнет хвостом! Рыбы-то было! На Полисти (река в городе Старая Русса) каждый день рыбные базары на берегу были. И мы ловили по 40 пудов и продавали судаков, лещей, щук. Теперь и рыбы-то не стало. Дочка вон какую-то саблю (вид морской рыбы) принесла из Руссы. Да, что это за рыба. И рыбой-то не пахнет. А, бывало, уху сварить, вся янтарём подёрнется». А. А. Тимофеева говорила о том, что в рыбацких семьях мало песенниц: «Некогда было в хороводы ходить, работали тяжело». А на посиделки родители отпускали «с делом – сети вязать».

Но Тимофеева родом из села, где фольклорные традиции существовали, поэтому она вспоминала, что водили хороводы и пели песню «Шестьдесят четвёртый год, припечалился народ», которую пересказала, пели и коротенькие, так называют здесь частушки, две из которых вспомнила, да и то не полностью:

Топну я,	Или:	Солома не пиlena,
И притопну я,		Дрова рубленые.
Съела окуня сырого		Ай ли, ай люли,
И не лопнула.		Дрова рубленые.

Кстати, Александра Алексеевна наотрез отказалась записываться на магнитофон, сказав: «Слушай так да и запоминай». Отказ от записи на магнитофон – явление, встречающееся до настоящего времени, равно как и отказ от записи вообще. У верующих людей это бывает связано с тем, что техника записи и воспроизведения голоса воспринимается как нечистое, как дьявольские козни, хотя об этом они не говорят, чаще ничем не мотивируя отказ. Отказ от разговора под любую запись, в том числе и ручную, бывает связан со страхом информатора, что он «проговорится» и скажет что-нибудь такое, что может ему повредить в жизни. Память деревенских жителей упорно хранит воспоминания о советских временах доносов, когда неосторожно оброненное слово могло резко изменить или разрушить жизнь.

Рабочая слободка – поселение, сформировавшееся в 20-е годы из людей, съезжавшихся на заработки, поэтому своего коренного «слободского» репертуара не существовало. В 70-е годы в слободке жили в основном мелиораторы. Но вот в деревне Чартицко, что в пяти километрах от Взвада, население коренное, занимающееся традиционно рыбной ловлей, не знало и не знает, как это дополнительно подтвердила и экспедиция 1998 года, песен, бытующих во Взваде. В 1979 году, однако, удалось записать женщину, которая помнила то, что пела ещё её бабушка. Это Анна Александровна Тетюшина, 1904 года рождения. Она хорошо помнила баллады «Как поехал князь Михайло» и «Во Старой Руссе жила вдовушка», а также духовный стих об убогом Лазаре.

Песня, которую Тимофеева из Рабочей слободки не могла вспомнить, записывалась в этом регионе в вариантах, что подтверждало ее бытование. Приведем два текста. Первый из них записан в Парфинском районе от Евсеева А.В., 1900 года рождения:

Шестьдесят четвертый год – припечалился народ.
 Закричали во весь рот: «Собирай народ на сход!»
 Собралось народу тесно во присутственное место.
 Выезжает Воронцов для исправности делов,
 Для исправности делов, для подъема жеребьев.
 Жеребьи-то поднимали – отцы плакали, рыдали.
 Нам не плакать, не тужить – царю белому служить,
 Послужить было царю за Россию свою.

Расея, Расея, Расейская земля,
За тебя, моя Расеюшка, слава пошла
Широко, далеко до белого царя,
До белого царя, до Платона-казака.
А Платон-казак палил – выше лесу дым валил,
Выше лесу, выше ели далеко пули летели,
Через синие моря на улоски острова.
Чуть завизжу во дыму – Воронцов гулял в полку,
Воронцов гулял полку, курил трубку табаку.
Он не для того курил, чтобы пьяному быть,
Чтобы пьяному быть, посмелее поступить,
Посмелее, повеселе французу голову срубить.
Француз голову повесил, слезы потекли.
Из этой слезы сошьем царю венец.
И нашей песне конец.

Второй записан от Базаровой Е. К., 1892 года рождения, в Старорусском районе:

Шестьдесят четвертый год, припечалился народ,
Да припечалился народ, царь записочку пришлет,
Царь записочку такую, про солдатчину большую,
Про солдатчину большую.
Как назначены дела про великого царя.
У великого царя главно дело – писаря,
Писаря ночи не спали, свое дело исправляли.
Утром рано во весь рот,
Утром рано во весь рот собирай народ на сход.
Собралось народу тесно,
Собралось народу тесно во присутственное место,
Приезжает Соловьев,
Приезжает Соловьев для таких больших делов,
Для набору рекрутов,
Для набору рекрутов...

Исполнительница забыла полный текст песни. Заметно, что произвольно изменен ритм. Песня имеет плясовой ритм, ее исполняли, когда «ходили в кружках», по словам жительницы деревни Заднее Поле Е. К. Базаровой, которая называет песню «игровой». Но это песня не плясовая, игровая, а скорее историческая.

В начале 70-х годов удалось ещё записать столь редкий жанр. Песня сопоставима по сюжету и главным героям с историческими песнями о войне с Наполеоном, имевшими также плясовой или, скорее, шаговый ритм. Их было возможно петь солдатам в походе. Данный текст можно сравнить с известной песней «Платов у французов», опубликованной в книге «Исторические песни» (М., 1986). Вот ее начало:

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя
Про Платова-казака...

Или вот начало варианта этой же песни, опубликованного в книге «Старинные исторические песни» (М., 1971):

Ты Россия, ты Россия,
Ты Российская земля,
Много крови пролила,
Много силы забрала!
Платов-казак воин был...

Сравним с нашим текстом:

Расея, Расея, Расейская земля,
За тебя, моя Расеюшка, слава пошла
Широко, далеко до белого царя,
До белого царя, до Платона-казака...

Интересно, что в варианте, записанном в деревне Тополёво, герои ее – участники иных событий. Платон-казак – атаман донских казаков, генерал от кавалерии, граф Платов Матвей Иванович, а Воронцов – светлейший князь, генерал-фельдмаршал Воронцов Михаил Семёнович. Оба они прославились в Отечественной войне 1812 года. В 1864 году их уже не было в живых. Но в народном восприятии они остались «героями всех времён», символами славных побед русской армии. В тексте песни «Шестьдесят четвёртый год...» свободно совместились разные исторические факты, ибо главная прямая задача – поднять патриотический и героический дух новобранцев:

Нам не плакать, не тужить –
Царю белому служить, –

пели на Новгородчине.

В конце 90-х уже не удастся записать этот текст. Можно предположить, что песня эта уже забыта.

Немецкий фольклор

История существования народной культуры Новгородской области интересна ещё и тем, что она отражает особенности бытования фольклора других народов в русскоязычной среде. Издавна на территории области в Мошенском, Боровическом, Новгородском районах проживали люди разных национальностей: финны, эстонцы, немцы. Эти народы принесли с собой свой жизненный уклад, традиции и сохраняли их. В Мошенском районе старожилы деревни Слоптово до сих пор помнят, как ещё в начале века неподалёку находилось финское поселение, которого теперь нет. Они с уважением говорят о том, что там жили спокойные, уравновешенные люди, которые аккуратно вели свое хозяйство. Проблема существования национального фольклора в многонациональной среде, несомненно, требует специального исследования. Материалы, хранящиеся в архиве НовГУ, позволяют сделать лишь некоторые предварительные выводы.

Ещё во времена правления императрицы Екатерины Великой на нынешней территории Новгородской области были организованы немецкие поселения. Под Новгородом размещалась Ново-Николаевская колония. Во время Великой Отечественной войны население её принудительно эвакуировалось на Урал и в Казахстан. Но после победы многие вернулись к своим разорённым гнёздам. Несмотря ни на что, в памяти этих людей разных возрастов сохранялись песни, которые пели их бабушки. Так, например, Бендер Мария Фёдоровна и Штрейс Христина Фёдоровна, 1914 года рождения, Шефер Елизавета Егоровна, 1928 года рождения, и Пауль Елизавета Ивановна, 1939 года рождения, проживавшие в деревне Ермолино Новгородского района, исполняли немецкие песни, среди которых были детские, шуточные или для пения на вечеринках, где собиралась молодёжь разных национальностей. Важно и то, что дети в этих семьях с раннего возраста получали представление о культуре и традициях своего народа. Правда, язык, на котором говорили эти люди, отличался от языка немцев, живущих в Германии. Материалы в архив были представлены внучкой Елизаветы Ивановны Ольгой Пауль, ныне проживающей в Германии.

Детская песенка:

Trosel, Trosel, Trilze
 Der Bauer hat ein Vielze.
 Das Vielze kann nicht laufe,
 Der Bauer wolst verkaufen.
 Hob, Hob, Hob!
 Das Vielze lauft kalop,
 Lauft kalop in einem Fort,
 Und dann sind wir schneller dort.

Перевод:

Тросель, тросель, трильче
 У строителя есть лошадка.
 Не может бежать лошадка,
 Строитель продать её хочет.
 Гоп, гоп, гоп!
 Лошадка бежит бегом,
 Бежит бегом она вдаль,
 Скоро мы будем там.

Песенку эту мать пела малышу при ходьбе, ребенок при этом подпрыгивал. Но могли её петь и сами дети, бегая по кругу, или родители, посадив ребёнка на колени, изображая езду на коне.

Следующая песенка – Рождественская, напоминающая русские колядки:

Ich bin ein kleiner Keinich,
 Gib mir nicht zu wehnig,
 Zast mich nicht so lang da stehen,
 Ich muß noch weiter gehen.

Я – маленький ангелок,
 Дайте мне не мало,
 Но не задерживайте меня так долго,
 Мне нужно дальше идти ещё.

Сохранилась в памяти М. Ф. Бендер немецкая пословица:

«Der Morgenstund ist Gold und Mund: wer die ferschlöft, der geht so grund», которая в дословном переводе на русский язык звучит так: «Утренний час – золото и еда, кто проспит, тот скатится вниз». Возможен и такой перевод: «Кто проспит утра час, тот потеряет золото и еду». Это соответствует классической русской пословице: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт».

Вот шуточная песенка:

Sie hat ein paar Schuhler an
 Und hat kein Schnieler tran.
 Хорошо! Хорошо!
 Er kann sie nemmen,
 Und kann sich schehmen.
 Хорошо! Хорошо!
 Sie hat ein Kofte an,
 Und hat kein Knöpfen tran.
 Хорошо! Хорошо!
 Er kann sie nemmen,

Перевод:

У нее ботиночки
 И нет на них шнурков.
 Хорошо! Хорошо!
 Он может брать её в жены,
 Стыдиться за неё он может.
 Хорошо! Хорошо!
 У нее есть кофточка,
 Пуговиц нет на ней.
 Хорошо! Хорошо!
 Он может брать её в жены,

Und kann sich schehmen.
Хорошо! Хорошо!

Стыдиться за неё он может.
Хорошо! Хорошо!

Песня интересна тем, что в немецком тексте присутствуют русские слова, своеобразно дополняющие смысл и таким образом вводящие её в русскоязычную среду, где она и исполнялась.

«Эта песня пелась на вечеринках», – сказала о ней Е. Е. Шефер:

Und wann ich auf Tanzbal gehen
Vater und Mutter sol nicht wissen
Und darum wein ich sehr.
Ach Mutter! Ach Mutter!
Ich spiere die Schmerzen
Auf meinem junge, junge,
Junge Herze.
Jetzt wart die Mädchen
auf Tanzbal gehen,
Und ich muß um der Wiege stehe
Die Wiege macht Knieg-Knag,
Schläft mein lieber Sond.

Если я на бал пойду,
То отец и мать не должны об этом знать,
Но зато после этого я очень плачу.
Ах, мама! Ах, мама!
Я чувствую боль
В моём молодом, молодом,
Молодом сердце.
Погодите, девушки, ходить
на танцы,
Я должна у колыбели стоять,
А колыбель поёт: книг-кнаг,
Спи, мой любимый сыночек.

Песня похожа на русские бытовые песни, в которых повествуется о несчастной любви.

Изучение иноязычного фольклора в русской бытовой среде остаётся актуальной научной задачей. Для этого требуются дополнительные изыскания исторического, этнографического, музыковедческого и фольклористического характера.

Рассказы Александра Ивановича Гармонщикова

В Новгородской области до сих пор выявляются интересные рассказы. Один из таких – Александр Иванович Гармонщикова, житель деревни Лесколово Шимского района (35 километров от озера Ильмень). Он оставил несколько тетрадей воспоминаний, свидетельствующих о жизни деревни в первые годы советской власти. Рассказчик живо рисует быт и взаимоотношения людей, часто создает юмористические портреты односельчан и своих друзей, удачно и ярко характеризует особенности своего времени. Эти истории включают пересказ легенды о Николе и Кась-

яне, пословицы, в них ярко и живописно представлена среда, в которой бытует фольклор. Приведем два рассказа Гармонщикова.

Стилистика и орфография, по возможности, соблюдены авторские. Рукописный текст содержит много местных диалектных слов и выражений, некоторые из них пояснены в скобках внутри текста. Названия рассказов даны автором.

На Ильменское озеро, за рыбой

В начале двадцатых годов того времени в деревне для молодежи никаких развлечений не было по линии политпросвета, таких, как клуб, изба-читальня, а о радио и телевизоре и понятия не имели. Все также справляли религиозные праздники, варили самогон, процветало пьянство, драки, поножовщина и картежная игра. Молодежь зимой устраивали супредки и вечеринки. У нас, в деревне Терebuни, в год праздновали два религиозных праздника. Один зимой 9 декабря – день Георгия Победоносца, а другой весной 22 мая – день Николаю Чудотворцу.

Не знаю, почему Николы празднуют два раза в год, летнему и зимнему. Но старики рассказывали, что есть такая легенда. Якобы Никола и Касьян шли вместе, и на дороге у мужичка в телеги сломалось колесо. Никола сказал: «Давай поможем мужичку». А Касьян ответил: «Не стоит мараться» и пошел дальше. А Никола стал помогать мужичку. А посему Николы чудотворцу празднуют два раза в год, весной и осенью. А Касьяну остудному празднуют в четыре года один раз – 29 февраля в високосный год.

Вот подходит праздник Егорьев день, самогонка у нас есть, нам привезли за починку гармони, а поскольку этот праздник бывает в посту Рождественском-то мясное и молочное не употребляется. Мы решили, что я пойду на Ильменское озеро и выменяю там рыбы. Но в тое время еще деньги не имели большого значения, а больше меняли вещь на вещь, а продукты на продукты. Общего эквивалента на товар и продукты не было. Вот я насыпал в шалгун (мешок – *О. Б.*) полпуда ржи, по теперешнему 8 кг, а рыбу меняли килограмм за килограмм.

Погода стояла сухая и ясная, был мороз, но снег еще не выпал, и дорогой было идти хорошо, а подобувше (обут – *О. Б.*) я был в поршеньки (простая легкая мужская и женская рабочая обувь – *О. Б.*) и ногам идти было легко.

Вышел я из дому еще в потёмках, дорога предстояла длинная, от нас до Ильменя более 35 км. Но есть народная пословица, что долгие мысли сокращают долгие дороги, а долгие дороги всегда сокращают долгие

мысли. И к обеду я уже был в Ильмени. Но на мою неудачу, хорошей рыбы – судачка или барканничка (так называли рыбу – окуня в возрасте одного года – *О. Б.*) не случилось. Мне рыбаки предложили:

– А ты, паренек, переночуй, утром завтра у нас будет улов, будут и судачки.

Но ночевать мне не хотелось, к утрею (утру – *О. Б.*) я рассчитывал уже быть дома. Завтра праздник, и я должен быть дома, и я не послушал рыбаков, и выменял окуней и плотвы, и сразу пустился в обратный путь. Зимой в декабре дни короткие, и как я ни нажимал, но на половине дороги меня застигла темнота, а к тому же навалился какой-то густой туман, и вовсе стало не видно дороги. И я рад, что добрался до деревушки, и решил попроситься ночевать. В первой же избы, где мелькает огонек, я постучался в ворота. Женский голос спросил меня:

– Кто там, чего надо?

– Тетя, пусти переночевать, – спросился я.

– Хозяина дома нет, да и семья у нас большая. Не пущу, – ответила тетка. Я пошел к другой избе, где тоже мелькает огонек керосиновой лампы. Там тоже женщина, и она мне ответила:

– Мужа дома нет, а я одна, боюсь пустить.

Но я стал тетку упрашивать.

– Пусти, тетя, ведь ночлег с собой не носят.

Она спросила:

– А ты хоть кто будешь-то?

– Да я мальчишко, – ответил я.

– Ну, ладно, заходи уж, переночуй. Муж, наверное, сегодня не приедет, он до сих пор не приехал, так, наверное, где-нибудь опять кутит. Он у меня такой непутевый пьяница.

И тетка открыла мне ворота, потом бросила на пол постелю и армяк и спросила:

– Может, поесть хочешь?

Я не отказался, и тетка налила мне ладку (миску – *О. Б.*) похлебки, и я с удовольствием поел. Потом она еще спросила:

– А что ето ты несешь в шалгуне?

– Да я, тетя, ходил за рыбой на Ильменское озеро, у нас завтра праздник Егорьев день, так вот к празднику рыбешки выменял. Да вот видишь, и припоздал, а темень.

– Ну, ладно, ложись и отдыхай, – сказала тетка. Я разделся и лег в постелю под армяк. С усталости я быстро уснул. Не знаю, долго я спал, но вдруг сквозь сон услышал зычный голос, словно из трубы. Шум, гром и молнии. Это приехал хозяин и пьяный, бушует и кричит:

– Настя, выпрягай кобылу, все, что на возу убери и давай мне жрать. Тетка быстро вздувает огонь, достает с печки харчи и ставит на стол сковороду картошки и похлебку, и говорит.

– Ешь, Петра.

А сама уходит выпрягать кобылу. А я лежу не сплю, и не знаю, что делать, подняться или лежать. Но Петра сам увидел и стянул с меня армяк. И заорал, словно из домника:

– А это откуда ты есть, а ну вставай!

Я вскочил и от страха сел на лавку. Боже, что за Петра, черный, с черной бородищей, как лопата, шеища топором не перерубить, черная, жилистая, как старые гужи на хомуте. В черном полушубке опоясавше (опоясавшись, подвязавшись – *О. Б.*) красным кушаком, ручищи грязные, а кулачищи, словно пудовые гири, и кнут в руках. «Убьет», – мелькнуло у меня в голове. И бежать некуда и поздно. А Петра как трахнет кнутовищем по столу, так что сковорода подпрыгнула. Потом извлек из кармана полушубка черную, как ночь, бутылку, заткнутую паклей, да опять как трахнет на стол, ажно стол зашатался, и закричал. – Что нахохлился, садись за стол, пить будем, я тя проучу, как ночевать в людях, у чужих баб, – и достает из шкафишка большие, как лохани, две чашки, и наливает из бутылки две чашки себе и мне, и кричит на меня:

– Пей!

А я начинаю его упрашивать:

– Дядя Петра, я не пью, и истинно не могу пить.

А он кричит на меня, и мне нехотя приходится пить. Самогонка черная, подгоревше (подгоревшая – *О. Б.*) и пахнет черте знает чем, всяким птицам воняет. А Петра вылопал чашицу и стал хлебать похлебку. Он еще больше раскуражился, когда выпил таку чашицу, и кричит на меня:

– А ты кой черт не жрешь, и не допил, что брезгуешь, да и не закусываешь!

– Не могу, дядя Петя, – умоляю я его.

– А не можешь, а это что в мешку у тебя?! – закричал он, увидав мой шалгун с рыбой.

– Да рыбы, дядя Петра, я был на Ильменском озере и вот купил рыбы к праздничку.

– А, рыба к праздничку! А ну, покажи, что за рыба.

Я подаю ему шалгун с рыбой, он посмотрел рыбу и заорал на меня:

– Так ты будешь пить и жрать, а?

Я опять взмолился, что не могу пить и есть.

– А, не можешь!

Тогда Петра схватил со стола ладку с недоеденной похлебкой и вылил остатки в шалгун с рыбой, туда же полетели и остатки картошки из сковороды. А потом выпил еще самогона и заорал:

– Вот тебе, коли не хочешь, неси, дорогой сожрешь!

И Петра давай бушевать, со стола сковороды полетела на пол и зазвенела, а кнутом так и хлещет по столу и кричит:

– А, вы еще не знаете меня, так узнаете!

Я сию перепуган, не знаю, что и делать, главное я разувше (разувшись – *О. Б.*), в носках не побежишь. Не знаю, что было бы дальше, но тут вернулась хозяйка. Видимо, что и она его боится. Стоит, прислонившись к печке, и смотрит на Петру, как побитая собака, и мигает мне, чтобы я скорее уходил. Я схватил свои шалгуны, со всем там содержимым, пиджачок, шапку и поршни в охапку и в одних носках выскользнул на улицу, пока Петра там бушевал с хозяйкой.

И идти не знаю куда, настроение с перепугу собачье, но раздумывать некогда. Присмотрелся и увидел тропинку, вдоль частокола. Я стал по ней пробираться, отойдя подальше, обул поршни, одел пиджак. Идя по тропинке, я набрел на холодные строения. Всмотрелся и увидел гуменные ворота. Ощупал и обнаружил, что они не закрыты на замок. Вот идея, дождать (дождаться – *О. Б.*), когда поразвиднеет (станет видно, начнёт светать – *О. Б.*). Я без труда открыл гуменные ворота и вошел в гумно, и начал в потемках край стены (вдоль стены – *О. Б.*) двигаться, нащупывая вперед рукам, чтобы где-то присесть. И тут я наткнулся на лестницу и решил полезть вверх по лестницы. И наверху наткнулся на солому, которая сложена на жердях.

– Вот его добре, – подумал я.

А на соломы я наткнулся на зимние легковые саночки. И я прекрасно устроился в саночки, обложившись соломкой. Мне стало тепло и уютно, а рыбу устроил в головяшки саночек, чтобы она отекала. И я задремал.

Не знаю, долго ли я был в забытье. Вдруг услышал, что гумно открылось и осветило фонарем, и разговор мужской и женский. Ну, теперь попался, попал в ловушку, сам залез, и бежать некуда. Неужели это Петра с женой, ищут меня? Но проходит время, а меня никто не ищет. И не лезет по лестницы, а фонарь светит. Я приосмелел. И я захотел посмотреть, а кто же там, подался вперед и стал заглядывать, а солома-то скользкая, и санки заскользили вниз, и так все быстро, что мне и удержаться не за что. И я с санкам и лестницей полетел вниз, и с шелгуном, из которого содержимое разлетелось по гумну. Лестница одним концом ударилась в противоположную стену, чем и смягчила мое падение, не достав до полу. Шуму и грому наделал много. А

люди стремглав убежали из гумна, а женщина даже с визгом. Я тоже напугался не менее, чем и они, но спустился удачно, ушибов нет. Быстро схватил мешок и стал собирать рыбу. Теперь в рыбы не только похлебка и картошка, но солома и мякина, и я быстро выскользнул из гумна. Выбрался на дорогу и одумался, и мне самому стало смешно. Людей напугал и сам напугался. Побери бес и с рыбой, сколько невзгод перетерпел.

Стало уже светло, и я быстро зашагал, а до дому еще километров пятнадцать. И к обеду я уже был дома. Дорогой я старался отделить рыбу от всех других примесей, но следы остались. Мать, перебирая рыбу, заметила мне:

– Сашка, а чего это в рыбы мусор попадается, вроде соломы и пелов. Я отговаривался. Не буду же я говорить о своих приключениях.

– Да я, мама, рыбу брал из корзины последки, так не иначе это морская трава.

Но мать убедить не легко. Она видит, что это не морская трава, и она начинает причитывать:

– Господи, везде-то не слава богу! Да ведь, какой отец, такие и дети. Вот непутевые-то, – продолжает мать читать проповедь, уже батьке. А батько сидит за верстаком, молчит и как будто не слышит.

Приведем еще один рассказ, в котором колоритно представлено, как жители деревни воспринимали то новое, что появлялось в быту, например, радио или кино.

Деревня в 1923 – 1924 – 1925 годах

Во Вшелях у купца Холикова была шофа (контора – О. Б.), где раньше мужики нанимались к купцу трепать лен. Купец во время революции куда-то исчез, оставив двухжилный кирпичный дом, где у него в нижнем этаже была лавка, а в верхнем он жил с семьей. Осталась и шофа из красного кирпича. Теперь, где была лавка, приспособили для коопераций, а из шофы устроили клуб. Смастерили сцену, наделали длинных скамеек, и получился отличный сельский клуб. Этот клуб мог вместить более трехсот мест. Появилось и кинопередвижка. И вот состоялось *первое кино*. Сагитировали и стариков и старух посмотреть *туманные картинки*, как тогда называли их в деревни.

Старики и старухи расселись на первых скамейках. Многие разместились на подоконниках, так как окна невысоко от пола. Стекла окон

завешены соломенными матами. Тогда кино еще было немое, лишь можно было только прочесть на полотне, что говорят друг другу люди. Не помню, какая шла картина, но на огромном белом полотнище, появился огромный паровоз с составом вагонов. И вот тут не обошлось без приключений. Все бы обошлось без паники, но за кулисами устроили звук идущего состава, положили друг на друга два листа железа, и один человек, топая на этих листах, создает звук стучания вагонных колес, а другой дует в резиновый шланг и создает звук пыхтения паровоза, да еще к тому же раздаются свисток.

В первых рядах, где сидели старики и старухи, переполошились, подняли крик, визг, скамейки опрокинулись, и все бросились к двери. Одна старуха упала в дверях, а дверь-то узкая, и получилась пробка, так как на старуху навалились другие старухи и старики, и получилась куча мала. А с окон сорвали маты и стали прыгать с окон в бурьян и в крапиву, благо не высоко. Пытались уговорить образумить людей, но где там... Но кино прекратили. Особенно никто не пострадал, только многие окрапивились, да старуху увели под руки. Её малость помяли в дверях. Старуха ворчала на кого-то: «Нечистики, антихристы, анафемы несчастные», – ворчала бабка. И все старухи и старики разбежались, ворча, плюясь и ругаясь.

А осенью в сельсовет установили репродуктор-громкоговоритель. Председатель сельсовета Евсеев зазвал в сельсовет стариков послушать Москву. Когда раздался голос диктора: «Слушайте, слушайте, говорит Москва, станция имени Коминтерна», – мужики встрепенулись, повскакали с мест, замахали руками, и один за другим стали пробираться к двери. Они не верят, что говорят из Москвы. Особенно шумел больше всех дед Микула Меркушов: «Она ша (же – *О. Б.*), она, она всё нас обманывают. Она ша мужиков... Она ша... Они посажены в шкаф, и она ша... он там и орет». А дядя Федя Малов бубнит: «Гоу-бу... вестига (известно – *О. Б.*), мужика везде бу-бу обмачивают (обманывают – *О. Б.*)». Плюясь и рассуждая, мужики разошлись, так и не поверив, что это говорит Москва.

Пишу я об этом потому, что и сам вырос в деревни, и хорошо знаю деревенскую природу и деревенских людей, их честность, красоту и уродство. Знаю и всякие другие их поступки, беды и радости. И ничего удивительного нет, что люди родились в деревни и состарились, и за всю свою жизнь нигде не бывали, и не знали, кроме своей полосы да и скрыны своей, ничего.

Появился в деревни завклубом Шевардинский и библиотекарь и избач Мотыль (библиотека в то время называлась избой-читальней –

О. Б.). И мы молодежь охотно посещали клуб и даже участвовали в драмкружках, где играли современные пьески, например, «Поп, кулак, и самогонщик». В мое время поп, кулак и самогонщик считались врагами советской власти. Но все же культурно-просветительная работа велась слабо. А по старым традициям еще справляли религиозные праздники.

А деревня малость оклечетала (стала жить лучше – О. Б.), и у крестьянина появился хлебушко, а отсюда и вывод, что начало процветать самогоноварение. А раз появилась самогонка, то появилось и пьянство, хулиганство и поножовщина, особенно в летнее время, когда много религиозных праздников, и мало когда обходилось без жертв. Вот в зимнее время потише. Скоплялись на супредку девушки, пряли лен, а мы ребята приходили на супредку, садились и на полу, играли в карты в дурака. Заводили танцевать кадсель. Но зимние ночи длиннее, бывало что-либо и придумаем – унесем у девчат веретено с пряжей и из этих ниток сделаем длинную (нить – О. Б.) вроде веревки, привяжем ее к полену и прикрепим кому-нибудь к скобы в воротах, а сами где-либо засядем в отдалении и дергаем веревку, а полено стучит по воротам. А когда хозяин выйдет, мы стучать перестаем, как он в избу, так опять стук по воротам. <...>. Конечно, поступок этот не заслуживает одобрения, а скорее всево хулиганская выходка. Но тогда в деревни принимали такие выходки за шутки.

Летом, каждый год, приезжал на каникулы Петя, сын дяди Микулы. Божинкиного. Он учился в Ленинграде в инженерном училище. Он всегда захватывал с собой литературу, все больше небольшие пьески, того времени. Мы разучивали и ставили спектакли во Вшельском клубе, такие пьески, как «Комсомолец во флоте». А Мишка Петряков был портной и шил из бумаги матросскую форму и бескозырки с лентами. Не знаю, как мы играли, но публики всегда было полно. Конечно, мы доморощенные артисты, а не из Мариинского театра, но нам аплодировали. Ставили и такие пьески, как «Фома Бубнилов и Тереха Громилов». Публика смеялась. Играли и Чехова. Пьеса «Медведь». После спектакля скамейки убирали в зад (назад – О. Б.) к стене и заводили танцы. Танцевали большей частью кадсель под гармонь. Культурных танцев в деревни еще не знали, такие, как вальс, краковяк, коробочка, тустеп и подиспань мало кто умел – только из числа инцилинеций (интеллигенции – О. Б.), учительки, да городские, прехавше (приехавшие – О. Б.) в деревню на дачу на лето. На сцене стояла рояль, ранее принадлежащая кому-то из купечества. Но играть на пианино было некому.

Иванова Екатерина Ивановна

(материал предоставлен Фарафоновой И. П.)

Летом 2001 года в архив НовГУ поступили фольклорные материалы от учителя дополнительного образования школы № 14 Фарафоновой Инны Петровны. Часть материалов была записана от жительницы деревни Хотобужи Батецкого района Ивановой Екатерины Ивановны. Инна Петровна составила рассказ об этой замечательной исполнительнице. Приведем его.

«Батецкий район, деревня Хотобужи Воронинского сельсовета. От Воронино по просёлочной дороге семь километров пути. Со всех сторон деревня окружена лесами. Поблизости среди лесов ещё две деревни – Огурково и Середогож. Жителей в этих глухих местах осталось совсем немного: по три-четыре человека на деревню.

Живет здесь Иванова Екатерина Ивановна. Все свои 88 лет она прожила в Хотобужах. Уже многие годы она одна, мужа давно похоронила, ребёнок был один, но умер в младенчестве. Несмотря на преклонные годы, Екатерина Ивановна сохранила яркие, незабываемые воспоминания о своей молодости и даже раннем детстве. Не забыла она и те удивительно красивые песни, которыми неизменно сопровождались деревенские будни и праздники. Надо заметить, что Екатерина Ивановна обладает исключительным музыкальным слухом и ярким голосом: «У меня хороший голос был, я очень хорошо пела, бывало на беседах всё запевала. Я и сейчас иной раз пою, как настроение, но теперь уж не тое получается».

Вот что рассказывает Екатерина Ивановна о своём детстве: «У нас было тринадцать человек семья. Был один брат рудный, на восемь лет меня младше, один брат ещё маленький умер. Был дедушка и две бабушки: одна бабушка, а другая – старая дева, дедушкина сестра. Она 92 года прожила, вот и я живу так долго. Держали и овец, и поросёнка, и корову держали. Теперь, видишь, можно и две коровы держать, а раньше-то только одну корову можно было, больше не разрешали нам в колхозе. Я ходила в школу, школа была в Огурково в барском доме. Было два учителя. Четыре класса только окончила и то не полностью. Раньше дедка говорил: «Все учиться будут, а кто же будет работать? Все ученые...». Они раньше никто же не знали ни писать, ни читать. Мама у меня вышивать, ткать была очень ловкая. За ней все приезжали, и в Горку и в Борок, стан справлять. Мама раньше всё крестом вышивала, а я уже крестом не вышивала, я вот «колотину» знала и «тасканицу». Я работать рано начала, лет с семи. Я всё умела: и скотину ухаживала, и косить умела, и лен обрабатывала...».

В Хотобужах праздновали Троицу и Николу зимнего. Николу праздновали также и в Яковлевой Горке, и в Борке: «Его вся эта округа: и в Сабле, и в Воронине, все праздновали. На Троицу у нас бывало полная деревня народу, любили к нам ходить. В Сабле тоже Троица, там первый день, но там было народу мало, а у нас второй. На третий день в Середожи ходили, но там тоже немного, только наши ходили. Ставили к окнам берёзки: три берёзки у каждого под окном...».

В долгие зимние вечера деревенская молодежь собиралась на беседы:

«Всю зиму на беседы ходили. По очереди ходили, вот хоть сегодня ко мне, завтра к другой, так кругом и обходили. У нас было семь девчонок, Огурковски к нам ходили, а им очередь подойдёт, мы туда идём. Когда никого нет – пряли, а когда придут с чужой деревни парни и свои с какой-нибудь музыкой, или гармонь, или балалайка, ну, мы уже прялки в сторону, гуляли без прялок. А в больши праздники мы откупали большой дом. Хозяева пускали, им платили деньгами. В Николу на четыре дня откупали. И в Рожжество и в каждый праздник собирались – назывались ситцевы вечера. С других деревень мы приглашали девчонок к нам гулять, а потом оны устраивали таки ситцевы вечера...».

В пяти километрах от Хотобужей находится деревня Подборовье. По сегодняшним меркам деревня достаточно крупная, а раньше была ещё больше, самая большая в округе: «У них же верста была деревня!» – говорит Екатерина Ивановна. Здесь было очень много молодых девушек, поэтому устраивали три беседы: большую, среднюю и маленькую. Приходилось бывать на здешних беседах и молодой Екатерине Ивановне. Кстати сказать, мама её была уроженкой Подборовья. «У их было три супрядки... А одны «середохи» назывались, их ешо на большу супрядку не брали, у их своя беседа была. А те «середохи» уже настоящи девушки. А много девок было «старых», вот их и не брали, некуда девать было, много девок очень! А у этих середох ешо больше парней было, чем у их...»

На беседах всегда было весело, особенно тогда, когда собиралось много народу, когда приходили парни с чужих деревень. Девушки пели, набирали хороводы с ребятами, играли, плясали.

«У нас песни пели, таки караводы: всё время сидеть это ж не что, а вот у нас вечера устроены и песни пели:

Вы не стойте у порога, не заломана дорога,
Выходите наперёд да заводите каравод.

Следующая:

Не летай голубь один, тебе голубушку дадим,
Мы вам дадим голубушку, со всёй беседы любушку.

Вот парень один ходит, а потом приглашает девушку, и вот с им ходят. Парню споют, потом девушке поют:

Какая модненькая, благородненькая,
Под гребёночку коса, бери, девица молодца!

Потом уже девушка выбирает парня, парню другому поют другую песню. Парень выбирает другую девушку, девушке уже другу песню. А потом наберутце в каравод и поют расхожую. Кругом стоим, вот так, взявшись за руки, и так ходим. А песню таку тут пели:

Полно солнышку по залесью светить,
Полно девице по молодцу тужить,
Люли, люли, люли, люли, полно девице по молодцу тужить.
Как же мне по нём не плакать, не тужить?
Мне такого дружка повек не нажить,
Люли, люли, люли, люли, мне такого дружка повек не нажить.
Ты поедешь по улице широкой,
Заезжай-ка на широкой новой двор,
Люли, люли, люли, люли, заезжай-ка на широкой новой двор.
Заезжай-ка на широкой новой двор,
Привези-ка мне подарок дорогой!
Люли, люли, люли, люли, привези-ка мне подарок дорогой.
Привези-ка мне подарок дорогой,
На головушку шолевый платок!
Люли, люли, люли, люли, на головушку шолевый платок.
На головушку шолевый платок,
Во платочке сладких яблочек пяток,
Люли, люли, люли, люли, во платочке сладких яблочек пяток.
Эти яблочки сахарныя,
Наши девочки забавныя,
Люли, люли, люли, люли, наши девочки забавныя.

*(Текст записан не полностью,
исполнительница забыла последний куплет).*

После того как набрали хоровод и спели расхожую, начинались игры: «Я когда гуляла, были всяки игры. Раньше, это давно, целова-

лись все, играли с поцелуям. А потом это было отошетце. Играли в такую игру, пели:

Я горю, горю, пылаю, навсегда в огне бываю,
Эх, кто ж меня любит, тот и выручит меня,
Эх, кто ж меня любит, тот и выручит меня.

Парень стоит на середине избы, к нему выходит девушка, выручила яво. Потом стоит девица, парень её выручает».

Другая игра «На скамелке»: «Садилась два парня, один сидит, а эти по бокам. И парни загадывают ему – один хоть тебя, другой другую. Он и вызывает девушек. Вот я к парню подойду, а он выбрал не меня, другую, он ногами затопает – уходи! А если правильно подошли, то девушки садились и загадывали парней...».

Ещё играли «На монаха». Почему игра так называлась, Екатерина Ивановна объяснить не смогла. Игра заключалась в следующем: «Стоит парень и девицу он позовёт. Парень скажет, что он зовёт тебя. Один говорит: «Раз, два, три!» Если в одну сторону повернутся, то поцелуются, если в разные – расходятся».

«Потом танцевали танцы из лёгких, прежние. Танцевали все вместе под гармошку: сперва ланце, потом кадрель. Вот такие у нас танцы были».

Здесь на беседах, почти за десять лет до начала Великой Отечественной войны, Екатерина Ивановна встретила своего будущего мужа. Он был из своей деревни и был на двенадцать лет её старше.

«Свадьбы играли в мясоед. Вот Крещение пройдет, и говорят – сваты поехали! У меня свадьба была в маленькую масленицу. Мне был тогда двадцать один год. Подруги мои все уже тогда замуж были вышетце, а пели женщины...».

О свадьбе парень с девушкой «соглашались» на беседе. Парень назначал день, когда он приедет сватать. Девушка и родители её уже ждали сватов в этот день, «приготовливались». Сваты приезжают: «жених с отцом, здесь их сажают за стол, угощают, за угощением и соглашаются...».

До свадьбы невеста и её подружки выходили причитать на улицу, кликали зарю, невеста прощалась со своей волей:

Да вот мы выдемте, вот мы выдемте
Во широкий круг,
Да во широкий круг, во широкий круг,
В одно местечко.

Да прокричимте мы, прокричимте мы
 Зорю вечернюю.
 Да откуль зоренька, откуль зоренька
 Занимается.
 Да красно солнышко, красно солнышко
 За лес катится...

«...Завтра свадьба, а сегодня – баня. Невеста идёт мыться, и девицы идут, и там, в бане, ей песни поют. Пели «Веночек»:

Недолго веночку во горенки висеть, во горенки висеть,
 Недолго нашей Катюшке во девицах сидеть, во девицах сидеть.
 Да затрубели трубушки рано по утру, да рано по утру,
 Заплакала Катюшка по русой косы, да по русой косы.
 Да ты скажи-ка, Катюшка, кто те косу плёл, да кто те косу плёл?
 Да по утру ранёшенько девушки плели, да девушки плели.
 А после в парной баенке милой расплетал, да милой расплетал.
 Да русу мою косоньку на две разнимал, да на две разнимал,
 Да руса моя косонька коротеника, да коротеника,
 А я у вас девица молоденика, да молоденика.
 Я от маменьки сбиралася
 Да трём мылами умывалася:
 Да одно мыло – со белилами,
 А другое – со красилами,
 Третье мыло – с горячим слезам,
 А если б я знала, я б не мылася,
 Я б и так бы полюбилася...

(текст записан не полностью)

«У невесты был дом окружен: занавески, полотенцы. Придано готовили: набивали матрасы, простыни вышитые стлали, чтоб смотреть, придано показывали. Раньше на клеёнках не обедали, говорили, что грешно. Всё было тканое, были скатерётки белые, вышиты цветами...

Вот за невестой жених приезжает и все свадебны. Здесь стол собраной, сидели все кушали, а невеста и жених ничего не ели, им же причешатце. Здесь песен не пели... У невесты отпраздновали и поехали венчаться. Ехали на санках, лошади украшены, с колокольчикам и грива, и хвост украшены, привязаны ленточки всяки красивые. После церкви ехали к жениху, и там уже пошёл «княжной стол». Невеста дарила подарки: свекровке платье, свёкру рубашку. А свекровка кричала:

Наша молода не спала, не дремала,
Тонко пряла, звонко ткала,
Бело белила и нас подарила!

Здесь девушки пели величальные песни всем гостям, каждому, кто сидел за «княжным столом». Первым – жениху и невесте.

Жениху:

Кто у нас хороший, кто у нас пригожий,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Ванюшка хороший, Иванович пригожий,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Он во дворик входит, сам коня выводит,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Он коня седлает, конь под ним играет,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
На коня садится, конь под ним бодрится,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Плёточкой он машет, конь-то под ним пляшет,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
По улочке едет, все улочки знает,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
К дому подъезжает, Манюшка встречает,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Поди мой хороший, поди мой пригожий,
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Я тя долго ждала, долго поджидала.
Роза моя, роза, виноград зелёный.
Перинушку стлала, в азголовье клала,
Роза моя, роза, виноград зелёный...

Невесте:

Соколы, вы, соколы,
Да далеко ль вы лётали?
Да вот мы лётать лётали,
Да с Питера до Киева,
Да с Киева до Питера.
Да что жа вы там видали?
Да вот мы видеть видели,
Да серу утку на море.

Да что ж вы ей не поймали
Да крылышки подрезали?
Да ещё видеть видели,
Да красну девку в тереме.
Да что жа вы ей сделали?
Да русу косу расплели,
Да на две косы заплели.

После свадьбы, через несколько дней, молодые ездили в гости к родителям невесты. Это называлось «ездить на хлебины».

Удивительный Екатерина Ивановна человек – добрый, расположенный к людям. Ее не смогли изменить ни жизненные невзгоды, ни жестокие события, происходившие в российской деревне в советское время.

Репертуар Екатерины Ивановны немаленький: от нее записаны восемь свадебных песен, один причет невесты, беседные игры и девять вариантов хороводов, городской романс, две лирические баллады, масленичная закличка, частушки, получены подробные консультации по тому, какой была в этой местности кадриль. И это далеко не все, что помнит Екатерина Ивановна.

Вот еще одна история, дающая представление о быте и обычаях Новгородской деревни 10-х годов, рассказанная Бобровым Яковом Михайловичем, проживавшим в Мошенском районе. Запись 2002 года.

«Я родился в большой крестьянской семье, в которой был самым младшим, тринадцатым. У старших сестер к тому времени уже были свои дети. Они были крестными у моих старших братьев и сестер, но на мне их терпение иссякло. Они сказали: «Ты, matka, все рожать будешь, а нам – крестить? Хватит с нас». Поэтому крестной матери у меня не было, а был только крестный отец.

Жили мы на Таракановом хуторе, на границе с Тверской областью. Позднее переехали в деревню Клопиниха (которая в настоящее время не существует). Отец, Егоров Михаил Егорович, зимой занимался выделкой овчин, а если заказов не было, то он делал лопаты и сдавал их на железнодорожную станцию в Удомлю – разгрести пути. Из половины осинового ствола выходили две лопаты.

Одно из моих первых воспоминаний было связано с тем, как я чуть не погиб. Моя мама, Мария, сшила мне из небеленой холстины новую рубаху и отпустила погулять. Мне тогда было года три. Меня заметила одна корова, подошла и лизнула рубаху. Ей это понравилось, и ее примеру последовало все стадо. Я помню, что бежал от них настолько быстро, что колья в частоколе слились в единую стену. Коровы догна-

ли меня, повалили и стали лизать меня и рубаху шершавыми языками. Если бы одна из старших сестер не заметила, что коровы что-то катают по полю и не отогнала бы их, я, наверное, погиб бы.

Несмотря на то, что после 1918 года велась активная борьба с религией, каждый год на Пасху по хуторам возили священника. Ему в этот день не было ни сна, ни отдыха: на каждом хуторе надо было благословить всех его жителей, освятить дом, скотину, поле, собрать десятину и подарки. С Пасхой связано у меня одно из самых ярких воспоминаний в моей жизни. Однажды на Рождество у нас собрались жители соседних хуторов – в основном родственники. Женщины стали говорить, кто кому на Пасху подарит крашеное яичко. (Был у нас такой обычай дарить детям на Пасху крашеные яйца). А тетка Марфа с Панкратьева хутора сказала: «Кто в пасхальный день раньше всех ко мне придет, тому я подарю 2 крашеных яичка». Мне было тогда около пяти лет, и это обещание я крепко запомнил. Тетка жила за 3,5–4 километра от нас, через лес. Я попросил маму разбудить меня пораньше, натянул рубаху и побежал – через лес и болото к тете Марфе за обещанными двумя яичками. Когда я прибежал, тетка еще и плитку не растопила – то есть еще не было четырех утра (в летнее время в деревне вставали очень рано). Пока я бежал, я весь промок от росы, провалился в болото, перепачкался. Тетка Марфа очень испугалась за меня, растопила печь, посадила меня на нее, напоила чаем, дала кулича, но забыла про свое обещание – дала, как и все, одно яичко. Мне было очень обидно, но напомнить ей об обещании почему-то было неудобно.

Вообще в деревне яйца были редкостью. Не потому, что кур не держали, а потому, что яйцами платили налоги. Для особо дорогих гостей делали яичницу из трех яиц – это был признак большого уважения к человеку. Однажды родители меня зачем-то послали к цыганке. Когда я пришел, она готовила еду для своей семьи: на огромную сковородку она разбивала яйцо за яйцом, пока сковородка не наполнилась доверху. Не знаю, сколько их было всего, но я испытал настоящий шок.

Как я уже говорил, фамилия родителей была – Егоровы. Моя фамилия по всем законам деревенской жизни должна была быть Михайлов (по отцу), или Егоров (как у родителей), или Тараканов – по отцовскому прозвищу (он был небольшого роста, чернявый и с усами). В школе дети могли записаться на любую фамилию. В первый раз я пошел в школу в пять лет. Фамилию я себе выбрал Румянцев – она мне очень понравилась, но все стали меня дразнить «румяный Румянцев». Проучился я недолго – не подходил по возрасту, да и тяжеловато было. Во второй раз я пошел в школу в 6 лет. Учительница меня вспомнила: «А вот и Румян-

цев. Я запомнила тебя: щеки румяные и фамилия соответствующая». На что я ей ответил: «Я не Румянцев, а Иванов». Так и был я до третьего класса Ивановым, а в третьем классе я записался Бобровым, как две моих старших сестры. Так я сам себе выбрал фамилию.

Отучившись в школе, я в 1933 году поступил в педучилище в Бологом, чтобы стать учителем физики и математики. Тогда я впервые увидел помидор, купил, откусил один раз и выбросил его – не понравился. Потом была армия. Когда я служил в Белоруссии, началась война. Ее начало как раз совпало с учениями, поэтому когда вражеские самолеты стали бомбить нашу часть, мы подумали, что это так и было задумано по плану учений, и смотрели на взрывы с другого берега реки. Окончилась для меня война ранением в ногу, после которого меня комиссовали. Оглядываясь назад, я удивляюсь – неужели один человек мог столько вынести: голод, боль, грязь, холод окопов, пронизывающий до костей, и многое другое. Тем не менее у нас хватило сил выстоять и победить.

Обряды
в Новгородской области

Материалы архива, собранные за все годы, позволяют представить достаточно полно, какими были основные семейные обряды – похоронный и свадебный. Есть возможность реконструировать обряды и представить, как они проходили на рубеже XIX–XX веков.

Самые древние формы существования фольклора – обрядовые. Главная функция обрядов, носивших сакральный характер и складывавшихся в языческие времена, заключалась в желании человека воздействовать на природу, подчинить или расположить её к себе. В обрядах нашли отражение древние человеческие верования, представления о мире и человеке, о круговороте жизненных форм и восприятии смерти как нового рождения. Обряды оформляли всю жизнь человека от начала до конца, организуя её в смысловое единство. Последовательность действий и тексты, сопровождавшие сам процесс обряда, тщательно сохранялись в памяти поколений. Характерной чертой обрядности является прочность традиции, несмотря на устную форму ее существования. Спустя тысячелетия обрядовые действия сохраняют память о мироощущении древнего человека.

Обряды делятся на две основных группы: календарные, связанные с хозяйственной деятельностью, и семейные, оформлявшие основные периоды жизни человека. Каждая из этих групп представляет собой цикл последовательных обрядовых действ. Календарные обряды связаны с сельскохозяйственными работами в продолжение всего года. Семейные – родильные, свадебные и похоронные – относятся к обрядам перехода. Каждый из них отграничивает один этап жизни человека от другого, обозначая переход из одного возрастного периода в другой. Но и они, существуя в значительной мере самостоятельно, также были связаны с сельскохозяйственным календарём. Обряды прошли не только долгий путь становления, но переосмысления и разрушения многих элементов, ранее значимых в них, в результате изменений взглядов человека на мир.

Самым древним из семейных обрядов считается похоронный.

Похоронный обряд. Современное состояние традиции

Для анализа состояния похоронной традиции и жанра причета были выбраны Старорусский район как место наиболее древнего поселения славян на этой территории и Окуловский, заселенный новгородцами несколько позднее, но располагающийся в центральной части Новгородской области. Следует отметить, что, несмотря на тяжёлый урон, нанесённый Старорусскому району в годы Великой Отечественной войны, фольклорная традиция сохранилась здесь неплохо. Еще в восьмидесятые годы неплохо помнились бытовые и календарные обряды, исполнялись связанные с ними песни. Однако, что касается похоронного обряда, то в позднейшей традиции сохранилось и восстанавливается далеко не все. Обряд может быть реконструирован только частично, исходя из имеющихся исторических и этнографических данных.

Похоронный обряд, некогда, вероятно, не менее сложный по структуре, чем свадебный, теперь предстает в редуцированном виде. Это подтверждают беседы с информаторами, записанные в конце восьмидесятых годов (например, с М. Н. Фёдоровой, уроженкой деревни Дорожново Окуловского района, на время записи проживавшей в поселке Кулотино этого же района, или с А. Я. Власовой, уроженкой деревни Гари Старорусского района, проживавшей на время записи в деревне Дубки названного района).

Изучение причета показало, что русская деревня советской эпохи сохранила импровизационную культуру исполнения, когда фольклорный текст каждый раз как бы создается заново на основе сложившейся традиции. Жанр причитаний – центральный для обряда, – несмотря на произошедшие с ним разрушительные изменения, по-прежнему выполняет свою бытовую функцию. Причет продолжает сохранять культурную память, но в нём исчезает ряд обязательных моментов (например, комментирования

происходящего на похоронах). Жанр становится всё более клишированным. Это связано, в первую очередь, с утратой непосредственного отношения к смысловой стороне языческой символики. Не удалось выявить весь цикл причитаний похоронного обряда. По всей видимости, мы имеем дело с угасанием фольклорной памяти. Трудно сказать, на каком этапе исторического развития началось подобное редуцирование. Но, несомненно, здесь на обряде и основном его жанре сказалась, с одной стороны, культурная политика государства, направленная на разрушение старых традиций и создание новых советских, и, с другой, интенсивное влияние городской культуры.

Тем не менее архаические стороны сознания деревенского человека в похоронном обряде сохранились. Так, например, известно, что смерть в русской фольклорной традиции всегда воспринималась как враг. Это сохранилось и в текстах, записанных в конце 70-х – середине 80-х годов. В плачах смерть называется «злодейкой», «душегубицей», которая не делает уступок, не внимает мольбам и просьбам.

В материалах архива хранятся записи, в которых говорится о различных приметах, связанных с приходом смерти в дом или семью. Предвестниками смерти были кукушка, севшая на хозяйственную постройку, птица, стучащая в окно, собака, воющая книзу («собачий вой – на вечный покой»), лошадь, идущая навстречу людям, которые провожают умершего, и иные. Чтобы удостовериться в смерти человека, ему подносили к губам зеркало, если оно не запотевало, значит человек умер. Чтобы не бояться умершего, который мог каким-либо образом напоминать о себе (часто сниться или даже приходиться в дом, являться в каком-то ином облике, например в зооморфном, чаще всего – птицы), надо было подержаться за печку, посмотреть в неё или посмотреть в подвал, а на сороковой день повесить конскую узду на стену.

Мертвый спит, оставаясь человеком (покойник – спокойный человек), однако если у умершего были открыты глаза, то их закрывали и клали поверх век медные пятаки. Вполне возможно, что это было связано и со своеобразным откупом от смерти, ибо считалось, что покойник высматривает кого-то из оставшихся в доме живых людей или даже животных, желая забрать их с собой. В таких случаях обычно говорили: «Смотрит – кого-нибудь насмотрит». Монеты (пятаки) оставляли потом в гробу. Интересно, что выкуп в данном обряде проявлялся и иначе, так, например, если долго не могли найти тело утонувшего человека, то существовал обычай бросать в воду серебряные деньги, чтобы выкупить его у воды.

Тело покойного клали на скамейку, ему связывали руки и ноги, так как считали, что «нечистая сила» может их скручивать, принося умершему человеку боль. Через два часа тело мыли (два часа умерший «от-

дыхал»). Мыть покойника мог любой человек, но предпочтение отдавалось постороннему. К прошлому веку относится представление, сохранившееся в памяти информаторов, о том, что совершать этот ритуал должны старые девы. В Окуловском районе записана частушка:

Не ходи, подруга, замуж
За таких разбойников,
Лучше купим по ушату,
Будем мыть покойников.

(Записано от М. Н. Фёдоровой в 1988 году)

Сохранился обычай оплачивать обмывание чем-нибудь из вещей покойного. Мыли покойного из горшка, теплой водой с мылом, затем горшок выбрасывали в реку вместе с водой, обычай, в котором, несомненно, просматривается языческое мироощущение. Был и иной вариант, когда оставшуюся после процедуры воду выливали туда, где никто не ходит, и ничего не сажают, так как эта вода «мёртвая» – она может погубить, умертвить землю. В Старорусском районе считали, что за обмывание покойного отпускаются грехи: «Сорок человек обмоешь – сорок грехов снимешь» (А. Я. Власова).

Одевал покойника тот же человек, который мыл. Одевали во все новое, чтобы «там» он «выглядел хорошо» (со слов А. Я. Власовой), ведь умерший отправлялся на житьё «вековечное». Смертная одежда не только завещалась, когда человек заранее, вовсе не обязательно в преддверии смерти, высказывал свои пожелания по поводу того, в какой одежде его должны похоронить, но и готовилась заранее. Таким образом, выполнялось последнее желание человека.

Шитье одежды – тоже ритуал: когда её шили, то узлы не делали и не отрывали их, как и нитки. Шили в один шов, иголкой вперед, швы не выворачивали, пуговицы не нашивали. Эти предосторожности указывают на существование веры в то, что все, что связано с дорогой «на тот свет» не должно иметь препятствий и иметь направление только в одну сторону.

Н. В. Андреева из Окуловского района отметила, что раньше чаще всего шили кофту и юбку. С большой степенью уверенности можно сказать, что это позднейший обычай, может быть, относящийся уже к советскому времени, так как по исследованиям этнографов известно, что распространённой «смерётной» одеждой была рубаха, как для мужчин, так и для женщин. В гроб клали и те предметы, с которыми покойный не расставался при жизни.

Гроб («домовину») делали из еловых или сосновых досок. Нельзя было его делать из осины. Считалось, что осина – проклятое дерево,

ибо, по народной легенде, на ней повесился Иуда, и от этого она дрожит (А. Я. Власова). Стружку, оставшуюся от изготовления, клали на дно, в некоторых случаях – в подушку, на которой находилась голова умершего. Сжигать щепу и стружку было нельзя, ибо, как считали в Окуловском районе, умершему от этого будет жарко. Гроб всегда делался в соответствии с ростом умершего. Считалось, что покойник кого-нибудь заберёт, если гроб будет больше (Окуловский район, Фёдорова М. Н.). Домовину с телом ставили так, чтобы умерший был обращён лицом к иконе, то есть к красному углу (Окуловский район). Однако в Старорусском районе отмечается как наиболее распространенный вариант, когда умерший лежит головой в красный угол, а ногами – к двери.

За окно комнаты, в которой находился покойник, вывешивали льняное полотенце или кусок белой ткани. Эта традиция отмечается во всех обследованных деревнях Окуловского и Старорусского районов. «Идёшь по деревне и, если где увидишь тряпочку или полотенце, значит в доме траур», – так говорила Н. В. Андреева из Старорусского района.

На лоб умершему клали «венчики» или «прощенные грамоты», в которых содержалась молитва об отпущении усопшему грехов. Это традиция православная. В правую руку давали дорожную, а в левую – носовой платок. В Старорусском районе считали, что платок нужен для того, чтобы стирать пот во время Страшного суда, а также для того, чтобы вытирать слёзы, если человек, перешедший в мир предков, «всплакнёт» при встрече с близкими «на том свете». Встречи эти происходили, по мнению опрошенных, в течение сорока дней.

Интересно интерпретировали информаторы Окуловского района функцию нательного крестика, которым снабжался усопший. Так, М. Н. Фёдорова говорила о том, что он служит «пропуском» и что, прежде чем войти в ворота иного мира, необходимо было показать крестик, при этом крестик умершему надо было покупать обязательно новый. Этот обычай отличался от принятого в Старорусском районе, где хоронили умершего с тем же крестом, который человек носил при жизни.

Похороны происходили на третий день после смерти человека. От дома до дороги разбрасывались еловые ветки, по которым двигалась процессия, чтобы уходящий в мир иной «шёл по чистой дороге», так как ель считалась в данных местах чистым деревом. Когда возвращались с кладбища, ветки убирали, а затем их сжигали, вероятно уничтожая таким образом следы умершего, чтобы он не вернулся и не забрал кого-либо из оставшихся в живых родственников.

Сохранилось много примет, связанных с отправлением похоронного обряда. Часто эти приметы носили характер оберега. Так, например, копали

могилу в день похорон рано утром, и место выбирали получше, так как считали, что если умершему место не понравится, то он в течение сорока дней заберет ещё кого-нибудь из родственников. А если ещё будет покойник, то «нужно ожидать и третьего» (по словам М. Н. Фёдоровой из Окуловского района). Обвал могильных стен тоже указывал на то, что придётся вскоре копать новую яму. В целом сохранился обычай во всём угождать покойнику. Сохранялся в обследуемых районах и обычай не подметать полы до тех пор, пока умерший находился в доме, ибо по примете можно было «вымести» кого-нибудь из живущих родственников. Кроме того, в доме завешивали тёмной тканью зеркала, чтобы нечистая сила не испортила покойника.

Гроб с телом несли до кладбища на полотенцах. По словам А. Я. Власовой из Старорусского района, нести считалось «уважительнее», чем везти. Прощались с умершим окончательно на кладбище, при этом целовали в лоб или в иконку, которая лежала у него на груди. Слезы прощающегося не должны были попадать на покойника, так как «он тогда будет лежать мокрым и обижаться». В таких случаях обычно говорили: «Отойди, отойди, не роняй слёзы туда». А все присутствующие желали, чтобы земля была покойному пухом. Прежде, чем опустят гроб в могилу, родственники бросали туда копейку (в прежние времена серебряную), это означало, что они покупали себе место рядом с усопшим, а все остальные бросали медь, при этом говорили: «Вот тебе доля – не проси боле» (Фёдорова). По сути это может быть рассмотрено как откуп. Однако считалось, что деньги нужны были умершему для того, чтобы заплатить за перевоз через реку или озеро на том свете. Известно, что образ реки и переправы в фольклорном сознании – традиционный не только для русской, но и для мировой культуры.

Предметы, связанные с похоронами, и вещи умершего тоже имели свою судьбу. После сорокового дня родственники могли раздавать личные вещи покойного любым людям, не обязательно близким родственникам. А те предметы и вещи, которые были задействованы в похоронном обряде (например, полотенца, на которых несли гроб), либо опускали в могилу и засыпали землёй, либо сжигали, чтобы избежать дурного влияния умершего на живых людей. Всё делалось так, чтобы ничто не обеспокоило душу покойного или каким-либо образом удержало бы её в мире живых людей. Многое делалось для того, чтобы усопший не вернулся бы за кем-нибудь, не «насмотрел бы кого-нибудь».

По традиции, пока проходил обряд на кладбище, в доме умершего готовились к поминкам. Дома обычно оставался кто-нибудь из родственников и готовил поминальную трапезу, мыл пол. Поминки проходили не только сразу после похорон, но на девятый и сороковой день, затем

через год. Умершие родственники поминались и в Родительские субботы – дни, узаконенные христианской традицией. В поминальные дни люди обязательно посещали могилы родственников, принося с собой еду, вино, чтобы пригласить усопшего на ритуальную трапезу, и причитывали на могилах, сетуя на то, что этого человека нет рядом, на могилу и призывая его к этой грустной, горькой трапезе. Таким образом сохранялся обычай, оставшийся от древнего похоронного обряда, который предусматривал как задабривание душ умерших, так и демонстрацию силы жизни. В современном похоронном обряде просматриваются контуры старого, ещё языческого обряда, однако заметно и то, что магическое содержание обрядового действия во многом стерлось.

Причеть в составе похоронного обряда

Традиционный похоронный обряд всегда сопровождался причетами (плачами). В Новгородской области о причете иногда говорят «плакать на голос», а в Старорусском районе говорят «голосить», «голушение». Можно отметить явное убывание традиции причети от 70-х к 90-м годам. В середине 90-х годов плачи записываются всё реже и реже. Это касается и похоронных, и свадебных плачей. Если говорить о плачах похоронного обряда, то удастся записывать, как правило, лишь поминальные. В коллекции фольклора Новгородского университета отсутствуют плачи оповещения, но есть тексты плачей-сетований и плачей поминальных. Хотя есть и несколько фрагментов плачей, исполняемых, например, при обмывании тела.

Так, в 1988 году в деревне Усадьба Демянского района студенткой педагогического института Шумейко Светланой были записаны причеты по сыну от Ивановой Марии Ивановны, 1919 года рождения:

Перед обмыванием:

Ой, трясите-ко моего дитятка,
Ой, качайте-ко моего дитятка,
Ой, мните-ко моего дитятка,
Может не отомнете ль вы яво!

Во время обмывания:

Вы, мои подруженьки-голубушки,
Пособите моему горюшку,
Поднять-то мне своева дитетка
На свои на резвы ноженьки,

По старому бы он был по-прежнему,
Шел-то он бы да добрым молодцем,
А по небу ясным соколом летел бы.
Ничего-то я не знала, не ведала,
Не думала-то я, не гадала-то,
Что изменит он мне, сироточке.
Растила-то я его, лелеяла-то,
Думала, кормилец-поилец мне вырастет.
Изменил-то мне, мое дитяtko,
Изменил-то мне, мой родименький,
Кровинушка-то моя.

Пока гроб находился в доме, Мария Ивановна причитывала:

Ты любименький, мой сыночек родименький,
И погубили-то тебя, добрый молодец,
И погубили-то, не спросилися,
Вот да материнского согласия,
И ты любименький, сыночек родненький,
Ты погас, как ярка звездочка.
И как осталась-то я, сироточка,
И без любимого моего сыночка?
И как-то будет мне, сиротинушке,
И перенести-то тоску-кручинушку?
И как приду-то я, сиротинушка,
И во теплое-то свое гнездышко?
Тебе немножечко, тебе маленечко
И погостить-то тебе в дорогих гостях,
И во теплом-то тебе гнездышке.
Ты любимый, сыночек родненький,
И понесут-то тебя, добрый молодец,
И по широкой-то все гладкой улочке.
И улетел ты теперь, добрый молодец,
Улетел ты от меня кукушечкой,
И ты во дальнюю да путь-дороженьку,
И она дальняя-то, да неизвестная,
И ты любименький, сыночек родненький,
И как приду-то я, все сиротинушка,
И все с тяжелой-то я работушки,
И больше не увижу я, сиротинушка,
Своего сыночка рудного,

Улетел ты в путь-дороженьку,
А дорожка-то далеко-дальняя.
Я не думала и не чаяла-то
О твоей скорой смертушке,
И провожу-то я, бедна сиротинушка,
Во последний, во далекий путь.
Ты погасла, моя яркая звездочка,
Ты погасла и не зажжешься вновь.

Плач, записанный в 1987 году в деревне Острые Луки Старорусского района, был проплакан местной жительницей А. А. Фёдоровой, пока усопший находился в доме:

Дорогой ты, родный Лёшенька,
Уже ты надел платьице светлое,
Уже ты его светлое, печальное,
Оставил ты меня, сиротинушку одинокую.
Ой, где приятный мой, милый дитятко?
Уж куды ж ты справился, сготовился?
Уж ты не в тую ль в путь-дороженьку,
Уж куды сударынька моя, родна матушка?
Уж ты оставил горькую сиротинушку.
Уж ветры буйные понавеются,
Уж люди добрые понабаются.
Уж куды ж теперь я, горькая сиротинушка?
Уж больше не увижу я тебя, горькая сиротинушка.

Поминальные плачи были закреплены за определёнными днями: девятым, двадцатым (полусороковины), сороковым (сороковины), годовщиной и теми днями, когда было принято посещать могилы родственников.

Причитания не имеют устойчивого текста. В них большую роль играет импровизационное начало и, следовательно, поэтические способности самих плакальщиц. Похоронные причитания оказались менее устойчивыми, чем, например, свадебные. Однако в основе похоронных плачей четко прослеживается традиционная жанровая структура, архаическая по своему генезису. Это касается и структуры плача, и художественных средств выражения. В основе текстов плачей обнаруживаются те схемы и художественные средства, которые вырабатывались в традиции для каждого из случаев (смерть отца, матери, мужа, детей и так далее), но каждая схема, подходящая к случаю, наполнялась и наполняется конкретным событийным материалом, связанным с неповтори-

мостью данного случая. В плачах по-прежнему очевидны постоянные элементы композиции, например, обращение к умершему:

Ты желаннинький, мой Мишенька,
Не попросил ты родным доченькам,
Чтоб не бросили меня, сиротинушку.

(Комарова М. Д., Батецкий район)

Или призыв побыть ещё дома:

Да попрошу я, сиротинушка,
Что тебя, мила доченька,
Да погости, мила доченька,
Да во своём тёплом гнёздышке.
Теперя не неделюшку тебе неделывать
И не денечек тебе деневать...

(Архипова Г. П., Окуловский район)

Сохраняется и такая структурная часть, как просьба к умершему открыть глаза и сказать последнее слово:

И прогляни-ка ты очам ясным,
Так уж скажи-ка словечко ласково...

(Виноградова А. Д., Старорусский район)

В плаче, записанном от Н. И. Кузнецовой (г. Старая Русса), смерть предстаёт в виде таинственного существа, способного увести, похитить человека:

Ой, ты-то, смертушка лютая,
Увела от нас родну маменьку...

В поминальных плачах постоянно встречаем просьбу-обращение к стихиям природы – ветрам, земле, чтобы они помогли общению с усопшим, который на этот момент должен ожить, увидеть и поговорить с пришедшим. Эта часть представляет собой заговорную формулу:

А расступись-ка, мать-сыра земля,
Да раздайся, гробова доска,
Ты повыди-ка, повыступи,
Поговори со мною, сиротинушкой, –

причитывала М. Н. Фёдорова из Окуловского района.

Постоянно в причете звучит мотив сиротской доли, утраты надежды на свидание с умершим:

Из-за моря, из-за леса возвращаются,
Ждут да и дождутся,
А тебя, мой милый дитятко, не воротишь.
И не встречу я тебя на ясной тропиночке,
И никто моё горюшко не снимет
С несчастной моей головушки...

(Наумова М. И., Окуловский район)

Так же постоянно встречается и мотив приглашения усопшего в гости с просьбой посмотреть на то, как мается, как тяжело без него живет его семья:

Ты спроси-ка у молоденьки,
Как живу я, сиротинушка.
По утру я ранёшенько
Умою личико белёшенько,
Умою личико горячим слезам,
Как выхожу я, сиротинушка,
На тяжёлую на работушку, –

причитывала Е. К. Базарова из Старорусского района. В плаче Е. А. Ефимовой слышим:

Дорогая матушка, прилети ко мне
В дороги гости любимые,
Сядь на косистое окошечко,
Я буду ждать тебя и поглядывать...

В хранящихся архивных материалах достаточно часто встречаются архаические элементы, восходящие к языческим представлениям о природе. К таковым относятся, например, устойчивые формулы – постоянные места, содержащие заговорные формулы. Вот почти похожие начала поминальных плачей, записанных в разное время от разных исполнительниц в Старорусском районе:

Так уж позавейте, ветры буйные,
Разнесите-ка пески желтые
Уже со высокой со могилушки,
Расступись-ка, мать-сыра земля...

(Виноградова А. Д.)

Уж и вы завейте, ветры буйные,
И разнесите пески желтые,
И раскатитесь камышки мелкие,

И откройся, гробова доска,
И вздынися, полотно белое,
И распуститесь, ручки удалые,
И открой ты очи ясные...

(Белоусова Н. Т.)

Элементы заговора содержатся и в обращении к умершему в поминальном плаче, содержащие просьбу сказать словечко:

Уж пришла я, горькая сиротинушка,
На твою на высокую на могилушку,
Так уж ты, моя сударынька, родна маменька,
Так уж скажи словечко ласково...

(Виноградова А. Д.)

Заговор естественно вошел в структуру плача, изначально выполнявшего магическую функцию воздействия на смерть. И хотя с течением времени магический смысл произнесенного слова утрачивался, тем не менее традиционно заговор оставался и продолжает до сих пор оставаться значимой смысловой частью общей композиции причета.

Смерть в плачах осмысливается как переселение в новый дом, в новую сферу обитания. В плаче Виноградовой выделяется мотив переселения в новую «горенку», уход из прежней, где всё для умершего стало чуждым:

Видим, горькие-то сиротинушки,
Наша сударыня, родна маменька,
Что не твоя-то постелюшка,
И не тебе эта подушечка,
А тебе сделали новую горенку...
Ох, заснула ты сном непробудным,
Сном непробудным, сном зловещим...

(Наумова М. И., Окуловский район)

Древние представления человека усматриваются и в образе смерти-сна: «Побужу я, сиротинушка, побужу от сна забудущего...» (Фёдорова Е. Ф., Старорусский район).

Во всех хранящихся в архиве текстах похоронных причитаний обнаруживается мотив двоемирия. В причитаниях явно просматривается вера в реальность существования двух миров – земного мира и мира иного, неведомого. Иной мир не наделяется какими-то конкретными чертами, но известно, что в нём обитают все ранее умершие и только умерший может передать какие-то вести или слова приветов от остав-

шихся жить, рассказать об их горьких сетованиях тем, кто уже находится в том ином мире. К умершему обращаются с просьбой:

И не встретишь ли ты свою удалую головушку,
А моего родного батюшку
И всех своих сродцев-приятелей?
Скажи от меня, сиротинушки,
Им низкий поклон с горячими слезам...

(Ефимова Е. А.)

Или:

Ты не встретишься и не свидишься
С дорогим моим сродствам-приятелям,
С моей удалой-то головушкой,
С моим сердечным, милым детушкам?
Ты скажи, Расскажи, моя родная,
Про моё житьё сиротское...

(Фёдорова Е. Ф.)

Названные поминальные причеты содержат и представление о возможном возвращении умершего из мира предков. Он явится в особом, как уже было сказано выше, зооморфном облике (в частности, в облике птицы, которая навещает родственников в земном мире).

В плаче Е. А. Ефимовой:

Дорога матушка, прилети ко мне
В дороги гости любимые,
Сядь на косистое ты окошечко,
Я буду ждать тебя и поглядывать.

В народном представлении сохраняется и образ души-ветра, на что указывает поверье. «Когда слышится завывание ветра, говорят: покойники воют», – рассказывает исполнительница, записанная в Окуловском районе. Ожидание прилёта души-птицы сопровождается подготовкой к встрече – это выражается в стремлении плакальщицы поведать о жизни «горькой сиротинушки»:

Уж и расскажу-то тебе, сиротинушка,
Уж про свою-то участь горькую,
Уж и ты не знаешь-то, моя-то кровь горячая,
Уж и не осталось у меня-то роду-племени,
Уж и не осталось у сиротинушки тёплого гнёздышка,
Уж и к кому-то я приклоню-то свою буйную головушку...

(Белуосова Н. Т.)

Это ожидание связано также со стремлением попотчевать покойного горькой, печальной ритуальной трапезой:

И поставлю я столы дубовые,
 Понакрою скатерти бранные,
 Понаставлю кушанья разные:
 Первое кушанье я – малинушку,
 Второе кушанье я – калинушку.
 Как калинушка несладкая –
 Так моя жизнь неприятная...

(Ефимова Е. А.)

В похоронных плачах присутствуют образы, характерные для лирической песни. Например, в плаче, исполненном Е. А. Ефимовой, – образ птицы, клюющей калинушку.

В причитаниях подобного рода встречается как мотив сборов в дорогу, так и образ самой дороги. Фольклорную «путь-дороженьку» умерший преодолевает либо пешком, либо перелетает птицей границу, соединяющую и одновременно разделяющую два мира. Вот фрагменты плачей: «Не пойдёшь ли ты по той пути-дороженьке,/ И не встретишь ли ты...» (Е. А. Ефимова). Или: «И улетел ты теперь, добрый молодец,/ Улетел ты от меня кукушечкой...» (П. Т. Терёшина).

Порядок следования названных мотивов свободный.

Центральная фигура похоронных плачей – образ покойного, а уже через него вводятся в плач и все другие персонажи. Правда, покойный не является действующим лицом в полном смысле этого слова. Он существует только через воспоминания и характеристики вопленицы. Образ покойного в плачах рисуется идеальным и обладает самыми общими характеристиками: очи ясные, уста сахарные, ручки удалые. Встречаются, однако, и индивидуальные характеристики, например в плаче Фёдоровой Е. Ф.:

Сама знаешь, сама ведаешь,
 Кака ты у нас, у сиротинушек,
 Слуга верная, безответная...

Хотя эта характеристика тоже стремится стать общей, идеальной, однако можно говорить и об особенных чертах образа: великом терпении, нежелании причинять страданий близким людям, о доброте умершей матери, к которой обращён плач.

В целом о плачах можно сказать, что традиционные мотивы и формулы причета, живущие в художественном сознании женщины, напол-

няются конкретным содержанием и выливаются в эмоционально насыщенный текст. Похоронные плачи, записанные за последние двадцать лет и хранящиеся в архиве Новгородского университета, дают основание говорить о том, что хотя их основные поэтические формулы сохранились, но при этом наблюдается явная тенденция к упрощению и редуцированию жанра.

Причеть в записях 60-х годов

В архиве хранятся отдельные записи плачей 1962–1964 годов, которые производились в разных районах Новгородской области А. Г. Васильевым, в то время студентом педагогического института, а затем аспирантом ИРЛИ РАН. Тексты плачей, записанные Васильевым, сопровождаются портретами исполнителей. Среди записей есть единственный в своем роде мужской плач, записанный в феврале 1964 года в деревне Михалёво Демянского района. Исполнитель его Афанасьев Василий Афанасьевич, которому на момент записи было почти 100 лет, чувствовал себя еще бодро. Летом 1963 и 1964 годов он ещё работал на заготовке сена, да так хорошо, что за работу был награжден колхозом «Коммунар» ценным подарком. На разговоры этот седой и хмурый старик был довольно скуп, но память у него хорошая, он знал много народных поверий, сказок, поговорок, заговоров и причитаний. Вот его плач по жене Василисе Фёдоровне:

Подойду к тебе, жена моя боярыня,
И слуга ты моя верная.
С кем же ты меня оставила и покинула
При моей старости и при древности,
И как ты мне велишь жить без тебя,
Моя любимая Василистужка?
И сколько мы с тобой вырастили милых детушек,
А остался я теперь один-одинёшенек.
Я попрошу тебя, моя жена-боярыня,
Не оставь здесь меня одного мыкать горюшко,
А возьми-то меня к себе под правое крылышко.
Ты, наверно, на меня рассердилась и разобиделась,
Не хочешь раскрыть очи свои ясные
И уста свои сахарные,
Сказать мне хоть одно последнее словечушко?
Прожили мы век с тобой: не ругались, не бранились,

А сколько мы перенесли с тобой бед и неприятностей.
 Порастеряли мы своих милых детушек:
 Не засыпали мы их сырой землёй,
 Не провожали их в тот последний путь –
 Проводила их пуля злющая,
 Засыпала земля, кровью облитая.
 Приду я в свое теплое гнездышко,
 Посмотрю по всем четырём угольникам,
 Не видать и не слышать тебя, моя слуга верная,
 Так и буду доживать я один-одинёшенек
 Свои последние часы-минуточки.

Бытование фольклорного жанра в значительной мере определялось семейной традицией. Талантливой вопленицей была дочь Василия Афанасьевича Тихонова Марина Васильевна, переехавшая в поселок Чудово. Родилась Марина Васильевна в деревне Михалево, Демянского района в 1904 году в семье крестьянина-середняка, где было одиннадцать человек детей. Работать приходилось много. Девочек грамоте не учили. В сельскую школу ходили только братья Марины Васильевны. А маленькую Маришку Василиса Федоровна стала учить «более высокому уму-разуму» – как прялку держать, как куделю прясти, чтобы нитка тонкой да гладкой получалась. Трудно было Марине с прялкой справиться, пальцы не хотели ей повиноваться. Но прошло немного времени, и обучилась Маришка этому ремеслу. А мать ей уже спицы да клубок шерсти пихает. Так и протекло детство Марины Васильевны. Но как бы печально оно ни было, дни детства остались для Марины лучшими днями ее жизни. Бывало, сядет она за прялку, выводит маленькими пальчиками тонкую нить, а кругом взрослые сестры прядут, две-три соседки по углам с прялками да с вязальными иглами в руках сидят. В самом центре на скамейке Василиса Федоровна сидит и с веретен нитки в клубки мотает. А из уст ее сказки сыплются, притчи да приговорки разные. И могла Маришка эти сказки да приговоры ночами слушать. Мастерство это она от матери перенимала. В архиве хранятся записанные от неё плачи – по матери и по сыну.

Плач по матери

Ты приятненькая моя матушка,
 И ты не в порушку-то и не во времечко,
 Ты побросала-то своих детушек,
 И они маленькие, и они глупеньки
 И всё вьются-обвиваются

Своей-то родной матушкой.
Она не в порушку-ти, не во времечко,
А во матушку-то во сыру землю.
Как остались-то мы, сиротиночки,
Как припльвные-то холодинки,
Теперь обидеть-то нас есть кому,
А приголубить-то нас некому,
И нет своей-то родной матушки.
Да ждала-то я, сиротинушка,
И по утру тебя ранешенько,
И по вечеру-то я тебя позднешенько.
И приятненькая-то, моя матушка,
Не с кем подумать-то мне думу крепкую,
Приговорить-то словечко ласковое,
И нет-то родненькой моей матушки.
И как пойду-то я, бедна сиротинушка,
И во теплое-то свое гнездышко,
Не с кем подумать-то мне думу крепкую,
Приговорить-то мне словечко ласково,
Теперь обидеть меня есть кому,
А приголубить-то меня некому.

Следы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов долго хранила русская земля. В 1953 году Шурик, младший сын Марины Васильевны, пошёл в лес за малиной. «В начале августа это было. Отправился да больше никогда и не вернулся», – вспоминала Марина Васильевна. – Зацепил случайно проволочку, которая, как змея, притаилась в кусте малины». Марина Васильевна в это время была на уборке в поле и слышала сильный взрыв. Сразу что-то недоброе почувяла мать. А через час в поле прибежал её старший сын Алексей и сообщил о тяжёлом горе, постигшем их семью. Землей засыпали небольшой ящик с останками, собранными на месте происшествия. Горю, постигшему Марину Васильевну, не было конца.

Пойду я к тебе, мое милое дитяtko,
Побужу тебя ото сна крепкого.
Куда ты собрался, мой дорогой сынок,
На какое гулянье, на весельице,
Во какую ты путь, во дороженьку?
С кем ты оставил свою родную матушку?
Как я растила тебя, мое милое дитяtko,

Без твоего родного батюшки,
Не просыпала я темны ноченьки,
Не искала я легкой работушки,
Только бы поднять тебя на быстрые ноженки.
Я думала, что ты утетишь меня
При моей старости и при древности,
Теперь потерялась моя надежа крепкая.
Куда приклоню свою буйную головушку?
Кто утешит меня словечком ласковым?
Кто закроет мои очи ясные
И сложит на груди белы ручушки?
Кто засыплет меня мать-сырой землей?
Остаюсь я опять одна-одинешенька.
Не получу я от тебя никогда
Ни письмаца, ни весточки.
И засохну я, сиротинушка,
Как во поле былиночка,
Без тебя, мое милое, сердечно дитятко.

В ноябре 1963 года в деревне Верховье Новгородского района была записана талантливая исполнительница плачей Терёшина Прасковья Терентьевна, родившаяся в 1912 году. В семье было 11 детей. Жилось им очень трудно, так как они рано лишились отца. На всю жизнь запомнила Прасковья Терентьевна причеты матери по отцу и по четверым сыновьям, двое из которых погибли в Первую мировую войну в 1914 году, а двое других – в Гражданскую. Судьба её была нелёгкой, она потеряла мать, мужа и сына.

Плач по матери

Пойду к тебе, раскровиночка, родная матушка,
Побужу я тебя ото сна-то крепкого.
Ты, наверно, на меня, горькую сиротушку,
Рассердилась и разобиделась,
Что не караулила я ту темную ноченьку,
Когда ты улетела от меня, от горькой сиротушки?
Теперь я осталась одна, горькая сиротушка,
Не с кем мне размыкать тоску-кручинушку.
Пойду я, горькая сиротушка,
Во чистое свое полюшко,
Приклонюсь я к кудрявой белой березыньке
И расскажу ей все злодей-горе великое.

Ты скажи мне, моя родненькая маменька,
Как мне теперь жить без тебя, горькой сиротинушке?
Никто не будет провожать меня
Со тяжелой со работушки,
Никто не будет провожать меня
На веселое гуляньице,
Никогда я не увижу лица твоего белого,
Не услышу словечка твоего ласкового.

Плач по мужу

Подхожу я, бедна сиротинушка,
На высоко, гладко кладбище,
И на твою-то круту могилушку.
Ты раздайся-ка, сыра земля,
И расколись-ка ты, гробова доска,
И откройтесь-ка, очи ясные,
Проговорите-ка, уста сахарные,
И со мной, бедной сиротинушкой.
И ждала-то я, сиротиночка,
И по утра-то я тебя ранешенько,
И по вечеру-то я тебя позднешенько,
И я не думала-то, не чаяла
И твое скорой-то смередушки.
У нас отпущено-то и провожено
И во дальнюю-то путь-дороженьку,
И нет письма-то, белой грамоты,
И как нам стошнется, и как нас сдумается,
И ты, удаленька моя головушка.
И как приду-то я, бедна сиротинушка,
Со тяжеленькой-то я работушки,
Не с кем подумать-то мне думу крепкую,
Проговорить мне словечко ласково...
Нет удаленькой моей головушки.
Я не думала-то и не чаяла
И твоей скоренькой смередушки,
И ты, удаленька моя головушка,
И ты лежишь-то, голубок беленький,
И ты во матушке-то во сырой земле.
Как осталася я, сиротинушка,

И одна-то я одинешенька,
И работушка-то, вся заботушка
Со своими-то малыми детушками,
Ты, удаленька моя головушка.

Плач по сыну

Ты любименький мой, сыночек родименький,
И погубили-то тебя, добрый молодец,
И погубили-то, не спросилися
Да материнского согласия.
И ты любименький, сыночек родненький,
Ты погас, как ярка звездочка,
И осталась-то я, сиротинушка,
И без любимого сыночка родного.
И как-то будет мне, сиротинушке,
И перенести-то тоску-кручинушку?
И пойду-то я, сиротиночка,
И во теплое-то свое гнездышко,
Тебе немножечко, тебе маленечко
И погостить-то тебе в дорогих гостях,
И во теплом-то тебе гнездышке.
Ты любименький, сыночек родненький,
И понесут-то тебя, добрый молодец,
И по широкой-то все гладкой улочке.
И улетел ты теперь, добрый молодец,
Улетел ты от меня кукушечкой,
И ты во дальнюю-то путь-дороженьку.
И она, дальняя-то неизвестная,
И ты любименький, сыночек родненький,
И как приду-то я все сиротинушка,
И все с тяжеленькой-то я работушки,
И больше не увижу я, сиротинушка,
Своего сыночка родного.
И улетел-то всеприятненький
И во дальнюю-то путь-дороженьку,
И она дальняя-то неизвестная.
Я не думала-то и не чаяла
О твое скорой-то смертушки,
И провожу-то я, бедна сиротинушка,
Во последний, во далекий путь.

Ты погасла, моя ярка звездочка,
Ты погасла, не зажжется вновь.

При всей традиционности формы плачи разнообразны. Они отличаются не только своеобразием местной традиции исполнения, но и особенностями индивидуальной манеры плакальщицы.

Похоронный обряд по материалам полевых записей 80-х годов

В январе 1990 года в деревне Дубки Старорусского района студенткой Новгородского педагогического института О. В. Егоровой была записана беседа с А. Я. Власовой, 1904 года рождения, уроженкой этого же района, рассказавшей, как проходил на её памяти похоронный обряд. Фрагменты этой беседы уже приводились раньше. Основное его содержание излагаем ниже.

На похоронах причитали близкие или соседи. Если они не умели, то приглашали плакальщиц. Плакальщица плакала от имени родных, а также передавала поклоны на тот свет от близких и соседей. Имя умершего называли редко, чаще всего говорили «удалая головушка». В причитаниях смерть называлась злодейкой, гроб – домовина или домина, дорога – путь-дороженька дальняя, невозвратная.

Мёртвых обмывали соседи или родственники простой водой с мылом, вытирали полотенцем, верили, что за обмывание отпускаются грехи. Обмывальщицу благодарили, давали ей, что могли. Одевали покойника те люди, которые и мыли. Одежду готовили заранее. Обязательно хоронили в той одежде, которую завещал умерший, выполняя волю умершего. Незамужнюю девушку хоронили в свадебном наряде. Умершему обували мягкую обувь, чаще всего тапки. Покойник уходит туда жить, поэтому он должен выглядеть хорошо. До положения покойника в гроб его клали на скамейку, под него расстилали простыню из самотканого полотна. Пока умерший лежал в доме, в гроб клали иконку, на кладбище её забирали из гроба и приносили домой.

Хоронили с 12 до 14 часов дня. В день похорон до дороги разбрасывались еловые ветки, чтобы умерший шел по чистой дороге (ель – чистое дерево), потом ветки сжигали. Тело из дома выносили на руках, ногами вперёд. Покойника несли на кладбище – нести считалось уважительнее. Гроб несло четное количество человек. За гробом шли родственники, а потом все остальные. Шли медленно. Могилу копали в день похорон, но

делали это не родственники. Могильную яму можно было оставлять без присмотра. Гроб опускали в могилу на полотенцах, а затем их оставляли в яме (могиле). Покойника клали лицом на восток.

С кладбища возвращались домой той же дорогой, все шли на поминки. Дома оставались дальние родственники, соседи, которые приготавливали пищу в день похорон и пекли хлеб. Поминальное кушанье зависело от поста. В пост должна была готовиться постная пища. После похорон сорок дней носили траурную одежду: чёрное платье, чёрный платок. Считали, что душа умершего находится в доме сорок дней. Отмечали поминками девятый, двадцатый, сороковой дни, полгода, год. В эти дни ходили на кладбище, носили угощение: крупу, яйца, конфеты. Всё, что не съедали, оставляли на могиле (так совершалась священная некогда ритуальная поминальная трапеза, к которой причетом приглашался и тот, кто находился в данной могиле; ритуал, конечно же, утратил в позднейшие времена языческий смысл – *О. Б.*). Обычно на могиле во время посещения её совершали «оклички». Когда же уходили с могилы, то крестились и говорили: «Земля тебе пухом, царство тебе небесное». Считалось, что ночью было опасно ходить по кладбищу, так как покойники могли выходить из могил.

Кладбище находилось обычно на окраине, на отшибе деревни. Оно имело ограждение – железную или деревянную ограду. Вход на территорию был с севера. Рядом с могилами было принято делать какие-то насаждения: ель, сосну, кустарники – сирень, акацию. Выбор посадки не зависел от каких-либо особых примет, а только от желания родственников или от того, что при жизни нравилось похороненному в данной могиле человеку. На кладбище хоронили людей, умерших своей смертью, остальных хоронили за оградой. Верили, что после смерти душа человека возносится на небо, так как там расположен тот свет, и там продолжают жить. Души «нечистых» находятся в аду.

По представлению опрошенных информаторов в Окуловском районе, во время Страшного суда Иисус Христос скажет: «Праведные встанут справа, грешники – слева». Праведных поведут ангелы, грешников – нечисть. Живые могут помочь умершим тем, что будут поминать, ставить свечи, делать «подачки» тем, кто беден, то есть подавать милостыню.

Умершие могут приходить во сне к живущим, и, если он во сне просит что-нибудь у того, кто видит сон, то это означало, что надо подать, поделиться с бедным, если зовёт, то это означало скорую смерть. Примет, связанных с увиденным во сне покойником, много. Вот одна из них: «если во сне увидишь, что рубишь новый дом или проваливаешься в яму, – значит, умереть». Рассказ 86-летней А. Я. Власовой воспроизведен не полностью.

Тексты и фонограммы плачей конца восьмидесятых годов, имеющиеся в архиве, говорят о том, что традиция сохраняется. Но исполнительницы все меньше отзываются на просьбу исполнить плач и сами плачи подвергаются редуцированию. Приводим наиболее интересные причеты.

Ты раздайся, мать-сыра земля,
Ой, ты раздайся, гробова доска,
Родна мамынька, открой свои глаза,
Открой свои глаза, раскинь ручки белые,
Погляди-то на меня, горьку сиротушку,
Что пришла я к тебе, твоя милая детушка,
На твою-то сырую могилушку.
Ой, как от нас тебя смертка лютая,
Увела от нас родну мамыньку
На веки вечные, бесконечные.
Ой, ты, родная моя мамынька,
Прилети ты на свою сторонушку,
Распусти сизы свои крылышки,
Да превратися ты в сизу пташечку,
Да погляди ты-то на свою родимую сторонушку,
Да на моё-то бело окошечко,
Погляди ты на меня, горькую сиротинушку,
Поговори ж ты со мной, родна маменька.
Как увижу я, летит над полем сиза пташечка,
Да накрою я скатертью самобраною,
Да поставлю я чай церковные, да чай медовые,
Да для своей-то дорогой, родимой матушки...

Текст поминального плача записан Алексеевой Еленой 9 июля 1987 года в городе Старая Русса от Кузнецовой Надежды Ивановны, 1928 года рождения, уроженки деревни Любец Старорусского района.

Очень интересен плач, записанный во фрагменте в 1989 году от уроженки Окуловского района М. И. Наумовой 1913 года рождения, у которой в годы Великой Отечественной войны погиб её любимый муж, по которому она тосковала все эти годы. Когда умер её дядя, она проплакала плач и, обращаясь к усопшему, просила его разыскать мужа на том свете:

Попрошу тебя я, милый дядюшка,
Не пожалей себя и своих ноженек,
Разыщи моего мужа милого
И расскажи про горе моё горькое.

Я соскучилась, сиротинушка,
 Со своим милым детушкам.
 И расспроси, как погиб он на чужой сторонушке,
 Да где лежит, моё-то солнышко,
 Под кустом или под ёлочкой.
 Уж не лежит ли под этой ёлочкой
 Да его-то фуражка с котелком?
 Уж дошла бы я, сиротинушка,
 Со своим-то сиротинушкам
 Да посидела бы под этой ёлочкой,
 Уж поговорила бы я про горе-горькое.

Данные тексты, приведённые в качестве примеров, можно вполне сравнивать с теми, которые записывались в XIX или в начале XX века Е. В. Барсовым. Обращает на себя сходство многих мотивов, речевых оборотов и поэтических образов текстов далёких друг от друга эпох. Обратимся к плачу у гроба сестры, записанному в Устюженском уезде Новгородской губернии А. Малиновским от неизвестной исполнительницы, опубликованному в 1909 году в «Живой старине» (Вып. 1. С. 72):

Подойду я, горька сирота,
 Подойду я, горемышница,
 К моей матушке – родной сестре:
 – Ты позволь, моя мила сестра,
 Вас спросить, моя голубушка,
 Вы куда да сподобилися,
 Приубравши в платье цветное?
 Во которы дороги гости,
 Ко которым ко сродникам?
 Уж я вижу, горька сирота,
 Сподобилася мила сестра
 Во остатний край-дороженьку,
 Ко своим да ко родимым,
 На второй да суд, на праведный.

В деревне Лиски Поддорского района в 1994 году записан похоронный причет от Ивановой Антонины Алексеевны, 1929 года рождения. Похоронный плач был связан со смертью соседа Дмитрия Ивановича. Исполнительница проплакивает по просьбе записывающих, при этом строго следует традиции, отвлекаясь лишь на мгновение, с тем, чтобы назвать слушателям имя того, о ком она будет плакать. Интонация и манера гово-

рения в этом случае иная, нежели тогда, когда звучит сам причет. В записи заметно, как плакальщица, комментируя и переходя от плача к диалогу с присутствующими, «проигрывает» психологическое состояние в момент причитывания. Причет исполнен не в связи с только что произошедшим событием. Однако так бывает не всегда, и чаще всего отказ от исполнения причета связан с нежеланием исполнительницы снова переживать тяжелые минуты. Исполнительница, по ее словам, «приходила поклон оказывать», то есть выразить свое уважительное отношение к человеку, попрощаться с ним. Но ей было важно через Дмитрия Ивановича, человека, к которому Антонина Алексеевна относится хорошо и который сейчас присоединяется к сонму усопших, передать поклон на тот свет своему давно умершему сыну, рассказать ему о своей печали и одиночестве.

Уже куда ты справился, снарядился ты
В путь дороженьку дальнюю
Уж и не так дальнюю, как печальную,
Моя ты любимый сосед, Дмитрий Иванович?
Уж и попрошу я тебя, сиротушка,
Уж и порасправь ты свои крылья белые,
Уж и сослужи ты мне службу верною,
Службу верною, безотказною:
Уж и как подойдешь ты ко Христу Небесному,
Уж и погляди на все четыре сторонюшки,
Уж и не увидишь ли ты мою милую дитятку.
Уж и передай-ка ты большой поклон,
Уж и ты скажи, как мне взгрустнулося и стоскнулося
Кругом, горький сиротинушки.
Уж и попрошу я тебя, сиротушка,
Уж и пусть прилетит в гости сизый пташечкой,
Уж ит сядет на мой белый садичек,
Уж и я не выдеру пуху мягкого,
Да не поломаю крылышки сизые,
Уж и я поймаю ю в руки белые,
Уж и я открою ворота тесовые,
Да я поставлю столики дубовые,
Постелю я скатерти шелковые,
Соберу я своих всех милых детушик,
Уж ты будешь у меня драгоценный гость.

В тексте данного плача сохранены некоторые диалектные нормы произношения.

Показательно, что плачи исполняют женщины, жившие в то время, когда культивировалось негативное отношение к прошлому. Молодость их прошла в военные годы, и, может быть, поэтому традиция оказалась столь живучей, ибо места, в которых они жили, были оккупированы.

В заключение следует сказать о том, что традиционный похоронный обряд подвергся деформации. Наиболее архаические элементы его утрачены или утрачиваются. Причины различны – это и влияние христианской культуры, и влияние исторических изменений, что, в конечном счете, изменило отношение к традиционной культуре, питавшейся от языческих корней. Заметно, как в девяностые годы уходит народная память об обряде и жанре, его оформлявшем. Так, еще недавно можно было встретиться и говорить с теми, кого называли профессиональными плакальщицами. Сейчас это женщины весьма преклонного возраста, которые часто по своему физическому состоянию не могут вспоминать «прошлую жизнь».

Материалы двух последних десятилетий, связанные с похоронным обрядом и причетью, которые удалось собрать за период полевой практики, к сожалению, малочисленны, причет записывается все реже и реже. Заметно, что из похоронных причитаний востребованными остаются поминальные причеты. Причитания, оформлявшие сам похоронный обряд, не записываются, по крайней мере, в тех местах Новгородской области, где удалось побывать. Скажем, однако, что и в предыдущие годы «урожая» на них не было.

Причеты, сохраняя традиционную структуру и образность, все-таки тяготеют к редуцированию. Правда, стоит заметить, что причет, записанный по просьбе собирателя фольклора, и причет, исполняемый в момент события, будут отличаться друг от друга. Но исполнители, которые хорошо владеют традицией, даже по просьбе причитывают так, как полагается. Примеров тому достаточно.

Свадебный обряд Новгородской области

Свадебный обряд в фольклорном архиве представлен неплохо. Новые материалы пополняют коллекцию каждый год. Отметим, что записи, сделанные в 60-е годы, не всегда интереснее и качественнее, чем те, которые поступили в 80-е и 90-е годы. Имеющиеся в архиве материалы позволяют реконструировать основные обрядовые моменты свадьбы.

Свадьба – это сложный комплекс различных ритуальных действий. Старинный свадебный обряд, зафиксированный на территории нынешней Новгородской области, относится к северной традиции. Современный человек может усмотреть в прежнем обряде лишь праздничное действие. Однако постепенно формировавшийся комплекс свадебной игры отразил социально-экономические, правовые, религиозные отношения людей в различные исторические периоды. В дошедшем даже до настоящего времени обычае выкупа невесты, правда, изменённом, но включаемом в качестве игрового момента в современный городской свадебный обряд, просматриваются следы брака купли-продажи. Например, в современном свадебном застолье гости или родственники «выкупают туфельку» невесты. Вначале похищают её (улучив момент, когда уставшая невеста снимет на время обувь под столом, чтобы отдохнули ноги), а затем пускают по кругу, и каждый присутствующий кладёт в неё деньги, пока туфелька не вернётся к своей хозяйке.

Свадьба в прежние времена была хозяйственным актом, обозначавшим приём в семью нового её члена – работника и продолжателя рода. Невестке обычно доставались тяжёлые работы по дому, поэтому оценивалась её выносливость и работоспособность, хозяйственные навыки. Так, например, все подарки, которые делала невеста жениху или его родственникам (платки, полотенца, рубахи), изготавливались ей самой.

Выбор невесты обуславливался и её здоровьем. От этого зависело, каким будет потомство, и потому так много внимания уделялось всему, что символизировало достаток и плодородие – обильная трапеза, посыпание молодых житом, хмелем или зерном, употребление в пищу молодыми куриных яиц или блюд из них. Такие действия носили характер магический и сохранялись в обряде, несмотря на его христианизацию.

Магическими, восходящими к язычеству, были и обряды, направленные на укрепление связи молодых друг с другом: например, совместная еда и питьё или угощение невестой жениха тем пряником, которым в бане вытирали с неё пот. Магическим был обряд расплетания косы на две и покрывание головы кикой – женским головным убором.

Кика новгородская – твёрдая цилиндрическая шапка с плоским верхом и уплощённой задней частью, с небольшими лопастями, прикрывающими уши. Она изготавливалась из шелка или бархата, украшалась золотошвейной вышивкой, жемчугом, бисером, цветными стёклами, которые имитировали драгоценные камни. К очелью пришивалась густая жемчужная или бисерная сетка-поднизь. Поверх кики надевался платок, сложенный по диагонали, закалывавшийся под подбородком. Такой головной убор был известен в XVII веке как деталь праздничного костюма русских боярынь. В XVIII–XIX веках она сохранялась как праздничный головной убор горожанок из купеческого и мещанского сословий, а также крестьянок. В конце XIX века сохранялась в немногих деревнях как свадебный убор, надевавшийся молодыхой.

Волосы в обряде имели особое значение: через них можно было «напустить порчу». Поэтому женщина аккуратно прятала их под головной убор. Многие в свадебном обряде носило характер оберега от нечистой силы или очищения от неё: например, обливание молодых или только невесты водой, когда свекор наутро после свадебного дня посылал молодую за водой к колодцу.

Решение – быть или не быть свадьбе – принималось родителями или старшими в роду. Меньшее значение имели чувства людей, вступавших в брак. Здесь истоки того закреплённого традицией напряженного драматизма, который сопутствовал обряду от сватовства до венчания, проявляющегося в особом поведении невесты, в её вопрошаниях и причетах.

В обряде, зафиксированном на рубеже XIX–XX веков, сохранялись названия «свадебных чинов», восходящие к великокняжеским и царским свадьбам русского средневековья, – такие, как «большой боярин», «малый боярин», «тысяцкий». Эти гости выполняли функцию значительного или богатого человека, что придавало особый оттенок происходящему. Всё это следы исторических напластований. Следует сказать,

что в разных местностях свадьба имела свои особенности. Часто основные моменты обряда имели разные названия, но, по сути, они оставались общими: сватовство, рукобитье, баня, девичник, приезд жениха с дружкой, утро венчального дня, отъезд к венцу, свадебный стол или, например, «яишня» (яичница), или хлибины.

Поэтические жанры в составе обряда были традиционными. Главные из них – лирические обрядовые песни, которые исполнялись девушками, подружками невесты, и причитания – «вой на голос», исполняемые в основном невестой, её матерью, сестрой. Встречаются также и причитания матери жениха. Кроме того, некогда важной составной частью жанрового репертуара свадебного фольклора были и заговорные формулы, функция которых сводилась к оберегу невесты и всего обрядового действия.

Старинный свадебный обряд претерпел серьёзные изменения, особенно в советский период, когда резко менялось сознание человека, а прежние обычаи воспринимались молодёжью как пережитки прошлого. Полнокровный, сложный свадебный обряд уходил в прошлое, сохранялись лишь отдельные его элементы, которые часто переосмысливались. Но люди старшего поколения помнили о том, как ещё недавно игралась свадьба.

Фольклорные публикации XIX – начала XX века и нашего времени подтверждают тот факт, что русская свадьба, если сравнивать обряд в разных местностях России, обнаруживая общую схему свадебной игры, часто имеет отличия, проявляющиеся в отдельных деталях обряда, в поэтических образах песен. Экспедиционная работа подтвердила, что в новейшее время речь может идти лишь о реконструкции обряда.

Семидесятилетняя Анастасия Петровна Данилова из деревни Бурегу Старорусского района вспоминала: «Перед каждой свадьбой раньше происходило сватовство, приходил жених к родителям невесты и просил отдать дочку замуж. Иногда в нашей местности было и воровство невест. Это случалось тогда, когда родители не хотели отдавать дочь замуж, а она была согласна идти под венец, тогда её крал жених. Перед свадьбой невеста собирала вечером подруг на девичник. Приходил и жених. Пели песни, шили (приданое – *О. Б.*). Накануне свадьбы девушки прощались со своим девичеством. Перед отправлением к венцу ей расплетали косу. При входе в дом молодых осыпали зерном, чтобы жили богато. Потом, через несколько дней, гости собирались у невесты на хлибины. На девичнике пели «Сборы»:

Сборы, сборы, сборы Машины,
Собирала она себе подружек –
Красных девушек.
Она сажала их за дубовый стол,
Сама садилась она выше всех.

Думушку думала она крепче всех:
– Как-то будет мне свёкра назвать?
Назову я свёкром – он рассердится.
Родным батюшкой – мне не хочется.
Я убавлю себе спеси-гордости,
А прибавлю себе чести-милости –
Назову я свёкра родным батюшкой,
А свекровушку – родной матушкой,
А золовушку – сестрицей-ластушкой,
Мне от этого худа не будет,
Со белова лица красочка не спадёт.

(Запись 1971 года)

Данное повествование дополняется рассказом Ермаковой Марии Павловны, которой к моменту записи было девяносто два года. Совершенно сократив рассказ о том, что было в составе обряда до провоза приданого невесты по деревне, она остановилась на эпизоде, когда «постельница едет по деревне». Перед этим запрягают лошадей, «какое там добро есть у невесты накладывают, там постели, подушки». А далее сказала: «Потом развязывают, расстилают по окошкам. Развяжут полотенца... подала невеста хоть по два, хоть по три, хорошо». Речь идёт о величине приданого. «Ну, приходят глядеть молодых» и, добавим, приданое.

Интересно сопоставить два рассказа о собственной свадьбе жителей Новгородского района. Вот первый. Владимирова Александра Михайловна 1913 года рождения, выходила замуж в деревню Ермолино. Она рассказывала о том, что жених, когда приезжал, то «по всему двору от конца до конца дрова или солому раскидывал». «А невеста должна убрать, а все смотрят, какая она хозяйка. Потом жених выкупал невесту, ребятам (парням) вино давал, девкам – конфеты. Праздновали целую неделю. Моя свадьба была аж на 16 лошадях. Друзкам ленты на плечи пришивали. А когда ещё выкупали (невесту), то жених с парнями деньги сыплет, сыплет, а подружки торгуются... Венчались в церкви. Здесь на конце деревни стояла церква, там сейчас кладбище, так там жил дьякон Ермол, попадья и монахи...»

Петров Николай Романович, 1903 года рождения, житель деревни Милославское, прекрасный сказочник, вспоминал в 1983 году: «Пришёл парень на поседку. Потанцевал с девчатами. Понравилась ему там одна девка. Задумал парень жениться на ней. Пришёл он в дом к девке и говорит её матери:

– Мать, выдай замуж Таню.

А она в ответ:

– Пойдёт, так пойдёт.

Попили они чаю да винца сладенького.

На следующий день парень говорит своему отцу:

– Батя, ступай сватать меня.

Вечером на второй день пошёл отец сватать. Пришёл оттуда и говорит:

– Завтра Богу молиться.

На другой день собрались все, сели за стол, чаю попили. Парень спрашивает Таню:

– Замуж пойдёшь?

Отвечает девка:

– Пойду.

Договорились свадьбу справить в Рождество. Справились, поехали с братом двоюродным ночью. Вынесли из дома невесты сундук, внесли в свой дом, занавески повесили. Пришла в дом невеста, а отец парня и говорит:

– Вот тебе ухват, будь хозяйкой.

Поцеловал Таню. Утром все встали, винца выпили. Вот и свадьба вся».

По этим записям заметно, как в зависимости от времени менялся обряд и как отличался обряд в зависимости от местности. В последнем случае хорошо заметно, что эта свадьба происходила в 20-е годы. Совершенно определённо требовалось лишь согласие парня и девушки, согласие же родителей оказывалось формальностью, данью традиции. Богомоление, бывшее обязательной составной частью прежнего обряда, в данном случае лишь заявлено: «Завтра Богу молиться». Отсутствует и указание на совершение молитвы после рукобитья, на венчание в церкви. Обряд упрощён, и краткость его подтверждена самим рассказчиком: «Вот и свадьба вся». Правда, рассказывал об обряде мужчина, это в данном случае оказывается тоже важно. Примерно в те же годы игралась свадьба и в деревне Ермолино, где обряд предстал в более развёрнутом варианте.

В ещё более редуцированном виде, чем в беседе с Петровым, предстал обряд в рассказе Вишняковой А. М., 1924 года рождения, из села Охона Пестовского района, хотя именно в этом районе долго сохранялась память об обряде. Она сказала, что сватовство ограничивалось приездом жениха и одного из сватов. Не было долгих приготовлений к свадьбе и посиделок (девичника) у невесты. Со свадьбой не было связано никаких примет и оберегов. Зато пиво, обязательное на свадьбу, варили по-прежнему и рецепт его приготовления помнили. Конечно, следует отметить тот факт, что вспоминает о свадьбе человек, который не был свидетелем того, как игрались свадьбы начала века. В конце 70-х годов по фольклорным записям, произведенным в деревнях Алехново, Осипово, Усть-Кировское Пестовского района, была проведена реконструкция свадебного обряда.

Северная традиция русского свадебного чина

В северной традиции русского свадебного чина, который достаточно полно исследован в Вологодской области, четыре основных этапа: сватовство, подготовка к браку, свадебная церемония и утверждение свершившегося брака.

Сватовство состояло из собственно сватания невесты, её смотрин, осмотра дома жениха, рукобитья и пропоя невесты.

Подготовка к браку включала приготовление даров невестой, приезд жениха на неделю, прощальные обходы невестой мест её девического гуляния с подругами, приезд жениха на девичник, обряд прощания невесты с девичеством – с «красной красотой», баню. Обязательными были причитывания невесты.

В свадебной церемонии выделялись причитывание невесты утром свадебного дня, выкуп права входа в дом дружкой и женихом, встреча жениха в доме невесты, выкуп невесты и передача её жениху, вывод невесты из-за стола, отправление свадебного поезда к венцу, венчание, встреча молодых, большой («княжий») стол.

Утверждение брака состояло из утреннего бужения молодых, их омовения, кражи невесты, обряда ряжения на свадьбу, испытания молодой, гощение на второй день, обряд принятия молодой в новую семью.

Такова была по сложности «классическая» структура обряда.

Свадебный обряд в Старорусском районе (реконструкция)

Вглядимся поподробнее в Старорусский свадебный обряд. В нём выделялось три цикла: предвенечный, включавший сватовство и под-

готовку к венчанию, собственно свадебный и послевенечный. Каждый из этих циклов структурно был необычайно сложен. Это показала позднейшая реконструкция традиционного обряда на основе материалов фольклорных и этнографических изданий, в частности таких, как «Свадебные песни Новгородской области» (1974), «Старорусская свадьба» (1988), а также по фольклорным записям конца 60-х – середины 80-х годов XX столетия, хранящимся в фольклорном архиве Новгородского государственного университета.

Знакомство

Свадьба обычно игралась после окончания сельскохозяйственных работ – осенью и в зимний мясоед. До этого происходил выбор невесты. На посадках, или беседах, парни высматривали себе невесту. В некоторых местах Новгородчины были специальные дни, когда в одну из деревень из всех окружающих её ближайших деревень съезжалась нарядно одетая молодёжь.

Есть сведения о том, что в Клопский монастырь со всего Поозерья (северо-западное побережье озера Ильмень) собирались парни и девушки на праздник «Прихоженье» (11 января, преподобного Михаила Клопского, новгородского святого). Отстояв храмовую службу, молодёжь отправлялась на гулянье в ближайшую деревню Хотяж (Новгородский район), где и происходило знакомство. Парни катали девушек по деревне на лошадях, и часто к концу дня парни сговаривались о дне, когда пришлют сватов.

В Крестецком уезде во время святок парни ездили из деревни в деревню, посещали беседы, где и присматривали себе невест. Известно, что в Новгородском уезде молодёжь собиралась в сосновом бору вблизи деревни Веретья. Парни и девушки зажигали костры, играли, плясали и таким образом знакомились. В Боровичском уезде молодёжь собиралась у ближайших реки или озера 6 января на праздник Крещения. В связи с этим существовало местное выражение: «Сегодня (в Крещение) – выбор невест». Во время водосвятного молебна девушки вставали на возвышенном берегу, а парни внизу, под горой, откуда и приглядывали себе будущую невесту.

В Старорусском уезде в некоторых деревнях зимой устраивали «навоз», когда из соседних деревень приглашали и привозили (навозили) на несколько дней девушек, которые жили в домах родственников, устраивали вечера, где присматривались к ним, разузнавая, хорошо ли она умеет работать, много ли приготовила приданого. После этого парень ехал на смотрины в дом к выбранной им девушке; если он нравился ей

и её семье, то ему вручали «задаток» – платок, кольцо или что-либо из рукоделья. Задаток означал, что отказа ему не будет, и он может засылать сватов.

Есть сведения о том, что такие встречи происходили и в Новгороде при торговых думских рядах, куда съезжалась молодёжь из ближайших деревень.

Однако часто браки совершались по принуждению, а сватовство происходило не только без взаимной склонности молодых людей друг к другу, но и без предварительного знакомства. Главное в таком случае заключалось в материальном или хозяйственном расчёте семей. Многие из тех, кто рассказывал о том, как происходила прежде свадьба, говорили, что «девка до сватовства парня не видела».

Предвенечные обряды

Сватовство

Сватами были чаще всего родственники жениха: крестный, дядя, иногда отец с матерью. Чтобы сватовство прошло удачно, нужно было строго соблюдать ритуал и необходимые предосторожности. Например, в дом к предполагаемой невесте приезжали вечером, чтобы было меньше ненужных свидетелей. Иногда вместе со сватами приходил и жених. Они не должны были заходить за матицу (так называлась несущая балка строения) и, останавливаясь у порога, спрашивали:

– Вперед нам пройти ли, взад вернуться?

Родители девушки или её старшие родственники, если она была сирота, приглашали сватов сесть на лавку.

Когда все рассаживались, то, хотя присутствующие понимали смысл визита, разговор начинался издалёка: говорили об урожае, о хозяйстве. Затем сват переходил к делу:

– Я пришёл к вам не кумиться, не брататься, а пришёл к вам посвататься.

Были и другие варианты начала разговора о деле:

– У вас товар – у нас купец.

Или:

– У вас есть берёза, у нас дуб, давайте вместе гнуть.

Так, Н. В. Матюхина из деревни Нагово рассказывала, что сватовство начиналось так:

– Молодой гусачок ищет себе гусочку. Не затаилась ли в вашем доме гусочка? – спрашивали сваты. А в ответ слышали:

– Есть у нас гусочка, но она ещё молоденька.

– Да сейчас самый лучший квас, – продолжал сват, – а то перезреет – закиснет. А жених вон какой: что родом, что телом, что красой, что делом.

Отметим иносказательную манеру ведения разговора. Это было необходимо, так как надо было уберечь дела от вмешательства нечистой силы и запутать её. Традицией было хвалить жениха, его семью и хозяйство, а потом спрашивать согласия хозяев на брак. Родители девушки, даже если они рады сватам, не должны были сразу соглашаться, говоря о её молодости и нежелании покидать родной дом. Таковы были этикетные нормы. Но если сваты не отступали от своего, тогда звали невесту и спрашивали её согласия, которое часто было только формальностью, так как подлинное желание девушки могло и не учитываться.

Екатерина Васильевна Журавлёва из деревни Ручьи вспоминала о том, как её спросил сват – дядя жениха:

– Согласна ли ты, родная, выйти замуж за ясна сокола?

«Он мне понравился: был очень красивый, стройный, голубоглазый. Я согласилась. А жила я у дяди. Раз я была согласна, то дядя не стал отказывать. На печке лежала бабушка и отговаривала выходить замуж, всё плакала и говорила:

– Влюбится сатана вместо ясна сокола.

Для сватов поставили самовар, накрыли стол и дали слово, когда будет свадьба».

Сваты договаривались с родителями невесты о времени свадьбы, о приданом и назначали день рукобитья. Согласие невесты подтверждалось задатком, который она давала сватам или жениху. Им могли служить платки, шали. «Я задаток дала – шарф, – вспоминала А. Д. Ботина из деревни Рамушево. – Если подумаешь идти, то и пропало всё. Одна наша девка была просватана, а потом не пошла – шарф голубой шелковый и пропал. Потом она его видела на новой невесте в церкви. Да уж не вернёшь».

Две – три недели после сватовства в местной церкви происходил «клик», другое название – «публикация», то есть публичное оглашение имён жениха и невесты, чтобы выяснить, нет ли каких-либо препятствий для венчания, о котором родственники могли и не знать, но зато знали местные жители.

Рукобитье

(сговор, запоручивание)

Рукобитье, иначе называемое сговором или богомоленьем, началось обычно на четверг и подтверждало окончательное закрепление сватовства, когда стороны окончательно договаривались о расходах на

свадьбу, о подарках со стороны жениха, об осмотре его хозяйства родственниками невесты. В доме невесты собирались её родственники, готовилось угощение. Жених с отцом, сватом и родственниками приносили и своё угощение. Гости садились за стол, а невеста с матерью в это время находились за занавеской, не показываясь гостям. Сват или отец жениха наливали рюмку вина и просили подойти к чарке мать невесты, она выходила и принимала её. Такой обряд совершали все присутствующие. Последней жених призывал невесту. Затем зажигали лампадку, и все молились, а родители невесты благословляли молодых иконой и хлебом. Невеста одаривала подарками родственников жениха.

«Потом отцы по рукам хлопнули, как скот дочку продавали» (Т. Н. Гарасина из деревни Рамушево). Отец невесты говорил: «Хорош товар!», а отец жениха отвечал: «По товару и купец!» Дело считалось сделанным. Начиналась подготовка к свадьбе.

В Валдайском районе было принято на сговоре сжигать на прялке невесты куделю – льняное волокно, из которого прялись нитки, что означало конец девичьей жизни. В Солецком районе после рукобитья молодёжь сжигала солому – «сжигали девичество».

С этого момента невеста начинала причитывать, прощаясь с родным домом, с девичьей «вольной волюшкой», с «красной красотой» и подружками. Причеты невесты, сопровождая все её действия, длились вплоть до отъезда к венцу. Она горько оплакивала короткую девичью жизнь, представляя будущую мрачной и безрадостной, «как тёмный лес». «Со всей деревни сбегутся на рукобитки, стоят под окошком. А жених девушкам гостинцы даёт», – говорила А. С. Орлова из деревни Подцепочье. – Это называлось «плаканого» слушать». Народ считал причитания священной частью этих торжеств, пропускать которые никак нельзя.

Невеста, причитывая после сватовства или рукобитья, не ходила по избе, а, как правило, сидела за столом или стояла на коленях у лавки, низко склонив голову, изредка поднимая её, чтобы взглянуть на присутствующих. А вот в другие моменты обряда она ходила по избе, припадая к материнскому плечу, или плакала у печки. Печь во многих обрядах, а особенно в свадебном, была значима, так как печь – центр и тепло дома, место, с которым связана хозяйка дома.

В городе Старая Русса в 1984 году от Н. И. Кузнецовой был записан цикл плачей невесты. На запоручивании невеста причитывала:

Я подумала молода,
Я подумала зелена,
Что к моей светлой светлице
Не было пути-дороженьки,

Не летнии тропиночки,
Не ходили, не ездили
Ни конные, ни пешие,
Что вокруг светлой светлицы
Все леса были дремучие
Да болота топучие.
Что сегодняшней день,
Отчего это случилось,
Что пролегла дороженька
И пришли-то к нам,
Приезжали чужие люди, незнакомые
По меня, молодешеньку.

Немного переведя дыхание, просватанная девушка продолжала:

Что не ключики ли брякнули?
Не замочки ли щелкнули?
Не меня ли запоручили?
За поруки за крепкие,
За письма-то за мелкие?
Выручать меня – не выручить,
Выкупать-то – не выкупить,
Ни златом, ни серебром,
Ни своей золотой казной.

В плаче обращалась девушка к отцу и матери:

Бог судья, кормилец-батюшка,
Бог судья, родима матушка,
Не дали да красной девице
До любя да насидетися,
До охоты нагулятися,
Цветного платья наноситися,
Мне дохолить лицо белое,
Мне дорастить да русу косу
До единого до волоса.
Так и что я, красна девица,
Со годами да не сверсталася,
С умом-разумом да не собралася.
У меня, у красной девицы,
Как мое да лицо белое,
Что берестечко лежалое,
Лежалое годовалое.

Сам ты знаешь, сам ты ведаешь,
Мой кормилец, сударь-батюшка,
Государыня, моя матушка,
Как и мне да красной девушке,
Как и мне эти да чужи люди:
Вместо ножа они мне вострого,
Восторого ножа булатного.
Тут как я, да красна девица
До того, да прежде этого,
Я ходила, красна девица,
По широкой да по улице.
Так у меня, у красной девицы,
Не глядели очи ясные
На ихнюю темну темницу,
На темную потюремницу.
Мой кормилец, сударь-батюшка,
Государыня ты, матушка,
Погляди да, сударь-батюшка,
Государыня ты, матушка,
У меня, у красной девицы,
Не жемчуг – да горючи слезы,
Не бумага — лицо белое.
Как уж вьюсь я, увиваюся,
Шелковым клубом катаюся,
Со голубушкам-подруженькам,
Сверстной ровнюшкой великою.
Как у вас, мои голубушки,
Жалостливы отцы-матери,
Вам дают, сестрицы милые,
До любя да насидетися,
До охоты нагулятися,
Цветного платья наноситися,
Вам доростить да русу косыньку
До единого до волоса,
До шелкового до пояса.
Как у меня-то, у красной девицы,
Руса коса расплетается,
Алы ленты развиваются,
Что померкли очи ясные,
Что потускнели щеки алья.

Или:

Чего век-то я не думала,
Отродясь своих не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадет невзгодушка.
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали,
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались.
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы
Я не в летней-то работушке,
Я не в зимнем обряженьице,
Я слуга была всем верная,
Была верная и ключница.
Вот уже, мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь,
Пора-время преобойдется,
Народ-люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,
С терема гости разойдутся.
Как придет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки,
Как пойдут-то люди добрые
На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
С козаками, с козачихами,
С дочерями, белыми лебедями.
Уж как мой кормилец-батюшка
И кручинна моя матушка,
Пойдут-то один-то одинешеньки
На отходную работушку.
Государыня, моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки,

Ты послушай, кручинна-матушка,
Моего-то зычна голоса.
Ты вспомни да повспомяни
На чужой меня сторонушке.
Мне икнется легошенько,
Мне вздохнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспомянет кручинна-матушка
На родимой на сторонушке,
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки.
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуять да не услышати
Моего-то зычна голоса.
Как кручинная-то матушка
Обольется горячим слезам,
Меня вспоминула молодешеньку
На чужой на сторонушке.
Ты подумай, моя ладушка,
Я в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не выдаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители,
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалося,
Как пчела, в меду купалася,
Я не знала, красна девица,
Как ни раннего вставаньица,
Как ни позднего лежаньица,
Ни грубого побужденьица.
Ты побудишь, кручинна матушка,
Из тиха-то полегонечку:
– Ты вставай-ка, мое дитятко,
Ты вставай-ка, мое милое.
Все дела у нас не деланы,
Все работы – не работаны.
Уж я встану молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокого изголовьица,

Погляжу я, красна девица:
Все дела у нее переделаны,
Все работы переработаны.
Как подумаю, кручинна девица,
Про чужую про сторонущку –
Сердце кровью приобольется,
Живот камнем перевернется.
Я просплю-то, красна девица,
Со девичей воли вольныя
До зари-то белого дня,
До восхода красна солнышка.
Как заходят злы-чужи люди,
Заричат-то по-звериному,
Зашипят-то по-змеиному:
– Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробуждайся-тко, дремливая.
Все дела у нас переделаны,
Все работы преработаны!
Как я встану молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокого сголовица,
Приумою лицо белое
Не водой да не ключевою,
А своим-то да горючими слезами.
Я утру-то лицо белое,
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честном дому,
У кормильца-то батюшки,
У родимой-то у матушки.
Не волна ли то взволновалася?
Чужи люди взбунтовалися.
Как-от шумит сват, злодей большой,
Со кормильцем со батюшкой,
Со кручиною со матушкой –
У них сватовство заводилося,
Рукобитьице случилось.
Не спеши, кормилец-батюшка,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы да за дубовые,
За скатерти-то браные,

За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные.
Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые
В батюшкову сторонушку,
Все-то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну красоту.
Мне дай да красной девице
Да повыйти, да повиступить
На широкою да на улицу,
А пустить да свой зычен голос
Что на все четыре стороны.
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьце.
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные, –
Не могли столы отодвинуться,
Браны скатерти завернутся.
Бог судья вам, хлебы ситные, –
Не могли вы откатиться.
Бог судья вам, свечи восковые, –
Не могли вы закратиться.

К моменту Богомоления относится и следующий причет:

Не дуйтесь, огни полящие, со муравного жарничка,
Не топись-ка, восковая свеча перед чудным Спасом-образом!
Не вздымись-ка, ручка правая, у кормильца, света-батюшки,
Да не буйную головушку не крести, кормилец-батюшка.
Крепко бить да не по белым рукам – невольть меня, бедную,
Во великую неволюшку, во наложную заботушку,
Во чужу-дальню сторонушку, молодым да молодешеньку,
Не во полном еще возрасте, во ребячьем уме-разуме!
Погляди, кормилец-батюшко, на меня, на красну девушку:
Я тонка, будто тетивочка, зелена, будто травиночка,
Я без ветра шатаюся, без дождя да уливаюся.
Желанный кормилец-батюшка, собери-ка сродцев-сродников,
Приобдумай крепко думушку; поразбей-ка рукобитьце:
Откажи, кормилец-батюшка, злодей чужого чуженина!

Приведенный ниже текст плача исполнялся невестой-сиротой, которую просватали ближайшие родственники – дядя и тетя:

Мое сердце испугалось,
Резвы ноженьки подогнулись,
Белы рученьки опустилися.
У меня ли, сизой пташечки,
Горе-горькой сиротинушки,
Голова с плеч покатилася,
Во устах речь помешалася.
Запоручил милый дядюшка
И кормилица-тетушка
За поруки-то крепкие,
За замки вековечные.
От замков ключи потеряны,
Во сине море опущены.
Ты взойди, красно солнышко,
Обсуши ты сине море!
Уж вы, свет мои подруженьки,
Мои милые голубушки,
Вы сходите на сине море,
Поищите золотых ключей.

Плачи эти следовали один за другим с небольшими перерывами в зависимости от того, какой был момент обряда.

В Старорусской свадьбе, как и в русской северной свадьбе в целом, причитания играли центральную роль. Они были не только эмоциональной разрядкой для невесты, хорошо понимавшей трагическую неизбежность происходящего, но и рассчитывались на присутствие зрителя и слушателя, а потому содержали элемент условности. Невеста должна была причитать в любом случае, даже если она выходила замуж по желанию.

Надо сказать ещё об одной особенности включенности разных жанров в обряд. В северной свадебной традиции причет часто исполнялся одновременно со свадебной лирической песней или даже частушками, как это показали исследования, проведенные, в частности, Д. М. Балашовым. В Новгородской области нам не удалось зафиксировать подобного явления. А теперь, видимо, и не удастся.

Смотрят место

После рукобитья невеста с родными ездила смотреть дом жениха. Она обмеряла окна и двери, чтобы шить на них «завесы» (шторы).

И в это время невеста причитывала тоже, упрасывая родителей не ездить «ко чужим людям», пророча беды, упрекая отца в том, что он не сдержал слова и отдает ее замуж. Вот два причета, которые вспомнила Кузнецова, исполнявшихся, когда «смотрели место»:

Ой, уж бывала я девицей,
Ой, я не слывала невестою.
Ой, жила молодехонька,
Ой, ходила молодехонька,
Ой, я по гулянкам, по ярмаркам,
Ой, все тулилась да пряталась,
За людей хоронила,
Ох, я не глядела-то, девица,
На красу молодецкую.
Слава, слава, слава Богу,
Слава истинному Христу,
Сберегла да сохранила,
Ой, свою-то честную красоту.
Я ее честно содержала:
Не опустила я красоты,
Ой, уж во листья зеленые;
Не затоптала я красоты,
Ох, уж я во грязи во черныя;
Не опустила я красоты,
Ох, уж я во речки во быстрые.
Ох, я берегла да сохоронила
Ой, от ветра, от вихоря,
Ох, я от часта-мелка дождичка
И от красы молодецкие.
Ох, ты поступил, сударь-батюшка,
Ох, ты без вины да без винушки;
Ох, ты выдаешь меня, батюшка,
Ох, на чужую на сторону,
Ой, ты с большой неохотою.
Ой, как на чужой-дальней стороне
У чужих у добрых людей,
Ох, да будет наприматися
Ох, мне скудости и бедности.
Ой, что говорят люди добрые,
Ой, уж у них место неправое:
Ой, да семеюшка виноватая,

Ой, да улочка неметеная,
Ой, уж лесенка нескребеная.
Как возьмут добра молодца
Ой, во солдаты, во рекруты,
Ой, как что угонят-то молодца
Ой, на службу на царскую,
Ой, на войну государскую.
Ох, меня оставят-то девицу
Ой, вдовою злочастною,
Ой, солдаткой горе-горькою.
Ой, будет мне напріматися
У чужих у добрых людей
Ой, уж в ту пору да в то время
Ой, стужи-нужи великие,
Ой, холоды да голоды,
Ой, худые-то мне славушки.
Ой, пригоже, красно солнышко,
Ой, уж мой, родимый батюшко,
Ой, со родимой со матушкой,
Ой, уж выдаешь меня, батюшко,
Ой, ты на чужу-дальню сторону,
Ой, силою да неволею,
Ой, большой неохотою.
Откажи-ка чужим людям,
Ой, бы еще искали добры люди,
Ой, меня лучше, дороднее,
Ой, меня всячиной поизряднее,
Ой, личиком покрасивее,
Ой, плечикам бы плечистее.
Ох, уж я тебе, батюшко,
Ой, не привела тебе, батюшко,
Ой, я указы великие,
Ой, те поношенья негодного.
Ох, уж я стану ведь, батюшко,
Ох, я работала работушку,
Ох, уж я скорым да скорехонько,
Ох, подымала тяжелую,
Ох, не ждала у дни вечера,
Ох, не глядела на солнышко.
Ох, как это я, молодешенька,
Ох, я ровно шуточку шутила,

Ох, я пела песни веселые.
Ох, уж голоса растекались,
Ой, уж волосы совивались.
Ой, покуль была молодехонька,
Ой, ходила молодехонька,
Ой, я по дубовым по лавочкам,
Ой, в полотняной рубашечке.
Ой, уж ты брал меня, батюшко,
Ой, ко себе на белы руки,
Ой, ты говорил да накликавал:
– Ты расти, мое дитяtko,
Ой, ты расти, дочи хорошая.
Не отдам тебя, дитяtko,
Ой, ни за купца, ни за боярина,
Ой, ни за какого торгового.
Ой, как тотчас, красно солнышко,
Ой, твоя неправда отыскалася:
Отдаешь меня, батюшко,
Ой, на чужую сторонушку,
Ой, за болота зыбучие,
Ой, да за ельники дремучие.

И вот другой причет:

Ты не езд, родимый батюшка,
На чужую дальнюю сторонушку,
На злодеюшку незнакомую,
Не кидайся, родимый батюшка,
На хоромы-то на высокие,
На запоры-то на крепкие,
На самовары-то на чистые,
На скотинушку рогатую,
Еще пуще, ежели на удала-добра молодца.

Великая неделя. Шитьё приданого

В течение следующей недели, а иногда двух, невеста с помощью подружек готовила приданое: шила простыни, полотенца («утиральники»), салфетки и «завесь», готовила подарки жениху и всем его родственникам. Родственники невесты «предсвадебные дни проводили в хлопотах: обдирали животных, пекли хлебы, жарили, варили» (говорила Н. В. Матюхина из деревни Нагово). Екатерина Васильевна Журавлёва, 1892 года

рождения, из деревни Ручьи вспоминала: «На свадебное платье ушло 17 аршинов материалу, и когда танцевала, как веером размахивала». А вот Александра Семёновна Барабанова 1900 года рождения была из небогатой семьи. Она рассказывала: «Девки приходили помогать шить. Мы шьём, а тётка поучает: «Мы-то в своё время шили! Юбки широкие были: раз оторвёшь полотнище – вот и одеяло; раз – полотнище от другой, вот и другое. В свадьбу-то чужого повесили, чтоб не стыдно было».

Каждый день невеста встречала подружек и всех приходивших в дом причётами, жалуясь на свою судьбу, плакала о своей девичьей волюшке. Встречая причётом входящих в дом, она «голосила» у порога горницы, обнимая руками каждого входящего. Если приходила сестра невесты, бывшая замужем, то она могла услышать такой плач:

– Ты скажи-ка, сестрица милая,
Каково жить во чужих людях?
– Ты, голубушка, моя сестрица,
Я не знаю, бедная, горькая,
Мне сказывать иль не сказывать?
Не сказывать – так ты рассердишься,
Мне сказывать – не высказать,
Мне пером писать – не выписать.
Не могу я никак подумати
Про тебя, моя милая сестра,
Как ты будешь жить да в чужих людях,
У чужого да отца-матери,
У чужого да у чуженина?
Три ума есть да три разума,
Три характера негодные.
Ты послушай-ка, милая сестра,
Что скажу тебе, голубушка!
Жить в злодеях да во чужих людях
Надо много ума-разума,
Надо много смыслу-сдогаду,
Надо много да могуты-силы,
Надо силушка звериная,
Могута да лошадиная.
Станешь жить да, мила сестра,
У чужого отца-матери,
Ты не жди-тко, сестрица милая,
Ты от свекра-то буженьица,
От свекрови да наряженьица.

Они крикнут по-звериному,
 Зашипят-то по-змеиному.
 Ты сама, моя голубушка,
 По утру вставай ранешенько,
 К вечеру ложись позднешенько,
 Попрося, ходи на улочку,
 До лома гляди в окошечко,
 Не держи ты много подруженек,
 Ничего-то ты у них не спрашивай,
 Про свое ты горе им не сказывай:
 Донесут они злым чужим людям,
 Злые люди будут сердиться,
 На тебя они будут гневаться.
 Лучше выйди ты, милая сестра,
 Ты во чистое во полюшко,
 Припади ты да ко сырой земле,
 Ко горячему ты да ко камешку,
 Ты раздели тоску-кручинушку,
 Ты со матушкой-сырой землей.
 Ведь ты знаешь, милая сестра,
 Что мать-сыра земля не вынесет,
 Горюч камушек не выскажет.
 Ты пойдешь да ко чужим людям,
 Ты утри да горючи слезы,
 Людям виду не показывай.

(Записано от Кузнецовой Н. И.)

У вошедшей в горницу замужней подруги невеста спрашивала:

Ты скажи, моя подруженька,
 Ты скажи, моя желанная,
 Про чужу-дальну сторонушку,
 Про чужого про чужанина,
 Про чужого отца с матерью.

(Быстрова Ф. К., д. Чепурино, Пестовский район)

В рассказе о свадебном обряде А. С. Чайкина из деревни Рамушево вспоминала: «Сергунина Авдотья целую неделю плакала. Жених ей говорит: «Полно, что ты – на каторгу что ли?» А она ему:

Уж подожди, добрый молодец,
 Ещё не твоя вольная волюшка,
 Ещё не поймана птичка серая».

«Неделю после сватовства шили. Плакала мать, и невеста плакала. Невеста, например, шла к порогу и плакала:

Поищу я родну маменьку,
Ужо не услышит ли она меня, сиротушку».

(Грузнева Н. Г., д. Марфино)

В деревне Колома в 1984 году от Марии Назарьевны Сторожевой, 1901 года рождения, был записан плач, во время исполнения которого невеста обращалась то к отцу, то к брату:

Отыщу я тебя, родной тятенька,
И попрошу я тебя молодешенька,
Отдаёшь ты меня не за любимого.
Верно просидела я твои лавочки брусовые,
Проглядела окошечки косящие.
Подойду я к тебе, братец-кровинушка,
Попрошу я молодёшенька,
Когда поведёшь ты меня во матушку
Во Божию церковь,
Не пожалей саночек дубовых и воронёного коня,
Шелковым кнутом расстегай что есть силушки,
Чтоб размыкали меня по чисту полюшку,
А подвенечный наряд по кустам вересовым,
Чтоб не досталась я нелюбимому.

В том случае, когда девушка выходила замуж не по любви, плачи звучали ещё горше, ещё печальней. А песен в предсвадебный период почти не пели, отмечали названные исполнительницы. Заканчивалась предсвадебная неделя обрядовой баней и девичником.

Обрядовая баня (байна)

Баню топили девушки, подружки невесты, накануне девичника. Невеста кланялась в ноги подружкам и просила истопить баню «парную, не угарную». «Баенный» обряд проходил под почти непрерывные причитания невесты, её матери, сестры или других родственниц.

Невеста, причитывая, старалась оттянуть время расплетания девичей косы. Подружки расплетали девичью косу, расчёсывали волосы и брали себе ленточки из косы. Прощание с красной красотой, символом девичества, проходившее во время девичника («вечерины» – Пестовский район), –

момент напряженно-драматический. Девушки пели песни в этот момент. Мать невесты и невеста причитывали. Невеста красовалась последний раз в красной красоте. Н. А. Андреева, 1907 года рождения, из деревни Бакочи-но Старорусского района вспомнила такой причет (запись 1987 года):

А ижно теперь не знаем, моя ластушка,
Какая ты будешь хозяйюшка,
Попрошу я, горькая сиротинушка,
Уж подружек-то вот милых,
Твоих милых, красивых,
Чтобы почесали тебе буйную головушку
Уже русы волосушки в порядочек.
Чтобы они не развивались, не расплетались
От удалой-то от головушки.
Так уже мы управляем, моя доченька.

Подружки берут гребень и расчесывают голову невесте. А матушка невесты продолжает:

Уже тебя нарядили, моя родная,
Уже в ленточки красивые,
Так покрасуйся, моя милая,
Уже по своему-то теплomu гнездышку.
Ох, уже найди своего родителя, родного папушку,
Да попроси-кася прощения у родного у папушки,
Он тебя растил, моя дитятка.
И поищи-ка сестру-ласточку и братца-то родного
Даκ поклонись им, моя доченька,
Своим-то ты любимым,
Чтобы не давали тебя в обидушку,
В обиду-то горькую,
И ты-то не отдавайся в обидушку.

Плачущую невесту закрывали платком «от сглаза» и вели в баню. Девушки пели, пока топилась баня:

Ты топись-ко, топись, баенко,
Да разгорайся, новокаменка,
Да растопляйтесь, сыры дрова,
Да что сыры дрова березовые.
Мы носили серы камешки
Что со трех полей со чистых.

Мы носили студену воду,
Что со трех ключов кипучиих
Мы ломали шелковый веник,
Что со трех берез кудрявых,
Что омыть-то красну красоту,
Что девичью вольну волюшку.

(Смирнова С. Е., д. Чепурино Пестовского р-на, 1968)

Тот, кто топил баню, голосил:

Истопила я парну баенку,
Что я парную да не угарную.
Подойдем, мила подруженька,
Да ко твоей ко русой косы,
Ты носила русу косыньку
Что умеючи да жалеючи
По господним-то праздничкам,
По Христовым воскресеньцам.
А теперь, моя подруженька,
Расплетем твою русу косу
И разделим шелковы ленточки
По твоим милым подруженькам.

Невеста отвечала причетом же:

Вы примите, мои подруженьки,
Что мои-то алы ленточки.
Я носила-то не умеючи,
Я носила-то не жалеючи.
Разделила ленту да заплакала,
Растеряла я свои алы ленточки,
Что по своим-то подруженькам.
Уж как пойду я по своей новой горенке
Что со своей-то со русой косой,
Без своих-то алых ленточек
Что во парную-то во баенку,
Что во парную да не угарную.

Причеты записаны в 1968 году в деревне Кузюпино Пестовского района от Веселовой Феклы Ивановны, 1902 года рождения. Она же рассказывала о том, что пока невесту мыла сваха, подружки запирали баню. А выпускали невесту только после того, как невеста ответит на вопросы.

Подружки, подходя к двери, спрашивали невесту:

– Марья, кто завтра, кто за тобой приедет?

Она отвечала:

– Захар приедет.

«И тогда выпустят из байны. После байны – вечерины», которые начинались с причета невесты.

Вам спасибо, милые подруженьки,
Вам спасибо, милые голубушки,
Что пришли да не поспесивилися,
Что пришли да на мои вечерины,
Что пришли да не погордились,
Да на мою-то да на свадебную вечеринушку.
Спасибо вам, милые подруженьки,
Что вы не вспомнили моего чужанина.

Мать невесты причитывала, когда её дочь возвращалась из бани:

Дай мне наглядеться на тебя, ласточка!
Уходишь ты со свою ты домика родного
К чужим чужанинам,
Уходишь ты от гусей серых,
А тебя будут принимать гуси белые.
Так уж ухаживай, родная доченька,
Уже ты своих-то сих кровныйи,
Кровныйи будут тебе родные.
Уж ты позабудешь, ластушка касатая,
Нас-то горьких сиротушек.
Так наша милая ты доченька,
Ты у нас одна-одинешенька.
У нас поле понасеяно,
А уж одна ластушка касатая.
Просим, миленькая доченька,
Уж ты ухаживай чужу семеюшку,
Ухаживай своих родных,
Уже ты ухаживай удалую головушку,
Тот, кто тебя приютить хочет в свой новый дом.
Так не забывай ты и нас-то горьких,
Как мы тебя растили,
Как мы тебя укручали,
Как мы тебя наряжали,
Думали, что ты у нас лучше будешь
Всех других девушек,

А теперь не знаем, моя ластушка,
Какая ты будешь хозяйюшка.
Вот уже подружек-то милых,
Твоих-то милых, красивых,
Чтоб почесали тебе буйную головушку
Уж русы волосушки в рядочек,
Чтоб они не развивались, не расплетались
От удалой-то от головушки.
Уж тебя нарядили, моя родная,
Уже ленточки красивые,
Уж так покрасуйся, моя милая,
Уже по своему-то теплomu гнездышку.
Уже ты найди своего родителя родного,
Да попроси-ка прощеница у родного у папушки.
Он тебя растил, тебя, мое дитяtko.
Да и поищи-ка сестру ластушку
И братца-то родного.
Поклонися им, моя доченька,
Своим-то бы любимым,
Чтобы не давали тебя в обидушку,
В обидушку-то горькую.

Далее мать просила дочь-невесту рассказать о том, что та видела во сне:

Подойду к тебе, мила доченька,
И спрошу тебя, родна доченька,
Что тебе сегодня да приснилось,
Что приснилось, привиделось?
Расскажи, любимая доченька,
Что тебе приснилось...

(Веселова Ф. И.)

Дочь отвечала:

Да приснилась мне, родна матушка,
Да приснилась мне чужая матушка чуж-чужанина,
Да приснился мне чужой батюшка чуж-чужанина...

(Веселова Ф. И. – текст записан не полностью)

Далее шел рассказ невесты о том, как плох чужой дом и те, кто в нем живет, – это чужое пространство. Невеста в плачах обращалась ко всем родственникам с просьбой защитить ее, не отдавать в чужие люди. Но в то же время в плачах центральным оказывался мотив неотвратимости

надвигающихся событий. Особенно драматичными были плачи невесты-сироты. Вот она обращается к дядюшке, который ей заменяет отца:

Да подойду я, бедна сиротинушка,
 Да ко тебе-то да ты желанный, ты дяденька,
 Да подойду я, да тебе я поклонюсь,
 Да запряги-кася а ты ворона коня,
 А уж ты свежи-кася а ко Божьей-то Матери,
 Да позвони-кася в большой колокол,
 Да раздалася бы мать-сыра земля,
 Да чтобы вышел кормилец, да батюшка,
 Да мое-то да на злодей-горе,
 Да благословить меня одну, горющицу,
 Да что ко звону да колокольному
 Да со чужим-то да со чужанином.

(Рогова А. Е., д. Улома Пестовского р-на, 1968)

Девичник (вечерины)

На девичнике в старорусской свадьбе настроение было по большей части минорным. Невеста с распущенными после бани волосами сидела за столом, причитывая по смытой волюшке. Причетами она встречала каждого, пришедшего посмотреть, как будет «красоваться» невеста – прощаться со своей красной красотой. Красная красота, символ девичества представляет собой веночек с лентами, надетый на голову невесты (по старорусским записям).

Невеста обращалась к брату:

Уж попрошу-то тебя, братец мой, кровинушка,
 Что ж я иду, горькая сиротушка,
 Я в хорошие людишки добрыи,
 Не к сударыне родной маменьке,
 Дак когда мне сгрустнется, горазд стоснется,
 Уж я приду, горька сиротушка,
 К тебе в хорошее-то гнёздышко,
 Дак уж ты не закрывай-ка воротичка на подпорочки,
 А окошечки на защёлочки.
 Уж я приду к тебе, братец мой, кровиночка,
 Уж во хорошие я к тебе дороги гости,
 Дак встретить намест приятного родного татеньки,

Облаская горькую сиротушку,
Прими намест приятного родного татеньки.

Невеста обращалась к матери:

Я тебя попрошу, сударынька, родна маменька,
Уж когда я наживуся, горька сиротушка,
Уж ты меня сустреть уж на пути-то, на дороженьке,
Да спроси у меня, у горькой тогда сиротушки,
Как живу я, горькая сиротушка,
Во хороших людях добрых.
А я иду, горькая сиротушка,
К тебе, сударыня, родна маменька,
Всю рассказать-то жизнь хорошую,
Как живу я, горька сиротушка,
Уж не с родной-то маменькой.

Мать отвечала дочери:

Как загонят тебя, дитятко,
На чужую дальнюю сторонушку,
На чужую, незнамаую,
Как за горы-то за высокие,
За леса тея за тёмные,
Закокуешь там, серая кокушечка,
А ты вспомни, моё дитятко,
Как кокует твоя матушка
На своей родимой сторонушке.

Если у невесты не было матери, причитывала тётка:

Ластушка касатка,
Когда я шла у тебе, родная,
Я зашла к твоей родимой матушке,
Я позвала, ластушка касатушка,
К тебе, горькая сиротинушка,
Проводить-то тебя во чужи люди.
Родна матушка отказалася:
«Что не ходят ножки скорые,
Да не служат ручки белые,
Да и не могу я встать, родная,
Благослови за меня ты моё дитятко».

(Записано от Барабановой А. С., д. Буреги)

Такие причитания слушатели принимали близко к сердцу, и «тут уж и все плачут, а невеста пуще всех» (Барабанова А.С.). В момент расплетения косы невеста вырывалась и не давала расплестать косу.

Причитания на девичнике звучали вместе со свадебными песнями, которые исполняли подружки, часто причет и песня звучали не поочерёдно, а одновременно. В Старорусском районе отмечен небольшой репертуар свадебных песен, исполняемых и в момент рукобיתья, и во время шитья приданого, и на девичнике. Это такие песни, как «Вы сборы, сборы», «Расшумелася грушица», «Разлилось тут, разлелеялось», «Из-за лесу, лесу тёмного». Иногда эти песни сливались в одну и воспринимались как одна.

Так, в тексте, приведённом ниже, слились воедино две песни – «Расшумелася тут грушица» и «Из-за лесу, лесу тёмного»:

Расшумеласи тут гру-как грушица,
Расшумелася зели-зеленая,
Порасплакалась как Ду-как Дунюшка,
Перед батюшкой как сто-как стоячи,
Перед матушкой гово-говорячи:
«Государь ты родной ба-как батюшка,
Сударыня родна ма-как матушка,
Нельзя ль думушку поду-подумати,
Нельзя дела поста-поставити».
«Милое наше ди-как дитятко,
У нас дума раньше сду-как сдумана,
По рукам у нас уда-ударено,
Зелено вино порос-пороспито».
Из-за лесу, лесу та-как темного,
Из-за садику зеле-зеленого,
Тут летит стадо серы-серых гусей,
А другое лебеди-бединое,
Отставала тут лебе-лебедушка
От стадичка от серы-серых гусей,
Приставала тут лебе-лебедушка
Ко стадичку ко гуси-гусиному.
Не сумела тут лебе-лебедушка
По-гусиному-то кли-как кликати,
Начали ее тут щи-как щипати.
«Не щиплите, гуси се-как серые,
Не сама я к вам зале-залетала,
Занесло меня пого-погодую,
Превеликою невзго-невзгодую».

Отставала тут как Ду-как Дунюшка
От своего пле-как племени,
От своего отца с ма-как с матерью.
Приставала тут как Ду-как Дунюшка
Ко чужому роду пле-как племени,
Ко чужому отцу с ма-как с матерью,
Начали ее журить-бранить.
«Не браните, свекор ба-как батюшка,
Со свекровью со ма-как со матушкой,
Не сама я к вам зае-заехала,
Завезли меня добры, добры кони,
Добры кони-то Ива-Ивановы».

Записано в 1987 году в Старорусском районе деревня Буреге от
А. П. Даниловой, Н. Г. Юлиной, Е. Д. Лукичевой, А. И. Лукичевой.

Невеста, причитывая, благодарила подружек:

Вам спасибо, красны девушки,
Мои милые подруженьки,
За весёлые за песенки,
Что пришли, милые подруженьки,
Повеселить меня, сиротушку,
Во последнем поры-времечке,
Меня во красных во девушках.
Спасибо, милые подруженьки,
Не чуждались-то сиротушки,
Заходили за сиротушкой
На весёлое гуляньице.

(А. С. Барабанова, д. Буреге, 1971)

Прощанье с «красной красотой»

В последний раз девушки заплетали невесте волосы в одну косу. А на следующий день после венчания сваха заплетала уже две косы (символ замужества) и надевала на голову молодой женский головной убор – шлык (другое название – повойник) или кикю, о которой говорилось раньше. Такой головной убор плотно покрывал волосы женщины, уложенные в пучок или из двух кос венком вокруг головы.

Шлык представлял собой мягкую шапочку с овальным верхом и нешироким околышем, собранным на шнурок и затягивавшимся тесёмками на затылке. Иногда он шился как детский чепчик и завязывался под подбород-

ком, но были и другие покрои. Такой убор для повседневной носки изготавливался из недорогих тканей (холста, ситца, сатина), а праздничный – из шелка, парчи, атласа, кашемира, бархата. Шлык (повойник) всегда накрывался платком, шелковым или кашемировым в праздники, холщовым или ситцевым в будни. Как и в средневековой Руси, женщине считалось неприличным выходить на улицу или находиться дома при посторонних (а иногда даже и при домашних) в одном повойнике, без платка.

Песня, чаще всего исполнявшаяся в этот момент подругами невесты, звучала так:

Поразлилося да поразлилося
 По лужкам-лужкам вода вешняя,
 Вода вешняя, долговечная.
 Дочь от матери прочь уехала,
 Мать по дочери слёзно плакала,
 Слёзно плакала, дочь ворачила:
 «Воротись-ка ты, чадо милое,
 Чадо милое, дочь любимая,
 Ты оставила золоты ключи,
 Золоты ключи с шелковым поясом».
 «Не обманывай, родна маменька,
 Не оставила я золоты ключи,
 Я оставила красу девичью,
 Красу девичью, косу русую,
 Косу русую, ленту алую,
 Ленту алую, волю вольную».

(Базарова Е. К., д. Заднее Поле)

Затем невеста снимала с головы веночек и с причетом, кланяясь в ноги сестре, подругам, просила принять её «красную красоту»:

Возьми от горькой сиротинушки,
 От меня-то красу девичью...
 Отстаю я от лебедино-то стади́чка,
 А пристаю я к серому-то гусиному,
 Теряю я свою красу девичью.

Сестра или подруги принимали «красу девичью», успокаивали невесту, а отец с матерью благословляли её иконой. Все расходились по домам, чтобы наутро снова прийти в дом к невесте и проводить её к венцу. Иногда на девичник приезжал жених с друзьями, одаривал невесту и девушек сладостями и молча сидел за столом. Есть свидетельства

того, что жених проводил парневик или парнишник (прощание с холостой жизнью) перед тем, как приехать к невесте. Друзья жениха затевали весёлые игры и пляски, катание по деревне на лошадях (невеста и жених в этом участия не принимали).

Обряд прощания с красной красотой в разных деревнях исполняли по-разному. Например, в деревне Рамушево косу невесты разделяли на две после венчания в доме мужа. Молодых вели в чулан, прятали от всех, давали им есть, а муж косу расчёсывал на две. Затем дружка выводил молодых из чулана и раскрывал (стегал) их кнутом, отгоняя порчу.

День венчания

Утром в день венчания невесту одевали в свадебное платье, все в доме ждали свадебный поезд, плотно заперев ворота и двери в дом. Невеста причитала с самого утра, уговаривая не отдавать её замуж. Ей отвечали причетами мать, сестра, тётка, жалея и поучая тому, как надо жить в чужих людях.

Отец готовил свадебный воз, а подруги украшали лентами уздечку и дугу. Отец невесты в обряде играл большую роль, чем мать, которой отводилась роль хозяйки дома, принимающей гостей, накрывающей на стол.

Приезд жениха

Когда приезжали сваты и жених, одна из подружек кричала: «Подруженьки, это же чужие какие-то подъезжают! Молодую нашу, видно, отобрать хотят! Не отдадим её!» А остальные отвечали: «Не отдадим, выручим! Прогоним или выкуп пускай нам дают!» Дружки давали денег или подарок. О. А. Денисова из деревни Ретлё рассказывала: «Дружки косу выкупали. Крёстная возьмёт косу: «Невеста твоя, коса моя». Или:

У ас ночевал Иван Михайлович,
Унёс четыре лапти,
Позвольте за них разобраться:
У стола четыре угла,
Так пожалуйте нам четыре рубля.

После этого жених и дружки врывались в дом и подходили к невесте. Жених входил в дом обычно вслед за поезжанами, он вёл себя сдержанно, не снимал шапку, не улыбался и ничего не говорил. Все садились за один стол, а невеста с подругами – за другой. Сват наливал стакан вина или водки и на тарелке подносил к невесте. Она покрывала стакан платочком. Всё это относили к жениху. Он брал платочек, а взамен клал деньги. Невеста, взяв деньги, выпивала вино. Затем кто-нибудь из родственников

подходил к невесте, брал её за руку и подводил к жениху. Тому, кто приводил невесту, давали деньги. Наконец родители благословляли жениха и невесту на венчание. Родители невесты угощали «поезжан», то есть тех, кто приехал со стороны жениха, но невеста и жених до венчания, то есть до вечера, ничего не ели, чтобы таким образом избежать «сглаза».

Для этих обрядовых моментов свойственно иносказание. В книге В. А. Пылаева приезд жениха описывается так: «Дружка едет выкупать невесту к венцу. А там двери все закрыты, не пройти ему, и берёт он кнут, стучит кнутовищем. Сказками-присказками просит он отворить:

Отворите дверь, пустить гостя,
Одарю я вас чистым серебром,
Наградим вас чистым золотом,
А вас кони ждут лихи-лихоньки,
Как помчим мы вас пуще вихоря.
Да не чваньтесь, отворите же!
Наш князь молодой велел кланяться,
Низко кланяться, вам не чваниться.

Ему отвечают тоже присказками и отворяют двери». Иносказание связано было изначально с желанием избежать влияния «дурного глаза» или какого-нибудь колдуна, обмануть его.

Благословление молодых

Г. Н. Гарасина из деревни Рамушево рассказывала о том, что перед венчанием благословляли на шубе. Шубу расстилали на лавке, сажали на неё невесту с женихом, и дружки выкрикали: «Батюшка и матушка, умели вспоить, вскормить, умейте и под венец благословить!» В деревне Подцепочье отец с матерью благословляли и хлебом. Вырезав в середине его кружочек, чтобы насыпать туда соль, хлеб клали в решето, брали икону.

Следует отметить, что в этих действиях просматриваются следы языческих обрядов, когда шкура животного, вывернутая мехом наружу, должна была выполнять не только функцию оберега, восходившую ещё к тотемным обрядам, но и способствовать рождению многочисленного здорового потомства. А хлеб всегда воспринимался в сознании человека как знак богатства, изобилия и плодородия. Всё это было особенно важно потому, что молодым предстояло продолжить жизнь рода. Понятно, что магическое значение обряда отошло на второй план, но, тем не менее, сам он сохранился.

Дружка брал жениха и невесту за руки и, окрепшая кнутом перед ними путь, вёл их к свадебному поезду, а сваха или какая-нибудь из родственниц «пахала» (подметала) перед ними веником. Даже в 1951 году свадьба

игралась с соблюдением оберегательных действ. Силу оберега имел и платок, которым покрывалась невеста перед тем, как её сажали в свадебный возок. Для оберега невесты использовались иголки, которые втыкали в подол платья невесты, чтобы «портежа» (порчи – *О. Б.*) не было.

После благословения девушки пели одну из перечисленных ранее песен. Невесту выводили из дома под песню «Из-за лесу, лесу тёмного...». В Окуловском районе Новгородской области были записаны хор подружек, поющих свадебную песню, и причет невесты, исполняемые одновременно. Эти тексты опубликованы в книге «Свадебные песни Новгородской области» (Л., 1974). Следует сказать, что такая традиция была и в других районах, но выявить её в более позднее время не удалось.

Мать невесты, прощаясь с дочерью, перед отправлением свадебного поезда причитывала:

Выду я, выду в чисто полюшко,
Погляжу я на все сторонушки,
Буду я кликать свою доченьку.
Не окликнется ёна, не оглянется
На чужой-то дальней сторонушке.
Увезут тебя, милое дитятко,
На чужую-то на сторонушку,
Уж за горы-то, горы высокие,
Да уж за реки-то, реки быстры,
Да уж за леса-то, леса тёмныи.
Закукуешь там серой кукушечкой
На чужой-то на дальней сторонушке,
Тогда вспомнишь, милая дитятко,
Про свою-то родую матушку,
Как скучаю я, сиротинушка,
По тебе-то, милая дитятко.
На своей-то родной сторонушке
Я тебя растила и лелеяла,
Голубила я, сиротинушка,
Тебя сердечная, милая дитятку,
А теперя ты, моя доченьку,
Передаю в чужие рученьки.

Плач был записан в деревне Астрилово в 1984 году. Исполнила его Фёдорова Мария Петровна, 1904 года рождения.

Следует отметить, что в книге В. А. Пылаева «Старорусский край. Природа и население» содержится текст причета, аналогичный тому, что записан в 1984 году.

Отъезд к венцу

Венчаться жених и невеста ехали в разных возках одного свадебного поезда, часто довольно большого, состоящего из 12–18 лошадей. В первом возке находились жених и дружка, во втором – невеста с крестной или свахой, а далее «поезжане» на тройках, украшенных венками, колокольчиками и лентами. Кстати, свадебный колокольчик служил не только для того, чтобы слышали, что едет свадьба – это более позднее значение, но для того, чтобы отпугивать нечистую силу.

По имеющимся у нас записям новгородского свадебного обряда не удастся полно представить роль дружки. Хотя в северной традиции дружка выполнял очень важную роль, как это показывают исследования Вологодского свадебного обряда (Островский Е. Б.). В нашем архиве имеется лишь небольшое количество приговоров дружки. Так, например, в деревне Осипово Пестовского района вспоминали, что в момент отправления к венцу дружка, обращаясь к матери невесты, говорил:

Богоданная матушка,
Посмотри-ка на чело
Да не оставше ли чего,
Хоть тех же щей, да погуще влей.
Сумели своё чадо милое
Воскормить, воспоить,
Сумейте во путь во дорожку
Ко звону колокольному проводить,
Ко питью Божью церковному,
Злат венец принимать,
Животворящий Крест целовать.

(Запись 1966 г.)

Свадебному поезду по пути его следования жители делали «заломы», то есть перегораживали путь. Откупались от «заломщиков» пирогами, орехами, вином. Родители молодых в церковь не ездили.

С венчанием, как и со всем свадебным обрядом, связано много примет. Считалось, что тот, кто в церкви первый встанет на подножье, – «тот и будет верховодить» в семье.

Невеста, уставшая от подготовки к свадьбе, от постоянных причетов, от ощущения неизвестности того, что её ожидает в будущем, должна была во время венчания стоять весёлой. Да и потом тоже находиться в веселом расположении духа.

Перевоз приданого невесты

Когда свадебный поезд отправлялся к венчанию, приданое невесты (простыни, одеяла, подушки) везли в дом жениха на 3–4 лошадях. Его сопровождала постельница.

Разлилося, разлилося три кораблика со берега.
Вот как первый корабль идёт
Со дугами золочёными,
А второй-то корабль идёт
Со перинами пуховыми,
А как третий корабль идёт
Со душой со красной девицей.

(Сторожева М. Н., д. Колома)

Жители деревни обязательно должны были стать свидетелями этого. Встречали приданое отец и мать жениха. М. А. Фёдорова из деревни Старина вспоминала: «Пока молодые в церкви, трое выбранных развешивают приданое на верёвки, натянутые с одного угла избы в другой. Затем по два утиральника (полотенца – О. Б.) вешают у каждого окна, на зеркало. Утиральники должны быть обязательно вышитые. Когда повесили – начинают говорить:

Ехали мы лесами дремучими,
Мхами топучими,
Реками широкими,
Озёрами глубокими.
Лошади были немудрые,
Кучера были худые,
Ехали – нас оборотили,
Приданое наше замочили,
Разрешите нам посушить.

Мать жениха отвечает: «Пожалуйста, пожалуйста». Развешивают приданое, и вдруг не хватает верёвки. Они говорят:

Или горенку расставьте,
Или гвоздиков прибавьте.

Затем эти трое подходят к родителям жениха, подают утиральники и говорят:

Вот примите от нашей молодой
Квашонки покрывать,
Горшечки отнимать

И белы руки вытирать.
Наша молодая по садам не ходила,
Соловьёв не ловила,
Тонко пряла,
Звонко ткала,
Бело белила,
В ваш дом норовила.

Все осматривают приданое, а постельницы говорят:

Глядите, не торопитесь,
Да только после не колотитесь.

К. И. Петрова из деревни Горки говорила: «По 7 завес на кровати делали, по 20 скатертей клали, полотенцами всю избу увешивали. И всё колотились, у кого лучше приданое».

Н. А. Андреева из деревни Бакочино в 1987 году рассказывала, что жених с невестой приезжали после венчания и обращались к родителям: «Дорогой Иван Васильевич, дорогая Анистья Петровна, подойдите к нам поближе, мы поклонимся пониже». Родители подходят, поздравляют, молодые им кланяются. Потом приданое начинают разбирать. Полотенца на нитку вешают, мамаше дают салфетку и полотенце на кухню ей. Занавески тут же двое-трое вешают на окна. Все старое в доме снимают и вешают невестины занавески, салфетки. Квашня берет салфетку или полотенце и подает свекрови, говорит: «Убери свое, а вот это невестка дает. Уберите свои ковровые, дайте повесить шелкувые». Отдает свое приданое. Они все снимали свое, а невестино вешали. Народу на свадьбе очень много. Молодых поздравляют братья, сват, невестка и гости подходят. А жениху с невестой надо целоваться: «Горько, молодые!» После поздравлений начинается пир».

Пашкова П. И. из деревни Пустой Чернец Старорусского района рассказывала об этом моменте свадьбы: «Приезжают молодожены в дом родителей и говорят:

– Разрешите нам посушиться.

– Пожалуйста, – отвечают родители.

– Вот мы ехали лесам дремучим, мхам топучим, подзамочились, подзапылились. Так разрешите нам посушиться.

– Пожалуйста, пожалуйста.

– Вот сверните свое шелкувое да повесьте наше, которое у нас приготовлено.

Тут старое снимают, а новое вешают. Подходят к молодым и говорят:

– Ужас горько, молодые! Плешь у него на голове горькая, оплешь. Горько!»

Послевенечные обряды

«Раскрывание» молодой в доме мужа

От венца молодые ехали к родителям мужа; сидели они теперь вместе, и лицо жены было закрыто платком. В селе Взвяд говорили, что молодые, пока ехали, «угощались барашками (баранками) да пирогами». Когда к дому подъезжали, то перед молодыми «пахали» дорожку или подруга, или дружка. Молодых к дому вела «большая дружка», а родители мужа встречали молодых хлебом-солью, осыпали их зерном, хмелем, благословляли. «Шубу им под ноги бросали, жито по глазам кидали, чтобы жить богато» (Петрова К. И., д. Горка).

Обязательным послевенечным обрядом было раскрывание молодой. При сравнении заметно, что этот обряд отличался в разных местностях. По воспоминаниям Т. Н. Гарасиной из деревни Рамушево, раскрывание происходило прилюдно, то есть при всем собравшемся народе. Молодую «вводят во двор, там стол стоит, хлеб-соль лежит. Невесту и жениха ставят за стол, затем дружка берёт кнут, отрезает кромочку от хлеба и на кромку и кнут намазывает плат. Потом тряхнёт плат, и все смотрят, как хлеб упал: если кромочкой кверху, то первый мальчик родится, а если мякишем, то девочка. Все кричат: «Ура! Молодая хороша! Жених ещё лучше!» И тут дружки бросают всем орехи, пряники, а молодых ведут в чулан для того, чтобы молодой муж расплёл жене косу (об этом говорилось раньше). В деревне Подцепочье после гадания на хлебе, по словам А. С. Орловой, «дружек «на ура» вздымают, чтобы водки дали». Дружка дарит невестино рукоделие свекрови. Потом все едят, пьют, молодым горько кричат. В деревне Бор «молодых раскрывали под окном. Собиралось много народу.<...>. Дружки дарили всем подарки <...> за то, что они хвалили молодых. Дружки говорили: «Вы нас будете хвалить – мы вас будем дарить». И все кричали: «Хороши молоды! Хороши молоды!» Так вспоминала А. Н. Павлова.

Свадебный («княжий») стол

После раскрывания молодых сажали за стол. «За стол невесту заводили по ходу солнца, держа за правую руку, рядом с ней по правую сторону сажали жениха. Они сидели за столом под своими иконами, украшенными вышитыми полотенцами. Поезжане рассаживались за столами, расставленными вдоль стен. Дружка заводил гостей за столы, при этом самые почётные гости – большая родня – садились в переднем углу, менее почётные гости занимали крайние места справа. За столом среди почётных гостей находились «большой боярин» и «ма-

лый боярин», «тысяцкий». Их роли играли уважаемые всеми люди. Они должны были хорошо платить за песни, которые посвящались им, богато одаривать жениха и невесту. И это тоже носило характер магический. Рядом с женихом сидел его крёстный, а затем родители. В той же последовательности рассаживали и гостей со стороны невесты.

Родители подходят к столу, к молодым и угощают их вином. А гости все тоже угощаются и рассматривают приданое» (из рассказа К. И. Петровой, д. Горка).

На свадьбу, чтобы «просто посмотреть», собиралась вся деревня, стояли и под окнами, и в сенях. Молодые вместе со своими родными и гостями сидели за свадебным столом. Девушки стояли вдоль стен и пели песни, величая каждого гостя. За величальную песню они получали деньги или угощение.

Или пели «Чарочку»:

Ох, чарочка вита, вита, вита,
 Полна медём налита.
 Вот наливал чару Васенька,
 Испивала чару Машенька.
 Вот она завалилася
 На льду, на льду, на льду.
 Подымайте молодую-молоду.
 На троечке вороной,
 На подковке золотой.
 Отец с матерью подъезжали,
 За белы ручки брали,
 За белы ручки брали,
 За дубовый стол сажали.

(Власова А. С., д. Дубки)

В деревне Рамушево «Чарочка» звучала так:

Чарочка моя серебряная,
 На серебре золотом расписаная,
 Кому чару пить –
 Тому здраву быть.
 Чару пить-выпивать Ивану Петровичу.

Такая песня с пожеланием здоровья могла исполняться всем гостям по кругу.

Пели и так, обращаясь к жениху:

Вот как Ванюшка косил, косил, косил,
Косу в кустики бросил, бросил, бросил:
«Пропадай, моя окладная коса!»
Проходила здесь Настенька-душа.
Она запросто не хаживала:
Намывша она, набеливша она, нарумянивша.

(Сторожева М. Н., д. Колома)

При этом говорили:

Поздравляем тебя с песенкой, Иван Иванович,
С молодой женой.
Вам поцеловаться,
А нам за песенку разобраться,
Хоть маленькими, да беленькими.

(Сторожева М. Н., д. Колома)

Пели песни и шуточного содержания не только гостям, но могли спеть и жениху:

Как Михайло-то во щи упал,
Он в горячие нечаянно попал,
Он с-под крошева выглядывает,
Себе любушку высматривает,
Себе любушку-голубушку,
Аксинью Васильевну.

(Чайкина А. С., д. Рамушево)

Невеста в этот вечер одаривала новых родных своим рукоделием. Дружка раздавал подарки и приговаривал: «Свекровушке на платочек, а вот на передничек» (Т.И.Терентьева, дер. Тулитово, Парфинский район), и каждый из подарков родственникам жениха дружка, прежде чем отдать, клал на кнутовище.

Роль дружки на свадьбе

Роль дружки на свадьбе значительна. Его атрибутом было вышитое полотенце, повязанное через плечо. Это должен был быть весёлый, раскованный, хорошо знающий обряд молодой человек. Он должен был хорошо говорить, знать и вовремя произносить свадебные приговоры и шуточные выражения при подготовке свадьбы (об этом говорилось в предыдущих разделах). По существу, он руководил свадебным ритуалом после венчания. Михайлова Евдокия Васильевна из деревни Чир-

ково Пестовского района вспоминала, что после венчания, когда все сели за стол, дружка должен был сказать:

Стряпуха, стрепя,
Широка жития,
Что есть в печи –
На стол неси.
А нет в печи,
В клеть скачи –
Там на полочке
Лежат все корочки!

(Запись 1969 года)

По всей видимости, некогда дружка выполнял жреческую роль в обряде, утратившую этот оттенок в позднейшие времена. В свадебном обряде конца XIX – начала XX века дружка с помощью кнута совершал множество магических действий, призванных уберечь молодых от порчи и принести им достаток.

Жених – молчаливая, почти не действующая фигура свадьбы. Ему отведена небольшая роль в самом свадебном обряде. Несомненно, центральное место в ходе свадьбы принадлежит невесте. Это связано с тем, что женщина в крестьянской семье играла важную роль держательницы дома, хранительницы домашнего очага и продолжательницы рода. Отсюда так много обрядов, связанных с невестой, главный акцент в которых ставился на «плодородной», рождающей функции женщины.

В Старорусском районе (в деревне Буреге) был обычай «в вечер венца» петь под окнами колядки, которые, казалось бы, привычнее слышать в святочные вечера, когда колядующие ходили по домам. В данном случае колядка выполняет ту же функцию, что и в зимнем календарном обряде, – это пожелание всяких благ, за которое следует заплатить исполнителям:

Молода, молода,
Подай пирога!
Подашь пирога –
Будешь хороша, молода,
А не подашь пирога –
Будешь худая, молода.

Вслед за этим молодая угощала всех, и на улицу выносили угощение.

Свадебный день заканчивался проводами молодых в опочивальню. С этим моментом тоже было связано много магических, часто носивших эротический характер, действий.

Послесвадебные обряды

Бужение молодых

На другой день утром начинался обряд бужения молодых. Свадебники (гости) утром будили шумно – били горшки под дверями, за которыми почивали молодые. И снова проверялась ловкость и умение молодой исполнять трудную работу. Невесту заставляли «пол пахать». В данном случае невеста «зарабатывала» на этом деньги. Бросали на пол деньги вместе с соломой и мусором. «Начинаешь пол пахать (подметать), а люди и деньги кидают, и углей набросают, и золы насыплют, и никто не помогает. Устанешь. Идёшь золовке в ноги кланяться, чтоб она тоже пол пахала», – вспоминала Е. В. Журавлёва из деревни Ручьи. «Я набрала 14 рублей, а когда устала подметать, отдала веник золовке. Помню, кто-то положил за лампаду, которая у потолка висела, сколько-то денег. Михаил (муж) меня взял на руки и поднял, и я достала».

Во многих старорусских деревнях для молодых на другой день после свадьбы топили баню, куда они ходили вместе: «Хошь не хошь, а иди», – говорила О. А. Денисова из деревни Рётле.

А Федотова А. А. из деревни Острые Луки Старорусского района вспоминала о том, что после брачной ночи молодых окачивали водой, «чтобы снять погань» (1987 г.).

Хлибины (яишня)

На второй – третий день для молодых устраивали вечеринки: «Кто на свадьбе гулял – тот приглашает к себе молодых» (Н. Г. Юлина, д. Буреги).

Заключительный обряд старорусской свадьбы – хлибины (хлебины или яишня). Проходил он в доме тёщи. Вот как это было в деревне Бор (А. Н. Павлова). «Входя в дом, муж говорил:

Вставал я раненько,
Умывался беленько,
Полотенцем утирался,
В путь-дорожку отправлялся.
Говорила мне женочка милая,
Что есть маменька родная,
Варвара Епифановна,
Подойдите к нам поближе,
Мы поклонимся пониже.

Зять сыпал в ложку деньги и подавал теще:

Золоту казну примите,
А ложечку назад отошлите,
Яишенку покушать.

Тёща благодарила и подавала ему яишню».

Все собравшиеся в доме гости и родственники с интересом наблюдали за тем, как молодой муж начинал есть яичницу. О. А. Денисова из деревни Рётле говорила: «Накроют её (яичницу) платком и подносят молодому. Он выкупит её, платок снимет и начинает есть. А все смотрят: из середины возьмёт – то худая невеста, нечестна, а с краю почнёт – то девушка. А потом платок молодой остаётся». Журавлёва Е. В., вспоминая свою свадьбу, говорила: «А я сижу и думаю, что у него на уме. К тому же и стыдно. Муж-то начал есть её с краю». «Тёща потом закроет яичницу платком и унесёт, а после обеда всем приносит, чтобы все видели», – вспоминала Н. Г. Юлина из деревни Буреге. Понятно, что молодой муж в данном случае и сам мог поступить нечестно, оговорив жену, потому что думалось жене, «а что у него на уме». Кроме того, как уже говорилось раньше, «яишня», включённая в обряд, становилась блюдом не только ритуальным, но и магическим. Так заканчивался обряд, длившийся несколько недель. А дальше для молодой женщины начиналась, как правило, нелёгкая жизнь в новой семье.

А. С. Барабанова из деревни Буреге рассказывала: «Так и стала жить. Все в одной избе спали вповалку, а нас в полог положили. Семья большая была: свёкор, свекровь, золовка, деверь с женой, девочка да мы, молодые. Жить было тяжело, а весело – вся семья в округе. Свекор и свекровь хозяйство вели, а мы задание получали: на поле, лён трепали во дворе, точиво ткали. <...> В доме и жернова были, ступы высокие <...>. Крупы делали овсяные, ячмень толкли».

Такой свадебный обряд перестал существовать в Новгородских деревнях в 30-е годы XX века. Те, кто рассказывал о нём, говорили: «Потом уж так свадьбы не играли». Женщины чаще всего вспоминали о своих свадьбах, которые были в 20-х – начале 30-х годов. Однако память народа хранит обычаи и песни, которые пелись раньше.

Вот воспоминания жительницы города Пестово Петровой М. Г., которой на момент записи было тридцать восемь лет. Она вспоминала свою свадьбу – событие двадцатилетней давности, относившееся к 1948 году. «Вечерин не было. Когда ехали в его деревню, то загородили дорогу: ее надо было выкупить. В сундуке везли приданое. На нем сидел брат невесты (шурин) и говорил:

Сижу на коробке,
И ноги коротки.

Зять выкупает приданое.

Молодых проводят через сени в вывернутых шубах, обсыпают льняным семенем. Сколько пристанет семян – столько детей будет.

Когда уже сидели за столом, свекровка несла сковородку с жареным и приговаривала: «Жарко, жарко». Молодая дарит ее полотенцем.

Под выкрик:

– В стакане-то попал уж! –

встает молодая жена и говорит:

– Иван Филиппович – мой муж.

На слово: «Пшена». Жених:

– Марья Петровна – моя жена.

Свекор и свекровушка говорят:

– Сохи.

Подходит невеста и кланяется:

– Филипп Петрович, возьмите меня в снохи.

Гости хвалят невесту:

Что у нас Марьюшка, да свет, пригожая,
Она любит ходить по пирам,
По пирам ходить да по свадебкам,
Она дарит гостей да не полтиною,
А золотою своей гривною.

Невеста дает деньги. Так же остальным поют».

(запись Л. Я. Петровой, 1968)

Рассказ крестьянки Старорусского уезда

«Новгородские губернские ведомости» № 8 за 1869 год поместили материал некоего В. С-в, записавшего подробный рассказ крестьянки о свадьбе в Старорусском уезде. Публикация, несомненно, представляет большую ценность для фольклористов и этнографов, ибо содержит подробное описание свадебного обряда середины XIX века. Этот материал приведен здесь с некоторыми сокращениями.

«Знались мы с Матвеем Антохиным почитай целое лето, перед тем, чтоб ему свататься за меня. Очень любили друг друга!

Как-то не виделись долго. Стосковался мой Матюша! Как теперь помню: однажды вечером, как все с работы пришли, ну, поужинали, помолились Богу, да и пошли спать... Захрапели все, а Матюшка в калитку

стук да стук потихоньку: меня, значит, вызывает. Вот я за калитку и шмыг, а самой страшно и Господи как! Говорю Матюшке:

– Как ты неосторожно стучишь, ведь батюшка с матушкой ещё не спят, – подумают и Бог знает что.

– Сколько времени я тебя не видел, – он-то говорит, – ведь с ума можно сойти, хоть бы взглянуть или слово сказать какое. Дождусь ли того времени, – говорит он-то, – как ты будешь моя женушка.

– Да ведь меня батюшка ещё не отдаёт никому, потому, скажет, что ты ещё молода.

А мне тогда лет шестнадцать, семнадцать было. Семнадцати ещё, кажись, и не было...

Наступила и зима, прошел рождественский пост, прошло Рождество... просит (Матвей) свою мать:

– Матушка, да когда же это будет? Мне стыдно сказать отцу, а тебе отчего не поговорить? Всех хороших-то невест разберут, а мы всё будем думать.

Вот и говорит его-то мать:

– Отец, сын жениться хочет.

Ну, отец рассмеялся:

– Ужо, говорить, давайте благословясь начинать; давайте подумаем, куда же мы пойдём свататься?

Будто и не знают. А Матвей на печку забрался да и говорит:

– К кому? Известно, к Горячему...

Выбрали сватов.

– Потрудись, – говорит старик Артамону Михалычу, – сходить к Горячему посвататься.

Отправился Артамон. Приходит к нам в избу:

– Здравствуй, – говорит, – брат, Григорий Петрович! Я, брат, прислан к тебе от Василья Ульяныча да от Аксиньи Артемьевны не кумиться и не брататься, а пришёл к вам посвататься.

– Да что, брат, моя невеста-то ещё молода, – говорит мой-то отец.

– Эх, брат! Этот товар пока с рук идёт – и отдавай. Ведь не в кадке будешь солить.

Ну, они сговорились, дело поладили и назначили в четверг – легкий день – быть сговору. Пришёл четверг. Собрались все в избу к нам. Пришёл и Василий Ульяныч с сыном Матвеем, принесли своего вина и водки да баранков на закуску, а жена его не пришла – на это обряду нет. Вошли:

– Здравствуй, брат Григорий Петрович, мы к тебе в гости пришли.

– Добро пожаловать, брат Василий Ульяныч.

Пришли гости, посадили за стол жениха с отцом. Начинают тут пить оба свата за здоровье один другого. А я-то с матерью и не показываемся; сидим за занавесью, что около печи, поперёк избы протянута.

– Дай, Господи, – говорит один сват за другим, – дай, Господи, что задумано, то совершить в чести и в радости.

Вот начал просить сват сватью, мою-то матушку:

– Просим покорно, Татьяна Микитишна, к винной чарке! Ну-тко, матушка, подвинься поближе да выкушай.

Тогда вышла матушка из-за занавески:

– Здравствуй, наречённый сватушка Василий Ульяныч и наречённый зятюшка Матвей Васильевич. Будьте здоровы! Дай Бог, что задумано, то совершить в чести и в радости...

Всех гостей угощал так новый-то сват... Теперь наливает Василий Ульяныч рюмку вина и даёт сыну в руки и говорит:

– Выкликай же ты свою наречённую невесту.

А я-то стою за занавесью да в дырочку и смотрю: всё вижу, а сама дрожу, как в лихорадке...

Встал Матвей, рюмка в руках:

– Аграфена Григорьевна, повыйди, повыступи по новой горнице, по светлой светлице, бьёт челом Матвей Васильевич к винной чарке!

Не иду я: меня и в жар-то, и в холод бросает, ноги-то так и подкашиваются...

Матвеев отец проговорил:

– Ну-тка, матушка, выходи! Себя покажи, да и нас погляди.

Вышла я сама не своя, иду да кланяюсь:

– Здравствуйте, – говорю.

Подошла я к столу, взяла у Матвея из рук рюмку, отхлебнула и ему отдала, и он отхлебнул да опять мне подал; так вместе выпили всю рюмку; выпивши, поцеловались, ну и стали тотчас расходиться все – и жених, и сват, и все гости.

Пошла было я прочь от стола – идти-то не могу: повели меня под руки сестра да мать крёстная. Завопила я тут голосом, у отца спрашиваю:

Государь ты, кормилец батюшка,
Государыня, родимая матушка,
Вы скажите мне, молодёшеньке,
Что за пир у вас да праздник,
Что за гости, за приятели,
Что вы пьёте зелено вино?
Уж я думала, молодёшенька,
Что вы меняете добрым конём,
Ан сказала мне родная тётушка:
«Пропивают тебя, нашу младую, нашу глупую.
Тебя пропил кормилец-батюшка

За единую чашу винную».
С кем ты, кормилец-батюшка
И родимая матушка,
Думали думу крепкую –
Закабалить мою буйную головушку,
Что отдать меня в чужи люди;
Много будет мне там злодей-горя:
Наслывуся я, молодёшенька,
И ленивая, и сомливая,
Незаботлива, неработлива!
Неужели я тебе, кормилец-батюшка,
Не работница была, не заботница,
Твоему дому не рачительница?

Стали унимать меня отец с матерью:

– Полно, Грушенька, так Богу угодно, судьба твоя.

Ну, уняли меня, успокоили, легли спать... А утром как встала да ...
обернулась я тут к батюшке с матушкой:

Вы скажите-ка, кормилец-батюшка
И родимая матушка,
Вам спалася ли тёмная ночь?
А уж как мне-то, молодёшеньке,
Не спалася тёмная ночь,
Все я думушки передумала,
Все я крепкие прогадала:
Как-то мне-то, молодёшеньке,
Как идти-то мне в чужи люди,
Как упаковать, унаравливать?
Нехороший мне сон привиделся:
Под мою-то кровать тесовую
Подошла вода студёная,
Уж как подплыли гуси серые,
Ознобили свои скорые ноги.

Пришли подружки... помогать невесте приданое шить. Встречаю я
их, сама вою:

Вы подите, мои подруженьки,
Что ко мне-то ко молодёшеньке;
Вам спасибо, мои голубушки,
Навестили меня, горемычную,

Что при этом при злодей-горе, при великием.
Вы красуйтесь, мои подруженьки,
Вы красуйтесь, мои голубушки,
В красе-то вы в девичьей,
А я-то молодёшенька,
Открасовалась в красных девушках,
Относила алые ленточки.

– Полно, Грушенька, надорвёшься, – унимают мои подружки. – Перестань: что ж, ведь он парень хороший, семейство хорошее.

А шитья-то много, сижу целый день да стегаю: одних рушников надо сколько вышить! Шью не разгибаюсь, а только лишь завижу – идёт кто-нибудь чужой на двор, девка ли, баба ли, тотчас работу брошу да и почну голосить. Уж у нас обычай такой! Иная девка и неделю с небольшим бывает невестой, так до того надорвётся, что и голосу уже нет; из сил выбьется. А иначе нельзя – «дурой необразованной» назовут.

Стали приходиться ко мне подружки и часто песни петь. Запоют, бывало:

Прилетал млад ясен-сокол,
Он садился на окошечко,
На раскрашенный наличничек.
Никто сокола не видели,
Видела родна матушка,
Увидевши, слёзно всплакала:
«Моё милое дитяtko,
Приголубь ясна сокола,
Ясна сокола залётного,
Доброго молодца заезжего».

* * *

Что не яхонт по горнице катался,
Скачан жемчуг по полю рассыпался,
Матвей Васильич жениться снаряжался,
Его родная убирала,
Хорошие кудри расчесала,
Алой лентой повязала
И словами ему наказала:
«Ты поедешь, моё дитяtko, жениться
На душечке, красной девице;
Тебе будут девицы песни пети,
Расхорошую невесту припевати»...

Во время пения сих песен я обыкновенно плакала.

Сестра моя старшая отдана была замуж в нашей же деревне, да такая несчастная, что и Господи! Просто, как собаки, ели её и свекровь и золовка – змеи настоящие были. Вот как пришла она-то ко мне – а я к ней навстречу, да как вскину руками над головой, говорю ей:

Ты поди-ка, моя милая сестра,
 Ко мне-то молодёшеньке!
 Тебе спасибо, моя милая сестра,
 Навестила меня горькую,
 Что при этом при злодей-горе!
 Ты скажи-тко мне, моя милая сестра,
 Каково жить во чужих людях?

Она и договорить мне не дала, как бросилась обнимать меня, а сама так, сердечная, и плачет, заливаясь:

Ты не спрашивай, я сама скажу,
 Каково жить во чужих людях,
 Как упаковать, унаравливать
 На злодейских-то на чужих людей!
 Поутру ты вставай ранёхонько,
 Вечеру ложись позднёхонько;
 Да ничем-то на них не упакаешь,
 Что ни ранним вставаьницею
 И не поздним ложаньницею!
 Наслывёшься ты, моя милая сестра,
 И сонливая, и лживая,
 Не заботлива, не работлива.
 Ты натерпишься, моя милая сестра,
 И холоду, и голоду.
 Уж ты будь, моя милая сестра,
 И пронослива, и просмешлива;
 Не ищи тайных подруженек,
 Не высказывай своё злодей-горе;
 Ты скрывай всё в белой груди.
 Как придёт тебе тошнёхонько,
 Ты поди-тка в поле чистое,
 Ты ударься о сыру землю,
 Расскажи своё злодей-горе:
 Мать сыра-земля не пронослива,
 Бел горяч камень не просмешлив!

Как жила ты у своего кормильца батюшки
И у своей родимой матушки,
Как жила ты – всё красовалася,
Алым ленточкам убиралася;
Уж ты пела весёлые песенки,
А теперь ты, моя милая сестра,
Отпоёшь весёлые песенки;
Ты пойдёшь на тяжелу работушку,
Обливаться будешь горячим слезам.
Уж ты скажи, моя мила сестра,
Родимая моя матушка,
Ты на что меня спородила?
Лучше б ты, родимая матушка,
Заспала меня у белой груди;
А нет, так бы ты, родимая матушка,
Нарядила бы меня белым камушком;
Ты несла бы его во чисто поле,
Положила бы его во зелёный луг,
При пути-то, при дороженьке.
Уж как пусть бы белый камушек
Обливал бы частый дождик,
Припекало бы солнце красное!

А как начнут собирать вечеринку, девичник значит, накануне свадьбы, и посылает, хоть бы отец мой, с приглашением и ко Егору Кузьмичу и к Михайлу Лаврентичу – мало ли на селе родных да суседов найдется! И ждут гостей. Посадят невесту в переднем углу; перед нею стол, стол накрыт белой скатертью, на столе хлеб лежит благословенный, на хлебе солоница деревянная, большая, огромная. Оденут невесту в ферязь китаячтую, и рубашка с длинными рукавами, чтоб руки не голые были; волосы распущены по плечам, на голове повязан платок шелковый с золотом, и спустят его по самые брови.

Вот входит, примерно, Егор Кузьмич с супругою, приносят дары: хлеба каравай, а на хлебе повойник, а на повойнике деньги – всё подарки невесте. Войдёт это Егор Кузьмич, станет против невесты перед хлебом, Богу помолится и невесте кланяется. И выходит невеста, хотя бы я была, из-за стола, гостю в ноги кланяется и голосом вопит-приговаривает:

Ты поди-ка, родной дядюшка,
И ты, желанная тётушка,
Ко мне-то, к молодёшеньке,
На мою-то горькую вечеринушку!

Тебе спасибо, родной дядюшка,
И тебе, желанная тётушка,
Не погнушались вы, не поспесивились.

Ну, и начнут гости унимать невесту:

– Молись Богу, не печалься, что делать, они люди хорошие!

Уж это с каждым гостем одно идёт. А как у нас-то был девичник, мой отец и говорит:

– Не унимайте её, пушай плачет; этого времени недолго: поплачет за столом, так не будет плакать за столбом.

Много гостей собралось у нас, пришли и подружки мои, всех встречала я, приговаривала. Усадили всех ужинать; и шей подали тут, и кашу со свиной, и студень с хреном. Как отужинали все, подошла к столу моя сестра, начала плакать, да мне и говорит:

Ты покушай, дорогая гостья,
Сестрица ты моя, ластушка,
Моя белая лебёдушка,
Со своими-то с подруженьками
У свово-то кормильца-батюшки
В остатнии в остаточке.

А я ей:

Ты не потчуй, моя мила сестра,
Напила я, наелася.

Ну и вышла я тут из-за стола, всех благодарю, всем кланяюсь, а сама голосом плачу:

Тебе спасибо, кормилец-батюшка,
И тебе, родимая матушка,
Что на хлебе на соли;
А ещё, кормилец-батюшка,
О чём буду просить, молодёшенька,
Не оставь мою просьбу великую:
Запряги своих добрых коней,
Покатай моих подруженек
В остатнии в остаточке
Со моей-то красой девичьей.

Запрягли тут лошадей, подвязали колокольчики, насели на роспуски все девушки, что были на девичнике, и поехали кататься с песнями по деревне. А я-то сижу в избе да горячими слезами так и заливаюсь: всё плачу о красе своей девичьей.

Девки-то катаются да и к жениху в гости заедут. А на вечеринку жених уж приезжал с дружкой, только недолго, – так, значит, уж после ужина, девкам гостинцев привёз... Вот как подъедут девки к его-то двору, выйдет дружка, возьмёт лошадей под повода:

– Пожалуйте, девицы красные, в гости к нам, к нашему князю Матвею Васильевичу – хлеба-соли кушать.

Девки войдут в избу, поклонятся:

– Здравствуйте! Кланяться приказали Григорий Петрович с Татьяной Микитишной и Аграфена Григорьевна.

Тут посадят девушек за стол, потчуют...

Девки перешептываются: хорошо ... угощают нас. А одна скажет:

– Пора нам домой.

А дружка:

– Нет, красные девушки, ещё вы нас повеселите, песенку попойте да попляшите.

А девки стыдятся да понекиваются:

– Как мы будем плясать, ведь стыдно.

Ну, одна какая-нибудь ... начнёт во лузях, во лузях, – и пошла плясать. Отплясали, раскланявшись, отблагодарили и домой поехали. А мне уж встречать их надо. Вот и начинаю:

Вы подите, мои подруженьки,
Вы скажите, мои голубушки,
Покатались ли, повеселились ли
Со моей-то красой девичьей?

А девки войдут в избу да во все голоса и закричат:

– Приказали вам кланяться Василий Ульянович, Аксинья Артемьевна и князь молодой Матвей Васильич.

А я всё своё тяну:

Разлюбезные подруженьки,
Не порите мою белую грудь;
Что моё-то ретиво сердце
Всё повыныло, повымерло,
Без морозу оно озябло,
Без ветру оно повысохло,
Без ржавчины оно заржавело!
Не вспоминайте мово недруга,
Мово недруга, разлушника!
Разлучил меня, молодёшеньку,
Со всем моим родом-племенем

И с вами-то, мои подруженьки,
Разлюбезные, расприятныя.

А ещё перед девичником невесту в баню водят. Ну, тут также трудно бывает. ... Придут девки, истопивши баню, станут просить:

– Милости просим, дядюшка, тетушка в мыльную баню! Аграфена Григорьевна, милости просим в мыльную баню!

И начну я тут плакать:

Вам спасибо, мои подруженьки,
Вам спасибо, мои голубушки,
Что истопили мыльную баньку.

Подошла я к своей матушке: ...

Благослови, родимая матушка
И кормилец-батюшка
Расплетать мою русу косу,
Развивать алые ленточки!
Открасовалася моя руса коса,
Относилися алые ленточки!
Наглядися, родимая матушка,
На мою-то красу девичью,
На мою-то красу девичью
Во остатнием в остаточке.

Взял отец с матерью хлеб и соль и стали за стол под божницу. Подвели меня подружки под руки, и благословили меня отец с матерью. А как стали они благословлять, – я-то и говорю им:

Ино как же кормилец-батюшка
И родимая матушка,
Поднимаются у вас белые руки
Благословлять меня, молодёшеньку,
Расплетать-то мою русу косу?

А матушка-то моя как благословила меня, так и упала на лавку без памяти; водой отливали – очень уж ей жалко меня-то было.

Отошла я от стола к подружке, в ноги поклонилася:

Потрудись ты, моя подруженька,
Расплести мою косу русую
По единому русу волосу.

Хотели подружки взяться, чтобы расплести, а я-то как обовью косу около руки и не даю, кричу:

Ино как у тебя, подруженька,
Поднимаются руки белые
Расплести мою косу русую
По единому русу волосу?

А подруженька отвечает мне:

Я не рада бы, моя подруженька,
Расплести твою русу косу
По единому русу волосу, –
Расплетают твою русу косу
Что твоя-то пора времечко
Да злодейское безвременице.

Упали тут мои рученьки, говорю я:

– Опустились мои белы руки!

Ну, подружка-то косу-то и расплести, и ленты все себе берёт; а ленты на косе навешано много.

Стала я упрашивать подружку:

Ты не дай, моя подруженька,
Ты не дай, моя голубушка,
Позавалиться, позатаскаться
Что моей-то красе девичьей
Ни по налавочью, ни по подлавочью!

А она мне:

Я не дам, моя подруженька,
Я не дам, моя голубушка,
Завалиться, затаскаться
Что твоей ли красе девичьей.
Я увяжу твои алые ленточки
Во свою-то русу косу.

Уняв нас, наконец отец говорит:

– Полно реветь, идите в баню.

Ну, пошли в баню. По улице вели меня под руки, платком закрытую; а я голосом вою, а подружки около меня песни поют.

Пришли мы, поддали девки пару, а свахи и повели меня одну в баню. Баня жаркая, я разом спотела, а свахи-то и ну вытирать с меня пот пря-

ником. Этим пряником надо потом мужа скормить – так больше любить будет, только бы не догадался, а то не дай Бог Господи да исколотит.

Пришёл и свадебный день; начала я с самого утра голосить и не переставала до самого венца. Пришли подруженьки одевать меня, и начала я им плакать:

Вы послушайте, мои подруженьки,
Вы послушайте, мои голубушки,
О чём просить вас буду, мои подруженьки!
Как раскроется весна красная,
Как придёт-то лето тёплое,
Расцветут цветы лазоревы,
Запоют веселы соловьюшки,
Закукуют серы кукушечки, –
Я не буду слышать, молодёшенька,
Как будут петь весёлы соловьюшки,
Буду слушать я, молодёшенька,
Как будут куковать серы кукушечки.
А как пойдёте вы, мои подруженьки,
Сорывать цветы вешние,
Уж вы будете сорывать цветы,
Уж вы будете завивать венки,
Не замните, не затопчите мой лазорев цвет!
Вы сорвите, мои подруженьки,
Что и мой-то лазорев цвет,
Занесите, мои голубушки,
К моей матушке лазорев цвет, красу девичью.
Я приду к родимой матушке
Поллюбоваться на красу девичью,
На мой-то на лазорев цвет, –
Оболью-то горючим слезам
Что свою-то красу девичью,
Красу девичью – лазорев цвет.
Уж как все-то цветы хорошо цветут,
Уж как мой-то лазорев цвет позавявши, позаблекши.

Тут вдруг закричали:

– Свадьба едет, свадьба едет!

Это значит, что уж жених с дружками и со всеми поезжанами за невестой. Бросилась я к брату, кричу:

Где-то мой ясен сокол!
Ты куда, родимый брат, схороняешься,
Притуляешься, мой родимый брат,
О чём буду просить я, молодёшенька!
Ты возьми-тка саблю острую,
Ты поди-тка во тёмны леса,
Наруби-тка ты лесу ровного,
Да всё белой-то берёзинки,
Заломай ты путь-дороженьку
Что моим-то недругам,
Что моим-то разлушникам.
Разлучают меня, мой родимый брат,
Со моим-то родом-племенем.
Отчего вы, мой братец-батюшка,
Похватались, поторопились
Что отдать меня в чужи люди,
Ко чужому-то ко чужанину,
Ко чужому к отцу, к матери.
Много надо ума-разума,
Как упаковывать, унаравливать
На злодейских на чужих людей!
Наглядятся твои ясны очи
На мою-то красу девичью!
Остатний-то мне минутной час
Гостить у вас в дорогих гостях,
В красных девушках.
И отхожено, и отгуляно,
Цветно платьице отношено!
Неужели я вам, мой братец-батюшка,
Не заботница, не работница,
Вашему дому не рачительница?

В это время вошли поезжане. Начали они говорить, как уж всегда бывает:

– Здравствуйте, кто есть в доме хозяин?

А кто-нибудь из наших и отвечает:

– Нету его, обратитесь к девушкам!

А девушки-то сидят за столом около невесты.

– Здравствуйте, красные девушки, – говорит дружка.

А девки отвечают:

– Сам красный!

Не любят, значит, этого слова.

– Ну, здравствуйте, хорошие девушки!

– Здравствуй! Чего тебе надить?

Дружка говорит:

– Мы приехали за суженой-ряженой!

А девки отвечают:

– У нас нет ни сучья, ни рядья!

Дружка опять говорит:

– Что же вам, девушки, требуется?

А девки отвечают:

– Слов ласковых, поклонов да золотой казны.

А дружка им и кланяется.

– Ну, вот я вам, девушки, поклонюсь.

– Мы и сами поклонимся тебе ниже, ты только деньги нам давай.

Он бросит им копейку серебра:

– Извольте, хорошие девушки!

Девушки все на него и ошестинятся, закричат во все голоса:

– Неужели копейку серебром наша-то невеста стоит?

А у девушек для хвастовства приготовлены деньги, и много – всё серебром. Они и развернут деньги перед дружками:

– Вот у нас невеста чего стоит.

А дружка ихняя деньги и схватит, девки все на него и кричат:

– Не дури, своих положи денег!

Вот он и говорит:

– Ну, извольте, вам, хорошие девушки, – и прибавляет копеек пятьдесят, тут девки уж возьмут и говорят:

– Благодарствуем, голубчик!

Теперь начнётся долгая песня. Дружки спросят девушек:

– Кого вам теперь нужно?

– Малого дружку.

Войдёт малый дружка и точно так же с ними деньгами отсыплется.

Этот отходит, спрашивает:

– Что нужно, девушки?

Они скажут:

– Большого барина.

И с большим барином то же. Потом он отходит, придёт меньший барин; меньший барин отходит, спрашивает:

– Кого нужно? – Тысяцкого.

Вот придёт тысяцкий с широкой бородой – богач всегда уж говорит:

– Здравствуйте, красные девушки!

Они ему:

– Сам ты красный с широкой бородой!

Он также бросит сперва копейку, а девушки-то на него:

– Как тебе не стыдно, точно милостыню собирал, грошей да копеек набрал! А ещё в Питере живал, хлебом торговал!

– Ох, девушки! Да я человек-то семейный.

Оне кричат:

– Не притворяйся! Кафтан-то у тебя синий, а кушак-то красный!

Ну, и он им деньгами отсыплется, девки и благодарят.

Спросит тысяцкий:

– Что вам теперь, девушки, требуется?

Они говорят:

– Посветлее светлого месяца, покраснее красного солнышка.

Это значит, надо образ им подавать. Образ-то держит жених, а сам стоит позади всех поезжан. Тысяцкий возьмёт у него образ и подаст девушкам. Девушки образ на божницу поставят, а дружка им и скажет:

– Ну, девушки, понимайте стыд, опрастайте место.

Ну, и пойдут девки вон, а поезжане за стол сядут, жених подле невесты, так и норовит толкнуть её ногой: это примета, чтоб быть большому над женой. А как мой-то жених садился да хотел толкнуть меня, а я ноги-то под лавку и поджала: уж он шарил, шарил ногой – ничего не нашёл. А сидела-то я унылая; сижу, ничего не вижу, только слышу да сама плачу.

Вот сядут за стол, станут поезжане своё кушанье есть, и скатерть постелят свою, и наших гостей не потчуют. Кушаньев у них три перемены. Одно блюдо нарежут говядины с квасом, а другое блюдо свинины сухо нарежут, так руками в соль макают да и едят; третье кушанье – пирог житный с гречневой кашей или с овсяной. А невеста всё за их кушаньем в голос вопить должна с своими сёстрами:

«Наехали наши недруги-разлучники!»

Не было ветров – вдруг повеяли,

Не было гостей – вдруг наехали;

Полон двор и коней и карет,

Полное зало и гостей и бояр.

Подломило зало новое с коридорами,

Расступили чару золоту с офенистами,

Выпужали соловья во саду,

Молода – в зелену.

Расплатится Грушенька:

«Не жаль мне зала нового с коридорами,

Не жаль мне чары золота с офенистами

Только жаль мне соловья во саду,
 Молода – в зелену:
 Некому меня поутру будить,
 К уму-разуму учить».
 Как возговорит Матвей Васильевич:
 «Не плачь, не тужи,
 Сострою тебе зало новое с коридорами,
 Солью тебе чару новую с офенистами,
 Я у тебя – соловей во саду,
 Молодой – в зелену:
 Буду тебя поутру будить,
 К уму-разуму учить».

Теперь с невестинной стороны начинается потчевание, а женихово-то всё уберут, и скатерть-то ихнюю снимут, и подадут сперва рыбник – пирог такой с рыбой прозывается; потом щей нальют с говядиной, из сырой капусты, потом баранина жареная да студень. И скажет хозяйка, невестина-то мать:

– Тем бить челом.

А дружки ей учтиво так:

– Позвольте поблагодарить, сват и сватьяшка, за хлеб, за соль.

Ну, как откушают все и завопят опять.

Невесту с женихом благословлять станут отец с матерью, а дружки приговаривают:

– Ну, сват и сватья, умели вспоить да вскормить, умеите и под злат венец благословить.

Старики-то как благословляют, приговаривают:

– Будь наше родительское благословение навеки нерушимо; Бог вас благослови.

Тут запевают песню:

«Ты дитя, наше дитятко,
 Ты дитя наше милое, –
 Что ты ходишь невесело
 И гуляешь нерадостно?
 Твоя голова не чёсана
 И руса коса не плетена?» –
 «Ты, родимая, вспоминай-кося,
 Перед кем веселиться,
 Перед кем наряжаться?
 Мне ночесь мало спалось,

Мне ночесь много виделось;
Мне приснился, привиделся
Нехорош сон, нерадостен:
Мимо наш-от зеленой сад
Прилетел млад ясен сокол;
Мимо наш-от высок терем
Проезжал добрый молодец,
Он меня за собой зовёт». –
«Ты дитя, наше дитяtko,
Наша дочерь любезная!
Прилучай ясна сокола,
Поезжай с добрым молодцем».
При пути, при дороженьке,
При широкой проезжей,
Тут стоял нов высок терем;
Что во новом тереме
Все покои изукрашены,
Все диваны изуставлены,
Все из красного дерева.
Что во одной новой горнице
Тут сидит добрый молодец,
Перед ним сидит девица,
Стоит дочерь любезная,
Она плачет, как река течёт,
Возрыдает, как быстрая;
Во слезах слово молвила,
Во горячих речь говорила, –
Она звала его по имени,
Величала по отечеству:
«Уж ты будь мне отец и мать,
Будь защита великая,
Оборона немалая;
Ты буди молодёшеньку
И по утру ранёшеньку,
Ты учи молодёшеньку
И к уму и ко разуму».

Перед самым поездом к венцу поют:

Что от терема, сударь, до терема
Стланы ковры, стланы бархатны.

Что по тем коврам, по тем, по тем бархатным
 Идут попы да идут дьяконы,
 Идут маленькие, идут певчики,
 По-за ним-то идёт добрый молодец,
 За собой он ведёт красну девицу.
 «Что ты тих идёшь,
 Что ты помалу ступаешь?» –
 «От яхонту лицо горит,
 От чеботу, сударь, земля стонет,
 От тебя, мой свет, сердце гремит».
 Как выговорит Матвей Васильевич:
 «Лицу гореть – да не потухать будет,
 Земле стонать – да перестать будет,
 Дрожать сердцу – да то лучше будет».

Тут уж вон пойдут садить невесту в кибитку со свахой, они вдвоём и поедут в церковь, уж в ихние сани никто больше не садится. Бьётся невеста, не садится, не даёт посадить себя. Я-то сильная была, так уж помучились со мной.

А девки-то на крыльце стоят и песни поют:

Съезжала Аграфена с широкого двора,
 Ломали березинку в полдерева.
 Ты стой, стой, березинка, без верха,
 Живи, родной батюшка, без меня.

Поедут к венцу, в поле выедут, остановится весь поезд; невесту-то уймут, а дружки вернутся назад с угощением, с орехами. Войдут в избу к невестиному отцу:

– Здравствуйте, сватушка и сватьяшка, приказал вам кланяться князь молодой с княгиней и все поезжане.

Ну, тут уж переберут всех по имени по отчеству. Насыплют тут на блюдо орехов, попотчуют свата и сватью, скажут:

– Вот гостинца вам прислали князь молодой с княгиней.

Тут ещё насыплют и приговаривают:

– Девицы-певицы, пирожные мастерицы, горшочные пагубницы, сметанные лакомницы.

И бросают им по полу все орехи – подбирай девки как знают.

Дружкам тут подарят тут отец с матерью по полотенцу. А девки то-ропятся дружкам петь:

Уж ты, большая дружка, послушай,
 Мы тебя взвеличаем,

По имени называем,
По отчеству величаем,
Уж как ты роду большого
Отца, матери честного:
На тебе кафтан камчатный,
Разбирай мошну шелкову,
Вынимай гривну золотую,
Дари девиц по гривне,
И молодым девицам на белила,
Красным девушкам на румяна,
Ещё маленьким ребятам на орехи.
Уж как мы живём при дороге,
Без белил-то, без румян мы не ходим.
Уж мы по воду пойдём – набелимся,
Со водой идём – румянимся.

Поедут тут дружки догонять свадьбу. А как они ещё из деревни за ворота выезжают, мужики-то им и кольём, и дровами дорогу загораживают. Дружки им орехов дадут, вином попотчуют, их пустят. А орехи-то великолепные! Бывает иной раз, что просто из теста напечены, а всё-таки орехи!

Пока венчают, невеста всё стоит весёлая. Как обвенчают, начнут её бабы окручать – значит, косу надвое заплетать. Ох, горько, горько тогда бывает, а уж плакать нельзя – обвенчана. Молчишь да в себе горе держишь.

Тут уж поедут назад. Вот, как ехать назад, посадят молодых вдвоём в сани. Как выедут они – и начнут потчевать друг дружку, жених-то с невестой: он её баранками, а она его пряниками, да ещё норовит, как бы тем попотчевать, что в бане с ней был. Однако я Матвея своего тем пряником не кормила. Ну его, эка гадость! Матвей-то меня и без того любил, что тут ещё! А чем потчевать – всегда есть. Ведь в кибитку то положено всего: и баранков, и пряников, и пирогов даже. От нашего-то села до церкви вёрст десять будет с небольшим, ну известно, пока едешь, так всё надо потчеваться. Да ещё первый-то никто не хочет начинать есть или говорить: молчим, а с коленей на колени пряниками перебрасываемся. Уж под конец кучер вмешается да заставит разговор вести.

Приедут на двор к жениху. Выйдут отец с матерью встречать с хлебом-солью да с образом и житом бросают.

– Дай, Господи, милости Божьей, – приговаривают. – Недели, Господи, их хлебом и солью и милостию Божией.

Войдут в избу. В это время собирается около женихова дома вся деревня: старый и малый приходят посмотреть молодых. Молодых вводят в дом не через сени, а через двор. Старший дружка ведёт их тем же порядком, как и

из дому невесты, постоянно стегая кнутом, из опасения как-либо порчи. На крыльцах отец осыпает их житом, в знак приветствия, желая богатства. Поздоровавшись с родителями, молодые тотчас же уходят в другую комнату. В это время впускают девиц и весь народ в избу. Дружка спрашивает:

– Есть ли в этой новой горнице родной батюшка, родная матушка? Как умели своего чада воспоить, воскормить, на белых руках возносить, так умейте благословить.

Родители отвечают:

– Бог благословит!

– Благословляете ли и вы, миряне? – спрашивает дружка, обращаясь к народу.

Народ отвечает:

– Бог благословит.

После этого дружка подносит молодым стакан водки, выпив который пополам, они целуются. Народ спрашивает:

– А нам будет ли похвального?

На это дружка отвечает, что «у нашего молодого князя будет мостина пива и решето вина». И просит похвалить молодую. Народ изо всех сил кричит:

– Хороша, хороша!

До трёх раз. За что молодые кланяются.

Этим церемония и кончается, молодые отправляются в другую комнату, где вдвоём обедают; народ расходится, и остаются в доме гости – поезжане и девицы. Во время обеда девицы поют гостям песни; дружка или гость, кому пропоют девицы песню, платит им денег от 3 копеек до 10. Кто за песнь не заплатит, тому поют, скупому:

Не скупися, не скупися:
Золотой казны не скопоти,
Жене фerezей не сшити!
Хоть сошьёшь – замарает,
Она в пир пойдёт – потеряет.
Мы девушки горожанки,
Без белил, без румян не ступим,
Без калача есть не сядем.

Вечером перед ужином дружка приводит молодых в общую избу и ставит их в передний угол за стол. Начинаются дары. Старший дружка вызывает к подаркам, держа, например, рубаху:

– Родный батюшка, прошу пожаловать к дорогим подаркам.

Тут же вызывают и мать, ей дарится платок. Подарив свекра и све-

кровь, молодая кланяется им в ноги. Далее дарят всю родню женихову тем же порядком: кого платком, кого ленточкой. После даров сама молодая вызывает своих свекра и свекровь и родню к винной чарке. За это одаривают её.

После ужина дружка ведёт молодых в спальню, перетряхивает постель, ударяет по ней несколько раз кнутом и сам ложится на ней. Сваха платком выкупает у дружки постель.

На другой день утром молодая, поклонившись свекру до земли, спрашивает его:

– Что мне делать, батюшка? – Тот велит ей выпахать избу. Дружка тотчас приносит веник и отдаёт молодой. Она пашет, а гости кидают на пол всякий сор и деньги, которые достаются молодой.

После этого бывает похмельный обед, а дружки отправляются топить баню, не впуская никого в неё, из опасения порчи.

В полдни молодая сноха спрашивает свекора:

– Что мне делать, батюшка?

Тот отвечает:

– Сходи за водой.

В это время собирается к ключу вся деревня смотреть на молодую, и несколько раз выльют ей воду. Здесь сваха выносит для народу пирогов, и это бывает последнее угощение. Начнут собираться по домам. Запрягут тут лошадей с колокольчиками да с бубенчиками и поедут провожать всех поезжан со свахой. А вечером будет уж стол у невестинного отца, все там соберутся. Это называется яичницей или в иных местах – отводинами.

Тут молодые переночуют ночь и на другой день, уж к вечеру, домой пойдут. И станут жить да быть. Жила и я с Матвеем хорошенько».

Можно сопоставить данную публикацию с тем, что рассказал о старорусской свадьбе В. А. Пылаев в книге «Старорусский край. Природа и население». Автор отмечает, что многое в современной ему жизни деревни «напоминает самый старинный уклад». «Весь год кругом, все случаи жизни обставлены у них (жителей) особыми обычаями... Особенно интересны сохранившиеся в отдельных уголках свадебные и похоронные обряды». Многие из рассказанного о свадьбе совпадают в воспоминаниях крестьянки и в книге Пылаева, что свидетельствовало о прочности свадебных традиций, об устойчивости многих обрядовых действий.

Старинный свадебный обряд в Демянском районе (запись 1964 года)

В архиве университета хранится подробное описание свадебного обряда Демянского района в прежние и нынешние времена. Интересно

провести сравнение. Жительница деревни Кривая Часовня Николаева Наталья Ефимовна, 1891 года рождения, рассказывала об этом так.

Свадьбы игрались в период с Рождества Христова до начала Масляной недели.

1. *Приходит сваха от жениха к девушке.* Предлагает ей выйти замуж за юношу, от которого она пришла. Если девушка и ее родители соглашаются, то дают свахе дары (задаток), которые она должна отнести жениху в знак согласия девушки стать его невестой. Задаток состоит из салфетки, полотенца, платка. Если в течение недели девушка не забрала свои дары назад, то родители жениха начинают устраивать сватовство.

2. *Сватовство и смотрины.* Жених с отцом или дядей (можно с крестным отцом) едут в дом невесты своего сына или родственника, в зависимости от того, кто сватает. Если девушка дала согласие стать женой, то тогда родственники приступают к осмотру хозяйства невесты. По окончании осмотра сваты приглашают невесту посмотреть хозяйство жениха.

3. *Невеста едет через 2–3 дня в дом жениха.* Там готовятся к ее приезду. Если невеста богатая, а жених беден, тогда родители прибегают к хитрости: приводят к себе в хлев соседскую корову, лошадь, свинью, овец на время пребывания невесты. Берут на время чужую одежду. Все это делается для того, чтобы произвести на невесту более высокое впечатление, чтобы попросить у ее родителей более богатое приданое. Уезжая, невеста приглашает жениха и его родственников (без матери) на богомолье.

4. *Богомолье.* К невесте приезжает жених со своими родственниками. На богомолье жених дарит невесте деньги на подарки во время свадьбы. Богомолье проводится обычно в середине недели.

5. *В 1-е воскресенье жених везет невесту в церковь и заказывает публикацию* (обнародование – оповещение): три воскресенья подряд после обедни читают публикацию о предстоящей свадьбе такого-то с такой-то. Богатые могли дать священнику большее количество денег, и публикация проходила быстрее – за одно воскресенье, так как жениху и невесте все эти три недели нужно было ждать.

6. *Если жених и невеста в этом году не говели* (не причащались и не исповедовались у священника), нужно было выполнить этот церковный обряд.

7. *После публикации или на ее последней неделе* жених с невестой едут в город покупать подарки для свадьбы.

8. *Невеста со своими подружками вечерами готовит приданое:* шьет занавеси к окнам, полкам, печи, готовит будущему мужу 3–4 пары нижнего белья. Самым красивым узором должен быть узор на салфетке, предназначенной для покрытия квашни.

9. *Приданое готово*. Девушка проводит последние вечера своей девичьей жизни вместе с подружками. Невеста устраивает хороводы, пляски. Если жених живет близко, то он приходит к невесте и вместе с нею проводит последние вечера. Если жених живет далеко, то приезжает к невесте два-три раза на лошади.

Девушки хором поют:

Стоит чарочка лита, лита, лита,
Спелым медом налита, лита, лита.
Наливал ее Иванушка,
Подносил ее он Марьюшке.
А как Марья испила, испила,
Стала бодра, весела, весела
И Ивана обняла, обняла.

Невеста присаживается на пол, а девушки продолжают:

Как упала-то на льду, льду, льду,
Поднимите молоду, молоду,
На тройке вороной, вороной,
На карете золотой, золотой.

Юноша подходит к невесте, поднимает ее и целует.

10. *Канун свадьбы*. Девичник (местное название – вечерины). Невеста собирает всех девушек своей деревни или села. Родители благословляют дочку. Поют прощальные песни. Такая же вечеринка собирается и у жениха. Завтра для них обоих наступит новая жизнь.

Хор девушек во время девишника (девичника) пел такую песню:

При последней поры времечке,
При Натальином девишничке,
Прилетал и тут ясен сокол.
Он садился на окошечко.
На серебряный наличничек,
Чтобы его никто не видал.
Не увидал не родный батюшка,
Усмотрела родна матушка.
Закричала громким голосом:
«Ты сердешно, мило дитяtko,
Не совсем ли ты собралася?»
«Не совсем еще собралася,
Я забыла красу девичью,

Красу девичью, волю вольную,
 Волю вольную, негу нежную».
 «Не горюнься, мило дитятко,
 Приголубь ясного сокола,
 Ясного сокола залетного
 Ну, ты Ивана да Петровича».

Девушки становятся парами и, притопывая ногами, хлопая в ладоши, выводят:

Ходила по поженьке,
 Наколола белы ноженьки,
 Выходила на дороженьку,
 А на дорожке березка стоит,
 А на березке два голубя сидит.
 Один голубь ничего не говорит,
 А другой-то выговаривает:
 «Завтра праздничек Иванов день,
 Наш Иванушка гулять пойдет,
 Свою Марьюшку с собой возьмет,
 При народе поцелует, обоймет».

11. *Венчание*. Невеста с родственниками, с крестным отцом и матерью с шаферицами (подружками) едет в церковь. Жених со своими друзьями и старшим дружкой едут туда же. Перед венцом жениха и невесту (еще в родительских домах) сажают на шубу, вывороченную наизнанку, чтобы мягко спалось, и всегда для невесты готовят сани (летом карету, но в основном свадьбы происходят зимой).

Когда наступает время ехать к венцу, невеста выходит из-за стола с шаферицами-подружками, взявшись за руки, чтобы никто не мог между ними пройти. По народному обычаю, считалось недопустимым, чтобы кто-нибудь прошел между невестой и ее подругами или невестой и женихом. Потому и сцеплялись пальцы рук. Если же кто-нибудь умудрялся пройти, то считалось, что свадьба испорчена, помешал колдун.

При выходе из-за стола невеста дергает кисти скатерти. Невесте полагалось дергать кисти скатерти, чтобы ее подружки долго не «засиживались в девках», а скорее выходили замуж, то есть выдергивать их из родительских домов.

В доме жениха старший дружка с полотенцем на шее и с кнутом в руке стоит около матицы (главная несущая балка в доме). Когда жених поднимается из-за стола и направляется к двери, старший дружка ударяет кнутом по матице и говорит: «Чтобы нам не было ни встрешника, ни

поперешника. Если попадется красна девица, то петь и плясать заставим, а если добрый молодец, то играть заставим. А если старая старуха – то раком поставим». Свадебная процессия направляется к церкви. Там жених и невеста встречаются. Происходит обряд венчания.

12. *Как только невеста уезжает к венцу*, ее отец с оставшимися подружками везет в дом жениха сундук. Подружки до приезда молодых наряжают женихову избу: вешают занавесы, полотенца, накрывают домоткаными (со-тканными дома руками невесты) покрывалами кровати, столы, сундуки.

13. *Ребятишки и взрослые ждут молодых от венца*. При въезде в деревню натягивают ленту. Чтобы въехать в деревню, жених и невеста взрослым кидают деньги, а ребятишкам орехи.

14. *Въезжают во двор женихова дома*. Жених с невестой теперь муж и жена, поднимаются на крыльцо.

15. *Дорогу усыпают хмелем* (чтобы весело жилось), рожью (чтобы жилось богато и сытно). Здесь невеста называет мать мужа – маменькой, отца – тятенькой. Родители благословляют хлебом и солью молодых.

Молодые, взявшись за руки (опять же, чтобы не было колдовства), идут в отдельную комнату. Здесь же присутствует и старший дружка. Там их кормят из одной ложки, чтобы горячо любили друг друга. Закрывают невесте лицо шелковым платком и выводят молодых за свадебный стол. Гости кричат: «Молода хороша, молода хороша!» Молодая кланяется.

Гости завертывают в край платка пирог. Старший дружка сдергивает с невесты платок, закрывавший ее лицо. Пирог падает. Если пирог упадет верхней стороной, то родится первым мальчик, если нижней – девочка.

Гости опять кричат: «Молода хороша, молода пригожа, ни на кого их гостей она не похожа!» Жених и невеста поднимают свадебный тост. Пьют пиво, вино.

16. *В это время, в самый разгар свадьбы, в дом жениха входит хор*. Женщины в красивых юбках и белых, с вышитыми узорами, кофтах. У всех подвязаны беленькие платочки с красными розочками. В руках по беленькому носовому платочку. У запевал шелковые кушаки. Гости встают и кланяются хору. Начинаются свадебные песнопения, посвященные жениху и невесте, их родственникам и вообще всем приглашенным. За песни гости платят хору деньги, молодые угощают вином.

Как по ельничку, по березничку,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай люли, люли по осинничку,
Та по горькому по осинничку,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,

Тут ходил, гулял добрый молодец,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Добрый молодец, что Иван-то-князь,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку.
У Иванушки тулуп до земли,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Тулуп до земли, кушак шелковый,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Кушак шелковый, кудри русые,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
На кудерушках шляпа черная,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Шляпа черная с алыми лентами,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
С алыми лентами, с позументами,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай люли, люли по осинничку.
А кто завил да кудри русые?
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку.
Завила кудри красна девушка,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Красна девушка, что Натальюшка,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку.
Завила кудри, сама прочь пошла,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли по осинничку.
Сама прочь пошла, поклонилася,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Поклонилася, похвалилася,

Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку:
Я иду замуж за хорошего,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
За хорошего, да пригожего,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Да пригожего, да за умного,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Да за умного, да разумного,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Да разумного, да за милого,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Да за милого, за смиренного,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку,
Да Ивана, да Петровича,
Ай-люли, люли по березничку,
Ай-люли, люли по осинничку.

Вечером после свадьбы проводят княжий стол. Здесь присутствуют только родственники. Невеста начинает дарить подарки, купленные в городе: кисеты, платки, расшитые петухами полотенца.

17. *На следующий день часов в 10 утра в избу приносят сено и солому.* Невеста начинает подметать пол, а гости на мусор начинают кидать деньги, чтобы богато жилось и сразу же проверяется умение невесты убирать избу. Затем гости и молодые выходят на улицу. У молодой на плечах коромысел с ведрами. Как только невеста подносит воду к дому, гости выливают эту воду. Так делают три раза. Гости смотрят, умеет ли невеста носить воду.

18. *Гости собираются в дорогу.* Вечером уезжают на яичню (яишню) с визитом к родителям невесты. Там родители невесты тоже устраивают стол.

19. *Прощание.* Гости уезжают по домам. Поздно ночью молодые возвращаются в дом мужа.

20. *Утром* невеста становится на колени перед отцом и матерью и просит наряжать ее на работу.

Такой вспоминалась старинная свадьба.

Современный свадебный обряд в записях середины 60-х годов XX века

(Демянский район)

В деревне Анишино Демянского района в 1964 году А. Г. Васильев, в то время студент Новгородского педагогического института, записал современный свадебный обряд, в котором активно использовались традиционные элементы свадебного обряда. При этом заметно, как обряд осовременился. Несмотря на то, что свадебные песни поются те же, что и раньше, свадьба проходит очень весело. Характерно то, что в современном свадебном обряде утратился напряжённый драматизм и связанные с ним традиционные причёты невесты. Знаком иного времени стало отсутствие религиозных элементов в свадьбе 60-х, которые с середины 90-х годов вновь возвращаются в обряд.

1. Жених просит свою невесту (конечно, будущую) о том, чтобы она стала его женой. Если девушка соглашается, то покупает юноше подарок, и одна из ее подружек относит этот подарок юноше в знак согласия девушки стать его женой.

2. После получения подарка юноша начинает готовиться к сватовству. Обязательно лучше проявляет себя в работе, старается стать примером для других. Подыскивает себе свата. Сватом выбирают ловкого и умного мужчину. Обычно в каждой деревне есть свой сват, без которого не обходится ни одно сватовство.

3. Накануне сватовства жених покупает водку, вино и лимонад. Первое – для свата и отца (можно брать свататься крестного отца), отца невесты и ее старших братьев, второе – для жениха, невесты, ее матери, сестер; и лимонад – для маленьких братьев и сестер, если они есть.

4. Вечером запрягают лошадь, и жених, сват, отец едут в невестину деревню. Приезжают во двор к невесте. Сват кричит:

Эй, люди, дайте нагреться доброму молодцу,
Доброму молодцу заезжему.
По пути нас дождь нагнал,
Измочил он всех до нитки,
Наши нервы измотал.

На крыльцо выходит отец невесты или брат:

Милости просим, дороги гости.
Обсушить есть чем.
Печь своя, чай, не купленная.

Гости входят в дом, раздеваются. Сват выставляет на стол водку и говорит:

– Что-то ты, молодушка, пригорюнилась, приготовь-ка пить-есть поскорей, уж мы сильно в дороге проголодались.

Невеста накрывает на стол. Все усаживаются. Сват наливает водку и вино в рюмки.

Начинается сватовство. Здесь проявляются все таланты свата. Если невеста соглашается, то встает из-за стола и уходит в свою комнату. Вслед за ней уходит и мать. Жених кланяется всем и тоже уходит за невестой. Мать возвращается с хлебом и солью. Из комнаты выходят жених и невеста и просят родительского согласия на брак. Мать невесты и отец жениха берут круглый хлеб, в центре вырезают кусочек, сыплют туда соль и по старинному обычаю благословляют их (но иконы нет). После чего жених и невеста съедают вырезанный кусочек хлеба.

5. Невеста одевается, садится с женихом на сани (летом на каретку) и вместе со сватами уезжает в дом жениха. Из дома невесты уезжают часа в три ночи.

6. На следующее утро невеста мерит окна, полки, печь, чтобы шить к ним занавесы, и уходит домой. Неделю она шьет. Каждый вечер к ней ходят жених и девушки-подружки. Поют веселые свадебные песни. Элемент грусти почти отсутствует. В течение недели жених договаривается с невестой о дне свадьбы. Этим днем обычно является воскресенье.

7. Рано утром в день свадьбы жених едет за невестой на машине со своими друзьями. А мать его готовит свадебный обед, если свадьба празднуется дома. Если свадьба празднуется в колхозной столовой, то мать не готовит свадебный стол. На машину грузят приданое невесты. Жених с невестой садятся в центре кузова машины, их окружают подружки невесты, гости на свадьбу с ее стороны и друзья жениха. Всю дорогу до дома жениха поют песни, поздравляют жениха и невесту.

Около дома жениха выгружают приданое невесты. Если сельский клуб, где происходит регистрация браков, в другой деревне, то жених с невестой едут туда со своими друзьями.

8. К сельскому клубу из елочек сделана отметка. В самом начале ее молодых встречают сват и сваха и всю дорогу до клуба посыпают зерном (сваха) и хмелем (сват). Сват и сваха одеты в национальные русские костюмы.

9. После регистрации брака – свадьба. Хор поет свадебные песни.

Свадебные лирические песни

1.

Уж вы, вечера при вечере,
При последних часы времечка,
Что у Марьи на девичнике,
Да у Марьи да веселыи.
Прилетал да к ней ясен сокол,
Да он садился на окошечко,
Да за серебряную рамочку,
Чтоб никто не видал сокола,
Что увидено, усмотрено.
Уж как Марьюшкина матушка,
Она, увидевши, заплакала:
– Что моя родная ты, доченька,
Приласкай-ка ясного сокола,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца приезжего
Да Ивана Васильевича.

2.

Вы бояры-боярушки,
Да поезжаны, да Ивановы,
Да поезжаны, да Ивановы,
Вы чего тихонько собираетесь,
Да хорошо, знать, ой, сряжаетесь.
Да уж и вам и ехать
В путь-дороженьку,

Да во путь-дороженьку дальнюю,
Да во путь-дороженьку дальнюю.
Уж вы станьте-ка, боярушки,
Да что середь да поля чистого,
А о, что середь да поля чистого,
Да вы э-э послушайте, боярушки,
Да во которой во сторонушке,
Да что ить Марья-душа плакала,
Что ить Марья-душа плакала,
Да что слезно плакала,
Да свет Ефимовна рыдала,
Да перед батюшкой стоячи,
Да перед матушкой плакучи,
Да перед матушкой плакучи,
Да благословеньица просючи,
Да благословеньица просючи:
– Да проводи, кормилец-батюшка,
Да со своей родимой матушкой
Что во путь да во дороженьку,
Да во широкою
Что ко звону колокольному,
Да ко венцу да ко церковному,
Что к чужой родимой матушке,
Да что к чужому родиму батюшке,
Да что к чужому чужанину,
Да к боровичскому Сусанину.

3.

У нас Марьюшка изменщица,
У нас Ивановна обманщица,
Да обманула красных девушек,
Обманула красных девушек,
Да, эх, своих милых подруженек,
Эх, своих милых подруженек,
Да говорила, что замуж, что замуж не пойду,
Говорила, что замуж, что замуж не пойду,
Да сама-то замуж пошла,
Да сама-то замуж пошла.
Да как приехали разорители,
Как приехали разорители,

Да со чужой дальней сторонушки,
Со чужой дальней сторонушки,
Да сговорили да кормильца-батюшка,
Сговорили да кормильца-батюшка,
Да согласили родну матушку,
Согласили родну матушку,
Да что славили да чужу сторону,
Что славили да чужу сторону,
Да как чужа-дальна сторонушка,
Как чужа-дальна сторонушка,
Да всяким вешеньем увешана,
Всяким вешеньем увешана,
Да что святой водой поливана,
Что святой водой поливана,
Да уж как я-то молодешенька,
Уж как я-то молодешенька,
Да чужу сторону повызнала,
Чужу сторону повызнала,
Да как чужа-дальна сторонушка,
Как чужа-дальна сторонушка,
Да-э огородом огорожена,
Э огородом огорожена,
Да всяким горюшком увешана,
Всяким горюшком увешана,
Да горючим слезам поливана,
Горючим слезам поливана.

4.

Ох, ты, река ли, да моя реченька,
Ох, ты, река ли, моя быстрая,
Ох, ты течёшь да не колыбнешься
И со желтым песком не смутишься.
Ох, тут сидит да красна девица,
Она сидит да не улыбнется,
Она сидит да не усмехнется:
– Ох, мне чего же улыбаться-то,
Да и чего же усмехаться-то,
У меня есть родима матушка,
А у меня нет кормильца-батюшка,
Снарядить-то меня есть кому,

А проводить-то меня некому
Что во путь-то во дороженьку,
Что во чистое во полюшко,
Что ко звону колокольному,
Что к петью да ко церковному,
Что ко матушке Божьей церкви,
Что носить да золотой венец
С молодым да с другом правильным.

5.

У нас Марья шла по бережку,
У нас Ивановна по крутенькому,
Она глядела в речке камушка,
Она глядела в речке камушка.
Да как у Марьи нету батюшки,
Как у Марьи нету батюшки,
Да как бы был кормилец-батюшка,
Как бы был кормилец-батюшка,
Да не столько бы пива варе-варено,
Не столько бы пива варе-варено,
Да не столько бы гостей названо,
Не столько бы гостей названо.
Да уж вы, девушки, подруженьки мои,
Уж вы, девушки, подруженьки мои,
Да кто-то стукнул под окошечком,
Кто-то стукнул под окошечком,
Да кто-то брякнул во новых сенях,
Кто-то брякнул во новых сенях.
Да не идет ли кормилец-батюшка,
Не идет ли кормилец-батюшка,
Да не несет ли Спаса образа,
Не несет ли Спаса образа,
Да благословить-то меня, сиротинушку,
Благословить-то меня, сиротинушку,
Да что во путь-то во дороженьку,
Что во путь-то во дороженьку,
Да что ко звону да колокольному,
Что ко звону да колокольному,
Да ко венцу да ко церковному,
Ко венцу да ко церковному,

Да становиться на подножьце,
Становиться на подножьце,
Да целовать да крест серебряный,
Целовать да крест серебряный.

6.

Ты река ли, моя реченька,
Да по тебе ли, речка, струй бежит,
Да что одного струя нет дак нет,
Да что у Катеринушки да батюшко нет,
Да у Александровны кормильца нет.
Да кабы был кормилец-батюшко,
Да что не столь пива варено,
Да что не столь бы гостей названо.
Да у окошка что, ой, стукнуло,
Да у ворот колечко брякнуло.
Да не идет ли кормилец-батюшко,
Да не несет ли благословице
Да во путь да во дороженьку,
Благословить-то чадо милое
Да что во путь-то во дороженьку,
Да что ко звону колокольному,
Да ко венцу Божью церковному,
Да становиться да на подножьце,
Да принимать да злат венец,
Да целовать животворящий крест.

7.

Что перед воротечками-то
Озеро стоит, озеро стоит,
Что перед широкими
Да разлилося, да разлилося,
Что на этом озере
Да остров стоит, остров стоит,
Что на этом острове
Да калина, калина,
Что на этой калине
Да малина, малина,
Что на этой малине
Да соловей сидит, соловей сидит.

Ехал тут Иван да князь
И с поездом, и с поездом,
Он ударил соловья
Да плеточкой, плеточкой:
– Лети, лети, соловей,
Лети, не сиди,
Снеси моей суженой
Весточку, весточку,
И чтобы моя сужена
Не крепко бы спала,
Не крепко бы спала,
Шила бы косыночку
Всё шелком, всё шелком,
Дарила Ивана-князя
С поездом, с поездом.

8.

Не похваляйся-ка, Марья-душа,
Не похваляйся-ка, Ивановна,
Как я приеду-то сам-сем на двор
И войду я во новы сенички,
И я вступлю во нову горенку,
И я возьму за праву рученьку,
И посажу я за дубовый стол,
Из-за стола-то на широкий двор,
Посажу-то я во саночки
И что во самые во задочки,
Поведу я ко Божьей церкви,
Что ко звону колокольному,
Ко венцам её ко златым,
Ко вину-то ко церковному,
Ко кресту-то ко серебряному.
Они венчались, целовались
Со Иваном-то Васильевичем.

9.

Князь молодой, хорошенький,
Князь молодой, пригоженький,
Ты не во саду сидишь,
Ты не во зеленым,

Тут не соловей поет,
Тут поют те певичы,
Души-красны девицы,
Молоды молодушки
От тебя даров хотят,
От тебя великих
Со поклоном низким,
Со словами ласковыми.

10.

Отставала лебедь белая
Да от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Да что ко стаду ко серым гусям.
Её стали гуси щипать,
А бела лебедь плакати:
– Не щипайте, гуси серые,
Не сама я к вам залётала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони что Ивана да Ивановича.

11.

Уж вы, бояр-боярушки,
Да поезжаны да Ивановы,
Что ж вы тихо снаряжаетесь,
Да хорошо да снабждаетесь,
Да что во путь да во дороженьку,
Да что во путь да во широкую,
Подъезжать да ко Божьей церкви,
Становиться на подножьце,
Да принимать да золотой венец,
Целовать животворящий крест.

12.

Ой, сокол, ты соколичек,
Сокол-добрый молодец,
Он летал по вишенью,
Он искал голубушку,
Голубушку Марьюшку,
Что и Марью Ивановну,
Он привёл ко бабушке,
Он привёл ко матушке:

– Кормилец мой, батюшка,
Родимая матушка,
Люба ль вам голубушка,
Голубушка Марьюшка,
Что и Марья Ивановна?
– Моё милое дитяtko,
Было бы тебе любо,
Нам любим-любешенько,
Нам любим-то любешенько,
Что белым-белешенько.

13.

Много, много у сыра дуба,
Много, много у сыра дуба,
Много листься, много палисться.
Много, много у Валюшки,
Много тетушек и дядюшек,
Много милых подруженек.
Только нету у Валюшки
Что кормильца-то батюшка
Со родимой-то матушкой.
Снарядить-то её есть кому,
А благословить-то её некому.
Об ворота что-то стукнуло,
Об колечко что-то брякнуло –
Вот идёт кормилец-батюшка,
Со родимой со матушкой
Поглядеть на чадо милого,
Каково оно снаряжено,
За дубовый стол посажено.

14.

Во саду на проталине
Виноградный куст,
Виноград тот алеется,
Круг девицы молодцы вьются,
Они вьются, сватаются.
– Я которому достануся?
Доставалась Наталья-душа
Расхорошему молодцу
Николаю Петровичу.

15.

По сениям сенечкам
Во что ходила-гуляла
Расхорошая девица.
Она ходила-похаживала
И будила-побуживала
Своего друга милого
Ивана Ивановича.
– Ты вставай, доброй молодец,
Оторвался вороной конь
От столба от точеного,
От колечка серебряного.
Он ворвался в зеленый сад,
Весь повилоптал зеленой сад,
Всю и калину-малину,
Чёрну ягоду смородину
С душой красной девицей.

16.

По пороше, по белу снежку,
По пороше, по белу снежку
Разъезжал добрый молодец,
Под ним конь стоял во сто рублей,
На коне ковер во тысячу.
Это кто ковер вышивал?
Это кто узорчатый вышивал?
Шила-вышивала красна девица,
Вот она расхорошая,
Шила днем она у солнышка,
В вечеру у оконечка,
Утром рано по месяцу,
Против месяца ясного,
Супротив солнца красного.
Чем дарила добра молодца?
Да своим ковром узорчатым.

17.

Что не шаричек по горенке катался,
Что не шаричек по горенке катался,
Не скачу-качу по блюду рассыпался,
Как Иван жениться собирался,

Как Васильевич жениться собирался.
Его матушка снаряжала,
Алой ленточкой повязала
И словесно ему наказала:
– Как поедешь, моё дитятко, жениться
Те на душечке, на девице,
Тебе будут девицы песни пети,
Расхорошую невесту припевати,
Марьюшкой называти,
Ивановной величати,
Не дари ни рублем, ни подарком,
Подари ее низким поклоном,
Помилее всего поцелуйте его.

18.

Снегу белого порошица падет,
По той-то порошице проезжал добрый молодец.
Под ним конь-то во сто рублей,
На коне ковер во тысячу.
Но кто ж те ковер вышивал,
Кто ж те узорчатый?
Марья Ивановна
Днём против солнышка,
Вечером против огонёчка.
И дарила доброму молодцу
Ивану, свет Васильевичу.

19.

В ясном тереме свечи горят,
Горько плакала Марья-душа,
Горько Ивановна.
Уговаривала матушка, уговаривал батюшка:
– Ты не плачь, наша умница,
Не плачь, разумница,
Мы тебя-то не в полон даем,
Мы тебя не полонить хотим,
Мы тебя даем за умного, за разумного,
И тебя мы не одну пустим,
Мы с тобой дадим шафера
И ещё милых подруженек.
– Не уговаривай, матушка,

Не уговаривай, батюшка,
Все шаферы поразъедутся,
Все подруженьки поразойдутся,
Только я одна остануся
У чужого у чужанина,
У чужого отца с матерью.

20.

Много, много у сыра дуба,
Много лисья и палисья,
Только нету у сыра дуба
Золотой нет макушечки.
Много, много у Марьи-души,
Много сродства-приятелей,
Только нету родной матушки.
Благословить-то её некому
К золотому венцу ехати,
Злат венец ей приимати.
Попрошу я крестну матушку:
– Благослови-ка сиротинушку
Ко золотому венцу ехати.

21.

При вечере было, при вечере
Да при остатней вечериночке,
Да при остатней вечериночке,
Да у Ирины на девишнике,
Да у Ирины на девишнике,
Да у Ивановны на девичьем,
Да у Ивановны на девичьем.
Да прилетал ко ней ясен сокол,
Да прилетал ко ней ясен сокол,
Да он садился на окошечко,
Да на серебряну решеточку,
Да на серебряну решеточку.
Да никто сокола не видит-то,
Да никто сокола не видит-то,
Да никто ясного не слышит-то,
Да никто ясного не слышит-то,
Да как увидела, услышала,
Да как увидела, услышала,

Да как Иринушка-то матушка.
Да, мое милое ты дитячко,
Да приголубь-ка ясна сокола,
Да приголубь-ка ясна сокола.
Да ясна сокола залетного,
Да ясна сокола залетного,
Да добра молодца заезжего,
Да добра молодца заезжего.
Да родимая моя матушка,
Да родимая моя матушка,
У меня язык с ним не воротится,
У меня язык с ним не воротится,
Да сердце камнем оборотится,
Да сердце камнем оборотится,
Да живо кровию обольется,
Да живо кровию обольется.
Да уж я по лесу хожу-таки, хожу,
Да уж я по лесу хожу-таки, хожу,
Да по дремучему я укаю,
Да по дремучему я укаю,
Да никто в лесе не аукнется,
Да никто в лесе не аукнется,
Да никто в темном не откликнется,
Да никто в темном не откликнется.
Да как увидела, услышала,
Да как увидела, услышала,
Да как наносит голос матушка:
Да ты в лесу не заблудилася?
Да не в лесу ли заблудилася?
Да не в траве ли замочилася?
Да не в траве ли замочилася?
Да родимая моя матушка.

22.

Не видать мне светца из-за облака,
Не видать мне светца из-за облака,
Не видать, не видать князя,
Из-за поезда не видать.
Только видать, только видать
Конь как орел летит,

Он на коне, он на коне
Как сокол сидит.
Он на коне, он на коне
Как сокол сидит.

23.

– Что ж ты сидишь, Ленушка,
Да не смеешься?
– А чего же мне смеяться?
Полон двор вороных коней,
Полна горница званных гостей,
Только нет Митрона-батюшки,
Только нет Митрона-батюшки,
Только нет вот родного батюшки.
 Попрошу я братца, ах, Андрюшеньку,
Сердечно: Божьей церкви-то матушки,
Да ведь большой колокол зазвончистой,
Зазвончистой, да, но разгульчистой,
Чтоб сыра земля раздаласи,
Грובה доска раскрыласи,
Чтоб приехал родитель мой
Да на моё сиротское благословение.
Снарядить меня есть кому –
Снаряжали сестры родные,
Благословляли люди добрые.

24.

Как во месяце, как во месяце,
Звезды частые, звезды частые,
Как во Андрюшеньки кудри русые,
Как во Андрюшеньки кудри русые
По плечам лежат, по плечам лежат.
Никто к кудряшкам, никто к кудряшкам
Не приженится, не приженится.
Приженула, приженула
Ларисонька, ох, Ларисонька,
Привила кудри, привила кудри
На белы руки, на белы руки.
– Поживем с тобой, поживем с тобой хорошенечко,
Чтобы людишки не смеялися, не смеялися,
Только дивовалиси, только дивовалиси.
Где сидит Ленушка, там, где надо свеча,

Где сидит Ленушка, там, где надо свеча,
Светит её, светит её золотая плаща,
Светит её, светит её золотая плаща.
Знать, её мать, знать, её мать во саду родила,
Знать, её мать, знать, её мать во саду родила,
Во саду родила, калачом вскормила,
Во саду родила, калачом вскормила,
Калачом вскормила, святой выпоила.

25.

Расшумелось тут груша-то,
Расшумелось зеленая.
Порасплакалась тут девица,
Перед батюшкой она стоячи,
Перед матушкой говорячи:
– Государь ты мой, родный батюшка,
Государыня, родна матушка,
Нельзя ль думушку подумать,
Нельзя ль свадьбу порушить?
– Дорогая моя доченька,
У нас думушка вся сдумана,
По рукам у нас ударено,
Зеленое вино выпито,
У нас девушка просватана.

26.

Ты река ли моя, реченька,
Ты крута и бережистая,
Ты крута и бережистая,
Ты бежишь и всколыхнися,
Ай, стоять, Валечка, ня всмихнися.
– А чаво жи мне смеяться,
А пришло время слезоватися –
У моёво у братца ронного
Полный двор коней стоять,
Полный двор коней стоять.
А у моей у ронной матушки
Полна горенка гостей сидить,
А у меня, у красной девицы,
Полна спаленка подруженек.
А подружки, мои подружки,
Оны не спали темной ночушки,

Оны не спали темной ночушки,
Были сизыми голубушки,
Оны летали к церкви-матушке
И просили оны старосты,
Чтоб он вдарил в большой колыкыл,
Разбудил моёво батюшку
Ны сиротскую на свадьбу,
Ны сиротскую на свадьбу.
Отвячал царьковный старыста:
– Что нельзя, то невозможное,
Благословить ронная маманька,
Благословяте все соседьюшки,
Все сосенние детушки.

27.

Вызьяжал князь мыладой на крутую гору,
Вызьяжал князь мыладой на крутую гору.
Затрубил князь мыладой в золотую трубу,
Затрубил князь мыладой в золотую трубу,
Пыдавал весточку дырогому тестю,
Пыдавал весточку дырогому тестю,
Чтоб мой тесть, чтобы мой тесть приготавлился,
Чтобы мой тесть, чтобы мой тесть приготавлился,
Девять варей, девять варей он пива варил,
Девять варей, девять варей он пива варил,
Десятый вар, десятый вар зеленого вина,
Десятый вар, десятый вар зеленого вина,
Чтобы теща, чтобы теща приготавлилась,
Чтобы теща, чтобы теща приготавлилась,
Девять пячей, девять пячей пирогов пякла,
Девять пячей, девять пячей пирогов пякла,
Десятую печь, десятую печь тертых калачей,
Десятую печь, десятую печь тертых калачей.

28.

Катилыся солнушко пы залесевью,
Катилыся солнушко пы залесевью,
Вот пошла Марьюшка пы застолевью,
Вот пошла Марьюшка пы застолевью,
Кинула-бросила залатыи ключи,
Кинула-бросила залатыи ключи:
Маменька ронная, я не ключница вам,

Маменька ронная, я не ключница вам,
Тятенька ронненький, я не служанька вам,
Тятенька ронненький, я не служанька вам,
Ключница я чужой матушке,
Ключница я чужой матушке,
Служанька я чужому батюшке,
Служанька я чужому батюшке.

29.

Ягыда с ягдой сыкатилися,
Ягыда с ягдой сыкатилися,
Ягыда ягыду зы руку увзяла,
Ягыда ягыда зы руку увзяла.
Ягыда ягыду зы стол зывяла,
Ягыда ягыду зы стол зывяла,
Ягыда ягыды слово молвила,
Ягыда ягыды слово молвила,
Ягыда ягыды на ногу стала,
Ягыда ягыды на ногу стала.

30.

Хорошенький наш князь,
Иванушка князь, хорошенький наш.
Ня хуже его от и Марья-душа,
Ня хуже его.
Понижа плячом, порумяней лицом,
Подсек бярезу ны пути-дороги,
Подкосил мядыню в зеленом саду,
Выбирал ягыду вы сыром бору,
Выбирал деушку с красных деушек.
Раскинсья, бярезка ты подсеченная,
Расцвяти, мядыня ты подкошенная,
Дозрей, ягыда вы бору выбрынныя.
Дивись, Марьюшка, замуж вышедче,
Носи злат вянок, ня снашивай.
Терпи горюшка, ня сказывай.
Сколько хошь носи, вянок сносится,
Сколько хошь терпи, горя скажеться.

31.

Как во месяцы, как во месяцы
Звёзды частые, звезды частые,
Как во солнышко, как во солнышко

Лучи ясныи, лучи ясныи.
 У Иванушки, у Иванушки
 Кудри русые, кудри русые
 По плячам ляжать, по плячам ляжать,
 Словно жар горять, словно жар горять.
 Никто к кудрюшкам, никто к кудрюшкам
 Не приженится, не приженится,
 Прижанились, прижанились
 Онна барыня, онна барыня.
 Узяла кудри, узяла кудри
 Ны белы руки, ны белы руки,
 Прижала кудри, прижала кудри
 Кы бялой груди, кы бялой груди.
 – О, Иванушка, о, Иванушка,
 Пыжавем с тобой, пыжавем с тобой,
 Пыжавет с тобой, пыжавет с тобой
 Хырашенечко, хырашенечко,
 Чтобы людюшки, чтобы людюшки
 Дивовалися, дивовалися,
 Отец с матушкой, отец с матушкой
 Любовалися, любовалися.
 Ныжавем с тобой, ныжавем с тобой
 Сына-барина, сына-барина.
 Ныжавем с тобой, ныжавем с тобой
 Дочку-барыню, дочку-барыню.
 Отдадим сына в грамотеи,
 Отдадим дочку шелкым шить,
 Вот мы думали, сын наш грамотный,
 Поглядим – наш сын тот же лапотник.
 А мы думали, дочка шелком шьеть,
 Поглядим – дочка тыном трижды бьеть.

32.

Кто ж у нас хороший, кто ж у нас пригожий,
 Ай люшеньки-люли, кто ж у нас пригожий?
 Ванюшка хороший, Ванюшка пригожий,
 Ай люшеньки-люли, Ванюшка пригожий.
 В горенке ходить, в зерькало глядиться,
 Ай люшеньки-люли, в зерькало глядиться.
 В зерькало глядиться, сам себе дивиться,
 Ай люшеньки-люли, сам себе дивиться:

– Какой я хороший, какой я пригожий,
Ай люшеньки-люли, какой я пригожий,
Рубашка съ цвятами, жалетка съ часами,
Ай люшеньки-люли, жалетька съ часами,
Сапог сы скрыпами, вылоса сы кудрями,
Ай люшеньки-люли, вылоса сы кудрями.
Слуги мои, слуги, принесите дуги,
Ай люшеньки-люли, принесите дуги.
Запрягу карету, сяду и поеду,
Ай люшеньки-люли, сяду и поеду,
Сяду и поеду, к миленькой заеду,
Ай люшеньки-люли, к миленькой заеду.
Он к коню подходить, а конь так и ходить,
Ай люшеньки-люли, а конь так и ходить,
Он плетычкой машеть, а конь так и пляшыть,
Ай люшеньки-люли, а конь так и пляшыть,
Ны коня садиться, конь так и бодриться,
Ай люшеньки-люли, конь так и бодриться,
Он улычкой гонить, а улычка стоньть,
Ай люшеньки-люли, а улычка стоньть,
Он лужочкым едеть, лужок зялянеить,
Ай люшеньки-люли, лужок зялянеить,
К дому подъяжжаить – Машенька встрячаить,
Ай люшеньки-люли, Машенька встрячаить:
– Поди, мой хороший, поди, мой пригожий,
Ай люшеньки-люли, поди, мой пригожий,
Давно тебя ждала, давно дожидала,
Ай люшеньки-люли, давно дожидала,
Пяринушку слала, зголовищим клала,
Ай люшеньки-люли, зголовищим клала,
Крутое зголове про твоё здоровье,
Ай люшеньки-люли, про твоё здоровье.
А я прибяруся, к тябе привалюся,
Ай люшеньки-люли, к тябе привалюся,
К тябе привалюся, с тобой обнимуся,
Ай люшеньки-люли, с тобой обнимуся.

33.

Я чашу, чашу косу русью,
Ай да люли-люли, косу русую.
Дожидаю я дырага гостя,

Ай да люли-люли, дарага гостя,
Дырага гостя, дружка верныва,
Ай да люли-люли, дружка верныва,
А пришёл гость, да не в гости,
Ай да люли-люли, да не в гости,
А пришел гость, да доложитися,
Ай да люли-люли, да доложитися:
– Позволь, Любушка, мне жанитися,
Ай да люли-люли, мне жанитися.
– Ты жанись, жанись, мой бессовесный,
Ай да люли-люли, мой бессовесный,
Ты бяри, бяри, кого я хочу,
Ай да люли-люли, кого я хочу,
Кого я хочу, кого я велю,
Ай да люли-люли, кого я велю.
Ты бяри, бяри у соседа дочь,
Ай да люли-люли, у соседа дочь,
У соседа дочь – моя дружница,
Ай да люли-люли, моя дружница,
Моя дружница, моя свонница,
Ай да люли-люли, моя свонница,
От с которыю я водилыся,
Ай да люли-люли, я водилыся,
Я водилыся, жить училися,
Ай да люли-люли, жить училися,
Я не шелком шить, не бумагою,
Ай да люли-люли, не бумагою,
Я училася, как к тябе ходить,
Ай да люли-люли, как к тябе ходить,
Как к тябе ходить, как тебя любить,
Ай да люли-люли, как тебя любить.
– Ты не плачь, не плачь, моя Любушка,
Ай да люли-люли, моя Любушка,
Как ходил к тебе, так ходить буду,
Ай да люли-люли, так ходить буду,
Как любил тебя, так любить буду,
Ай да люли-люли, так любить буду.
Мы вваруимся, поцалуимся,
Ай да люли-люли, поцалуимся,
Мы украдимся, нагуляимся,
Ай да люли-люли, нагуляимся.

Сказочная проза

Народный сказочный эпос в фольклорном архиве Новгородского университета представлен всеми его видами: сказки о животных, волшебные, новеллистические сказки, небылицы, легенды, предания, былички.

Сказки, помещенные в данном издании, отбирались так, чтобы, во-первых, показать наиболее интересные тексты, имеющиеся в коллекции, во-вторых, представить сказки от наиболее ранних, которые были записаны в 1968 году, до тех, которые поступили на хранение в последнее время и датируются 2001 годом. Число сказок, вошедших в книгу, относительно невелико – всего 94 текста, хотя общий корпус текстов сказок, имеющихся в архиве, больше.

Следует сказать о том, что целевой установки на запись народной прозы в период полевой фольклорной практики студентов не делалось, поэтому поступление текстов на архивохраниение не носило систематического характера. Тем не менее по имеющимся в нашем распоряжении текстам можно сделать некоторые выводы об особенностях бытования сказочной традиции в Новгородской области.

Мы даем лишь небольшие комментарии к публикации, не ставя перед собой задачи полного глубокого анализа материала. Это дело будущего и, конечно же, требует специальной работы, посвященной новгородской сказке, которая учитывала бы записи, хранящиеся в других фольклорных архивах. Нам важно ввести в обиход тексты, которые до сих пор были недоступны.

Среди сказок о животных в нашем архиве самый популярный сюжет – о козе-дерезе, за ним идет сюжет о хитрой лисице, обманувшей мужика и волка. Эти сказки носят нравоучительный, назидательный характер, что, несомненно, говорит о том, что они рассчитаны на детскую аудиторию, в то время как некоторые волшебные, новеллистические сказки и былички рассчитаны на взрослого слушателя.

В разделе «Волшебные сказки» интерес представляет сюжет о любви доброго молодца крестьянского сына Кудряша к мудрой деде, красавице княжеской дочери Ильмене. Среди героев старый Ильмень, помогающий Кудряшу разбогатеть, с тем чтобы заполучить в жены Ильмену. Вспоминается в сказке Василий Буслаев как человек, который может дать мудрый совет. Понятно, что данный сюжет по реалиям новгородский.

Сказка записана в 1973 году от шестидесятилетней Жуковой П. В. Интересно, как в сказку проникают понятия иного, не сказочного времени, например, слово «сапропель», обозначавшее в семидесятые годы озерный ил, который снова стали использовать в качестве удобрения. При этом сказительница делает оговорку: «носил Кудряш озерный ил – сапропель, по-нашему».

В коллекции сказок имеются два текста «Муж-уж» (Сидорова З. И., 1990) и «Муж-гад» (Стрелкина У. Е., 1968), героем которых является змей, выполняющий роль мужа земной женщины. С момента своего замужества героиня оказывается обительницей иного пространства, хранительницей тайного знания, соединяющей два мира: мир реальный, земной и сказочный иномир. Известно, что сюжеты о змеях относятся к древнейшим.

Сказки о змее и об Ильмене тяготеют к этиологическим легендам, объясняющим происхождение живых существ или растений: от горя превратилась в кукушечку жена змея Осипа из сказки «Муж-гад»; решила утонуть, уйти в подводное царство жена ужа, бывшая дочь кузнеца, видимо, превратившись в одну из печальных обительниц воды. К сожалению, текст сказки «Муж-уж» не может быть воспроизведен полностью в связи с утраченной заключительной его части. В сказке о Кудряше и Ильмене говорится о том, как появился лен-долгунец, почему он получил такое название.

В ряде сюжетов волшебных сказок просматривается мотив оборотничества, они тяготеют к быличкам. В сказке К. А. Савёновой «Чудо-дерево» непомерно жадная старуха и дед, не усовестившийся, выполняющий беспрекословно ее просьбы, превращаются в волков, в «Сказке про двух братьев» А. Д. Поликарповой молодой человек облачается в медвежью шкуру и воспринимается людьми как медведь. Или в сказке «Волшебная тросточка», где оживает умершая жена. Но любопытно и то, что в этой сказке налицо бытовой сюжет «обманутый муж».

Значительную часть коллекции составляют новеллистические сказки, но заметно, что бытовые сюжеты оказываются достаточно разработанными и в волшебных сказках и в быличках.

В нашей коллекции любимым героем сказок оказывается солдат: всего пять сюжетов из девятнадцати. Важными для новгородских новеллистических сказок являются традиционные сюжеты о богатом и бедном, о глупом и умном, о муже и жене.

Немногочисленны в коллекции сюжеты преданий и легенд. Самое же большое место в коллекции занимают былички. Здесь представлено 27 текстов. Большая часть их связана с рассказами о мертвецах, проклятых и нечистой силе.

Легенды и предания составляют незначительную часть архивного материала. И за последнее время они записываются все реже.

В публикуемые нами тексты мы сочли возможным включить несколько быличек о чертях, записанных не в Новгородской, а в Ленинградской области (Борисов М. Н.), и одну сказку, записанную в Мурманской области (Поликарпова А. Д.). Объясняется это тем, что в архив НовГУ поступают записи из близко расположенных областей – Тверской, Ленинградской, Псковской, Мурманской. Мы решили представить двух интересных исполнителей, тем более что они записывались в тех местах, которые некогда входили в состав Новгородской земли.

От Поликарповой Анны Дмитриевны кроме «Сказки про двух братьев» записано еще несколько сказочных текстов, но они не вошли в публикуемый материал. Интересна судьба сказительницы: с двух лет она осталась сиротой, ее воспитывала бабушка, которая и рассказывала эти сказки. Анна Дмитриевна наотрез отказалась записывать свой голос на магнитофон.

Еще удастся записать интересных рассказчиков, знающих значительное количество сказок и быличек. Так, например, ярким рассказчиком был Н. Р. Петров, человек бывалый, участник двух войн. К сожалению, не удалось выявить весь его репертуар. По словам его внучки, которая и производила запись, он знал «очень много сказок». Запись была сделана в феврале 1983 года, а поступила в архив в сентябре, когда рассказчика уже не было в живых, его не стало летом.

В опубликованных нами сказках есть две, одна из которых рассказана семидесятитрехлетней матерью (Белова А. М., «Как мужик жеребеночка высиживал»), а другая сорокачетырёхлетним ее сыном (Белов Н. И., «Муж и жена спорщики»). Николай Иванович слышал сказку от своей бабушки.

В репертуар, записанный от Пановой М. В. (Шимск), входит легенда «Суд святых» и былички разной тематики – всего девять текстов. Надо отметить, что рассказчица молодая, ей на момент записи было всего двадцать четыре года, а то, что от нее услышали, по свидетельству Марии Викторовны, она помнит со слов покойной бабушки. Шесть текстов бытовых сказок записано от 50-летнего сказочника Анишина Геннадия Александровича.

Появившиеся в последние годы молодые рассказчики, которые продолжают сказочную традицию Новгородской земли, сохраняя в памяти традиционные сказочные сюжеты, позволяют нам надеяться на то, что не порвется ставшая теперь тонкой нить, связующая времена и поколения.

О ЖИВОТНЫХ

Куручка и кочеток

Жили куручка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне, кочеток залез на орешню рвать орехи, а куручку он оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а куручка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал куручке в глазок, и вышиб глазок. Куручка пошла – плачет. Вот едут бояре и спрашивают:

- Куручка, куручка, что ты плачешь?
- Мне кочеток вышиб глазок.
- Кочеток, кочеток, на что ты куручке вышиб глазок?
- Мне орешня портки разорвала!
- Орешня, орешня, на что ты кочетку портки разодрала?
- Меня козы поглодали!
- Козы, козы, на что вы орешню поглодали?
- Нас пастухи не берегут!
- Пастухи, пастухи, что вы коз не бережете?
- Нас хозяйка блинами не кормит!
- Хозяйка, хозяйка, что ты пастухов блинами не кормишь?
- У меня свинья опару пролила!
- Свинья, свинья, на что ты у хозяйки опару пролила?
- У меня волк поросёнка унёс!
- Волк, волк, на что ты поросёнка унёс?
- Я есть захотел, мне Бог повелел!

Коза-дереза

Жили-были дед с бабкой. Была у них корова, но захотелось им иметь козу. Тогда продали они корову и взамен купили козочку. А для козочки нужен был пастух, дед и баба старые, пасти сами не могут.

Наняли они девушку пасти козу. Вечером пригнала козу с поля, а коза молока не даёт.

На второй день наняли пастушка-мальчика. А коза пожаловалась на девушку и мальчика:

– По траве ходила, по муравке ходила, но пить-есть не давали пастухи.

Неделю так продолжалось. Дед рассердился, что коза не даёт молока, и говорит бабе:

– Давай зарежем её.

Пошёл в кузницу ножи точить, а коза тем временем и ушла. Ушла в лес, в зайнькину избушку. Забралась там на печку и лежит. А на печке тепло, светло и не дует. Приходит заяц и спрашивает:

– Кто в моей избушке?

А коза отвечает:

– Я коза-дереза, за три гроша куплена. Боду-боду рогам, и хвостиком замету!

Лиса надумала по дороге заглянуть к зайньке. Только сунулась, а коза опять:

– Я коза-дереза, за три гроша куплена. Боду-боду рогами, хвостиком замету!

Испугалась лиса и убежала.

Идёт волк, думает о хорошей добыче. Сунулся в домик, а коза опять за своё. Волк сверкнул глазами и в лес убежал.

Через день идёт Мишка-медведь. Искал в лесу мёд и набрёл на избушку. Испугала его коза, он с сенечек соскочил, два крылечка сломал да убежал.

Идёт петушок, маслена головушка, красная бородушка.

– Кто в избушке живёт?

– Я коза-дереза, за три гроша куплена. Боду-боду рогами, хвостиком замету.

Не испугался петушок козы. Долбил-долбил и выгнал её из дому. Пустил зайца. Ободрали они козу и шей сварили. И стали дружно жить-поживать.

Козочка, заяц и петух

Жили дед да баба. Была у них козочка. Послал дед бабу ее пасть. Баба пасла козочку, кормила. Повела ее домой, а дед их встречает.

– Кормили ли тебя? – спрашивает дед козочку.

– Нет, – она отвечает, – бежала через мосток – ухватила кленовый листок, бежала через грабельку* – ухватила воды капельку.

Дед рассердился и выгнал бабу. Сам пошел козочку пасть. Пас, кормил ее. Повел домой, а сам забежал вперед и встречает козочку.

– Кормили ли тебя, поили ли тебя? – спрашивает.

– Нет, – отвечает козочка, – бежала через мосток – ухватила кленовый листок, бежала через грабельку – ухватила воды капельку.

Дед рассердился и выгнал козочку. Она побежала в лес, забежала в зайкину избушку и залезла на печку. Зайчик начал ее выгонять, а она отвечает:

– Топы, топы ногами, забоду рогами, ножками затопчу, хвостиком замечу.

Зайчик испугался и убежал. Видит, идет волк. Зайчик стал ему жаловаться. Волк согласился ему помочь выгнать козочку. А она им с печки:

– Топы, топы ногами, забоду рогами, ножками затопчу, хвостиком замечу.

Они испугались и убежали. Видят, идет медведь. Зайчик стал и ему жаловаться. Медведь согласился помочь выгнать козочку.

А она им с печки:

– Топы, топы ногами, забоду рогами, ножками затопчу, хвостиком замечу.

Они испугались и убежали. Видят, идет петух. Зайчик и ему пожаловался, что козочка заняла его избушку. Петух обещал помочь.

– Куда тебе, – говорит зайчик, – волк, мол, гнал – не выгнал. Медведь гнал, гнал – не выгнал.

– Выгоню, – обещал петух.

Он встал на пороге и закричал:

– Ку-ка-ре-ку! За собой несую косу, зверю голову снесу!

Козочка испугалась, упала и разбилась. Зайчик обрадовался и стал с петухом жить в избушке.

* В Новгородской области «грабень» обозначает или узкую полосу нескошенной травы, или небольшую длинную возвышенность. «Грабень» – сгребание чего-то в кучу, в том числе и сена.

Коза-дереза, заяц и петух

Жили дед да баба. Была у них дочка. Жили они бедно, и была у них коза. Очень дед ее любил. Вот послал дед дочку пасть козу. Пасла она ее, пасла, а наступил вечер, погнала домой. Вот дед и спрашивает у козы:

– Козынька, коза, ела ли ты, пила?

– Нет, дед, не пила я, не ела. Как бежала через мосток –хватила кленовый листок, а бежала через грабельку –хватила воды капельку –то пила и ела.

Рассердился дед на дочку, затопал ногами. На другой день отправилась баба козу пасти. Пасла она ее, пасла, а наступил вечер, погнала домой. Вот дед и спрашивает у козы опять:

– Козынька, коза, ела ль ты, пила?

– Нет, дед, не пила, не ела. Как бежала через мосток –хватила кленовый листок, а бежала через грабельку –хватила воды капельку –то пила и ела.

Рассердился дед на бабу, побил ее. На третий день пошел сам козу пасть. Пас он ее, пас, а наступил вечер, погнал домой. Забежал вперед и спрашивает:

– Козынька, коза, ела ль ты, пила?

– Нет, дед, не пила, не ела. Как бежала через мосток –хватила кленовый листок, а бежала через грабельку –хватила воды капельку –то пила и ела.

Рассердился тогда дед на козу. И стал ей горло резать. А нож был тупой –он ее до конца не дорезал.

Коза и убежала в лес. Зашла в зайчью избушку и легла на печь. Приходит заяц, смотрит, кто-то на печи лежит, и говорит:

– Кто в моей избушке, вылезай!

А коза ему отвечает:

– Я коза-дерёза
Полбуку луплено,
За три гроша куплена,
Я топу-топу ногами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замечу.

Испугался зайнышка, выбежал из избушки и заплакал горькими слезами.

Подходит к нему медведь и спрашивает:

- Заинька, чаво* плачешь?
– Да какой-то зверь спрятался у меня на печи.
– Пойдем, я его выгоню.
Заходят они в избушку, медведь и говорит:
– Кто в зайкиной избушке, вылезай!

– Я, коза-дерёза,
Полбоку луплена,
За три гроша куплена,
Я топу-топу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замечу.

Испугался медведь и убежал в лес. А заяка сел и опять горько заплакал.

- Подходит к нему волк и спрашивает:
– Чаво, зайнька, плачешь?
– Да какой-то зверь спрятался у меня на печи.
– Пойдем, я его выгоню.
– Медведь гнал – не выгнал.
Но все-таки пошли. Волк и говорит:
– Кто в зайкиной избушке, вылезай!

– Я, коза-дерёза,
Полбоку луплена,
За три гроша куплена,
Я топу-топу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замечу.

Волк испугался и убежал в лес. А зайнька пуще прежнего плачет, слезы горьки льет. Идет мимо петушок.

- Чаво, зайнька, плачешь?
– Да кто-то спрятался у меня на печи.
– Пойдем, я выгоню.
– Да где тебе! Медведь гнал – не выгнал. Волк гнал – не выгнал.
А ты – эван какой маленький.

Но все-таки пошли. Вбежал петушок в избушку и закричал:

* Чаво (*диал.*) – чего.

– Ку-ка-ре-ку!
Я несу тебе косу,
Тебе голову снесу
По самые плечи.
Слезай, коза, с печи!

Коза испугалась и убежала в лес. А петушок поселился у зайки, и стали они дружно жить.

Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец.

Про козу Дерезу

Жили-были мужик и баба. Было у них двое детей. Старшего звали Петей, а младшего Иванушкой. И жила у них коза Дереза.

Наступило лето, и послал отец младшего сына козу пасти. Накормил Иван козу, напоил. Наступил вечер, и погнал Ванюшка козу домой. А во хлеве хозяин козу и спрашивает:

– Козочка, ты, козочка, как ты ела, пила?

А коза ему в ответ:

– Я не ела, не пила,
Бежала через мосточек
Цопнула* калиновый листочек.
Вот так я ела и пила!

Рассердился хозяин, напорол сына и послал Петьку козу пасти. Добросовестно пас козу и Петька: накормил и напоил. Но когда отец спросил козу, то она ответила ему, как и в первый раз, что не ела, не пила.

На третий день пошел сам мужик пасти свою козу. Напоил ее, накормил. А когда пришло время домой козу гнать, он опередил ее у дома, сел во хлеву и спрашивает:

– Козочка, как ты ела и пила?

А коза ему снова отвечает:

– Я не ела, не пила,
Бежала через мосточек –
Цопнула калиновый листочек.
Вот так я ела и пила!

Рассердился мужик, стал ее бить, чтоб не врала. Решил он козу резать, пошел за ножом, а коза и убежала пока.

* Цопнула (*диал.*) – цапнула, схватила.

Убежала коза в лес. Смотрит, стоит домик, решила Дереза в этом домике пожить. А в домике жил Кисынька. Вот приходит он домой, а Коза с печки как закричит:

– Я коза Дереза!
Полбока луплена,
За три гроша куплена.
Топу, топу ногам –
Заколю кота рогам!

Кисынька выбежал на дорогу, сидит и плачет. Идет Зайчик-попрыгайчик, спрашивает:

- Что ты, Кисынька, плачешь?
- Ну как мне не плакать, коза мой домик заняла!
- Не плачь, – говорит Зайчик.

Решил он попробовать козу выгнать. Только вошли они в домик, а коза Дереза как закричит:

Я коза Дереза!
Полбока луплена,
За три гроша куплена.
Топу, топу ногам –
Я заколю Зайца рогам!

Испугались Зайка с Кисынькой и убежали. Волк, лиса, медведь пытались помочь Кисыньке, но не смогли. И вот идет Петушок Золотой гребешок и спрашивает:

- Ты что плачешь, Кисынька?

Рассказал ему котик, и взялся ему Петушок помочь. Заходят они в домик, Петушок как закричит:

Ку-ка-ре-ку!
Несу косу –
Козы голову снесу!

Испугалась коза. С печки упала и пропала.

Бросили ее в яму. Стали Кисынька с Петушком вместе жить да не тужить.

Про козу

Жили дед и баба, и были у них внучка Аленка и внучок Ваня. Называет Ваня:

– Диду, диду, купи мне козку, я хочу ей пасте.

Диду взял козу купил, и погнал Ваня пасте. Пасет, пасет козу да напоит, пасет, пасет да напоит. Гонит домой. А дед встал на воротах у чарвоных щаботях в золотой шапке и спрашивает:

– Коза моя милая, пила ли, ела?

А коза бреше, отвечая:

– Нет, дидусю, не пила, не ела,
Токо бигла через лесок –
Захватила клинев листок,
Токо бигла через гребеньку –
Захватила капельку водички, токо пила и ела!

Дед взял Ваню убил, да и под корыто его подкатил.

Погнала Леночка пасте козу. Пасет, пасет козу да напоит, пасет, пасет да напоит. Уж коза сытая, аж с жопы трава лезе, а она все пасеть ее. Гонит домой, а дед встал на воротах во чарвоных щаботях с золотым клинком и спрашивает:

– Коза моя милая, пила ты, ела?

– Не, дидусю, не, не пила, не ела,
Токо бигла через лесок –
Захватила клинев листок,
Токо бигла через гребеньку –
Захватила капельку водички, токо пила и ела!

А дед чаво, взял да и Аленку убил.

Погнала бабка козу пасте. Пасла-пасла козу, пасла-пасла и по ярам, и по буграм и весь день пасла до напасла. Гонит домой. Вот дед опять встал на воротах, спрашивает:

– Коза моя милая, коза моя люба, пила ты, ела?

– Не, дидусю, не пила, не ела,
Токо бигла через лесок –
Захватила один листок,
Токо бигла через гребеньку –
Захватила капельку водички, токо пила и ела!

Дед взял да и бабуку убил. Погнал пасте козу сам. Перерядился и погнал. Пас, пас и напас хорошо козу, потом гонит домой. А сам козу пустил, а сам бегом, бегом, переделся в другу одежду: надел чеботы красные и кафтан и встал на воротах и спрашивает:

– Коза моя мила, чи ты ела, чи ты пила?

– Не, дидусю, и не пила, и не ела,
Токо бигла через лесок –
Хватила клинев листок,
Токо бигла через гребэньку –
Захватила каплю водички!

Дед понял, что коза брешет, да взял и козу убил. Да и все.

Котофей Иванович

Жили дед и баба, и был у них горазд* пакостный кот. Баба говорит:

– Дед, свези его в лес.

Дед взял, посадил его в кузов, ну в корзинку. Привез в лес, взял пустил, ну кот и пошел. И думает: «Ну, куда я денусь в таком лесу». Навстречу лиса:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Кто вы такие?

– Да я из этих сибирских лесов прислан, Котофей Иванович.

– А где вы остановились? Идите ко мне жить.

Ну и приютила его.

– Ты посиди, а я побегу в деревню принесу курочку.

Бежит, а навстречу ей волк:

– Ты куда, лисонька?

– У нас ведь начальник – Котофей Иванович – из сибирских лесов прислан. Надо его хоть курочкой угостить.

– Уж как бы поглядеть на него?

– Иди за бараном.

Ну, волк и побежал. Бежит, а ему навстречу медведь.

– Ты куда, лисонька?

– А у нас теперь из сибирских лесов начальник Котофей Иванович.

И бегу я за курочкой. А волк пошел за бараном.

– А как бы мне-то поглядеть?

– Иди за быком.

Этакий и пустился за быком.

Принесли они и быка, и барана. А лиса говорит:

– Вы положите там, на тропинку, а то он горазд сердитый, сами спрячьтесь.

Волк и говорит:

* Горазд, гораз (диал.) – очень.

– Куда же мне спрятаться?

Медведь говорит:

– Я залезу на сосну, а ты-то?

– А ты меня зарой в листья в хворост.

Ну, медведь закопал его, а сам полез наверх, сидит. Ведет кот лиса, привели. Посмотрел, ну, а есть-то он хочет. Как принялся за мясо-то за барана, он горазд есть хочет. Медведь сидит и говорит:

– Какой маленький, но сердитый.

А волк говорит:

– А я-то не вижу.

И принялся листьями шуршить. Кот думал, что таммышь, как вскочет туда. Волк горазд испугался да бежать. А кот испугался волка да на сосну, а там медведь сидит. Медведь испугался: ну, думает, того повалил, теперь за меня. Тот как ударился оттуда, все и разбежались. И остались тут с мясом лиса да кот.

За курочку – гусочку

Жил мужик и баба. И было у них много ребятишек. А одна лиса жила в лесу. Стало ей горазд холодно, и думает:

– Пойду-ка я в деревню, может, чего-нибудь раздобуду.

Взяла палочку, пришла в деревню. Постучалась, ей открыли:

– Пустите, пожалуйста, меня, я ведь вас не стесню. Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а палочку под печку.

Деваться некуда, дали курочку.

Посидела, посидела, пошла в другую деревню. Тоже постучалась:

– Пустите, пожалуйста, меня, я ведь вас не стесню. Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а курочку под печку.

Хозяева пустили ее. Ночью она соскочила, съела курочку. А наутро:

– Где моя курочка?

Баба говорит:

– Родная, я ведь не знаю.

– А за курочку – тогда гусочку.

Делать нечего, дали гусочку.

И думает:

– Пойду в деревню, я на гусочку сменяю девочку.

Пришла, постучалась. А много было ребятишек-то.

– Пустите, пожалуйста, меня, я ведь вас не стесню. Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а гусочку под печку.

Ну, что делать, ну, пускай ночует. Ночью встала, гусочку съела, а утром и говорит:

– Куда вы мою гусочку дели? За гусочку давайте девочку.

А мужик взял мешок, посадил туда собаку. Сделал дырку, чтоб она могла выскочить. Лиса взяла и пошла, и поет:

Была палочка,
Сменяла палочку на курочку,
На курочку – гусочку,
На гусочку – девочку.

А та собака как выскочит, как принялась ее драть, как принялась таскать. Лиса побежала и хвост оставила у собаки во рту.

Хитрая лиса

Жили себе дед да баба. Вот однажды поехал дед рыбу ловить. Богатый был улов. Много рыбы поймал. Сложил дед все в сани и отправился домой. Потихоньку трухает да трухает. Вдруг глядит – лежит на дороге лиса, обрадовался дед:

– Хороший будет бабе воротник.

А лисичка прокопала в саях дырочку да всю рыбку и перекидала на дорогу, и сама сбежала. Приехал дед домой, глядь – ни лисы, ни рыбы нет. Погоревал, погоревал, да делать неча. А дело было на масляной неделе.

Собрала лиса всю рыбу, сидит и ест. Приходит к ней серый волк и говорит:

– Лисонька, дай мне рыбки.

– Эван-то* ты какой! Пойди сам да и налови. Иди на реку, сунь хвост в прорубь, вот и поймашь рыбу.

Пошел волк на реку, сунул хвост в прорубь, сидит и ждет. Долго сидел – хвост у него и примерз. Смотрит – идут бабы за водой. Увидели волка и кричат:

– Волк, волк! Бейте его!

Прибежала вся деревня, и начали они его колотить – кто коромыслом, кто ведром, кто чем попадя. Волк прыгат, прыгат, а хвост-то не вытаскыть. Оторвал волк себе хвост да и пустился бежать без оглядки.

А лиса в это время побежала в деревню вылизала все тесто, съела все блины.

Вот кака была лиса: и рыбки поить сумела, и блинов. Сказка вся, говорить нельзя, налейте рюмочку винца, расскажу до конца.

* Эван – эвон (диал.) – вот, вон (какой).

Про петушка и курочку

Как жили дид и баба, и была у них курочка и петушок. Они жили бедно-бедно, не было им даже червячка курочке посыпаться.

Пошли курочка да петушок на сметячко гребтися, греблись там, греблись: петушок выгреб золоту периночку, а курочка – золоту копеечку, и пришли домой. Кричит петух:

– Открывай, диду, дверь!

Дед открыл.

– Открывай, диду, други!

Дед открыл.

– Простилай, диду, рядом!

Дед простлал.

– Бери, дед, палку!

Дед взял.

– Бий меня, диду, по ушам!

Дед как ударил петуха по ушам, а там как посыпалися деньги золотыи, потом обратно петух кричит:

– Бий меня по жопи!

Дед как ударил петуха по жопи, оттуда деньги белые как посыпалися, а петух опять кричит:

– Ку-ку-ре-ку! Простилай, дед, рядом!

Дед простлал.

– Бери, деду, палку!

Дед взял.

– Бей меня по носу!

Дед как ударил петушка по носу, а петушок как рыгнет золотыми деньгами, много-много денег наблювал дедке да бабке. И они из этого заобогатели, пошли на базар, купили курочке зерна и стали богатыми.

Сказка про жаронки*

Жили дед с бабой. И были у них жаронки. Дернут, вернут – блин да пирог, да каши горшок. Был у них и любимый петушок. Жили они все счастливо. Ели сытно и вкусно – жаронки выручали.

* Жаронки – к сказке есть примечание, возможно, сделанное со слов самой рассказчицы, что жаронки – это деревенское кушанье. В таком случае жареные «блин да пирог» – это и есть жаронки. В новгородских говорах употребляется слово *жёронки* как уменьшительное к *жёрны* («каменные или деревянные жернова в ручной домашней мельнице») или *жеронки*, то есть *жернова* (с отражением аканья). По смыслу сказки – это волшебный предмет, который помогает получать пироги и блины.

Однажды остановился у них барин. Дед с бабой его накормили, напоили. Очень понравились барину жаронки, и он их украл. Утром барин проснулся и уехал. Дед с бабой сели есть и видят – жаронок нет. Дед плачет, баба плачет, а петушок говорит:

– Не плачь, дедушка с бабушкой, я верну вам жаронки.

И полетел на поиски дома барина.

Летит петушок, летит и видит – лиса бежит.

– Залезай, лиса, ко мне под крыло, – говорит петушок.

Лиса залезла. Летит петушок дальше и видит – волк лежит под кустом. Петушок ему и говорит:

– Залезай, волк, ко мне под крыло.

Сказал петушок, и волк залез. На пути петушок увидел озеро.

– Горлышко, пей воду, горлышко, пей воду, – говорит петушок.

Горлышко всю воду и выпило.

Нашел петушок дом барина. Сел на забор и закричал:

– Барин, отдай дедовы да бабины жаронки.

Барин испугался и приказал отнести петушка к гусям – пусть гуси его заклюют. Отнесли петушка к гусям, а он и говорит:

– Вылезай, лиса, и ешь гусей.

Лиса всех гусей и съела. Петушок опять прилетел на забор.

– Отдай жаронки, – кричит петушок.

– Посадите его к лошадям, – сказал барин.

Петушка посадили к лошадям.

– Волк, вылезай и ешь лошадей, – говорит петушок.

Волк всех лошадей съел. Петушок опять на забор и кричит:

– Барин, отдай жаронки.

Барин испугался, ведь много бед принес ему петушок, нет ни гусей, ни лошадей. И отдал ему жаронки.

Петушок прилетел домой, принес жаронки, и опять они зажили счастливо.

Волшебные сказки

Кудряш и Ильмена

Знаем мы край наш, приильменский, как испокон веков льноводный. С колыбели слышим про лён-ленок былины и сказки занятные, мудрые, да поговорки складные, песни душевные да припевки задорные.

Одну сказку поведаю. Коли время есть, коль понравится – запомните, будет время – расскажете, добрых людей заявите, а кого и на ум наставите.

Так вот. Полюбились, сказывают, друг другу Кудряш, сын крестьянский, молодец пригожий, да красавица Ильмена, дочка княжеская. И быть бы свадьбе. Да где там! Стал супротив того старый князь. Разгневался: красу-девицу – в темницу, что на самом берегу Ильмень-озера, а молодца-удальца – подальше от крыльца, на земли бросовые.

Сидит Кудряш на поле, где и трын-трава не растёт, кручинится, убивается, горячей слезой заливается, судьбу свою бедняцкую проклинает, а что делать не знает. День сидит, другой сидит, всё вокруг глядит и всё пуще сердит. Знает, любит князь серебро и золото, ко двору бы ему князь богатый. А как разбогатеть ему, молодцу? Если бы был тут Василий Буслав, присоветовал бы. Но с дружками за море отправился богатырь и не скоро, знаешь, воротится.

Третий день сидит Кудряш, кручинится, но с поля бросового не двинется. Но тут видит он, поспешает к нему Данила-рыбак, тоже из бедняков бедняк. Подходит, кланяется, письмо-бересту подаёт, улыбается. Говорит:

– Возвращались мы, братец, поутру с озера, на базар поспеть с уловом торопились. Видим, машет нам ручкою белою из башни-темницы Ильмена-заточница. Не иначе, мыслим, – это знак нам. Не побоялись

мы, к самому берегу чёлн свой приблизили, и вот тебе весточка от невесты, утешайся и, чем сиднем сидеть, за дело принимайся!

Ушёл Данила, а Кудряш читает, на бересте что сказано, да понять не может. И мудрено понять! Ведь сказано:

— Иди к Ильмену, что он скажет, исполни.

Долго дивился Кудряш бересте: во своём ли уме Ильмена, чтоб такое ему повелеть?

Но делать нечего, дождался зари, пошёл к озеру. Шумит Ильмень-ба-тюшка, берега волнами расталкивает, во свои синие волны заманивает. Смотрит Кудряш на ладьи расписные под парусами льняными, купцам завидует и говорит с печалью:

— Нет, богатому мне не бывать, красы моей Ильмены не видеть.

И только вымолвил он слова эти, слышит, шепчет ему Ильмень:

— Не пристало тебе, молодец, кручиниться, не та беда, что видится, или нет у тебя силы богатырской, или обидели тебя сметкой крестьянской? Не зря послала тебя Ильменушка, любовь-то её крылатая – весь свет облетела и дорогу к счастью-радости отыскала.

Так слушай же меня, старика. Не грех ума занять, грех, знаючи, дела не справлять. Дно моё озёрное не простое, илом выстлано, а тот большую силу земле даёт. Буду я по ночам от берега отступать, а ты не ленись ил таскать да пашню удобрять. И родится на твоём поле лён, какого не выдывали. Тогда и выкупишь свою Ильмену.

Скоро ли, долго ли носил Кудряш озерной ил, сапрпель по-нашему (*прим. рассказчицы*)*, только, когда засеял поле, стали над ним смеяться:

— Бедова голова, тем и народ удивил, что семена загубил.

Особливо князь потешается. Говорит Кудряшу:

— Так уж и быть, выдам я за тебя Ильмену, на то моя воля, если лён вырастишь на этом бросовом поле. Извелся Кудряш, всходов ожидаючи. И свалил его, уморенного, сон богатырский. Проснулся молодец – глазам не верит. Приснилось ли, почудилось ли? Вымахал лён на поле.

Побежал Кудряш к озеру студёной водой омыться, возвращается – лен по грудь стоит, ровный да чистый, кудрявый да головистый! Увидел князь это диво-дивное, вздохнул от зависти, задохнулся от жадности. К Кудряшу, как к равному, с почтением обращается:

— Верен я слову – твоя Ильмена. Только, чур, и поле льняное мое! Согласен?!

— Бери! – крикнул Кудряш и соколом полетел за невестой.

* Сапрпель – термин, широко бытовавший в 70-е годы, обозначавший ил, шедший на удобрения полей.

Вывел Кудряш Ильмену из темницы на белый свет. Идёт она, улыбается, но руки вперёд простирает, спотыкается. Упало у Кудряша сердце, как подумал, что ослепла в тёмном затворе Ильмена. Взял он ее на руки да скорее к полю льняному.

– Вот, душа Ильменушка, погляди на чудо-то. Совет я твой исполнил, до седьмого пота трудился. Ты гляди, ленок-то какой уродился. Цветет-то как! Неужто не видишь?

– Ой! Вижу, – вскричала тут радостно Ильмена, – все вижу, мил дружок. Ну, какой же ты вырастил чудо-ленок!

Посмотрел Кудряш на невесту и изумился: были у Ильмены глаза карие, а стали голубымь-голубыми, как цветики льняные. А Ильмена ходит вокруг поля и звонко поёт песню:

Ах, ленок, мой ленок,
До чего ж долгонок!
До чего ж ты хорош!
Да так дивно цветёшь!
Ты ходил на бережок,
Потрудился, мой дружок, –
И родился ленок
Долгонок-долгонок.

Так-то вот и стали, сказывают, с тех пор наш лен долгунцом звать.

А у Ильмены и Кудряша было шесть сыновей и шесть дочерей. И все голубоглазые. Младшую дочь тоже Ильменой назвали.

Но про то другой сказ, в другой раз.

Волшебное кольцо

У одной бабушки был сын. У ей были деньги сколько-то. Сын говорит:

– Мама, дай мне.

На базар пошел, сто рублей она дала. Он пришел на базар, ходил-ходил, ничего не нашел, кошечку купил. Сто рублей отдал за кошечку. Приходит домой, мать говорит:

– Чего ты купил?

– Кошку.

– Ох, ты дурак, ты дурак, кошечку купил!

Он опять сто рублей просит.

– Еще чего-нибудь купишь.

Тоже собачку купил за сто рублей. И ещё сотню просит.

– Остатня, бессовестный, как тебе не стыдно?! Последняя сотня.

Ходил-ходил, ничего не купил. Вот мужчина идёт:

– Пойдем, царева дочка померла, снимем золото, я тебя в яму посожу. Вот он золото ободрал, мужчине передал, а кольцо себе оставил.

Мужчина говорит:

– Давай и кольцо.

А он не отдал. Мужчина бросил его в яме. Тому не выйти из ямы. Стал он кольцо мерить. Вдруг откуда не возьмись двадцать молодцов и спросили:

– Что надо?

– Выньте меня из ямы.

Его вынули. Домой приходит к матери. Мать спрашивает:

– Чего ты купил?

– Колечко купил.

– Эх, дурак ты, дурак, колечко купил!

– Ложись, мама, за одну ночь у нас всё будет.

Утром встают – за одну ночь хрустальный дом вырос. Сын говорит:

– Мама, ступай к царю, сватай цареву дочь.

– Дурак, будто за тебя пойдет!

– Да попробуй посватай.

И пошла мать сватать цареву дочку. А царь приказывает, чтобы к венцу ехали – яблони цвели, а от венца — яблоки зрели, и был бы у тебя хрустальный дом. Мать пришла домой и говорит:

– Беда, тебе не сделать за день. А он:

– Ложись, мама, всё будет.

Царь утром встаёт – всё есть. Видит, можно замуж отдавать.

Ну, свадьба. Поехали к венцу – яблони цветут, от венца – яблоки зреют.

Легли спать. Она стала выпрашивать:

– Чем ты так бедно жил? – Он не говорит.

– Что ты за муж будешь, если так будет?

Потом вынудила его, он и сказал. Она у него ночью кольцо и сняла да надела с руки на руку. Явились двадцать молодцов и спрашивают:

– Что нужно?

– Всё разрушьте: как была маленькая избушка – так и сделайте.

Всё исчезло.

Царь просыпается – всё разрушивши. Он его в тюрьму посадил. Кошечка с собачкой сгоревались, что хозяина посадили. Кошечка говорит:

– Не достанем ли колечко?

Побежали. Их пустили.

Царевна спать легла и в коробочку колечко и положила. Кошечка выпала колечко и говорит:

– Побежим в тюрьму!

А им надо переплыть. Прибежали на озеро, там рыбу ловят. Стали они просить, чтобы их перевезли. И поругались, кому взять кольцо. Собачка взяла кольцо в зубы да и выронила. А кольцо попало щуке.

Баба чистила рыбу, кольцо нашла и положила на полку. Кошечка увидела, выцапала кольцо и побежала в тюрьму. А потом по углу да на трубу, бросила в трубу. Засветилось там. Он и говорит:

– Не принесла ли кошечка колечко?

Перекинул колечко с руки на руку – двадцать молодцов его из тюрьмы выпустили. Всё сделалось. А он женился на другой.

Волшебная рубашка

Жил-был мужик. Идёт он как-то по дороге, а навстречу идет барин. И говорит он мужику:

– Наймись-ка у меня на год работать, а я тебе в конце года сто рублей выплачу.

Согласился мужик. Работает у барина не покладая рук. Пришел срок деньги платить, а барин ему и говорит:

– Не видать тебе никаких денег, плохо работал.

Рассердился мужик и ушёл в тёмный лес. Ходил, ходил по лесу, и захотелось ему лечь отдохнуть. Лёг было под дерево и видит – летит по небу змей о шести головах. Подлетел он к мужику и стал спрашивать его про житье-бытьё. Рассказал ему мужик тогда всё. Змей его выслушал, а потом и молвит:

– Чем тебе по лесу ходить, пойдём-ка лучше ко мне на три года.

– Ладно, – отвечает мужик.

– Ну, садись ко мне на шею.

Принёс он его домой и говорит:

– Вот сиди у этого котла три года, огонь разводи да кашу вари.

А сам улетел по свету странствовать. Через три года прилетел змей и спрашивает:

– Готова каша?

– Наверное, сварилась. У меня огонь все три года горел, как ты и велел. Змей съел всю кашу, похвалил мужика и говорит:

– Хорошо ты кашу варишь, останься у меня еще.

И остался мужик. Так прошло девять лет, а мужик все варил кашу. Раз как-то он и думает: что ж это я живу у змея девятое лето, все кашу ему варю, а сам и не отведаю, какова она на вкус. Сказано – сделано. Открыл он крышечку в котел, глядь, а там барин, который ему сто рублей не отдал.

Ну, думает мужик, я ж тебя сейчас потешу. И давай таскать дрова да пуше костер разводить. Прилетел опять змей, съел кашу и похвалил солдата:

– Раньше была хороша каша, а теперь и того лучше, выбирай себе в награду, что хочешь.

И выбрал мужик коня богатырского и рубаху толстого сукна. А рубаха-то была не простая, а волшебная; одень ее, и богатырь будешь. И отпустил змей мужика с миром.

Одному королю помог мужик в войне, и тот женил его на своей дочери. Только ей не по сердцу было, что выдали ее замуж за простолюдина. А любила она королевича. И задумали они узнать, в чем сила мужика. Выведали, сняли с него сонного рубаху. Надел на себя эту рубаху королевич, мечом изрубил мужика на куски, сложил их в мешок и сказал конюхам:

– Возьмите этот мешок и везите его в чисто поле.

А мужиков богатырский конь обернулся в клячу. Взяли его конюхи, привязали к нему мешок и погнали в поле. А конь побежал к змею и три дня и три ночи ржал у его палат. А змей в это время крепко спал.

Проснулся он от конского топота и ржання, вышел из палат, взял мешок и увидел там мужика, изрубленного на куски. Взял он их, sprыснул сначала мертвой водицей – тело срослось, sprыснул живой – он ожил. И выучил змей мужика принимать на себя разные виды. Обернулся мужик голубком и полетел к королевичу, который жил с его женой. Прилетел он ко двору и сел на окошко. Видит, идет девица. И говорит он ей:

– Услужи, мил-красна девица, я тебя замуж возьму, добудь мне с королевича рубашку толстого сукна.

А она молвит:

– Так ведь он ее никогда не снимает, буде только тогда, когда в реке купается.

Вышел мужик к реке и обернулся цветком. Пришел королевич и увидел цветок, залюбовался. И решил сорвать его. А цветок обернулся комаром и улетел. Королевич снял рубаху и стал купаться. А мужик тем временем обернулся соколом и унес рубашку. А сделавшись добрым молодцем, одел ее на себя, взял меч и убил королевича и жену неверную. А сам женился на простой девушке.

Вот и сказки конец, а кто слушал – молодец.

Ваня и ведьма

Жили дед и баба, да был у них внучок Ваня. Ваня и говорит:

– Деду, деду, купи мне лодку, я пойду рыбку ловить.

Лове, лове рыбку, налове полно лодку да и плывет до берегу. Приплывет и отдает дедке да бабке. А бабушка, когда придет, да и Ваню зовет:

– Приплынь, приплынь до бережка, твоя бабушка пришла, тебе исте принесла, принесла и сороченьку белэсэнью, и ложечку краснэсенью.

Ваня приплывает, бабушка рыбку заберет.

Вот услышала ведьма, что бабушка Ваню так зовет, и сдумала сама позвать:

– Сынку, сынку, Ванечка! Приплынь до бережка, твоя матенька пришла, тебе есте принесла, сороченьку бэлэсэнью и ложечку краснэсэнью.

А Ваня думал правда, да приплыл, а она его схватила, да в мешок за плечи, да и понесла. Несла, несла да и утомилася, да и села отдохнуть, да и придремала. Ваня вылез тихонько с мешечка, а в мешечек кирпичу наклал, завязал, а сам убежал.

Вот ведьма проснулась, взяла мешок и понесла домой с кирпичами. А Ванька залез на дерево и сидит на дереве высоко-высоко. Ведьма как прибежала, увидела Ваню и давай дерево грызти. Перегрызла дерево, Ваня перепрыгнул на друго дерево. Она опять перегрызла дерево, Ваня опять перепрыгнул. Она опять перегрызла дерево. Ну, тут Ваня чего делать, летят гуси-лебеди, он давай проситься:

– Гуси-лебеди, возьмите меня на крылята да понесите до маво батеньки да матеньки, там всего много – исте, пите довольно.

Гуси взяли его на крыла, да и понесли домой, да и посадили его на дом. Вот тут отец его да мать собрали на столи все, пирожки. Дадуть и говорить:

– Тебе пирожок, тебе пирожок, тебе пирожок.

А Ваня сидит на чердаку и говорит:

– А мне пирожок?

– Тише, тише, вроде Ваня отзывается?! Тебе ложечку, тебе ложечку, тебе ложечку.

А Ваня сидит на чердаку:

– А мини ложечку?

Вот тут дед с бабкой услышали, ну и пошли забрали Ваню домой.

Лихо Одноглазая

Заблудился мужик и пришел в избушку переночевать. Вечером приходит Баба-Яга Одноглазая, пригоняет овец в избу. И вдруг видит мужика. Посадила его и спрашивает:

– Что ты умеешь делать?

Он отвечает:

– Я кузнец.

– Скуй мне глаз.

– Ладно, – отвечает мужик, – затопляй печку, неси веревки.

Связал ее, накалил железину и наставил на здоровый глаз. У Бабы-Яги глаз и выскочил. Она разгневалась, веревки все перервала и кричит:

– Теперь ты от меня не уйдешь!

Села на порог, мужику бедному не выйти. Так всю ночь и просидела. А наутро Яга стала выпускать баранов пастись, на ощупь, так как ничего не видит. Мужик, не будь дураком, взял шубу, вывернул кверху шерстью, руки в рукава просунул и пополз на четвереньках. Яга пощупала, подумала, что баран и тоже выкинула, как и остальных.

Мужик перекрестился и говорит:

– Вот так лихо – спать хошь – не спишь. Вот это и есть хошь – не ешь. Лихо!

Сказка о трех апельсинах

В одном королевстве жил король с королевой. Был у них сын, королевич. Жила там злая старушка. Захотела она наказать королевича и заколдовала его, и сказала, пока не найдет он три апельсина, она его не расколдует.

Пришел он домой, сказал матери, что ему надо найти три апельсина, что на одном дереве только росло три апельсина. Она сказала, что можно не три, сколько угодно можно... Для тебя принесем.

Ну, он сказал:

– Мне надо дерево с тремя апельсинами найти только.

Дали ему коня, и он поехал искать это дерево с тремя апельсинами. Ехал он по лесу, и ему встретился очень добрый старик-старичок. Он спросил:

– Куда ты, молодец, едешь, куда ты путь держишь?

Королевич рассказал ему, что едет искать дерево с тремя апельсинами.

Он рассказал, как это дерево найти. Доедет он до речки и увидит дворец. Там сторожит сторож этот дом. Когда у него будут глаза закрыты, то он, значит, не спит, он все видит, а если у него будут глаза открыты, он спит.

Как сказал старичок, так все и случилось. Королевич доехал до реки и увидел дворец. На дворце сидела птица. Он у нее спросил, спит ли сторож или нет. Она посмотрела и сказала, что спит. Ну, он не забыл слова старичка и не пошел. Потом еще раз спросил у этой птицы, спит ли он или нет. Птица посмотрела и сказала, что он не спит. Тогда королевич вошел во дворец и увидел очень красивый сад, чудесный сад увидел.

В этом саду росло дерево, на этом дереве росло три апельсина. Он сорвал эти три апельсина и пошел обратно. По дороге захотел очень пить. Он взял один апельсин, очистил, и оттуда выходит очень красивая девушка. Она его запросила попить. Он ей дал попить, но это ей было мало, и она померла.

Так же и со вторым апельсином случилось то же, а третий... Когда он раскрыл третий апельсин, из него вышла еще красивей девушка. Поблизости была речка. Напоил он ее, и она поблагодарила его. Он ее взял с собой и привез домой. И она сказала:

– Ты не грусти о моих сестрах. На тех местах, где они померли, вырастут два дерева с апельсинами.

Сыграли свадьбу, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Чудо-дерево

Жили-были старик со старухой. Жили они в любви и согласии, горя не знали.

Как-то пошёл старик в лес за дровами. Ходил он, ходил по лесу и сыскал большое старое дерево. Поднял он топор и стал рубить его у корня. И вдруг слышит, как молвит дерево человеческим голосом:

– Сжался надо мной, старичок, что пожелаешь, то для тебя и сделаю.

Призадумался старик, а потом и говорит:

– Хочу, чтоб я был богат.

– Ладно, ступай домой, всего у тебя вдоволь будет.

Воротился старик домой и глазам своим не верит: вместо его лачуги стоят новые хоромы, скотины всякой в три дня не перечесть, денег куры не клюют.

Удивилась старуха и говорит:

– Откуда это всё?

А старик:

– Это я дерево в лесу нашел, не простое, волшебное, что пожелаешь, то оно и сделает.

Пожили они в богатстве эдаком неделю, другую. Надоело это старухе. Она и говорит:

– Ступай, старый черт, к дереву, хоть и живём мы в богатстве, а никакого почёта нам нету, пусть оно сделает тебя барином, а меня барыней!

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет его опять рубить. Спрашивает его дерево:

– Чего надо тебе, старичок?

– Сделай меня барином, а старуху барыней.

– Ладно, ступай с Богом.

Пожила старуха в богатстве, и захотелось ей быть полковницей, говорит она:

– Что за корысть, что я барыня. Вот кабы был ты полковником, а я полковницей, вот тогда бы мы зажили.

Прогнала старика она опять к дереву. Спрашивает его дерево:

– Что надо тебе?

– Сделай меня полковником, а старуху полковницей.

– Хорошо, ступай себе с миром.

Воротился он домой, и пожаловали его в полковники. Прошло немного времени, не унимается старуха:

– Велико ли дело полковник, иди к дереву, пусть он тебя генералом сделает.

Пошёл старик к дереву, хочет рубить его.

– Что тебе надобно? – спрашивает дерево.

– Сделай меня генералом, а старуху генеральшей.

– Ладно, будь по-твоему.

Опять прошло немного времени, а старуха всё не унимается.

– Не хочу, – говорит, – быть генеральшей, а хочу быть царицею.

Пошел старик к дереву, сказал ему, что старуха велела.

– Ладно, – отвечает оно.

Пошёл домой, и выбрали его государем. Да немного пришлось им царствовать. Жадность до добра не доведёт. Посылает старуха старика опять к дереву.

– Что проку быть царём, иди, проси дерево, пусть оно нас богами сделает.

Пришёл старик в лес, сказал дереву старухову просьбу, услышало оно такие речи, осерчал, листвою зашумело и говорит:

– Будь же ты волком, а твоя жена волчицею.

В ту минуту превратились они в волков и побежали в лес.

Муж-уж

Жили-были в одном далеком селе кузнец со своею женою. И была у них дочь красавица. Жили они очень бедно.

Однажды пошла дочь купаться на речку, оставила на берегу бельё, а когда вышла, то увидела, свернувшись большими чёрными кольцами красивого ужа. Она испугалась, подошла взять бельё, а уж ее не подпускает.

Девушка заплакала, а уж заговорил человеческим голосом. Сказал ей, что он давно наблюдает за ее красотой, влюбился в эту девушку и попросил ее выйти замуж. Девушке ничего не оставалось делать, как согласиться. Она согласилась, вышла замуж. И уж увел ее в свое далекое-далекое подводное царство.

Много лет прошло, долго тосковали отец с матерью. У этой девушки еще были брат и сестра, долго они ее искали, но нигде не нашли и решили, что она утонула.

Прошло много времени, у этой девушки народилось трое детей, но так как она человек земной, в подводном царстве ей было жить тяжело. Она стала просить мужа, чтобы поставить на берегу домик. И вот на берегу далекого залива был выстроен красивый дом. Дом был богатый, и девушка была обеспечена всеми-всеми богатствами. Дети были нарядными, она была в дорогих нарядах, мужа любила, и он ее любил, очень заботливый был муж и отец. Но одно только, что он был не человеком, а ужом, вернее человеком-ужом. На земле принимал он человеческий облик, а уходил все время в воду.

Вот однажды дети выросли, одному было десять лет, девочке-сестричке было лет восемь-семь, а другая была ещё меньше. Они стали допрашивать матушку, почему мы живём одни на берегу залива и почему с нами нет детей рядом. И мать им сказала, что у вас есть и дедушка, и бабушка, и тетушка, и дядюшка. И живут они очень-очень далеко. И вот когда придет время, мы к ним поедем в гости и будем часто ездить, и они к нам будут ездить, а сейчас нужно терпеливо ждать. Но дети есть дети. Они стали проситься к дедушке и бабушке.

И вот, когда муж пришёл однажды домой, жена рассказала, что дети стали проситься к дедушке с бабушкой, стала просить, чтобы он их отпустил, что она тоже по родителям соскучилась. Они не знают, где она и что с ней. А муж долго не соглашался, просил подождать, а потом все-таки решился отпустить, но предупредил, чтобы она никому не говорила про эту тайну, что он заколдованный уж, а на самом деле он заколдованный королевич. И по истечении срока он должен снова превратиться в человека. Тогда они будут очень счастливы, будут любить друг друга и жить очень хорошо.

И вот она пошла, повела своих детей, шли пешком, когда пришли домой, родители не поверили, что это она, она была такой же красивой, но конечно постарше, в дорогих нарядах. А они так и продолжали жить бедно. И вот они стали спрашивать:

– Почему ты так долго о себе весточки не подавала? Мы уже думали, что ты утонула или умерла, совсем потерялась.

Она придумала, что сказать, еще дома и научила своих детей сказать, что если будут спрашивать, почему долго не приезжали и почему приехали без отца, то скажите, что отец в далёкой, далёкой командировке, что вернётся очень не скоро, а когда вернется, они будут ездить к нему в гости.

Дедушка стал приставать к мальчику, стал допытываться, как и почему они скрывают правду от них. Но мальчик сказал так, как научила его мама, старшая девочка тоже ответила так, как научила ее мать. Младшую девочку легче было запугать. Сначала ее игрушками дедушка хотел подкупить. Потом видит, что она не поддается, и стал ее притеснять, обижать. И девочка испугалась и вынуждена была рассказать эту тайну.

Когда пошли домой, то эту семью хотели проводить родители, но она не разрешила. Идут они той дорогой, а брат её решил выследить. Они шли по дороге, а брат крался в стороне. И вот когда они пришли в свой домик, на берегу залива, брат спрятался в прибрежных кустах и стал наблюдать.

И вот, когда настал вечер, из залива выполз огромный красивый уж и направился к дому. Брат следил так трое суток. И вот он понял, что сестра живет с ужом, и он решил его убить.

Когда в следующий раз вышел из воды, он его убил и прибежал к сестре радостный и сказал, что я тебя от этой муки освободил, я твоего угнетателя убил на берегу, можешь сходить и посмотреть, собирайся и поехали домой. Сестра заплакала, запричитала и очень удивилась, как брат мог узнать их тайну, откуда.

И вот, когда она прогнала брата, в гневе стала спрашивать детей, кто из них выдал эту семейную тайну. Мальчик сказал, что его долго выведывал дядя, пытался выспросить, но он сказал, как его учила мать. Девочка старшая сказала тоже так же, как научила мать, а маленькая девочка сказала, что тётя долго её упрасивала, что мать не говорит правду, а потом стала её обижать и замучивать, и она сказала правду.

Мать долго плакала, ей детей было жалко и мужа, но делать было нечего. Она решила утонуть сама и уйти в подводное царство...

(Запись сохранилась во фрагменте, продолжение утрачено).

Муж-гад

Две девушки купались, а к ним гад сел на платье. Они вышли из воды и говорят:

– У меня на платье гад сидит.

– Да возьми палку и спихни.

А гад говорит:

– Не отдам платье. Замуж пойдешь?

– Нет.

А подруга учит обману:

– Скажи нарочно, что пойдешь.

Ну, она и сказала:

– Ладно, пойду.

Гад и уполз за кусты. Домой пришла и говорит матери, что это мне гад на платье сел и говорит:

– Пойдешь замуж?

А мать спрашивает:

– Чего ты сказала?

– Сказала нарочно, что пойду.

– Дура, оставила бы платье.

В окошко глянули: гады ползут на свадьбу. Они ворота закрыли, а гады окошко разбили и утащили ее. А через пять годов пришла к матери. Уж двое ребят у нее. Мать спрашивает:

– Где ты живешь?

– Да в воды. Мужика Осипом зовут.

– Как ты вернешься?

– Да скажу: «Осип, Осип, выдь сюды». Он и выйдет и возьмет с собой. Дочка спать легла, а мать говорит, отсюда ей не уйти, и побежала к реке.

– Осип, Осип, выдь за мной.

Он вышел, а она ему голову и отсекла. Дочка утром встает и говорит:

– Мама, что-то сердце заболело. Надо домой идти.

Дочь и пошла до воды.

– Осип, Осип, выдь сюды.

Он не выходит. Видит дочь – кровь на воды, и поняла она всё. И говорит:

– Мать вот как сделала. И буду я серой кукушечкой, а вы, детушки, – пташечками.

Сказка про двух братьев

У старухи было два сына. Они с ружьями ходили на охоту и однажды убили медведя. Сняли шкуру и высушили. Старший сын был мастером играть на гармонии, а младший – мастер пляски. Старший говорит брату:

– Я мастер играть, а ты – плясать. Пойдем-ка в город деньги зарабатывать.

И пошли в город. Один играет, другой переоделся медведем и стал плясать. Плясал он очень красиво. Дошли об этом слухи до царя. Приказал царь пригласить к себе человека с медведем. Царь смотрел, смотрел и говорит:

– Оставь меня с медведем на ночь!

Человек говорит:

– Не знаю, надо подумать.

Царь говорит:

– Подумай!

И парень ушел на улицу с медведем. Вышли, а медведь и говорит:

– Ты оставь, оставь меня, братец, не бойся.

Вот вернулись они к царю. Парень говорит:

– Оставлю медведя!

Сам вышел и пошел домой.

Утром рано царь взял медведя и пошел в лес. Долго ли, коротко ли шел. Пришел на берег озера и стал бросать палки, ветки крест-накрест. Так бросал, бросал, и озеро стало сухим. Он отправился дальше. Пришел на середину озера, ткнул шестом, нашел дверь. Убрал вокруг тину и спустился вниз. Там был замок построен. Открыл вторую дверь. Медведь смотрит, а там все девушки сидят и одна среди них дочка царская.

Когда они вошли, девушки испугались, стали кричать. Царь их успокаивал, успокаивал и попросил медведя сплясать. Когда стал медведь плясать, девушки все обрадовались, собрались вокруг медведя. Дочь царя и говорит:

– Отец, оставь мне медведя на три дня.

Отец вначале не хотел оставлять, но потом согласился и сказал:

– Он ест все, что ты сама ешь.

И ушел.

Девушки стали есть и медведя кормить. После еды заставляли стали медведя плясать. Тот начал плясать. Девушки смеются. Царевна гладит медведя и ощупывает. Когда стала гладить рукой его, нашла узел. И тут же сказала:

– Это не медведь, а человек!

Взяла и распоролла шкуру. Вышел из шкуры молодой парень. Так жили до приезда отца.

К приезду отца шкуру обратно на нем зашили. И научили девицы парня, как обратно прийти. А царская дочь сказала:

– Отец будет говорить народу: кто найдет его дочь, за того выдаст замуж. Ты берись искать и тут же попроси у него ключи. Когда он тебе пообещает дать, ты повернись к народу и скажи: «Вы все слышали». И после этого пойдешь сюда.

И дала царевна юноше свое колечко.

Через некоторое время отец царевны пришел и медведя увел. Привел его хозяину.

Прошло немного времени. Царь пустил весть по городу:

– Кто найдет мою дочь, тому отдам ее в жены.

Собрался народ около замка царя и ждет, кто такой смельчак найдется. Юноша сбросил медвежью шкуру и пришел на площадь, где народ собрался. Смотрит – все боятся. Откуда знают, где искать. Он сказал:

– Я пойду искать!

Царь говорит:

– Найдешь, так приведи ее сюда.

Юноша говорит:

– Найти – найду, только ты дашь ли то, что мне нужно?

Царь не знал, что надо парню, подумал и говорит:

– Дам то, что тебе надо!

Юноша повернулся к народу и сказал:

– Слышали, что царь ответил?

Народ закричал:

– Слышали!

И юноша сказал:

– Пойдемте тогда со мной!

Все собравшиеся пошли за ним. Вместе со всеми и царь пошел.

Юноша обратился к царю:

– Дай мне, что надо.

Царь спросил:

– Что же тебе надо?

– Ключи, – ответил юноша.

Царь не хотел отдавать ключей. Юноша повернулся к народу и сказал:

– Вы слышали, как царь обещал дать мне то, что нужно, а теперь не хочет отдавать?

Тогда царь отдал ключи юноше. Юноша идет впереди, царь за ним, а все остальные позади царя. Лес кончился, пришли на озеро. Юноша делал все так же, как тогда царь: подошел к двери посреди озера, открыл ее. Навстречу ему вышли девушки, а с ними и царская дочь. Юноша достал кольцо и отдал царской дочери при самом царе. Царевна говорит отцу:

– Вот это и есть твой медведь. Это же не медведь был, а вот этот юноша.

С тех пор стали жить вместе царевна с юношей. И теперь живут.

Волшебная тросточка

У мужчины умерла жена. Он сгоревался, в часовню поставил гроб. А у него тросточка была, что оживляет народ. Он положил тросточку на грудь, сам читает. Она ожила, руками развела, размахнула да и говорит:

– Ведь я умерла. Мне нельзя жить.

Муж говорит:

– Я тебя не покажу никому, буду в комнате замыкать.

Вот он привел ее в комнату. Суседка шла да увидала ее в окошко, что она стоит. Пришла соседка и говорит:

– К нему ходит умершая жена.

Они (соседки – *О.Б.*) стали его ругать. Он говорит:

– Давай уезжать.

Пришли на вокзал-то, он билет пошел выправлять. А ее оставил. А к ней енерал подошел и говорит:

– Что ты с деревенским мужчиной едешь? Поедем со мной.

Ну, вот он её увел, а этот подходит, муж-то, а ей нет, енерал-то увел. Он сгоревался и пошел добровольцем в солдаты записывать.

В тот город попал, где енерал служит-то. Его отослали пакет несть енералу. К енералу и попал с пакетом. Жена вышла за пакетом, увидала мужа и вертых! Послала прислугу пакет принимать.

Приходит солдат к товарищам и говорит:

– Неравно меня расстреляют. Когда тело мое будете хоронить, положите тросточку мою.

Жена и говорит енералу:

– Расстреляй!

Ну, его на расстрел назначили. Ну, а товарищи так и сделали. Он оживился и бежать. Эта тросточка оживила его.

Прибежал к реке. Рыболовы ловят рыбу. Он и просит:

– Перевезите меня на тот берег.

У царя дочь три года хворает. Он взялся ее вылечить. С этой тросточки окатил её. Она и говорит:

– Ой, какая я здоровая стала, папа.

Царь и спрашивает:

– Чего хочешь? Если холостой, могу замуж отдать. А нет – бери, чего хочешь.

Вот солдат говорит:

– Мою жену енерал отбил.

Царь отдал за него дочь, его царём поставил и дом отдал.

И он говорит, расстреляю енерала с женой. Вызвал к себе енерала и жену и вычитал им:

– Как я тя любил, как я тя жалел, а ты изменила мне!

И енералу вычитал. И расстрелял.

Вот и сказке конец.

Новеллистические сказки

Мудрая внучка

Жил старик, у него была внучка. Он был бедненький, в лаптях старичонка. А лошадь у него была очень хорошая. А раньше, бывало, ведь приедешь, не как теперь постоянный двор, а тогда чайная называлась, да и все.

Приехал старик в город, ехал он за продуктами, и туда же приехал богач. А лошадок обычно ставят вместе. Кормушка одна, а сено кладут так, что лошадка к лошадке носом стоят. Ну, вот у этого старичка кобыла ожеребилась. И жеребеночек закатился к богачевой лошади. Жеребенок был очень красивый. Что делать? Богач отнимает:

– Это моя лошадь ожеребилась, – говорит он. – Пойдем к царю.

– Ну, пойдем, царь рассудит.

Пришли к царю. Ну, богач ведь, а царь пойдет за богача.

Царь говорит:

– Отгадайте три загадки, кто отгадает, тому жеребчик и будет.

Ну и задал три загадки.

– Что мягче всего? Что жирнее всего? Что быстрее всего?

Приехал дед, задумался. А внучка и спрашивает:

– Ты, дедушка, чего?

Дед говорит:

– Да вот лошадь у нас принесла жеребца-то какого хорошего, а богач-то и отнял. К царю ездили, а он говорит, что надо три загадки отгадать, а как мне отгадать, ведь я ж старый теперь.

А внучка говорит:

– Не печалься, утро вечера мудренее.

Внучка учит деда:

– Когда царь будет спрашивать, что жирнее всего, ты только отвечай – земля. Она родит все, она всех кормит, жирнее ее не найдешь. На вопрос, что мягче всего, отвечай, что мягче нет ладошки под голову. На вопрос, что быстрее всего, отвечай – ум. Больше, бабушка, ничего не говори.

Вызывает царь богача, спрашивает:

– Что жирнее всего?

Богач говорит:

– Да разве есть у деда такой поросенок, как у меня, мой-то жирнее.

Однако царь слушает.

– Что мягче всего?

– Моей жены перина.

– Что быстрее всего?

– Да где ж ему сравняться с моей кобылой?

А бабушка ответил так, как внучка его говорила.

Царь говорит:

– Нет, дед, это ты неверно говоришь! Тебя кто-то научил, ведь ты же совсем неграмотный! Признавайся, а то я тебя накажу.

Пришлось выдавать внучку. Говорит:

– Научила меня внучка.

– Где она? – спросил царь.

– Да она там.

– Давай ее.

Привели внучку. Тогда царь и говорит:

– Ну, если ты мудрая, чтоб ты делала на моем месте?

Внучка отвечает:

– Я б на вашем месте пустила б лошадей, одну в ту сторону, другую в ту сторону. А жеребчика выпустила б. Куда побежит, за матерью или за чужой?

Тогда царь взял внучку к себе в царство.

Вот какая мудрая была внучка! Жеребчик-то побежал за матерью.

Никуда не денешься! Вот были какие люди!

Бабушка с внучкой остались в царстве.

Про Ванечку-дурачка

Идет Ванечка-дурачок, а мужик сеет горох. Он ему и говорит:

– Что стручок – то червячок.

Мужик хватъ ему в ухо. Он и пошел плакать. Домой приходит, мать ему говорит:

– Чего ты, Ванечка?

– Да, мужик горох сеял, а я сказал: «Что стручок – то червячок».

– Дурак ты, дурак! Ты бы сказал: «Бог помощь!»

Вот он идет, а мужик сердит. Он говорит:

– Бог помощь!

А мужик только хватъ ему. Он идет и плачет.

– Да чево ты, Ванечка?

– Да как же, матушка. Мужик сердит, а я ему: «Бог помощь!» – говорю.

– Ах ты, дурак, ты дурак! Ты пляши и все.

– Ладно, матушка.

Вот опять идет, а навстречу покойника несут да плачут. А он пляшет.

Да его опять били, били.

– Чево ты, Ванечка?

– Да как же, матушка? Вот покойника несут, а я плясал.

– Ах ты, дурак, дурак! Да ты бы поминал.

– А как, матушка?

– Да помяни, Господи!

Вот опять едет свадьба, а он:

– Помяни, Господи!

Начинает помянуть дак на коленки встал. Его опять били, били. Он опять идет домой.

– Да чево ты, Ванечка?

– Да как же? Я поминаю, свадьба едет.

– Ах ты, дурак, дурак! Ты бы сказал: «Ура!»

– Ладно, маменька.

Вот такая сказка.

Хитрый зять

Жил старик со старухой. У них была очень красивая, но ленивая дочка и лошадь леная*. Понравилась она одному молодому человеку. Вот он приехал. Тогда отец и говорит:

– Когда научишь мою лошадь быстро бегать, только не бить, то отдам тебе дочку.

Он взялся, выучил. Взял эту лошадь, привел домой, поставил на конюшню, не давал ей есть три дня, трое суток ни сена, ни воды. Лошадка-то есть хочет! После этого он собрался к тестю.

Впряг опять в сани лошадь, привязал большую палку впереди оглобли и привязал сено к палке. Она, лошадь, видит, есть-то хочет и бежит по дороге.

Тесть увидел и говорит:

– Ведь выучил лошадь нашу бегать. Приходится дочку отдавать.

* Леная (диал.) – ленивая.

Вот когда отдал дочку, она опять не работает там, ленится. Приходит муж с работы. А они сидят с котом дома. Он и говорит коту, но не ей, жене, а коту:

– Что же ты суп не варил? Ведь бить буду!

Приходится ведь как-то учить жену. Дает ей коту держать.

– А я, – говорит, – буду его стегать, что он суп не наварил.

Кот ей перецарапал все руки до крови.

Приходит на второй день теща спроведать дочку. А она ей пожаловалась, говорит, что коту бьет, потому как кот не работает. Пришлось мне суп варить. А матери стало жалко, она и говорит:

– Пойдем домой, он и тебя будет бить.

Зять услышал и говорит:

– Пойдем огород пахать.

Запрягает тещу к плугу. Попахал на ней огород, она очень устала.

– Тогда давайте отдохнем, – сказал он.

А сам к этому времени отошел. Теща выскочила с хомута и побежала домой. Прибежала домой и говорит:

– Вот он, зять, на мне огород пахал!

Тогда пошел тесть. Приходит к ним туда спроведать:

– Ну, как у вас дела? – говорит.

– Все хорошо, – отвечает зять.

– Так иди-ка, Марья, за вином, – посылает он дочь. – Неси закусочку больше!

Сходила дочь за закусками, за вином. Попили, поели. Но много еще осталось угощений. Вот зять и говорит:

– Это возьмешь с собой – все это тебе.

А отец дочери говорит:

– Да мне нести не в чем.

А зять говорит:

– У вас есть двое брюк, разденьте.

Отец дочкин раздел брюки, завязал там снизу и все сложил, и повесил на шею.

Идет отец-то, могається, пьяненький. А мать-то увидела, кричит соседям:

– Посмотрите, я-то хоть без хомута прибежала, а мужик-то с хомутом.

Муж и жена спорщики

Муж приехал с работы уставший. Жена его встречает и говорит:

– Ну, садись ужинать.

Сели они, поели каши, муж разомлел после работы, а жена ему говорит:

– Давай ты со стола уберешь, и спать ложимся.

А муж и говорит:

– А чегой-то я буду со стола убирать? Ты у нас в доме хозяйка, ты и убирай.

Слово за слово, они распорились, кто больше работы работает. Вот жена и говорит:

– Что ты там делаешь-то? Пашешь, сеешь – ерунда всякая.

А муж:

– Ты-то что дома делаешь? Каши наваришь, да и все.

До чего доругались, решили поменяться обязанностями. На следующий день жена пошла в поле пахать, боронить. А муж дома остался, с утра варить, пироги печь, тесто замесить, куриц на яйца посадить, поросят накормить.

Утром встали, жена хомут на плечо, лошадь запрягла и поехала в поле работать, а муж дома остался. Воды принес, дров принес, муки в квашню насыпал, замесил тесто, курицу на яйца посадил, начал поросьятам готовить. Месил, месил он поросьятам и задремал. Просыпается, смотрит – печка потухла, квашня выскочила вся, курица сбежала, поросята орут. Пошел поросят кормить – они выскочили, квашню разлили.

Ничего не получается. Бегал, бегал, самому пришлось на яйца сесть. Сидит, квашню взял под руки и месит сидит. Угли туда-сюда, дрова. Думает, пусть сейчас жена придет на обед, есть просить.

А жена тем временем выехала в поле. Лошадь-то видит, хозяина нету, ну, она и начала «колбасу выкидывать». Она к ней и задом, и передом – к ней не подойти ни туда, ни сюда. Борону растрепала, плуг подцепила – кувырком пошло: то выскочит, то об корягу, ремень хряп и согнулся. Сидит, думает:

– Что же делать?

Вытащила плуг, начала камнем бить. Била-била, согнула. Что же делать? К мужику идти? Думает, ну что ж, надо обедать. Мужик там, на-верное, обед сготовил.

Приходит, смотрит: поросята по двору бегают, все разрыли, перерыли, мужик сидит на яйцах и хлеб печет. Увидела она это, рассмеялась и говорит:

– Давай не будем ругаться. Иди свою борону чини, плуг вытаскивай, коня лови, а я буду поросят ловить, да муку сейчас замешу, да снова пирогов напеку. К вечеру обед готов будет.

Сын-жених

Вот пришел, хоть бы, сын к матери домой. А он долго не был дома. Они его не узнали, и он не назвался. Нанялся в работники. Работает как свое. Хозяева не налюбуются на него. Мать говорит:

– Отдадим за него замуж нашу дочку.

Стали сватать его, готовиться к свадьбе. А он говорит им:

– Сначала разгадайте загадку: в лесу леса шумят, а шурин с братом дрова пилят, а сестра и женка замуж идут, а отец да тесть пиво варят.

О двух братьях, бедном и богатом

Жили два брата. Один – бедный, другой – богатый. Бедному надо привезти дров из леса – он сам на себе возил, а у богатого была лошадь. Бедному надоело возить дрова на себе, решил пойти к брату попросить лошадь. Брат ему дал лошадь, запрежь на дворе. Он даже не знал, как лошадь запрячь надо, а тот его не подучил, и он так ее запряг, что привязал дровни к хвосту и поехал в лес.

Туда ехал хорошо. Доехал до леса, нарубил там дров. А с дровами, когда стал уезжать из леса, то лошадь дернется и встанет, дровни, видно, поддерживал хвост. Пришлось ему воз дров оставить в лесу. Приводит к брату лошадь без хвоста. И вот он в ногах кланяется брату:

– Прости меня, не знал я, как запрягать.

Он молил его, а тот не простил, подал на него в суд.

Пришла ему повестка в суд. Он пошел пешком тридцать километров. Не дошел до города, думает:

– Надо в деревне переночевать, а то кто же меня в городе пустит.

Ночевал. Положили его на печку спать. На печке спал, и ночью разболелась голова, сделалось головокружение – он с печки упал. А здесь, около печки, висела люлька, он упал на люльку и убил ребенка. Тут ему еще подписали. Идет в суд по двум делам. Идет и думает:

– Что же делать? Лучи утоплюсь.

И как прыгнет с мосту. Под мост проезжала лодка, там сидели люди, упал на человека и убил его. Вышел на берег и заплакал, не знает, что делать. Идет в суд по трем делам. Шел, шел и думает, что ему делать.

– Возьму-ка камень под пазуху.

С камнем пошел в суд. Приходит туда, начинают его дело разбирать. Сидит он ни живой ни мертвый. Разбирают его дело. К столу позвали объяснить, как это дело получилось.

Он говорит:

– Признаюсь, что во всем виновен, судить меня судите и в запазуху глядите.

Судьи подумали. Подумали, что подарок им приготовил.

– Что такое он говорит?

Судьи все разбирали, пошли в завещательную комнату.

Он сидит и думает:

– Что-то мне будет?

Вот судьи выходят и начинают читать бумагу. Вычитывают и оправдывают его. Надо было научить, как запрещать лошадь, – брат ему не подсказал. Второе дело – обвинили хозяина, зачем люльку повесил около печки. Люлька повешена не на месте. Третье дело – оправдали. Человек признал себя виновным, решил утопиться. Он жизни не жалел, не думал, что в лодку попадет. Суд закрылся.

Вышел он в коридор. Выходит прокурор и говорит ему:

– Что ты говорил? Давай теперь.

Он показал ему камень, тот бежать. Судье говорит:

– Ну что дал, то и дал, тебе велел идти.

И судья убежал.

На том суд и закончился.

Пастушок и царь

Однажды неизвестной страны царь вздумал проехать по своей стране и посмотреть на своих подчиненных. Проезжая по местности мимо речки, где пастушок пас стадо коров, он остановился и подозвал к себе и спросил пастушка:

– Скажи мне, пастушок, сколько у тебя в стаде коров?

Пастушок молчит. Обрато спрашивает пастушка царь:

– А глубоко ли в этой речке, пастушок, через которую я должен переехать?

Пастушок обрато молчит. Третий раз спрашивает царь пастушка:

– А как тебя звать, пастушок? – Пастушок помолчал немного и отвечает:

– Стопоколенонтон.

С этим царь и поехал домой, а пастушок остался пасти коров.

Всю дорогу ехал царь и думал, как пастушок ему ответил. И не мог вздумать. Когда приехал в свой дворец созвал всех бояр и господ и рассказал им, что с им произошло и каким разговор с пастушком был.

– Я прожил и процарствовал много лет, а такого слова не слышал, какое слово сказал мне пастушок. А слово он назвал – стопоколенонтон.

Долго оне сидели и никак не могли решить, что означает это слово. Тогда решили вызвать пастушка во дворец, чтобы он пояснил им это слово. И вот, когда привезли пастушка во дворец, привели в кабинет, где у них проходит собрание, царь спросил ево:

– Скажи нам, пастушок, мы вот уже сидим три дня и не можем пояснить твое слово.

Тогда пастушок отвечает:

– Когда ты спросил у меня, сколько я пасу коров, и глубоко ль в этой речке, и как меня звать, я тебе ответил:

– У меня сто коров, в этой речке глубина по колен, и звать меня Онтон*.

Тогда царь наградил пастушка. Пастушок стал жить богато. Женился на царской дочери, и они стали жить поживать да добра наживать.

Сказка о том, как бедный мужик делил гуся у царя

Пошел мужик к царю и в подарок взял гуся. Ощипал, потрушил его. Принес к царю в тот момент, когда они обедали. Вошел в царские палаты. Встал на колени, поклонился царю и сказал:

– Ваше царское величество, я принес вам в подарочек одного гуся.

Царь сказал бедняку:

– Раздели гуся между нами.

У царя было два сына, две дочери и супруга. Мужу дали нож, он отрезал голову гуся, подал голову царю и сказал:

– Вы как глава государства – вот вам голова.

Отрезал шею, подал царице:

– Вы, матушка, понижее своего мужа, вот вам шейка.

Отрезал обои ножки, подал сыновьям и сказал:

– Вот вам, сыночки, даю по ножке, и вы будете топтать отцовские дорожки.

Отрезал крылышки, подал дочерям и сказал:

– Как вас, доченьки, отец с матерью не берегут, не лелеют, вы все равно улетите. А я мужик глуп, мне и глотать весь труп – всего гуся себе и оставил.

Но царь за его подарок очень богато вознаграждал его, и с тех пор этот бедный мужик живет очень богато и имеет уже не одного гуся, как раньше имел, а сто гусей.

Мужик и барин

Рубит мужик дрова. Мороз градусов тридцать пять. Так расстарался мужик, что ему стало жарко. Он снял с себя кафтан и положил на пень. И старается, рубит дрова. С него пот градом.

Едет барин на тройке. Кучеру говорит:

– Остановись!

Показывает барин мужика, говорит:

– Мужик, что такое – мне в тулупе холодно, а ты в одной рубахе, и пот градом?

* Онтон – Антон. В данном случае соблюдено диалектное оканье.

Мужик говорит:

– Что мне твой тулуп! Вот у меня кафтан волшебный, на пне лежит, и мне отсюда жарко.

Барин говорит:

– Давай, мужик, меняться на тулуп.

Мужик говорит:

– Барин, придачу надо!

Барин говорит:

– Сколько?

– Пятерочку.

Барин достает пять рублей. Мужик берет пять рублей, подает барину кафтан, у барина берет шубу. Барин надел кафтан и поехал. А мужик берет шубу и пошагал домой. Барин с километр отъехал, его так забрал мороз, что все кости стягивать стало. Он закричал на кучера:

– Гони скорей лошадей!

Кучер до тех пор гнал лошадей, приехали домой – все лошади сдохли. А барин попал в больницу и все время ругался на мужика. А мужик шубу поднашивал да барина подхвалявал.

Как цыган старуху крестил

Марья Петровна, вот та – мастерица на шутки... Как цыган старуху-то крестил, помните?

Надоело старухе одной до восьмидесяти годов быть Марьей. Захотела она стать Пашуткой. А к батюшке-т с такой просьбой не пойдешь.

Случилось на это время цыгану в деревню заглянуть. Старуха к нему, мол, так и так, хочу стать Пашуткой.

Цыган:

– Вот дай шубу овчинную да масла кринку, так и быть, окрещу.

Что делать старухе, отдала она все ему.

Повел он Марью в лес, бор был большой, а там лужа глубокая была. Приказал он старухе раздеваться и залезть в лужу.

Она забралась туда, а цыган ходит вокруг лужи и приговаривает:

Лужа боровая,

Шуба даровая,

Кринка масла – не шутка!

Будь старуха Пашутка.

Так три раза, а старуха, бедная, замерзла... А так потом она и осталась Пашуткой.

Про солдата

Шел солдат с боя, видит: мертвые солдаты валяются, а на одном совсем еще хорошие сапоги. Решил их снять. Но они не поддавались, так как остыл мертвец, да и мороз был. Тогда солдат отрубил ему ноги по колено вместе с сапогами.

В ближайшей деревне он попросился на ночлег в дом, где жили старик и старуха. Хозяева устелили по его просьбе на печке.

Ночью корова старика и старухи отелила теленка, которого они тоже положили на печку.

Проснулся солдат рано утром, когда хозяева спали, вытащил ноги из сапогов, так как они оттаяли, и отправился в путь. А ноги по колено оставил на печке.

Утром дед смотрит на печку и не видит солдата. С ужасом говорит он своей старухе:

– Бабка, теленок-то солдата съел, одни ноги остались!

Вот и сказке конец!..

Сказка о похождениях солдата

Пришел солдат домой со службы. Застигла его ночь на пути. Забрел в деревню, попросился переночевать у бабки. Бабка его пустила. Стала спрашивать:

– Сынок, откуда ты идешь?

– Иду я с того света, – отвечает он.

– Сынок, у меня на том свете два сыночка схоронено, не видал ли ты их?

Он спрашивает:

– Как их зовут?

– Одного звать Дороня, а другого – Влас.

Солдат в ответ:

– Дороня у Христа боронит. Ногам колко, на одной не спорко. Просил, чтобы ты ему деньжонок прислала. А Влас у Христа коров пас. Потерял корову, а Христос требует за корову деньги. Тоже просил деньжат.

– Как же, как же, родимый, пошлю, – отвечает.

Ночевал солдат. Утром встал, попил, поел – деньги просит детям. Бабка вытащила деньги и отдала все, что у нее были. Солдат своей дорогой пошел да и был таков, а бабка сиди, дожидай весточки с того света.

Солдатская загадка

Шли солдаты прохожие, остановились у бабки на отдых. Попросили они у нее попить да поесть. А старуха ничего не дает.

– Деточки, чем же я вас буду потчевать? У меня кругом пусто.

А в печи у нее был жареный петух, в горшке под сковородкой. По всей избе жареным пахнет. Солдаты это дело сразу смекнули. Один хитрый был. Вышел во двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит:

– Бабушка, а, бабушка, выйди посмотри – у тебя скот хлеб ест с возу!

Старуха – на двор, а солдаты к печке. Вынули из горшка петуха, а на место старый лапоть положили. Вот воротилась старуха. Стали солдаты опять просить:

– Дай, бабушка, поесть нам!

– Возьмите, деточки, хлеб да квас, а будет с вас.

И захотелось старухе над бывальыми людьми, над солдатами посмеяться. Загадала она им загадку:

– А что, деточки вы мои бывалые, всего видали, скажите мне, здравствует ли в городе Печенском, в посаде Сковородном, в деревне Горшковой Курухан Куруханович?

– Нет, бабушка.

– А где же он, деточки?

– А в Сумин-город переведен.

– А на его месте начальство кто?

– Да Липан Лыкович.

Посмеялась старуха над солдатами, а солдаты – над ней, и разошлись.

Старуха радуется: ишь, не знают, дурни, что у меня в горшке-то жареный петух.

Заглянула в печь – ан петух-то улетел, только лапоть вытащила.

– Обманули меня, проклятые!

То-то, бабушка, солдата не проведешь, он человек бывалый!

Солдат-рассказчик

Вот я выслужился в армии, иду домой. И запоздал. Вдруг деревня стоит. Попросился ночевать у одного мужчины:

– Пустите, пожалуйста, переночевать.

Этот мужчина меня пустил. Я переночевал, поужинал. А он и говорит:

– Я тебя буду дольше держать, только ты мне-ка рассказывай сказки, чтоб было все вранье, чтоб было все неверно.

– Ладно, буду рассказывать.

– Я тебе золота тарелку дам, Расскажи, чтоб все неверно.

Вот он начал рассказывать:

– Вот, говорю, я до армии пас пчел. Вот пас пчел день, другой пас, месяц пас. Все хорошо. Вдруг, однажды слышу – пчел всех собрал, а одной нет. Сосчитал, все ли. Что же делать?

Слышу, на той стороне реки, на той стороне болота, пчела кричит. Ну что, я послушал – кричит пчела, надо идти выручать. Вот и побежал, побежал и завяз в болоте.

А может, и правда, говорит, завяз в болоте.

Побежал за лопатой, отрыл ноги, сам отрылся и дальше пошел, пошел на ту сторону. А он говорит:

– Может, и правда, завяз-то.

А он говорит:

– Прихожу, а пчела у волков сглодана вся, остался один скелет, кость одна осталась. Ну что, говорит, делать? Я смотрю на эту кость – что же теперь мне делать без этой? А вдруг, говорит, это кость большая, я загляну на небо.

Взял я эту кость, впер в небо и полез по кости, по ребрам пчелы. Забрался туда, а там твой отец ходит в лаптях, в опорках на том свете, на небе.

– А вот врешь, неверно ты это говоришь, это неверно.

И пришлось золота тарелку отдать солдату. Он все говорил:

– Может, правда, может, правда.

А тут:

– Неверно, – мой отец там в лаптях не ходит.

Находчивый солдат

Вот была одна деревушка, где жил Иванушка. И в этой деревнюшке была церковь. Зимой в этой деревнюшке мужики занимались не лесозаготовках. Уезжали недели на две, на три из этого села. В том числе и этот Иванушка.

Когда Ванюшка уехал на лесозаготовку, то к Ванюшкиной жене приехал поп. И этот поп, как поздно вечером, так все ходит к этой хозяйке. В одно прекрасное время шел солдат со службы. Тогда служба солдата была двадцать пять лет. И вот он попросился к этой хозяйке ночевать. Мол, я весь перемерз, мне бы хотя на печке погреться.

– Ну, – хозяйка думает, – ладно, пуцу на печку. Придет поп, так не помешает он на печи.

Вот лег солдат на печку. Не успел заснуть, видит – стучатся. Пошла хозяйка, открыла. Приходит поп. Тут хозяйка сразу самовар греет, закуску на стол. Только они сели за стол, снова стучатся. Хозяйка выходит в коридор, спрашивает:

– Кто там?

Оказывается, Ванюшка приехал. У него сломались сани. Жена говорит:

– Подожди, Ванюшка, я голая. Оденусь, потом открою.

Сама говорит попу:

– Быстрее забирайся на печь в одеже – муж приехал! Когда мы за-
снем, начни царапаться, я тебя взамен кошки выпущу.

Поп шубу схватил под мышку и бегом на печку. Забрался за солдата.

Жена пошла открывла. Входит муж Ванюшка. Жена спрашивает:

– Что же ты, Ванюшка, быстро вернулся?

– Да, молчи, жена, сани сломались. Поставь-ка самовар, я перемерз,
хоть чаем согреюсь.

А у жены самовар готов. Она говорит:

– Я недавно пила, горячий самовар. Садись, будешь пить.

Тогда он из корзины достает бутылку водки и говорит:

– Давай, жена, садись вместе. Я с дороги, выпьем по рюмочке.

Жена села за стол, говорит:

– Сейчас выпить-то у меня аппетита нет. Налей рюмочку, я в чашеч-
ку налью, поставлю в шкаф, утром выпью.

Она налила из этой рюмочки в кухне чашку, отодвигает занавеску.
Думает: «Поп последний пришел, он на краю». И подает чашку с вод-
кой. А солдат не растерялся, молча берет чашку. Выпил и подает пустую
обратно. Попу и говорит:

– Батюшка, я теперь запою!

Поп и говорит:

– Что ты, свет мой милый! Нас муж убьет!

– Отдашь шубу – не буду петь.

– Возьми, только не пой.

Муж налил жене вторую стопку. Она опять подает на печь – все уго-
щает своего попа. Солдат выпил вторую и говорит:

– Ну, батюшка, теперь-то запою!

Поп говорит:

– Свет милый, не пой! Догола все отдам, только не пой.

Тогда солдат и говорит:

– Раздевайся!

Поп разделся с испугу и понемногу заснул. А солдат слышал, как она
наказывала попу, чтобы поцарапаться. Жена подходит, шепчет:

– Выходи!

Солдат выходит в поповской одежде. Открыла двери, думала, что попу,
а пошел солдат. А поп на печи спит. Солдат прошел по деревне и жалко
стало ему мужика. Вернулся и снова стучит. Тогда жена мужу и говорит:

– Слушай, кто-то стучит, иди открой.

Муж встал, открыл двери, солдат и говорит:

– Я к ночи к тебе попросился, но ночевать-то у тебя нельзя.

– А что же такое? – хозяин спрашивает.

– У тебя в квартире нечистый дух находится.

– Да что ты! Я всю жизнь живу, нет никакого нечистого духа.

Солдат уверяет, говорит:

– Есть, хозяин! Тебе его надо выжить! Выживешь – будет тебе легче.

Тогда хозяин говорит:

– Да как же его выжить-то?!

Солдат говорит:

– купишь четверть вина – выживу.

Хозяин говорит:

– Куплю, только выживи.

Тогда солдат начал:

– Скажи жене, пускай греет самовар.

Жена встала, согрела самовар – муж приказал. Вот тогда солдат и говорит хозяину:

– Бери кочергу, встань к дверям. Сколько раз успеешь огреть нечистого духа, как побежит, так бей крепче.

Солдат наливает ковшик кипятку из самовара, подходит к печке, отодвигает занавеску... Как плехнет туда ковшик кипятку! А поп-то голый.

Поп запищал. Хозяин и подумал:

– И вправду нечистый дух есть.

Солдат наливает второй ковшик. Обратно как плехнул на печку! Поп видит, спасенья нет. Как скочит – да бежать. Волосы распущены. А мужик в тот момент раза два его кочергой огрел. Поп побежал. А мужик говорит:

– Спасибо тебе, милый мой, что выжил мне нечистого духа! Сейчас ложись спать, а утром будет водка.

Вот утром мужик встал – бегом в магазин. Притащил четверть водки. И дня два с солдатом гуляли. И после того поп больше боялся на этот дом взглянуть.

Два брата и волшебная береза

Жили два брата – Михаил и Иван. Михаил женился, дети его выросли. И говорит он тогда Ивану:

– Иван, давай поделимся. Я новый сруб сделаю, а ты в старом живи.

Так они и сделали. Ходили друг к другу в гости с женами, чай пили.

Однажды приходит Иван к брату и говорит:

– Михаил, я хочу продать быка, чтобы получить денег.

А город был в ста километрах от деревни. Иван засушил сухариков, повел продавать в город быка.

Идет он лесом, устал. Смотрит, стоит береза белая. Привязал Иван к ней быка. Сидит, отдыхает. Тут налетел ветер. Заскрипела береза:

– Скрип-скрип-скрип. Продай быка, продай быка.

Спрашивает Иван:

– За сколько?

Береза отвечает:

– За сто рублей.

Не согласился на это Иван, а потом подумал и говорит:

– Ладно, давай деньги.

А береза наказала придти ему на следующий день.

Приходит Иван домой. Разговаривает с братом.

– Продал быка?

– Продал. – За сто рублей!

– А где же деньги?

– Да завтра велено придти.

На следующий день взял Иван сумку и пошел в лес. Береза скрипит, а Иван мечтает о деньгах, думает, что в городе товар купит хороший. Не дала береза в этот день денег Ивану. Воротился он домой, брат Михаил сердится.

Утром снова пошел Иван в лес и взял с собой топор. Стал березу рубить, а она полая оказалась. Посыпалось из нее золото. Набрал Иван золото в карман, сумку, за голенища. Пришла жена Михаила, увидев деньги, заохала. Прибежала домой, Михаила позвала. Сели они деньги считать.

На следующий день пошли Михаил и Иван к березе. Пошли с козлом. Пришли, набрали денег, стали возвращаться домой. А дело было перед Великим постом. С километр не дошли – попа увидели.

Решил поп деньги их посмотреть. Уцепился за них двумя руками да и выхватил. Тогда Михаил взял да и отрубил попу голову. Увезли они его за сто километров и похоронили. Пришлось и козлу отрубить голову и похоронить возле деревни. До Пасхи три дня осталось, а попа нет. Народ волнуется.

– Ванька, Мишка, не видели попа?

– Видели, мы ему голову отрубили, пойдем, у дороги покажу.

Рыли-рыли они и вырыли голову козла. Одному по лбу шарахнуло.

– Я думал, поп!

– Ах ты, дурак!

Все и кончилось на этом. Мужики похлопотали о новом попе.

Хитрый крестьянин

Жил один бедный крестьянин. Звали его Василий. Жил он очень бедно. Денег остался один полтинник. Вот взял он этот полтинник и купил пять фунтов муки. Жена испекла три хлеба. А Василий в это время палочку вырезал. Красивую сделал. Взял три хлеба и пошел в лес.

Пришел в лес и закопал один хлеб под березу, второй под елку, третий под ольху. И ходит по лесу. Видит, едет поп с дьячком. Они спрашивают:

– Василий, что ты здесь делаешь?

– Да, вот, стало дома есть нечего, так я в лес пришел. Вот палочка у меня волшебная – стукну по дереву, покопаюсь и хлеб достану.

Стукнул он у попа с дьячком на глазах по березе, покопался и достал хлеб. Тут поп с дьячком стали его уговаривать продать эту палочку. Василий не соглашается. Они его все больше уговаривают, наконец, он согласился. Продал палочку за пятьдесят рублей.

Пришел домой, занялся хозяйством, а поп с дьячком по лесу ходят с палочкой, по деревьям стучат и ничего не выкопали, кроме двух хлебов, которые Василий закопал. И решили они отомстить хитрому крестьянину. Думали-думали, что бы с ним сделать, и решили утопить.

Приехали в деревню, где жил Василий, пришли к нему домой и говорят:

– Мы пришли тебя утопить за то, что ты нас обманул.

– Ну, что же, – говорит, – топите.

Взяли они Василия, завязали в мешок и положили в сани. Приехали к реке, вырубили прорубь, а шеста нет, чтобы мешок в прорубь протолкнуть. Поехали в лес шест вырубать, а мешок около реки оставили.

Сидит Василий в мешке и с белым светом прощается. Вдруг слышит, колокольчик звенит. Едет богатый барин на тройке. Подъезжает к Василию и спрашивает:

– Что ты здесь делаешь, добрый человек, и кто тебя в мешок посадил?

– Да вот, – говорит Василий, – хотят меня накормить, а я есть не хочу, за это меня утопить хотят.

– Да что ты говоришь? Я как раз есть хочу. Бери моих лошадей, а я за тебя посижу. Уж я-то все есть буду.

Развязал он Василия, сам в мешок сел, завязал Василий его, сел на тройку и уехал.

Пришли тут поп с дьячком, взяли мешок и понесли к проруби, а барин кричит из мешка:

– Не топите меня, я все есть буду.

– А вот мы тебя сейчас накормим.

И утопили его. Вышли на берег, сели в сани и едут довольные, что с Василием расправились. Глядь, а он навстречу им на тройке едет.

– Василий, это ты?

– Я.

– Как ты сюда попал, да еще на таких конях?

– Да там сегодня не принимают утопленников, отправляют обратно и лошадей всем дают.

– Василий, так утопи нас. И нам хочется таких коней иметь.

– Ну, что же, – говорит, – идемте к проруби...

И утопил Василий попа с дьячком.

Ванюшка и поп

Жил батюшка-поп. У него были коровушки. Он нанял Ванюшку в пастухи. И говорит:

– Ну, Ванюшка, гонися только по сухим местам, по сырým не гоняйся.

– Ладно, батюшка.

А он горазд хорошо в гармошку играл. Как пригнался на гору! Как заиграл! Как принялись эти коровы плясать! Плясали, плясали, надо к дому гнать. Пригнал домой. Этакий поп вышел:

– Что я тебе говорил, Ванюшка, гоняйся по сухим местам, а ты каких пригнал коровушек?

– Я все, батюшка, по сухим гонял.

На другой день опять погнался, опять таких пригнал, в таком-то виде. Батюшка думает:

– Пойду я, посмотрю.

Пришел, смотрит, а Ванюшка на горы-то пасет, только в гармошку играет, а коровы-то как пляшут. Этакий как принялся поп тоже плясать. Всю ризу с себя порвал. В этакый хворост забрался и принялся плясать, всё порвал. Вышел и говорит:

– Знаешь, Ванюшка, я на тебя в суд подам. Что ж ты сделал теперь?

Пришли на суд, сели. Батюшка говорит:

– Я ему говорю, гоняйся по сухим местам, ну, правильно, я проверил. А я пришел, я и ризу всю с себя сорвал, до чего там доплясал.

– При чем же тут Ванюшка? Ванюшка, сыграй нам, мы можем тебя послушать.

Подскочили и судьи, и поп, как принялись плясать.

И решили:

– Иди, Ванюшка, так и играя, а ты, поп, ищи другого работника, коли надо.

Наговорная водица

А что, желанные вы мои, у вас здесь на водицу-то шепчут? Слышали по то али нет? Наговорной та водица называется. И такая целебная вода-матушка, от всего помогает. Да зачем далеко ходить-то, я про себя расскажу, как мне этакая водица-то помогла. Да еще как помогла-то, лучше и не надобно. Вот слушайте, как дело-то было.

Уж я со своим стариком смолоду жизнь ладно прожила, а под старость что и приключилось. Уж такой поперечный старичишка стал. Ты ему этак, а он тебе так. Уж я смолоду такая боевая была. Он мне слово, а я ему пять. Он мне пять, а я ему десять. Разбираться начнем – виноватого нет.

– Это все ты с долгим языком... Вот ты... Да я....

И бывалочко такой вихорь в избе завьется, хоть святых вон выноси. И только это дед ноги с печи спускает – и пошло, и пошло, по всем углам шаркает.

Смотрела, смотрела бобылка, что избенки через три жила, да и говорит:

– Что это у вас такие-то нелады со стариком? Шла бы ты на гору, там старец на воду шепчет.

А я думаю – пойду-ко. Прихожу я на гору, там стоит избенка однооконная. Я постучала в окошечко. Вышел низенький старичок, бородушка клинушком, да и говорит:

– Что тебе надобно, матушка?

Я говорю:

– У меня такие-то нелады со стариком.

– Обожди маленечко.

Зашел в избу, зачерпнул в ковшик водицы, да при мне и пошептал, да и говорит:

– Как зашебаршит старик, ты возьми глоточек воды, не глотни и не выплюнь.

Я вылила водицу в стеклянницу, поблагодарила старца да и домой. А у старца я запозднилась, и только я ноженьку через порог, а старик сам себя не помнит:

– Уж эти старухи проклятушие! Уйдет да и провалится!

А, родимые мои, как старец-то сказывал, взяла водицы в рот и не выплюну и не прогложу. Смотрю, старик-то угомонился! А он у меня и часа без самовара не пропустит. Я за самовар – да и загреми трубой. У него аж глаза на лоб полезли:

– И руки-то не тем концом вставлены!

А я опять взяла глоточек, не глотну и не выплуну.

И что б вы думали? Пошла у нас тишь да гладь да Божья благодать. Старик за ругань, я – за водицу. Так вот она, наговорная водица-то, эта-кенький глоточек таку махиницу сдерживал. Старик-то мой был коса сажень на плечах, росту страшенного.

Так вот, у кого такие нелады дома, так у меня этакая водица осталась, одолжу.

Как муж жену проучил

На печи сижу да заплаты плачу,
Да мужа-злодея побраниваю:
– Продай, муж, кобылу с коровою,
Купи, муж, шубейку с душегрейкою.
Ах, я наряжуся, гулять поплятуса.
Продал муж кобылу с коровою,
Купил шубейку с душегрейкою,
Приходит домой...
– Запрягайся, женушка, сама за дровами.
Наклал воз велик, сам еще сидит.
А не та мне обида, что воз-то велик,
А та мне обида, что сам-то сидит.
По полю-то едет – посвистывает,
А в деревеньку въехал – покрикивает:
– Ах, ребята, кобыла добра, большой воз свезла!
– Продай, муж, шубейку с душегрейкою,
Купи, муж, кобылу с коровушкою.
Не в одной тюрьме сидишь,
Так не то и говоришь.

Небылицы

Волшебные бобинка и горошинка

Гуляли петушок и курочка. Петушок нашел бобинку, а курочка горошинку. Принесли в дом, посадили – вот и растет. Выросла до пола. Дед и говорит:

– Давай, баба, пол прорубим.

Прорубили этакий пол, она и растет. Выросла под потолок:

– Давай, баба, потолок прорубим.

До крыши, потом выросла уже до самой небушки. Так выросли горох и боб. Дед говорит:

– Баба, давай лестницу сделаем. А то что же теперь, надо лезть за горохом.

Дед пошел, сделал лестницу. Полезли. Баба взяла мешок, и дед взял мешок. Лезли, лезли. Баба решила вернуться. До чего так долазила и упала. Баба разбилась на мелкие кусочки.

Дед пошел в лес, нужен гроб – хоронить бабу. Идет, и попал ему волк:

– Куда ты, дед, идешь?

– Да делать гроб надо, баба разбилась.

– А кто у тебя там голосить-то будет?

– Да никто.

– Давай я пойду поголошу.

– Иди.

Пришел волк и съел половину. Идет лиса:

– Дед, куда ты?

– Иду гроб делать, баба разбилась.

– А кто там по ней голосит-то?

– Побежал туда волк.

– Ну и я сбегаю.

Лиса побежала и еще съела. Идет медведь:

– Куда ты, дедушка, идешь?

– Иду в лес, баба разбилась, гроб делать.

– А кто там по ней поголосит-то?

– Волк пошел, лиса пошла.

– Ну и я сбегаю.

Медведь пришел, ну, так всю бабу-то и съели. Пришел дед, а там уж хоронить нечего.

Дед взял тоже мешок, полез наверх. До гороха, ну, дед дошел. Пришел, а там жила коза. И были у нею два козленочка, одна козочка. Пришел туда. У нею наготовлено всего, съел, взял забрался под печку. Она пришла и говорит:

– Ну, кто тут был, ну, кто тут съел все.

Она смотрит – никого. Она взяла, оставила козочку на утро:

– Останься, посмотри, может, придет кто.

Ладно, сидит эта козочка. Выходит мужик, выходит, а у нею все наготовлено.

– Что ты делаешь?

– А что, я голодным буду ходить?

Он взял эту козочку и кинул вниз. Пришла коза, а козочки нет.

На другой день другую оставила. Она сидит, он опять вышел.

– Ты что делаешь?

– А что ж я буду так сидеть?

Эту козочку схватил и тоже бросил. Оставила еще одну, он опять так сделал. Кинул козу, набрал там всего – бобу, гороху.

Полез вниз. Лез, лез, и ступенька сломалась. Он как брызнулся и сам разбился.

Сказка о том, как мужик на небо ходил

Мужик поехал в лес за дровам. Дров нарубил. Сел на коня верхом. Топор за пояс поторнул*. Ехал-ехал и отрубил коню зад, и забил осино-вым клячком**. Приехал домой. Коня поставил во двор, воз у ворот. А зимой конь не скоро понадобится.

* Поторнул (*диал.*) – заткнул.

** Клячок (*диал.*) – толстое короткое бревно.

Пошел мужик, посмотрел, а у коня-то осина растет. Осина росла, росла, до крыши доросла. Мужик крышу прорубил. Осина все росла. Долго ли, коротко ли, доросла до неба. Полез мужик на осину и прорубил дырку в небо. Ходил он там, ходил, долго ходил. У бабы дров не стало. Мужика долго нет. Ну и спилила она осину.

Пришел мужик к дырке, а осины-то и нет. Он начал с лампачечек собирать свитилынки, собирать да связывать, собирать да связывать. До земли до самой не набрал.

– Ладно, – говорит, – я так соскочу.

И полез. А бабы внизу подумали, что масло с неба течет, и прибежали кто с чашкой, кто с горшками, кто с чем. Мужик лез, лез и оборвался, упал на бабу. Бабу убил и сам убился.

Как бабка с неба упала

Жили-были дед с бабой. У них был петух и курочка. Пошли гулять петух с курочкой. Петух нашел бобинку, а курочка горошинку. Посадили дед с бабой в подызбице* горошинку и бобинку. Вот бобинка с горошинкой росли-росли, до пола доросли.

Баба говорит:

– Дед, проруби пол.

Дед взял топор, прорубил пол, а горошинка и бобинка все росли и доросли до потолка. Дед и потолок прорубил. А они все растут, растут не по дням, а по часам. Дед решил прорубить тогда дырочку в небе, так как горошинка и бобинка достали уже и до него.

Послал дед бабу в город, чтобы она купила три метра чертовой кожи на штаны. Сшила баба штаны. Сказал дед:

– Напеки мне хлеба.

А баба на то и говорит:

– Ты на небо полезешь, а я с кем останусь?

Дед подумал:

– Ну что же, садись в карман.

Вот полезли они на небо. Лезли-лезли, а баба и говорит:

– Дед, я оправиться хочу.

– Давай в карман, – отвечает дед.

Вдруг карман погнил, бабка упала и в пучину попала. Волосы у нее были черные, ветер их спутал и растрепал. А недалеко был лес. Волк увидел волосы, сказал вороне, та взяла да свила гнездо. Захотелось

* Подызбица (*диал.*) – погреб, подполье (Даль В. И.)

волку попить вороньих яиц. Тогда бабка, когда он полез на дерево, обмотала вокруг руки хвост, закричала, волк дернулся и вытащил ее.

Бабка благополучно добралась из лесу домой. Вскоре вернулся и дед.

Кому сказка, кому барская вязка. А если б рюмку винца – сказал бы сказку до конца.

Как мужик жеребеночка высиживал

Вот пошла баба. Мужик-то был леной-леной – не хотел работать. А баба-то все и пахала, пахала на коне и дома с ребятишкам надо было. А он, тыфу, сидит, муды свои трет. Она пойдет домой, а он опять заберется на тыквине сидеть. Сидит, сидит на тыквине, а баба-то вот ему и говорит:

– Вот ты не работал, а я и масло мешала, детей накормила, кисек, своих курочек.

Ну что же. А он взял масло мешать стал – к чему-то пристроился тамо-тко – не мешайтси, тисто замесил, ну вот эдак все сидит. Куриц связал в одну веревочку – коршун затащил их. Баба приходит – нет куриц, все свиньи в квашню – всю едят, туда забравши. А он опять полез – у него все сделано! Ну, баба стала его ругать.

Ну, вот пошла опять пахать. Она его проверила. Идет солдат. Она у солдата спроси колбаски, мужика угостить за то, что он работал. А он взял, да, Господи прости, насрал шишку да ей и дал. Она понесла ему колбасу, мужику своему. Что же, он там сидит дома на тыквине, высиживат.

– Вот, ты погляди-ко, солдат-то шел и мне каку тебе дал колбасину. На вот поишь и сразу поправишься – пойдешь на работу.

И стал есть, подхвалива:

– Хороша, о, какая у солдата колбаса.

Ну, вот опять. Всё прошло. Бабе опять надо идтить пахать, опять обратно в поле.

– Ну когда же жеребеночка-то, я говорю, высидишь? Там сусед на заду сидел – высидел, а ты все сидишь-сидишь на тыквине, а жеребеночка не высидишь.

Ну вот, приходит баба, опять ей не терпится на работу, землю пахает. Приходит к ему:

– Ну, что же мы? Вот там я видела камень, за камнем хороший конь стоит, жеребенок.

Вот он взял скорее тыквину схватил да и об камень-то ее трах, а там сидел заиц, а не конь. Заиц! Ну вот, заиц-то побежал, уши вздыкнул, а он все кричит:

– Заиц! Заиц! Я твоя мама, я твоя мама, у меня титя есть, буде я дам тебе тити.

А женка-то смеется залившись. Бежал-бежал он так, а заяц и убежал. Приходит к женке обратно:

– Да вот ещё бы маленько посидел бы, – говорит, – ты не помешала бы мне-ко, я бы высидел бы жеребеночка молодого. Я трахнул (тыкву – *О. Б.*) об камень, а он убежал.

Рыбак и охотник

Так вот, дорогой приятель, встретились однажды рыбак и охотник, понял? Вот охотник рыбаку и говорит:

– Дорогой мой! Ты знаешь, какой у меня случай был сегодня?

– А какой?

– А вот какой (и это дело было в Петров день, предупреждаю, летом). Вот я сегодня гнался за лисой пять километров на лыжах. Гнался, гнался, а она раз – в овраг! Понял? И улизнула. А я не успел курка-то снять. Да и не застрелил.

А послушал, послушал рыбак и думает: «Да-а, ты все-таки соврал. А дай-ка я получше совру!»

И он все-таки придумал. И говорит:

– Да, товарищ охотник, у меня тоже был такой случай!

– А какой?

– А вот я осенью пошел налимов бить и вижу: налимчик-то килограмм на десять. Ох, думаю, хорошая штука! Я как дал ему по лбу – он и перевернулся. А я наклонился лунку-то рубить, у меня упали часы. И не достать их. А часы-то утонули. А нынче поехал рыбу ловить на это место, смотрю – блестят. Я раз, нырнул. Достал. Ходят.

А охотник-то и говорит:

– Ты, товарищ, соврал! Ведь год не могут часы в воде ходить.

– А ты летом на лыжах – так не врал без дела?..

Были и былички

Про старую жизнь

Было раньше нехорошо...

Вот жил муж с женой. Ну, муж такой был скверный. Пьяный любил издеваться над женой. И вот ему охота было все рассердить жену, чтобы она показала ему, что рассердилась. Он всяким путем – и бил ее, чего только не делал. Но она все равно не сердилась. Он все придумывал, как бы рассердить.

Однажды придумал. И кричит:

– Жена! Иди сюда!

Жена прибежала:

– Что нужно?

– Лезь под стол!

Ну, жена быстренько под стол. Он ей говорит:

– Лай, по-собачьи!

Жена начинает:

– Тяв-тяв!

А он ее давай ногами лягать:

– Что своих не узнала, лаять начала?!

И придрался все-таки муж к жене.

Про сапожника и его жену

Вот был один сапожник. У него была жена. И вот она однажды (все так это говорили):

– Ты меня не любишь!

Он говорит:

– Ты, может, меня не любишь!

– А я помру – как ты будешь плакать по мне?

Вот, значит, муж и говорит:

– Жена, уж ты-то по мне будешь ли плакать, а я-то уж по тебе буду.

Жена и думает: «А как же он будет плакать? Ну-ка дай я притворюсь, помру, посмотрю, как он будет плакать».

Вот жена померла. А муж, значит, шил сапоги. Видит, что жена-то не говорит. Он ее повалил на лавку, закрыл точивом. И сел, плачет:

– Желанная ты моя жена! Какая ты была у меня хорошая! На кого ты меня бросила?!

Вот. А жена-то тихонечко приоткрыла точиво – надо поглядеть: слезы-то текут или он нарочно. А он-то заметил, что она, значит, из-под точива выглядывает. Он молоток-то в руках – взял да по лбу и стукнул:

– Мертвые из-под точива не выглядывают.

Быль про попа

Потом опять дождика-то нету, а люди-то просят, приходят к попу:

– Слушай, давай собери людей, значит. В Валдае живем, как работники жили.

Приходит:

– Давай людей соберем в церковь – помолимся. Ждем. Ждем дождика.

Ну, вот этот, старик-то, мне рассказывал. А он, говорит, посмотрит на барометр:

– Не, погоди, еще стерпит, не надо дождика.

Ну вот, а потом, говорит, посмотрел на барометр, а мне и говорит:

– Иди к старосты, пусть собирает завтра людей молиться в церковь, дождика просить.

Ну тот:

– Я, – говорит, – пошел, сказал старосте-то. Знаешь... как в деревне... Да вот, собрал, помолилися – а другой день и дождь.

Поехал мужик на промыслы

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала.

– Не плачь, жена, я скоро приеду.

– Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли.

Раз зимою

Раз зимой ехали по Ильмень-озеру извозчики, одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну и пошла под лед со всем возом.

– Ну, моли Бога, что ушла, – закричал мужик, – а то бы я нахлестал тебе бока-то.

Мертвецы и проклятые

Варушка-покойница

У одной женщины осталась грудная девочка. Отца у этой девочки убили на войне, а мама Варушка умерла. Кладбище, на котором была похоронена мать девочки было далеко от деревни (один километр). И вот, в одно и то же время стали встречать Варушку-покойницу, но все молчали. И так каждый день – то один, то другой увидит.

Один раз кто-то проговорился, и оказалось, что видят многие. Все собрались и пошли к женщине, которая взяла себе грудную девочку, и говорят, что ходит Варушка. Она заплакала и говорит:

– И вправду ходит, бабы. Наступает определенное время, открывается дверь, входит и идет прямо к люльке. Забирает девочку, покормит грудью, молочком, положит в люльку и уходит.

Люди спрашивают, почему она молчит. А женщина сказала:

– Жутко мне. Покойница приходит, покормит ребенка грудью и уходит.

Бабы ее заругали:

– Ты что думаешь своей головой?! Ты что думаешь, это она ходит? Может, это нечистый дух ходит, она тебе девчонку-то испортит.

Она говорит:

– Бабы, каждый вечер окошки залью и в печи, и везде (три раза перекрестить). Все обереги сделала, ничего не помогает. Как только тот час приходит, она появляется в доме.

Они говорят, чтобы она пошла к попу, чтобы тот отслужил молебен. Вот она и пошла к попу, отслужила молебен, и перестала ходить Варушка. А девочка росла атаманом.

Гость-покойник

Однажды пришла мать с дочками из бани, накормила их и уложила спать, а сама пошла за дровами на завтрашний день, сложила их в печку и тоже к ним легла. А ведь раньше верующие все были, она залила и заложила двор, залила дверь, на выход на улицу. Дверь сюда на крючок заложила – залила. И легла к ребятишкам спать.

И вдруг слышит, что по потолку кто-то заходил так тяжело. У нее волоса так начали подниматься. Лежит она в таком напряжении, а по углу по стене кто-то спустился в коридор. Идет к двери. Напротив двери остановился, а она глядит на дверь и думает, что если кто-то перешагнет, то сердце сразу екнет от страха. Он постоял, постоял около двери, по крылечкам спустился, щеколдой звякнул, вышел на улицу и пошел.

До утра, до рассвета она не сомкнула глаз. Думает, неужели я не закрыла дверь?

И вот, когда вставать уже надо, печку топить. Она пошла на двор – все двери были закрыты. Пришла и стала затоплять печь. Приходит к ней баба Лиза из соседней деревни. Перекрестилась, села на скамеечку.

– Ну, чего, – говорит, – делаешь?

– Печку затопляю.

– А что ты в печке делать будешь?

– Лепёшки детишкам.

– Я к тебе специально пришла с утра. Ведь у меня вчера был Ипат (покойник).

А она говорит:

– Как, бабка Лиза?

– Вечером в баню собиралась, стою, открывается дверь, и входит Ипат. Под одной рукой шайка и веник в шайке, под другой белье. От порога пришел, сел к столу.

– Здравствуй, Лиза.

– Здравствуй, Ипат.

Он спросил, как она живет. А она говорит, что худо и голодно. А он говорит, что это еще хорошо.

– А я зашел к Власовым ребятишкам. Вот они-то, – говорит, – на одних овсяных лепешках живут. Хотел я на них посмотреть да побоялся – напугаю. Постоял около двери и пошел.

А она говорит:

– А ведь и правда, он был.

И рассказала ей все.

Хочешь верь, хочешь нет.

Как парень мертвеца перехитрил

Случилось это давно, еще, наверное, когда жива была моя бабка. Был в деревне праздник престольный. Народу вечером много было на гулянье. И поспорили между собой два друга, что один из них слазает в двенадцать часов на колокольню и позвонит в колокол. Другой говорит, что не слазать ему туда, испугается. Спорили они, спорили и решили, что парень этот слазает на колокольню и позвонит семь раз, и все услышат, что он был на колокольне в самом деле.

Вот подходит и двенадцать часов. Парень уж жалеет, что согласился, потому что издавна ходила об этой колокольне худая слава. Говорили, что в полночь выходят на лестницу мертвецы и поджидают живых людей, чтобы взять их в свое царство. Но делать нечего, собрался парень, пошел.

Подошел он к колокольне, стоит она черная вся, и только наверху колокол поблескивает. На небе-то луна была. Открыл он дверь, а она как скрипнет, у парня даже волосы дыбом встали. Посмотрел он вверх, а лестница длинная. Но что делать, надо идти звонить в колокол, раз поспорил. Вбежал он на лестницу бегом, бегом и наверх поднялся. Вот как страх-то его подгонял. Наверху схватился за веревку, стукнул в колокол, да не семь раз, а только шесть. Это-то, наверное, и привело его к беде. И надо же так случиться, один раз в замешательстве дернуть забыл.

Парень обратно хотел тоже бегом бежать. Только спустился он на лестницу, смотрит: в углу что-то белое. Стоит, не шелохнется. И черт видно за руку его дернул, взял парень да как сдернет это белое. Смотрит, а перед ним мертвец. Он стоял в углу и прикрывался саваном, а парень-то и сдернул его с мертвеца. Как он заорет, как затопает ногами, как защелкает зубами. По колокольне сразу ветер прошел, что-то застонало, заухало. Парень так и присел.

Потом вспомнил, что у него еще ноги остались, да как пустится по лестнице. А саван-то в руках держит. А мертвец за ним бежит. Но парень помоложе был, быстрее его бегал. Прибежал он домой, захлопнул дверь и на крючок заперся. Мертвец подбежал, стукнулся, дернулся – заперто. Вот он и кричит в окно:

– Ну, смотри, если не принесешь мне саван на третий день, не жить тебе больше на свете!

Рассказал парень все матери. Отругала его мать: «Ах ты, дурак, ты, дурак, что же делать-то теперь будем?»

Настала ночь, пробило двенадцать часов. Парень с матерью дома закрывшись сидят. Слышат, стучит кто-то в дверь. Пошла мать, а это мертвец пришел и кричит:

– Отдайте мой саван!

Мать вернулась назад, плачет, не знает, что и делать. Потом и придумала. Взяла клюшку от печки, повесила на нее саван и пошла к двери. Открыла маленькую щелочку, просунула клюшку в нее. А мертвец кричит:

– Я хочу, чтоб отдал мне саван тот, кто снял с меня, и не на клюшке, а в руки.

Возвратилась мать, пуще прежнего плачет. Плохо дело, надо идти парню. Взял он саван от матери, подошел к двери, перекрестился. Открыл дверь да как кинет саван на мертвеца и тут же дверь захлопнул. Упал саван на мертвеца и закрыл его так же, как и раньше закрывал. Не успел и глазом мертвец моргнуть, а дверь уже опять оказалась на замке. Мертвецу ничего больше не оставалось делать, как идти в свои владения.

Жена из могилы

Досюль играл молодец с девицей три года, и выдали эту девицу за другого молодца. Выдали в одну деревню, а за него не дали. Она жила с мужем три года. Потом сделалась нездоровая, стала у ней глотка больна. Потом ее похоронили. Она померла. Она жила в земле шесть недель, потом она в земле поправилась и выстала из земли ночью, пришла к своему мужу. Ее там муж не пустил.

Пришла она к отцу да к матери – и отец и мать ее в избу не пустили в ночное время. Пришла она к крестной матери – и крестная мать не пустила. И она опомнилась. Пойду я к старопрежнему парочке, не пустит ли он. И пришла она против окошка. Он сидит у окна, пишет, и она подавалась в окно. Он работника разбудил и пошел за ней с топорами. Работник, как увидел, пошел назад домой: испугался, что съест. А она парочке старопрежней:

– Мой парочка, возьми меня, я тебя не трону.

Он к ней пришел, ее обнял, а она ему сказала:

– Ты меня гораздо не прижимай, мои косточки налегались.

Он взял ее в фатеру, замкнул в сенях на горнице и держал ее восемь недель там и не показывал никому, одевал и кормил. Потом пошли они в церковь с тем парочкой. Пришли они в церковь, и все на нее смотрят: отец и мать, и муж, и крестная мать говорит:

– Это будто моя дочка стоит.

Все они переговариваются между дружкойм, и она услышала. И вышли они из церкви на крыльцо, отсюда матери она говорит:

– Я ваша есть. Помните, как я в такую-то ночь к вам ходила, вы меня не пустили. Потом я пошла к старопрежнему парочке, он меня и взял, и кормил, и поил восемь недель, и одевал.

И присудили ей: за старого мужа не отдали ее назад, а с парочкой повенчали, который взял ее ночью.

Тут моя сказка, тут моя повесть, дайте хлеба поесть. В городе я была, мед пила, а рот кривой, а чашка с дырой, а в рот не попало.

Как я помер

Я с одной девушкой гулял. И вот девушка эта, невеста моя, померла. Я ее очень любил и крепко жалел. И собрались возле колокольни, вся молодежь бегают. Я говорю:

– Эх, была бы там сейчас моя Маруся, я бы сейчас залез на колокольню.

А ребята привязались:

– А тебе не залезти на колокольню!

Время уж было одиннадцать-двенадцатый час. Я говорю:

– Но, да пустяки, залезу! Залезу и позвоню.

Только туды залез на колокольню, гляжу: моя Маруся там сидит! Вот так, скорнувшись... Я ее:

– Маруся!

Голоса не отвечает.

Я ее платок стягиваю – и в карман. В колокол позвонил и спускаюсь. Ребятам говорю:

– Вот, она сейчас там была, платочек снял с нее.

Смотрят: верно, в ееном платке, в котором похоронили – этот платок. Действительно, правда.

Значит, домой пришел. Вечером она приходит и говорит:

– Отдай мне платок!

Я, значит, ей выношу, кладу на крыльцо, говорю:

– Возьмите.

– Нет, как сумел снять, так сумей и повязать.

А на второй вечер она опять приходит.

– Коля, отдай мне платок.

Я опять вынес ей – она опять не берет.

И вот привели потом попа, поп ходил, кадил тут, причастили меня – все сделали... поговел я. Но решили: что же, делать нечего, придется идти повязывать. И только стал повязывать-то платок – она меня как схватит! Схватила крепко и зажала...

Потом не могли никак разжать: ни топором не разрубить, ни пилой не распилить. Так я тут и помер. Вместе меня с ней и похоронили.

Случай на кладбище

У нас одна была, работала в больнице и утром рано ходила. Ей идти надо было через кладбище. И вот одного утром схоронили и сказали, что сильно веноч красивый. Она говорит:

– Я сравнялась с кладбищем, зайти, поглядеть, какой веноч там. Зашла на кладбище, а там наклонилась, – говорит, – к нему, а там трубочка была, а в трубе была птичка.

Вот она наклонилась, а птичка-то и вылетела.

– Я, – говорит, – ползала там, наверно, час на карачках и не могла подняться.

У нее потом муж умер, а они в колхозе коней пасли по очереди.

– Пасем, – говорит, – коней, а рядом с кладбищем. А ужо-ка я зайду, а летом ведь светло долго, схожу на Лешу. Вот, пришла, – говорит, – на кладбище, встала к кресту и стою у креста. И причитываю, что меня загубил и сам, – говорит, – ушел.

А ей, значит, сзади за плечо.

– Я, – говорит, – обернулася, стоит высокий-высокий дедушка, и на нем всё жар горит. Я, – говорит, – не помню, как очутилася на дороге.

Не вовремя пришла, так говорят люди.

Я раз приехала с девочкой с Урала, в отпуск, и тоже пошла на кладбище с этой девочкой, поздно, наверно, в одиннадцать часов вышла с кладбища, искала всё могилы там свои. И ничего. Может, это девочка помешала?

Солдат и чудовище

Солдат любил девку, а она его нет, за него замуж не шла. Недалече от деревни жила гадалка. Он пошел к ней гадать. Гадалка говорит:

– Сходи на кладбище в двенадцать часов ночи, возьми с трех могил земли и каждую завяжи отдельно в узелок и принеси мне.

Наступила первая ночь. Вышел солдат, волосы дыбом, страшно идти в двенадцать ночи. Он, не думая, взял земли с дороги, с гряды и около дома – завязал отдельно, на утро приносит. Гадалка говорит:

– Что же ты принес мне земли с дороги, с гряды – иди, снова принеси и не ври.

Настала вторая ночь. Опять солдату страшно идти, а надо. Взял он с поля разной земли, завязал отдельно и опять приносит. Гадалка опять говорит:

– Не обманывай меня, вся земля с поля.

Наступила третья ночь. Что будет, то будет – надо идти. Справился в двенадцать часов ночи и пошел. Взял земли с одной могилы, с другой – завязывает по отдельности. Подходит к третьей, а навстречу ему три покойника и кричат один одному:

– Эй, товарищ, что он здесь ходит, нас беспокоит!

Солдат побежал, а они за ним. Солдат слышал от старых людей, что от покойников надо бежать задом наперед. Сделал так – покойники отстали.

Наутро приходит к гадалке. Она посмотрела землю, говорит:

– Иди домой, девка уже тебя дожидается.

Пришел – девка дома сидит. Но недолго пожил с ней, опять надо идти на службу. Служит. Дают ему задание – донесение отнести. Идет он, а дело уже к ночи, а идти надо перелеском, пройдя по которому ночью люди обратно уже не возвращаются. Солдат думает:

– От покойников ушел, а здесь и подавно пройду.

Вошел в перелесок, а навстречу чудовище – с носу дым, с ушей искорки светятся. Солдат побежал задом наперед. А чудовище кричит:

– Стой! От меня не уйдешь – это не с кладбища.

Солдат остановился. Расспросило все у него чудовище и говорит:

– Ладно, неси донесение, но когда пойдешь обратно, крикни меня: «Эй, товарищ, выходи!»

Солдат пошел, приказ выполнил, идет обратно и думает:

– Кричать аль не кричать?

Закричал. Чудовище тут как тут. Говорит солдату:

– В вашей деревне, на отшибе, стоит избушка, вся в землю вросла, знаешь?

– Знаю.

Чудовище продолжает:

– Там живут мой отец и мать, а я буду их сын. Они меня прокляли. Сходи к ним и попроси, чтобы они меня простили. Когда они меня простят, и я, и они помрут, ты схорони сперва меня, потом их. Приди на это место и за этой елкой возьми клад – тебе хватит на всю жизнь.

Пошел солдат к деду с бабой. Приходит – видит сидят они, все мхом обросли. Солдат просит:

– Дедушка, простите вашего сына.

Дед отвечает:

– Бог его простит.

Дед сразу умер.

Стал солдат бабу просить. Старуху и в дубы не ввесть – никак не соглашается, твердит одно:

– Будь он проклят.

После всяких прошений промолвила:

– Бог его простит.

Здесь и умерла.

Пришел в лес – чудовище мертво лежит. Схоронил он их всех. Пришел к елке, глядь, а около нее и впрямь клад с деньгами и золотом лежит. Взял все. Пришел и стал поживать богато да счастливо.

Прóклятая

Святки идут – ворожат же. Ну и вот, один парень, значит, говорит:

– Пойду я в баню эти камушки вот набирать и нести в прорубь, спустать – тут что-то должно быть.

Эти говорят:

– Ты, мол, не пойдешь.

Поспорили они там. Он:

– Почему?

И ночью пошел. Пошел в баню в двенадцать часов ночи. Заходит в баню... Вот, говорят, когда заходишь в баню, протянешь руку, и вот, если в мохнатой рукавице возьмет, – значит, богатая будет невеста (или там жених), а если просто голой рукой, значит бедная. Он, значит, заходит, а его хватает голая рука и говорит:

– Ты, – гыт*, – на мне женишься?

Он, значит, боится, напугался: если не женится, значит, что-то с ним будет. Придется, значит, жениться. Он же не знает, не видит, кто, вот рука только. Темно же, ниче не видать, только рука одна держит его.

– Женишься, – говорит, – на мне?

Он говорит:

– Женюсь.

– Ну, раз женишься, завтра вечером приходи. Ты, пойдя, – гыт, – сейчас домой, матери скажи, отцу, мол, женюсь я. Не говори на ком, потому что ты сам не знаешь. Говори, что женюсь. Принесешь, – гыт, – к завтрашнему дню мне одежду полностью. Ну, всю женскую одежду мне принесешь.

Напугался. Она его отпустила, все. Он пришел домой. Молчит, ни с кем не разговаривает, печальный такой, ну, напуганный еще вдобавок. Приходит, значит, и говорит:

– Тятя, мама, я, – говорит, – женюсь.

– На ком женишься?

* Гыт – говорит.

Он молчит, ниче не говорит. Ну что он скажет? Сам не знает. А само в мыслях: «Вдруг окажется какая-нибудь ведьма, старуха». Ну, всяко же может быть. Ну вот. Они, значит:

– Ну, женишься – женись.

Переубеждать не стали. Хоть и по старинке, ну, видимо, таки родители попались, не стали его переубеждать.

– Женись, ладно.

На другой день с матери попросил:

– Давай мне платье, нижнее белье – все.

Взял, чтобы, значит, одеть-то полностью. Пришел туда, в баню. Опять такое же время, ночью. В то же самое время пришел. Она ждет:

– Пришел, – говорит, – принес мне одежду?

– Принес.

Она одевается. Он еще не видит, как она оделась. Она была совершенно голая девушка. Он ее ведет, видит очертанья, а лица сам не видит. Когда завел ее в избу, она оказалась такой красавицей! Вот писаная красавица. Она говорит:

– Ты меня ничего не спрашивай. Я, – гыт, – тебе ничего не скажу, откуда взялась в этой бане. Ничего не скажу. Потом, – говорит, – ты с годами все узнаешь.

Прожили они несколько лет. Ну, детей не было, правда. Вот она начала скучать. Скучает, тоскует, жена-то. Ну, жили очень хорошо, в общем, богато жили. Он, значит, эту девушку, жену-то свою:

– Ну, что, – говорит, – с тобой случилось?

– Мне бы в гости съездить.

– К кому?

– Ну, – гыт, – к знакомым своим, к родственникам.

– Ну, хорошо, – гыт, – я тебя подвезу.

Запрягли пару коней, поехали. Едут сутки, двое, трое. Она:

– Езжай, езжай дальше. Вот, – говорит, – еще одно село будет там.

Вот туда мы едем.

Уж темно. На улице ночь. Они подъезжают к селу к этому – и крайнее окошко. Свет горит.

– Вот, – говорит, – заверни, – говорит, – мы здесь переночуем.

Он заворачивает к этому дому, стучится. Оттуда старческий голос, старуха говорит:

– Кто там?

– Откройте, бабуся, переночевать.

– Зачем вы мне тут со своей переночевкой. Мне и без того... всю жизнь я тут маюсь.

Ну, открыла дверь, так они вошли.

– Дите, – говорит, – с малых лет не растет. Лежит целыми сутками и ревет. Все силы, – говорит, – уже с ним. Измучилась. И не знаю, че делать. А тут еще вы с гостями со своими.

Ну, она уже дошла до того... бабка худая! А ребенок все не растет, все в зыбке качается и даже ни на минуту рот не закрывает: кричит и кричит и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще. Вот она с ним прямо не знает, че делать. И кормит его. И все. Ладно, а эта, жена-то его, и говорит:

– Когда, – гыт, – я была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, ись попросила, а ты послала меня к черту: «Пошла, – гыт, – ты к черту».

Ну, она была еще молодая в те годы. Вот это мать прокляла ее, послала к черту, а черт это услышал, взял ее и забрал, эту девочку. Забрал ее и растил до восемнадцати лет, до совершеннолетия. Воспитывал. А вместо ее, значит, положил полено. Это полено в ребенка, конечно, превратил. Положил это полено... и черт ее растил до восемнадцати лет. Вырастил и говорит:

– Ну, ты уже совершеннолетняя. Тебя, – гыт, – нужно замуж выдавать.

Он черт был, а вот этот банник самый. Она в бане росла до восемнадцати лет, только невидимая была. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, он ее видимой сделал и говорит:

– Вот, если придет, – говорит, – сюда парень молодой, если он откажется жениться на тебе, то ты вообще не выйдешь замуж и будешь такая же невидимая. Никто тебя не увидит, и вообще ты будешь одна. Если, – говорит, – согласится он жениться, то будешь жить ты счастливо, богато.

А мать-то не верит, что ее дочь-то она. Она:

– Нет, – говорит, – я не вру.

Подходит и это полено, ну, ребенка-то, берет и к окошку. А старуха-то закричала, напугалась. Она, это полено-то, ребенка, берет и в окошко выбросила. Ребенок-то упал, закричал и в полено обугленное превратился.

Из люльки потерялась

Жил в одной деревне богатой мельник. И вот мельница у него была в верстах трех от деревни. И вот в один день посылает своего сына он на мельницу. А сын взял с собой балалайку. А было ему девятнадцать лет. И вот он сошел на мельницу, засыпал молотье, а сам пришел в избушку, сел на лавочку и заиграл в балалайку.

И вдруг является к нему барышня и давай плясать по этой балалайке. И вот этот парень вздумал ее схватить, она и убежала от него.

– И вот теперь, – говорит, – я пойду домой и возьму на две ночи хлеба.

Когда он пришел домой, то отец стал ему говорить:

– Что же ты, милый сын, не женишься?

– Да невесту выбираю, папинька, – говорит.

– А где же ты невесту будешь выбирать?

– А вот схожу на мельницу на две ночи, тогда приду домой и скажу, где невесту возьму.

И вот пришел сын мельника на мельницу. Пришел и засыпал восемь мер молотья, так, чтобы ему хватило до полуночи. А сам пришел в избушку, сел на лавку, взял балалайку и заиграл. И вот приходит к нему та же барышня и стала плясать по балалайке.

И вот только стал он балалайку класть, чтобы схватить ее, она скочила и убежала. Вот он и говорит промежду собой:

– Теперь не буду таков, как это. На третью ночь как только ступит в избушку, так и схвачу, не буду думать ничего.

И вот на третью ночь взял балалайку в руки и стал играть. Видит, является та же барышня. Только зашла на середку избы:

– Ну, умел схватить меня, умей и замуж взять.

– Ладно, возьму. Только Расскажи мне, как за тобой приезжать и где ты живешь.

– Я живу в вашей плотине, – говорит, – унесена полуторагодовая. Так вот теперь ты придешь домой и скажи своему батьку, что я нашел себе невесту. Он и спросит:

– Где же ты нашел?

– Да во своей плотине.

– Да какие же могут быть невесты во своей плотине?

– Да есть, папенька. Она мне только и надо, а больше никакую не возьму.

И вот будут к тебе на свадьбу многие проситься, но только поедет вас трое: отец крестный и потом кучер, а остальные все не поедут, которые куда разойдутся. А ежели к попу сойдешь, тогда накажи, чтобы он встретил на полудороге с крестом, так что двадцать пять верст ехать было до погоста. А на свадьбу купи ты себе трех жеребцов вороных, чтобы которые могли от самого места что есть прыти бежать.

И вот приходит этот сын мельника домой, и стали они с батькой пива варить и вино курить. И вот сделали они парневик и созвали всех соседей. Скопились все соседи, и напились все соседи допьяна, так, что каждый говорит, что я к вам на свадьбу поеду. И спрашивают:

– Где же у тебя невеста, Иван?

– У меня невеста во плотине своей.

И вот кто говорит, что спать захотелось, кто говорит, что поостынуть выйду. Так что разошлись все с парневика, и остались только отец крестной да кучер. И вот стали они направляться к венцу.

И вот сели они в тарантасы и поехали к мельнице за невестой. Приехали к плотине. Остановились и ждут. Выходит невеста, выносит три сундука приданого, и вот оклала она все сундуки на лошадей, села с женихом – и поехали.

– Ну, теперь как можно скорее поезжайте!

И вот кучер давай хвостать жеребцов. И вот доезжают они до полудороги, и священника нету. И вот приехал на ту пору к священнику благочинный и задержал попа. Когда услышал поп, что колокольчики уже зазвонили, тогда схватил крест и побежал. Только что добегает до них, отбежал три раза с крестом. И потом после этого поднялась сильная погода: и загремел гром, засверкала молния, так что всех занесло пылью.

И вот только слышен был голос из этой погоды:

– Счастлив, что священник с крестом подбежал, не то обоих бы убил.

И вот приводит их священник в церковь, обвенчал и пригласил их к себе в дом чай пить. И вот, когда они чай попили, тогда попадья велела молодку нарядить в хорошее платье. Принесла сундук молодкин, и разрыла этта молодка сундук и стала выбирать себе одежду, какую нужно себе одеть. А попадья сзади ее стояла и смотрела в сундук ейный. Потом отошла к попу и сказала:

– Батька, дак это, быть надо, дочка наша, которая потерялась полторагодовая из люльки (проклянула, значит, попадья ее раньше)!

Вот подошли поп и попадья к молодке и спрашивают:

– Где ты была?

Говорит:

– Я была у мельника в плотине, а сын мельника взял меня замуж.

– А не помнишь, откудава ты унесена?

– Нет, – говорит, – я не помню.

Тогда поп и попадья бросились к дочке на шею и стали целовать и тут же с законным браком поздравлять.

Нечистая сила

1.

Мой двоюродный брат дружил с одной девушкой с другой деревни. Шел с Полы он и дошел за Борки, там маленько на горку поднимешься, там лесочек. Ему вышла эта девушка. Стала его куда-то звать:

– Давай посидим на печь.

Вот он ка-ак ухнул прям в воду, а сел – всё хорошо, а упал в воду. А девушка потерялась.

Шел он поздно, водочку часто ходил пить...

2.

Мой дядя был в ребятах, ходил в чужую деревню. Ну вот, ехал с чужой деревни в свою, и шли два мужика сзади, попросили подвезть. Он взял на запятки. Сажал в сани, но они не сели. Потом лошадь остановилась. Он начал ее понукать и матюгом! Сглянул назад, а тех двоих-то уж и нету, а лошадь стоит у пролубли. Нечистая сила то была. Шишки те двое были, нечистый дух. Раньше шишки путали людей.

3.

Мой дядя ходил в чужую деревню гулять с девушкой. И шел в полночь оттудова. Ну вот. И там сидела на лавине: волоса длинная. Наверное, русалка. Он спугался и кашлянул. Она прыгнула в воду. Она уж была, русалка. Кому ж еще? Он спугался, и уж потом ночью бросил туда ходить.

4.

Вот море. У этого моря дорога большая проходит. У этого моря косили.

С этого моря выскакивал неизвестно кто:

– Ой, долго суженого нет.

Где не бывши идет мужчина и говорит, что дальше не могу идтить, я здесь искупаюсь. А ему и говорят:

– Ой, миленький, тут нельзя купаться, тут выскакивал как человек и кричал, что суженого нет.

– Как хотите, я не могу идтить.

Они решили на руках его нести, тут у них на руках он и умер.

5.

Было в байне как чудилось, когда после мужиков ходили в третий пар. Раньше-то всё чудилось.

Одна женщина пошла в третий пар мыться и не помылась. Пришла в байны, а там крик, визг. Открыла дверь, а там дерутся. Нечистая сила. Убежала домой голая, бельё оставила.

6.

Дом один сгорел. В которую ночь сгорел, в ту ночь домовый вышел из этого дома в одиннадцать часов. Всё оглядывался и ревел: «У-у!..».

А соседка видела его в белом халате и побоялась сказать, предупредить хозяев, что гореть будете. И ночью сгорел двухэтажный дом. Всё сгорело. Сами в окошко выскочили и не знают, как и от чего загорелось.

7.

Жила такая бабка, она водилась с нечистой силой. Это черти и есть. Она заживо говорила детям, что в этом доме не живите, пока не умру. Им чудилось в этом доме. Она не рассказывала, как чудилось.

Ну вот, я, говорит, умру, так вы с этого дома уходите вон. И вскоре время она повесилась: её затянула нечистая сила. И они этот дом продали, перешли в новый.

8.

Один дедка ходил по миру. Староверы говорили:

– Вот к этой бабке идти, она пустит.

Ну вот, он пришел, просится. Она и говорит:

– С радостью бы тебя пустила, да у меня напротив родиха, мне нужно бабничать.

Он сказал, что пойдешь, перво посмотри в окошко, увидишь чудо, но не говори ничего родихе.

Она пришла, поглядела в окошко – там висит парень удувленный. Потом зашла в избу, приняла она роды и этой тетке ничего не сказала. Этакой дед-то и говорит:

– Это судьба евона в петли висела.

И вот народился у ней мальчик. Красивый, здоровый рос. Исполнилось ему восемнадцать годов, он и повесился.

Вот и говорят, что судьба, верно, его такая.

9.

Приехала знакомая на Украину. Просила переночевать. Пустили. У хозяйки на причине корова была. При хозяйке домового не было в доме, как уйдет на двор, так он являлся: волоса черные, длинные, сам в сером кафтане. И все гнал женщину вон:

– Уходи ты с этого дому, тебе здесь не место.

Это давно было. Я была еще молоденькая. Мне 12 было, а теперь уж 70. И ей пришлось уйтить на другую квартиру. И там жила все время. Ей хорошо было.

10.

Были сын и дочка уехавши на каникулы домой. В Боровичах они учились. Ну и муж звал жену, что пойдём к поезду встречать. Она боялась дом оставить: денег много было. Ну, он только успел выйтить, как ходила такая страшная, длинная, руки черные, волоса черные, длинные. И взяла ее под запазухи. И три раза в потолок подняла. И у ней на голове образовалась шишка. И говорит, что, мол, не видала, когда она от меня удалилась. Когда является хозяин с детям, она лежала на полу без сознания. Когда она взошла в сознание, он спрашивает:

– Лиза, что с тобой?

Она сказала:

– Нечистая сила была пришедцы.

Он сказал:

– Да полно те, воры приходили.

Сделал обыск и никого не нашел, везде двери как заперты были, так и оставши заперты.

Черт и крестьянин

Стриг как-то крестьянин овец. Проходил мимо черт, удивился.

– Что ты делаешь? – спрашивает.

– Да вот шерсть стригу, – отвечает хозяин.

– А я не смог бы шерсть стричь?

– Отчего же нет?

Пришел черт домой, и очень ему захотелось шерсть стричь. Но овец у него не было, только свиньи были. Поймал черт свинью, связал ей ноги и принялся ее стричь. Визжит свинья, будто ее режут, да и шерсти никакой на ней нет. Надоело это черту, отпустил он свинью, плюнул и сказал в сердцах:

– Вот уж вправду: много шуму, а толку никакого.

Черт и портной

Однажды черт говорит портному:

– Ты, когда шьешь, время у хозяина крадешь.

– Не краду я время у хозяина, – отвечает портной, – я по честному работаю.

– Нет, крадешь время, – стоит на своем черт.

– Да как же я краду? – удивляется портной.

– А вот так и крадешь, – отвечает черт, – потому что короткими нитками шьешь.

И пошел черт к хозяину:

– Твой портной, – говорит, – у тебя время крадет и шьет медленно.

А вот я бы в два раза быстрее пошил.

Стал хозяин портного ругать. Не понравилось это портному, позвал он черта:

– Покажи, как это ты вдвое быстрее шить будешь.

– Ну и покажу, – отвечает черт, – только ты должен скроить из одинаковой материи два одинаковых кафтана.

Пошли они к хозяину и договорились, что он даст материал на два кафтана. Портной скроил кафтаны. Условились они начать шить в одно время. Вдел черт в иголку нитку длинную-предлинную, а портной вдел короткую. Вот портной сидит и шьет, только нитку за нитку в иголку вдевает, а черт все одной шьет. Как проколет материю иголкой, так из избы на улицу выбегает, чтобы нитку протянуть. А нитка путается, никак черт с ней не справится.

Сшил портной кафтан и спрашивает черта:

– Ну, кончил ты уже шить своей длинной ниткой?

Черт головой качает:

– Нет, не трать ты время, когда короткими нитками шьешь.

С тех пор черт никогда не говорил, что портной от работы бегаёт.

Черт и охотник

Отправился однажды охотник на охоту и вдруг встретил черта. Увидел черт у охотника ружье и спрашивает:

– Ты зачем эту штуковину с собой таскаешь?

– А это трубка моего деда, – ответил охотник.

Пристал черт к охотнику: дай и дай ему из такой трубки затянуться.

Согласился охотник. Насыпал он пороху и дроби и говорит черту:

– Ну, готовься, сейчас покуришь, только рот открывай пошире.

Сунул черт дуло в рот, а охотник спустил курок. Черт еле на ногах удержался.

– Ну и трубка! – говорит. – Только мне курить расхотелось.

И пошли они каждый своей дорогой. А черт с тех пор больше не просил покурить ни у кого, все про дедову трубку вспоминал.

Умные артисты

У одного крестьянина в амбаре завелись черти, и никак не могли их оттуда выгнать. Как-то ненастным вечером постучали к нему в дом два бродячих артиста и просят переночевать.

– В дом я вас пустить не могу, – говорит хозяин. – Если хотите, ночуйте в амбаре, только там по ночам черти собираются.

Взяли они у крестьянина мешок и пошли в амбар. Там распорол мешок снизу и оба в него влезли, да так, что с концов из мешка головы торчали. Легли и заснули. А около полуночи – вдруг шум, возня. Целый амбар чертей набился. Вдруг один из чертей увидел мешок и позвал остальных чертей.

Собрались черти, удивляются: что это за зверь с двумя головами? Никак понять не могут. Послали трех чертенят в пекло к самому старому черту за советом. Привезли они его. А он такой старый, что труха с него сыплется, а глаза ничего не видят почти. Поглядел черт на мешок и говорит:

– Много в жизни я повидал, много где побывал, но такого чудного зверя не видел. Погубит он наше племя, бежать надо отсюда!

Бросились вон черти, только звон пошел. И с тех пор больше их в амбаре не было, да и во всей деревне их не видели с того времени.

Глупый черт

Пас как-то паренек у озера свиной. Сидит на берегу и веревку вьет. Вдруг видит: черт из озера вылезает. Спрашивает его черт:

– На что тебе эта веревка?

– А я ею черту рыло стяну! – отвечает паренек.

Испугался черт:

– Неужели ты такой сильный?

Прикинулся паренек, будто рассердил его черт:

– Вот я тебе покажу, какой я сильный! Ишь, выспрашивать вздумал!

Сейчас озеро затяну и глотку тебе перевяжу!

Испугался черт, молит не делать этого. Расхрабрился паренек, стал черта гонять, плясать заставил: пусть силу свою покажет.

– Да я лошадь подниму, – расхвастался черт.

– Вот невидаль – поднять лошадь! – смеется паренек. – А я вот что сделаю: зажму лошадь меж ног и обегу вокруг озера – вот это сила!

Слушал черт, но не верит. Тут паренек вскочил на лошадь, стукнул ее в бока пятками и обехал вокруг озера. Опешил черт: надо же, есть, значит, на свете и посильнее его.

Легенды и предания

Христианские легенды

Суд святых

С нетерпением ждали крестьяне весеннего Николу. Зимний запасный корм весь вышел. Скот голодал. По примеру прежних лет выгнали скот на подножный корм в день весеннего Николы. Но обманулись: травы не вышло. Думали, думали мужички и решили, что виноват во всем Никола и что следует на него подать прошение Богу. Подали. Получил это прошение Бог, позвал для объяснения Николу.

– Почему ты не выгнал травы крестьянам? – спросил он Николу.

– Я тут ни при чем, – ответил Никола, – вина в том Егория, если бы он дал дождь, я бы выгнал траву, а без дождя это невозможно.

Сейчас же был позван Егорий. Он явился. Бог сказал:

– Мужики жалуются на Николу, что он не выгнал травы, а оказывается, виноват в этом ты, а не он. Почему же ты не дал дождя в свое время?

– Причина тут не во мне. Все делается по порядку. Засори Дарья прорубь в свое время, был бы и дождь в свое время.

Позвали Дарью на допрос. Дарья не признала своей вины.

– Моей вины тут нету. Все дело в Алексее. Он не дал с гор потока в свое время. Как же я могла засорить проруби?

Позвали на суд Алексея.

– Почему ты не дал потока с гор в свое время? – спросил Бог Алексея.

– Я в том не виноват, – ответил Алексей, – запоздал в своем деле Василий. Он не дал в свое время капели, а без капели потока не сделать.

Василий тоже не признал себя виновным.

– Капель от тепла, а где было его взять, если Авдотья не плющила*.
Виновата Авдотья.

Нашли Авдотью, привлекли ее к ответу по иску мужиков, а та отвечала:

– У меня не одно дело, что только плющить. На моих руках кросна и тканье. Если бы было на руках одно дело, я не запоздала бы и плющить в свое время. А тут как раз пришлось ставить кросна в Пудоже.

Виновных, таким образом, не находилось. И было на суде у Бога постановлено: оставить прошение без последствий.

Притча про Илью

Вот ходят в церковь, просят:

– Господи, пошли дождичка. Дождика нету, и сейчас надо дождика...

Вот пойдут в церковь.

Ну? До Бога дошла молитва, что просят дождика-то?

Пошли. Ну, Бог услышал все-таки. Значит, ждут дождика. И звонит, телефон берет, звонит Ильи. А Илья-то... гремит-то, он дождика посылает. Вон передают каждый день: кратковременный дождь, гроза. Ну, вот он...

А Илья-то недослышал, под глушинку уже стал, старый, как и я вот... старше... ему старше... ему уже, может, миллион лет. И давай поливать, где просят... Илья-то, Бог-то ему дал указание. А он недослышал, давай поливать где косят. Там дождя-то и не надо. Да... уже сено. А он, значит, поливает, где косят.

Ну вот. Просят дождя. Дошла до Бога молитва. А Бог звонит Ильи:

– Илья!

Тот:

– Что?

– Полей, где ждут дождика-то.

А тот недослышал, давай поливать, где жнут. Вот и полил.

Божья награда

Жил бедный мужик, а другой брат был богатый. Он работал продавцом. Пасха приходит, а денег нет. Пришел к богатому брату:

– Дай в долг пять фунтиков муки.

Брат не дает. Пошел к матери и говорит матери:

– Есть шесть копеечек, пойду в церковь, куплю две булочки по три копеечки.

* Авдотья (Евдокия) – Евдокия Плющица-подмочи порог – 14 марта, день, который по народному календарю открывал весну, начинались первые оттепели. По этому дню определяли, какими будут весна и лето, каков будет урожай. «Коли курочка в Евдокеи напьется, то и овечка на Егория (6 мая) наестся»; «Во что Евдокеи, в то и 3-й Спас». «Плющить», то есть топить снег, чтобы текли струи (Даль В. И.).

Приходит домой, принес.

– Давай, бабка, сядем и поедим.

Приходит старичок, по миру ходит.

– Садись, дедушка, вместе съедем булочки.

А этот старичок был Бог. Ходил по земле. Он говорит:

– Открой, бабка, печку.

Открыла, а там сдобные булки, пасхи.

– Какие вы хорошие люди, купили две булочки и меня садите. Приходите ко мне в гости.

Карета золотая приехала, и вещи их увезли. Он показал им, как на том свете жить хорошо. А брата показал, что ему на том свете в котле кипеть.

Бедному дали три драгоценных камушка. Он пустился домой и положил их на божницу. А брат узнал и пришел просить. Бедный говорит:

– Милостыни попроси.

Тот попросил. Один камень дал. Второй раз попросил. Потом всё и выморщил.

Уехал на корабле богатый за товаром. Началась буря, его и утопило.

Легенды о богатырях и силачах

Иван Лобанов на Архангельской пристани

Вот Ванька Лобанов был в Архангельске. Он к пристани торопится, летит – поспеть не может. Капитан глядит:

– Ничего, какой-то мужик бежит, можно отчаливать, ладно.

Одежда простая у Ивана: он бурлак.

Лобанов за трос ухватился – еще не успели отдать концы, как он ухватился:

– Теперь подождете, не уедете!

Пароход даже трубой по воде ударил, – наклонился очень.

– Ох, я Ивана Лобанова не узнал! – говорит капитан. – Оплошал я!

Поди-ка не узнал он... Все Ваньку Лобанова знали! Загордился тот капитан: на голове «капуста», а в голове-то пусто!

Потом-то Лобанова из артели сманили в цирк. Он борцом стал, по циркам боролся. Наедут приезжие силачи. Всех поборет. Придет в артель:

– Вот, братцы, поборол! Гуляем!

Коням не под силу

Ефим Стрелков был, была у него сила. Ехал он с дегтем. А у нас солонцы есть, там и ехал. Телега ушла в ил. Два коня было. Он их хоть

бы прутиком шевельнул, так нет: сапоги снял, гачи заскал*, в ил полез, коней отпряг. Сам запрягся, телегу на гриву и выпер. А там один сеял на гриве. И говорит ему:

– Ефим, а Ефим! Конишек пожалел?

– Где уж им, батюшкам! Это мне под силу, а им не под силу. В возки бегали, гати шли. Один год кормов нету-ка.

Ефим Стрелков ребятам говорит:

– Езжайте-ка вперед, а я помаленьку поеду, кони слабы.

Только они скрылись, пять коней выпряг, за возок привязал, сам запрягся. Другой дорогой бежит, везет. Дело было к вечеру. Они в ночь к Бабкину заезжают, Бабкин был дворик – заезжий двор держал. А он уж там – на этом дворе.

– Дядя, Ефим! Ты это как?!

– Да так, помаленьку.

Силач Иван Носков

У нас тоже в деревне были силачи и очень сильные. Вот были два брата. Дмитрий и Илья. Дмитрий тот на войне был ранен, Илья дома жил. А потом как стал пахать, а лошаденки те все раньше были худые, худые, худые. Он поедет сохой пахать, а лошадь падает. Он ее нукнет** – не встает. А потом возьмет, да станет, да за задние ноги, да за передние, да ее повернет себе на плечи, да понесет домой. Принесет, поставит: она станет, опять стоит. Вот так мы и жили раньше, все лучина была...

Была девочка

Тринадцатилетняя девочка была. Ребятишки играли. Один мальчик пообидел – она схватила шапку, за бревно плечом подхватила избу и шапку под бревно положила. Все тут собрались, мальчишка-то ревет.

А она:

– У, да уж не могут шапку достать!

Опять плечом подхватила и вытащила шапку.

Исторические предания

Петр I и солдат

Это было давно. Были мы или не были? Мне, кажется, что нас в то время не было.

* Гачи заскал (*диал.*) – портки засучил.

** Нукнет (*диал.*) – понукает.

В одном небольшом городке стоял Второй драгунский полк. Это было в воскресенье. Пошел солдат в увольнение. Идет солдат по городу, любителю на дома и вспоминает свою деревенскую жизнь. Солдатская служба тогда была тяжела. Служили двадцать пять лет.

На перекрестке двух дорог стоял кабак. Посчитал ресурсы в своем кармане и решил зайти в кабак. Заходит в кабак, в кабаке беспросветный дым и брань. Выбрал себе местечко в уголку.

– Кабачник, идите-ко сюда.

Кабачник подходит:

– Что вам надо, служивый?

– Принесите мне чарку водки и закусить курочку жареную.

Кабачник быстро исполнил просьбу солдата.

Принес ему чарку водки и курочку жареную. Солдат выпил, закусил, еще больше того задумался. Стал вспоминать мать, отца, невесту. Чуть-чуть захмелел.

– Кабачник, идите сюда.

– Что вам нужно, служивый?

– Принесите мне то же самое: чарку водки и курочку жареную.

Выпил, закусил, изрядно захмелел.

– Эх, в голове-то у меня много, а в кармане не шиша. Кабачник, иди-ко сюда. Принеси мне чарку водки и закусить что-нибудь.

Кабачник принес чарку водки, кусочек хлебца и половинку соленого огурца. Солдат выпил, закусил, рассчитался с кабачником и вышел на улицу. Ночь была светлая, морозная. И рассуждает сам с собой:

– Вот в голове-то у меня много, а деньги-то я все извел.

В это время шел Петр I:

– Здорово, солдат, здорово! Ты что не узнаешь меня?

Петр I был высокий. Поднял солдат голову и говорит:

– Видно, что рожка-то знакомая.

– Как же так, в одном полку служим, и ты не знаешь меня? Ну да ладно. Я слышал, о чем-то ты здесь разговариваешь.

– А тебе-то что? Я вот что говорю – в голове-то у меня много, а в кармане нет ни шиша.

– Послушай, солдат, если ты мне ответишь на три вопроса, я угощу тебя.

– Ты, меня? Дурак!

– Ей-богу, угощу.

– Ну давай.

– Скажи мне, солдат, далеко ли до синего неба?

– Далеко ли, близко ли, высоко ли, низко ли, никто не мерил.

– А ты вот звезды видишь?

– Ну, вижу.

– А луну?

– Конечно, вижу.

– Раз все видишь, так не так уж и далеко. Молодец, солдат, обязательно угощу тебя. А скажи мне, солдат, велика ли матушка Русь?

– А ты видишь, где солнце всходит и где заходит, тоже видишь?

– Ну, конечно, вижу.

– Так вот – наша матушка Русь.

– А скажи мне солдат, глубоко ли синее море?

– Смешно, чудак! Мой тятенька двадцать лет ушел мерить и до сих пор не вернулся.

– Пошли в кабак.

Петра I все знали. Уступили ему хорошее место в кабаке.

– Кабачник, принеси по чарке водки и по жареной курочке.

Кабачник быстро исполнил их просьбу, принес им по чарке и закусь по курочке жареной. Выпили, закусили. Солдат совсем охмелел.

– Солдат, я бы еще тебя угостил, да у меня денег с собой нет.

– Я говорил, что в голове-то у меня много, а в кармане нет ни шиша?

– Послушай, солдат, давай твою саблю заложим до утра.

– Ты что с ума сошел?!

– Нет, ей-богу, утром в восемь часов сабля твоя будет на месте.

– Ну ладно, давай, кабачник, принеси нам по чарке водки и закусь по курочке жареной, вот тебе сабля до утра.

Они выпили, закусили. Петр I пошел на квартиру. А солдат отправился в казарму. На другой день в восемь часов утра Петр I назначил смотр Второму драгунскому полку. Хватился солдат, а сабли-то нет. Побежал солдат к столяру.

– Слушай, друг, выручай, сделай мне деревянную саблю. Вот тебе один рубль на чай.

Столяр быстро сделал деревянную саблю, и солдат становится в строй.

Проходя по рядам, Петр I узнал солдата.

– Солдат Второго драгунского полка четвертой роты второго взвода, три шага вперед, выйти из строя.

Солдат вышел из строя.

– Офицер четвертой роты, три шага вперед, выйти из строя. Солдат, рубите голову офицеру!

– Позвольте, за что рубить такому благородному человеку?!

– Приказываю! Рубите голову офицеру!

Вынимает солдат саблю из ножен и поднимает её кверху:

– Пресвятая Богородица-матушка, если видишь такое издевательство над таким благородным человеком, исделай* ты из стальной сабли деревянную.

Увидела Пресвятая Богородица и переламывает ее. Петр I улыбнулся, подходит к солдату:

– Вот тебе один рубль на чай и вот тебе твоя стальная сабля. Бери ее. Никому больше не отдавай, а защищай свою матушку Русь!

Топонимические предания

Священный крест

У нас в деревне есть крест. Этот крест возили к двум церквям. Привозили всегда на старое место. Старики говорили, что шли татары, и как дошли до этого места, они не могли сдвинуться с места. Этот камень отшлифованный. На нем выбили крест. Был увезен в деревню Локоцко и Ламерье. И обязательно привозили на место. Он и сейчас там.

Золотая гора

Есть гора. Ее называют Золотой. Говорят, что у татар было очень много золота, и они зарыли в эту гору его. Люди находили отдельные золотые монеты, но точно никто не знает, где место, то есть клад золота.

Деревня Брагин Остров

Деревня Брагин Остров названа в честь помещика Брагина, в чьи владения входила много лет назад, еще в период крепостного права. Она находится на небольшом острове, окруженном с двух сторон двумя речками и с третьей стороны болотом. Образовалась деревня еще до того, как стала усадьбой Брагиных. Из двух деревень Чапово и Карпово, которые были разрушены и смешаны с землей рыцарями Ливонского ордена. По этому поводу существует легенда.

Смерть рыцарей

После уничтожения деревень Чапово и Карпово отряд Ливонских рыцарей двинулся в сторону Новгорода. Где-то на пути им попался собор (или церковь). Они стали грабить этот собор (церковь), срывать

* Исделай (*диал.*) - сделай.

и топтать иконы. Вдруг через несколько дней все заболели странной болезнью и в течение трех-четырех дней все умерли.

Речка Псижа*

Есть на свете деревня Березовка. Много веков стоит она. Рядом с ней располагаются и другие небольшие деревеньки. И протекает в Березовке маленькая речушка Псижа. Была когда-то она речкою без названия. Но случилась вот такая история.

Недалеко от этой речушки протекала речка Юноша. И решил он покататься к речке. Прибежал Юноша к ней, но она спала. Так как была она тихая и спокойная, а Юноша был буйный, веселый. И стал он ее будить. Будил год, будил два, не просыпается речка. Надоело ему будить ее, и сказал он: «Ну, и спи же». А люди переставили «с» и «п» и получилось название реки Псиже, и тогда заменили они «е» на «а» и вышло Псижа. Вот такая сказка.

А Псижа до сих пор спит, так и не разбудил ее никто.

Деревни Радоль, Ягайлово, Глебово и Святое Поле

Существуют легенды, что когда-то, еще во времена Киевской Руси, в деревне Ягайлово стояли войска литовского князя Ягайло, позднее перешедшего на русскую сторону. У деревни Глебово – войска русского князя Глеба. Глеб решил зайти в тыл Ягайле. Скрытыми путями он дошел до местечка Святое Поле, там совершили молитву. В районе Горчи перешли речку и напали на тылы князя Ягайло. В районе деревни Радоль войска Ягайло были разбиты, а со стороны русских – полная победа.

Святое Поле – место совершения молитв. На местечке Радоль – деревня Радолец (Радоль) – радость победы. Озеро и речка, расположенные недалеко от деревни Радолец, называются Радоль.

* Псижа – река, протекающая в Волотовском районе Новгородской области.

Прибаутки, докучные сказки

Сказка-миказка

Сказка-миказка,
Михеева рогозка.
Михей в квашни,
Никто никшни.

Жил-был царь

Жил-был царь,
У царя был двор,
На дворе был кол,
На коле – мочало.
Не начать ли сказку с начала?

Сивенький сивочек

– Сивенький сивочек скачет, как овца.
Не сказать ли тебе сказочку с конца?
– Сказать.
– Сивенький сивочек скачет как овца.
Не сказать ли сказочку с конца?
– Сказать.
(И так далее.)

Я сидел на пню

Я сидел на пню, хлебал лепню. – Уж ты, староста-судья,
Подошел ко мне татарин, Рассуди наши дела!
Меня по уху ударил. – А каки ваши дела?
Я татарина за грудь – – Я сидел на пню...
Прямо к старосте на суд. *(И так далее.)*

Сказки из коллекции Сергея Ивановича Долженко

Публикуемые ниже тексты записаны в Новгородской области в 60-е годы. К сожалению, не все тексты имеют идентификационный паспорт. Это «Василий-лесник», «Сказка о солдате», «Дни недели», «Ивашка Красная рубашка», «Догада».

Сказка «Глинушко» записана в Новгородской обл., ст. Оксочи, Окуловского района, 15 января 1967 г., от Куклиной Анны Никандровны, 67 лет, колхозницы, пенсионерки.

Глинушко

Жил-был старик да старуха. У старика и старухи никого не было. Старик и говорит:

– Старуха, никого же у нас нет, дай же мы с тобой хоть из глины сделаем Глинушка.

– Ой, старик, что же у нас получится? Ведь он высохнет.

– Ну и пусть. Глинушко будет стоять, а мы станем смотреть.

И старуха согласилась. Старик сходил, принес земли, намяли ее и стали лепить. Сначала сделали туловище, потом приделали ручки, пальчики, все сделали, как у ребеночка, осталось еще головку прилепить. Стали головку лепить. Сделали головку, уши, ротик. А как глаза вставили, и ребеночек заговорил. Обрадовались старики, стали поить и кормить. Глинушко рос не по дням, а по часам.

И стал проситься на реку рыбку ловить:

– Дедушка, бабушка, отпустите меня на реку рыбу ловить.

– Что ты, Глинушко, тебя Яга-баба съест. Живет она на том берегу с трем дочерям.

Все же выпросился он, отпустили. Проснулся он утром рано и ушел. А бабушка напекла блинов и понесла обед Глинушке. Подходит к берегу, а Глинушко посеред реки на лодке плавает, рыбу ловит.

Вот бабушка и зовет его:

Глинушко, Глинушко,
К бережку, к бережку,
Ко кругу, ко кругу,
Ко крутым бережкам
Да ко масляным блинам.

А Яги-баба все выслушала. Только ушла бабушка, а Яги-баба и кричит жестко:

Глинушко, Глинушко,
К бережку, к бережку,
Ко кругу, ко кругу,
Ко крутым бережкам
Да ко масляным блинам.

Глинушко говорит:

– Это не моя бабушка, бабушка не так поет.

Яги-баба подождала, под вечерок пришла и опять запела потоньше. Спела так же. Он послушал.

– Это бабушка поет.

Подплыл к ней на лодке – она и цап Глинушко в ступу, пестом погоняет, помелом след замечает. Приехала домой, говорит старшей дочери:

– Сажень дров истопи да и Глинушко испеки.

Вот она и носит сажень дров, топит Глинушко жарить. Истопила и зовет Глинушко:

– Давай выходи, садись на лопату.

Глинушко пришел, сел на лопату. Одну ногу – в пол, другую – в потолок, одну руку – в чело, другую – под шесток.

– Ой, Глинушко, неладно сел.

– А ты сядь-ко сама, поучи-ко меня. А я не умею.

Она села, ручки сложила. Он ее и швырь в печку, и сам на то же место сел, где посажен был.

Едет Яги-баба в ступе. Пришла и говорит:

– Фу, фу, фу! Русским духом пахнет. Глинушко съем.

И сразу в печку. Ест и косточки все на пол кладет. Съела и приговаривает:

– А покатайся, поваляйся на глинушковых косточках.

А он ей говорит:

– А покатайся-ко, а поваляйся-ко на дочериных косточках.

А дедушка да бабушка дома плачут. Пройдет бабушка на реку, плачет, плачет, покричит – а Глинушка нет.

А Яги-баба рассердилась, говорит средней дочери:

– Истопи две сажени дров и испеки Глинушко.

Вот она и топит. Истопила, опять зовет Глинушко. Опять сажает его на лопату. А Глинушко опять так же сел: одну ногу – в пол, другую – в потолок, одну руку – в чело, другую – под шесток.

– Ты, Глинушко, не так сел.

– А как? Я не умею. Сядь-ко сама, поучи-ко меня.

Она села, ручки-ножки сложила, он ее и швырнул на лопате, заслонкой закрыл, сам на свое место сел. Опять Яги-баба домой едет жареного Глинушко кушать, только ступа гремит.

– Фу, фу, фу! Русским духом пахнет. Съем да поем жареного Глинушко.

Печку открыла, стала кушать, косточки на пол складывать. Поела и говорит:

– Покататься, повалиться на глинушкиных косточках.

– Покатайся, покатайся на дочериных косточках, – говорит Глинушко.

Вот она и заревела и говорит младшей дочери:

– Три сажени дров истопи, а Глинушко испеки.

Она и топит. Истопила и Глинушко опять зовет:

– Ну, Глинушко, давай иди, садись на лопату.

Он опять так же сел. Она пихала, пихала - никак не пихается.

– Глинушко, не так садись.

– А ты сядь-ко сама, поучи-ко меня.

Она села, ручки-ножки сложила. Он ее и швырк в печку, заслонки закрыл, сам на свое место сел.

Едет Яги-баба домой.

– Фу, фу, фу! Русским духом пахнет. Теперь-то я уж поем Глинушко.

Сейчас идет к печи, садится и ест, а косточки на пол откладывает. Ела-поела, встала и говорит:

– Покататься, повалиться на глинушкиных косточках!

А Глинушко и говорит:

– Повалайся-ко, покатайся-ко на дочериных косточках.

Она – Яги-баба, а Глинушко хитрее ее. Вот уж тогда она и заревела:

– Теперь я сама четыре сажени истоплю и Глинушко все равно испеку.

И взялась топить. Истопила четыре сажени дров, а Глинушко испугался. Как еще Яги-бабу сжарить?

Она положила лопату на шесток и говорит:

– Ну, выходи, Глинушко, иди давай.

Глинушко пришел.

– Садись на лопату.

Он сел: одну ногу – в пол, другую – в потолок, одну руку – в чело, другую – под шесток.

– Неправильно сел, Глинушко.

– А как? Я не умею. Сядь-ко сама, поучи-ко меня.

Она села, ручки-ножки сложила. Он её и швыркнул в печку, заслонку припер. А сам пошел искать. В подполье ушел. У нее в подполье медницы (деньги), две хлебницы (лукошко для хлеба), серебра два ведра, а золота – корчага (сосуд варить пиво). Он это сгреб, в мешки вывалил и понес домой.

А дедушка и бабушка его и живым не считали. Пришел домой. Дедушка и бабушка обрадовались. Глинушко стали миловать, целовать.

И зажили богато.

* * *

Сказка «О Фоме Брендакове» записана в Новгородской обл., дер. Берёзовка, Волоотовского района, 15 ноября 1961 г., от Васильева Ивана Васильевича, род. в 1875 г., крестьянина, первого председателя Березовского колхоза.

Сказка о Фоме Брендакове

Не в тридевятом царстве, не в тридесятom государстве, не за синими морями, не за высокими горами, а на нашей земле русской, в небольшой деревеньке жили-поживали и уже свой век доживали старик со старухой.

Мало утешного было в их жизни, и одна лишь отрада у них была – их сын Фомушка.

Время от времени веселил он их своими выдумками, которые шли, как они считали, из его неразумной головы.

А Фома и вправду был немного дурковат. Все в деревне называли его не иначе как Фома Брендак – меньшей дурак. Посылает однажды отец Фому возить навоз на поле. Разбудила мать Фому, как только зорька взошла. Снарядили ему кобыленку, сел Фома и поехал. Едет он, а сон так и одолевает Фому. Ехал он, ехал да и закимарил. Вдруг чувствует, будто кто его иголками колет, да не двумя, не тремя, а тысячи таких иголок впились и в руки, и в лицо, и в шею. Встрепенулся Фома, открыл глаза и видит: налетела на него туча комариная несметная. Вскочил Фома, бросился к раkitному кусту, что рос у дороги, выломал прут – и ну хлестать направо и налево. Всех комаров сокрушил. Добил он последнего комара, что сел прямо ему на нос и вздохнул, как после боя ратного, тяжелого.

Глядит Фома на побитую комариную рать и радуется:

– Вот я какой богатырь. Поеду-ка я с врагом воевать.

А в ту пору стонала русская земля от несметной вражеской силы. И прошел по Руси клич царя. Найдется ли три таких богатыря, которые

сразились бы один на один с вражескими богатырями? А было этих богатырей трое. Кто выдержит первый поединок, тому царь полцарства отдаст, кто второй поединок выстоит, тому царь сундук с золотом даст, а кто третий поединок выстоит, тому посулил царь младшую дочь в жены. А звали меньшую дочь не иначе как Аленушка Красное Солнышко. Сказывали, что кроме ее не было на свете девушки.

Свез Фома по-быстрому навоз и приехал домой. Спрыгнул с телеги – и быстрее в избу да к отцу в ноги:

– Отпусти, – говорит, – тятя, воевать с вражиной проклятой.

Глядит на него отец и думает:

– Опять Фома выдумал несусветицу своей пустой головой.

Говорит он Фоме:

– Куда тебе воевать. Тебя и комар убьет.

Как вскочил Фома, да как начал махать руками по всем сторонам, рассказывая, сколько он комаров побил, сколько крови комариной выпустил. Отец опять его поучает:

– Так то ведь комары, а там – богатыри, да они тебя перстом раздавят.

И слушать ничего не хочет Фома, твердит одно:

– Поеду, поеду воевать.

Махнул отец рукой, крикнул и молвит:

– Езжай, но на отца с матерью не пеняй.

Напекла мать Фоме лепешек, снарядила его в путь-дорогу. Разбудила Фому, когда еще солнышко красное не взошло. Выехал он со двора, оглянулся на свою старую избенку и поехал путем-дорогою.

Вот едет Фома день, едет другой – не видать ни конца, ни края. В полудне третьего дня увидел Фома вдали большой камень, что стоял на сухресте дорог-дороженек. Видит – написано на камне на том: «Вправо поехал великой русский богатырь Илья Муромец, налево поехал Алеша Попович». А Фома Брендаков написал углем, который он нашел на лепешке: «Прямо поехал хрестьянский сын Фома Брендак».

Едет Фома дальше. Солнышко палит, кругом – степь-степушка неоглядная. Под вечер третьего дня увидел он вдали огоньки. Подъезжает ближе, видит: костры горят, вокруг люди сидят. Не поехал Фома к самым кострам. Пустил он свою лошаденку в господский овес, подложил шапчонку под голову и уснул под кустом.

Наступило утро. Слышит Фома сквозь сон – трубы играют. Проснулся. Глядит, вокруг много воинов стоят. Спрашивают:

– Кто ты, добрый молодец? Откуда?

Отвечал им Фома:

– Я – Фома Брендак, хрестьянский сын.

И рассказал им, как расправился он с тучей комариной. Стоят воины, чуть от смеха не лопают, за животы хватаются.

– А где ж твой конь? – спрашивают его.

– Мой конь пасется, – сказал и пошел ловить свою кобылицу.

В первый день должен был сразиться с врагом Илья Муромец. Долго бились богатыри, а все ж не выстоял враг, сдался чертов вражина русскому богатырю. Побил его Илья Муромец.

Во второй день бился с врагом Алеша Попович. И опять не устоял вражий богатырь. Приходит черед Фоме Брендакову стать на поединок с врагом. Тут-таки и струхнул малость Брендак, но не кажет виду. Приказывает, чтобы завязали ему глаза тряпицей. Обозленные враги напутствуют своему богатырю:

– Делай все так, как русский делает, русский хитрый.

Вот выезжают два врага навстречу друг другу. Едет вражеский богатырь на огромном белом коняге. Под копытами земля дрожит, искры вылетают. Сидит Фома Брендак на своей лошаденке с завязанными глазами, малость трусит, но вида не дает. Видит вражий воин, что у русского глаза завязаны, и он приказывает завязать ему глаза. Долго стояли враги в раздумье. Надоело Фоме сидеть:

– Дай, – думает, – взгляну, что делает мой вражина.

Отогнул он повязку чуть-чуть и видит: сидит он, и глаза завязаны. Смекнул Фома, к чему дело клонится. Подъехал он тайком к вражине, схватил тесак и – р-раз – отсек ему башку, слез он со своей лошаденки, взял под уздцы вражеского конягу, подвел его к огромному дубу, что рос в поле. Привязал его (коня) к дубу, забрался на дерево и – ух, – перекрестившись, спрыгнул на конягу. Рванулся конь-ти, вырвал дуб с корнем, и пошел тут Фома крошить войско вражье. Все побил.

Пришло время ехать богатырям к царю за обещанными подарками. Подъехали они ко дворцу. Вышел царь и спрашивает:

– Гей, молодцы, кто из вас выстоял первый поединок – подходи ко мне.

Вышел Илья Муромец, поклонился низко царю.

– Дарую тебе полцарства, – промолвил царь.

Вынесли потом сундук с золотом, и вызывает царь Алешу Поповича. И его вознаградила царь-батюшка. Пришел черед Брендаку получать свой дорогой подарок – Аленушку Красное Солнышко. Вышла она на крыльцо, поклонилась Фоме, взяла его за руку и отправилась с ним в деревню, где жили его старики. Сыграли они свадьбу богатую да веселую.

С тех пор стали говорить о Фоме в деревне:

– Фома Брендак уж не такой дурак.

Стал он уважаемым человеком в деревне.

* * *

Сказка «Иванушка» записана в Новгородской обл., дер. Выдогощь, Новгородского района, от Кузьмичева Ивана Федоровича, колхозника.

Иванушка

Жил старик со старухой. Было у их три сына. Два остались в деревне жить, а Иванушка-дурачок переехал на хутор. Переехал и задумался, чем жить. Вот купил на базаре кобылицу. Привел кобылицу с базара и разослал слух, што кобылица деньгами справляца. Люди узнали. Тогда ходили священники по приходу, службу служили.

Приходят к Иванушке. Отслужили службу и спрашивают:

– А што, Иванушка, правда у тебя кобылица деньгами справляца?

Он отвечает:

– Да, да, батюшка, есь, могу показать. Присядья, посидитя.

А Иванушка пошел, дал клеверу кобылице, напхал зарань в зад серебра и приглашает попа, дьячка и пономарничка. Поставил скамейку, сели. Постлал кобылице коврово одеяло (сшиты три полотнища домотканых половиков). Сидят, ждуть. Кобылица ела, ела – и повалило серебро.

– Вот, батюшка, на ваших главах живы деньги сыплюцы, – говорит Иванушка.

Поп, дьячок и пономарничок стали просить продать. Иванушка отказываце стал:

– Не, не могу.

Оны пристають продать.

– Ладно, раз наши наставники – продам, – согласился Иванушка.

Продал за 300 рублей. Едут домой с хутора поп, дьячок и пономарничек. Дорогой говорят:

– Кто первой возьмет кобылицу?

Порешили:

– Вы, батюшка, первой, как самый старшой.

Дома батюшко отпрёк коня своево, поставил во двор кобылицу. Наложил клеверу, положил коврово одеяло, поставил скамелечку, сел и ждет, когда деньги посыплюца. Кобылица ела-ела – навалила ковер, а денег – нет. Думает:

– Зо мошенник, обманул.

Молчит, другим не говорит. Приходит дьячок и опрашивает:

– Есь што?

Отвечает:

– Есь.

Взял дьячок кобылицу, такжо сделал, у тово тоже нет деняк. Пономарничок взял себе кобылицу и тоже ничево нет. Собрались все трое и говорят:

– Да мошенник обманул. Поедем шас, отругам.

Приехали:

– Ты што же нас обманул?

– Что ты, батюшка, на ваших же глазах деньги сыпались, сами видели.

Ставит хозяйка самовар. Чаем будем поить гостей.

– Што ты, Иванушка, оны ругают, а ты чаем поить?

– Ставь, – говорит он, хозяйка отказываца. Он хватъ ножык из-за пазуху, пнул хозяйки. А в ей мочевоу пузырь с кровью там. Кровь брызнула, она – хлоп – и лежит.

Попы испугались. Иванушка три раза стагнул хлыстиком, она и спрашиват:

– Што, Иванушка, делать?

Попы думают:

– Што такое?

Иванушка говорит:

– Вот смотрите, какой хлыстик.

Стали просить продать хлыстик.

– Ну, што ж, продам хлыстик, – согласилсы Иванушка.

Купили они, уплатили 30 рублей. Едут домой и опять договариваюца, кому первому.

– Вы, батюшка, первой, чин больше.

Приехали домой. Поп лошадь отпрег и начинает хозяйке приказывать ставить самовар. Та отказывоца:

– Ночь ужо, дети спят.

Поп и катнул ножом до сердца. Видит – лежит. Взял хлыстик, бил, бил – лежит, не шевелица. Стал трясь – всем туловицом трясеца. Схватилси за волоса:

– Ведь зарезал.

Прибрал все, сидит. Дьячок так же сделал и пономарничок. Собрались все трое к попу – жен зарезали. Разозлились.

– Ну, теперь никакой пощады не будет, – решили они.

Приезжают к Иванушке и говорят:

– Ну, теперь уьем.

Иванушка спрашиват:

– А за што?

– Так вот жен зарезали и тебя уьем.

Иванушка предлагает, как ево убить, штобы оны не виноваты были.

– Вот возьмите кульё (соль раньше клали в мешки из мочала шесть пудов), меня да куль – и концы в воду.

Тыи обрадовались. Сели на дровни и поехали к реки Иванушку топить.

От Иванушкинова хутора до реки версты три, а дорога шла берегом реки. Подъезжают к реки, дело зимой, а пролуби замершы. Поехали все трое за топором назад в деревню. А Иванушка в кулю осталсы на льду. Холодно, ворочаца. В то время едет барин и поет песенки:

Живу я богато
Живу хорошо,
А как бы богатцва
Найтить бы ишо

И вдруг лошадь шарахнулась. Видит: шевелица што-то. Спрашивает:

– Кто здесь?

– Я – Иванушка, – отвечает дурачок.

– Ты што здесь? – спросил барин.

– Да вот иду за богатцвом.

Барина заинтересовало и просит:

– Отдай мне твое богатцво.

– Хошь, так залезай в куль. Я завяжу и в пролубу опушшу.

Барин согласилсы. Выпустил Иванушку, сам сел в куль. Иванушка ево завязал, пробил лёд и опустил в пролубу, сам сел на бариновых лошадей и в деревню. Подъезжает к поповну дому. Поп, дячок и пономарничок удивились:

– Как ты вернулся?

А тот отвечает:

– Не успел я окунутца, как на пары мог вернуца.

– А как бы и нам так?

– Садитесь в кулье.

Приехал Иванушка к реки и опустил всех троих в пролуб. А Иванушка живет-поживает да добра наживает.

* * *

Сказка «Ох» записана в Новгородской обл., д. Бронница, Новгородского района, от Тарасовой Марии Сергеевны, род. в 1889 г., колхозница-пенсионерка.

Ох

Жили-были старик со старухой в онной деревни и был у них сын. Вот вырос он, пришло время отдавать его в учење. Насушила старуха сухарей в котомку. Взял старик котомку с сухарями, благословила их жена, и пошли они с сыном. Долго идут, закусят сухарем и дале. Через три дня пришли они в большой лес. Видят, в лесу полянка. А устали старик с сыном. Старик и говорит:

– Давай, сынок, посидим да заночуем здесь, а назавтра утром дальше пойдем.

Сын согласился. Снял старик котомочку, развязал и ищет глазам, на что б сесть. А посреди поляны пенек стоял. Подошел старик и стал садитца. А устал с дороги, сел да и тяжело так вздохнул:

– Ох.

Вдруг вокруг пня расступилась земля и перед странниками явился добрый молодец. Высокой, статной.

– Ты зачем меня звал, старик? – спросил молодец грозно.

Испугался старик.

– Я, я никою не звал, – залепетал он.

– Как не звал? А што ты сичас сказал?

– Я только охнул.

– А меня как раз и зовут Ох. А што ты здесь делаешь?

– Да вот сына иду в учење отдавать. Да и не знаю, где возьмут.

– Слушай, старик, отдавай ево мне в учење. Денег я с тебя не возьму. А как пройдет три года, приходи в этот же день за ним, на эту же поляну. Узнаешь своево сына – пойдет с тобой. А не узнаешь – тогда ето на три года останетцы. Если ешшо и на третий раз не узнаешь, то он у меня навсегда будет в работниках.

Подумал старик:

– Неужели свою родную плоть не опознаю?

И согласился.

Взял Ох сына за руку и увел в подземное царство, старик глядь, а сына уже и нет, даже не видно рыхлой земли. Кругом все как и было. Посидел старик, погоревал, что неизвестному человеку сына сдал. Да надо домой идти. Взвалил котомочку и воротился в свою деревню. Рассказал все старухе. Та пожалела, а после успокоилась. Год прошел, второй, третий. Насушила старуха сухарей, собрала старика и наказывает:

– Лучше гляди.

Старик только усмехнулся. Вот пришел он на поляну. Все, как и тогда. Сел старик на пенек и сказал: “Ох”. Расступилась земля. И появился Ох.

– А, это ты, старик. Ну, пойдем со мной.

Привел он старика под землю в свое царство, велел подождать. Через некоторое время повел он ево в комнату, а там сидят в одном ряду двенадцать голубков.

– Вот, – говорит Ох, – найди своего сына.

Стал старик искать, то к одному подойдет, то к другому. Все как один. А Ох поторапливает. Под конец показал старик на онного.

– Нет, не угадал, – говорит Ох.

Нечего делать. Велел Ох приходиться через три года. Вернулся старик домой, рассказал все старухе. Поплакали, погоревали. Вот и ешло три года прошло. Снова старик собрался. Вывел Ох на этот раз двенадцать соколов. Все как один. Опять старик не угадал. Совсем они со старухой затужили. Вот и последние три года к концу идут. Как-то был старик в городе. И решил зайти в чайну. Только подошел, вдруг конь, что был привязан около, заговорил человеческим голосом:

– Отец, это я, твой сын. Скоро превратит Ох меня и моих друзей в коней, а ты должен будешь угадать меня. Так помни, я немного приподниму заднюю ногу. Сразу на меня и указывай.

Только успел конь сказать, как вышел из чайной красивый молодец, отвязал коня, вскочил на него, и только его и видели.

Вот и пришел день, когда надо старику было идти брать сына из ученья. Справился он и пошел. На этот раз вывел Ох перед стариком двенадцать коней. Смотрит старик: все одинаковы. А крепко помнил про то, что у чайной слышал. Пошел он по ряду, смотрит, а у одного коня нога задняя чуть приподнята. Старик быстро на его указал.

– На этот раз ты угадал, – зло сказал Ох.

Дал Ох старику сына. Пришли они домой. Обрадовалась старуха. Рада-радешенька. Живут нелелю, другую. Как-то сын и говорит:

– Надо, отец, нам денег заработать, многому я научился у Оха. Я превращусь в коня, а ты меня веди на базар продавать. Только уздечки не продавай.

Обернулся сын добрым красавцем-конем. Привел старик его на базар. Народу сразу набежал: чудный конь. Кто пятьсот рублей, кто тысячу дает. Вдруг пробрался через толпу красивый молодец:

– Вот тебе, старик, три тысячи рублей, давай коня сразу с уздой.

Старик было хотел сказать, что узду не продает, да в суматохе от радости и забыл. Взял молодец коня, вскочил на него – только его и видели. Пришел старик домой, боитце старухе сказать, что сын не вернетце. А в его время Ох заехал в один дом к друзьям, коня оставил подле дома, крепко привязал. Идет мимо дома девушка, и конь и говорит ей:

– Отвяжи меня, красная девица, и уздечку сыми.

Пожалела коня девушка и отвязала. Почувствовал конь свободу и метнулся в чисто поле. А Ох, очевидно, услышал конский топот. Выскочил из дома, обернулся, ударившись о землю серым волком и стал догонять коня. Вот-вот настигнет. Ударился молодец оземь и стал голубем, взлетел вверх. Тогда и Ох превратился в сокола, вот-вот схватит голубку.

Ударилсе сын оземь и превратился в орла. Да быстрее налетел на сокола. Стали они битце. А орел-то сильнее оказался – заклевал насмерть сокола, ударилсе оземь и стал снова человеком. Пришел к старикам,

рассказал, как он от Оха избавился. А Ох – это был злой колдун. Денег у них стало много, построили они новую избу, сын вскорости женился. И старики с молодыми жили. Може, и сичас ето где живут.

Догада

Пошли один раз мужики в лес, дрова рубить. Пришли они в лес, а в лесу снегу много. Смотрят – кругом снег, а в снегу – дыра, а из дыры пар идет. Думают, думают, что это такое. Думали, думали, не придумали, решили спросить у Догады. Пришли и рассказывают Догаде:

– Скажи, Догада, что это такое – в лесу снег, в снегу – дыра, а из дыры пар идет?

Думал, думал и решил Догада пойти с мужиками в лес. Вот пришли они, а он и говорит:

– Я полезу в яму, а вы меня за ноги держите.

Так и сделали. Держали мужики, держали Догаду за ноги, а потом и говорят:

– Что это такое, сам Догада смотрит, а нам не дает?

Взяли да и вытащили его. Посмотрели, а он без головы. Вспоминали, вспоминали, была ли у Догады голова. Одни говорят – была, а другие говорят – не было. Порешили мужики спросить у жены Догады. Вот пришли они к догадовой жене и спрашивают: «Была ли у твоего мужика голова?» Думала Догадиха, думала, а потом и говорит:

– Голова-то не помню, а бороденка-то болталася.

Так вот он каков, бабий ум!

Ивашка Красная Рубашка

Жила мать, у нее был сын Ивашка Красная Рубашка. Уходила мать на работу, оставляла Ивашку одного дома и наказывала:

– Не пускай никого.

Ушла мать на работу. Приходит Баба-яга к дому и говорит толстым голосом:

– Ивашка, Ивашка Красная Рубашка, открой дверь, я тебе молочка и маслица принесла.

Ивашка отвечает:

– Это не мамушкин голосок, уходи прочь, не открою.

Баба-яга пошла к кузнецу и говорит:

– Кузнец, кузнец, скуй мне голос, как у Ивашкиной матки.

Кузнец сковал голос Бабе-яге.

Она опять пришла к Ивашке и начала проситься в дом. Он ей опять кричит:

– Это не мамушкин голосок, у ней ласковый и тоненький, иди вон.

Баба-яга опять пошла к кузнецу и говорит:

– Кузнец, кузнец, скуй мне в аккурат такой голос как у матки у Ивашкиной, тоненькой и ласковой.

Кузнец снова сковал ей голос такой, как у Ивашкиной матки. В третий раз приходит Баба-яга к дому и говорит тоненьким и ласковым голосом:

– Ивашенька, Ивашенька Красная Рубашенька, открой дверь, твоя мать пришла, молочка и маслица принесла.

Ивашка Красная Рубашка поверил и открыл. Баба-яга вбежала, схватила Ивашку, в котле сварила и съела. Пришла мать Ивашки и горько заплакала.

Дни недели

Шла баба молитца в церкву и встретила попа с дьяконом. Поп и спрашивает её:

– Ты куда идешь?

А баба отвечает:

– В церкву, батюшка.

– А какой сегодня день, разве воскресенье? – спрашивает поп.

– Воскресенье, – отвечает баба.

Поп тогда и говорит:

– А што, дьякон, давай посчитаем, какой сегодня день.

В понедельник коровы ушли,

Во вторник искать пошли,

Среду и четверг искали,

Пятницу пригнали,

В субботу отдыхали,

Ну так, стало быть, дьякон,

Сегодня воскресенье.

Сказка о солдате

Пришел раз солдат к мужику, ночевать просится. Вот мужик и говорит:

– Пуцу, если отгадаешь три загадки, а если не отгадаешь – три щелбана получишь.

Ну что, солдат согласился. Вот вечером хозяин показывает солдату на воду и спрашивает:

– Что это?

Солдат думал-думал, говорит:

– Что? Да вода!

Тут хозяин бац солдата по уху:

– Дурак! Благодать это!

Потом хозяин на огонь показывает, опять солдата спрашивает:

– Ну, а это что?

Солдат говорит:

– Огонь.

Хозяин его опять по уху:

– Дурак! Красота это!

Солдат в затылке чешет, про третью загадку думает. А хозяин на кошку показывает, спрашивает опять солдата:

– А это кто?

Солдат: «Кошка». Тут хозяин и третий раз солдату по уху отвесил:

– Это чистота.

Ну, ладно. Солдат стерпел, лег спать. Утром солдат вышел куда-то, пришел в избу и говорит хозяйину:

– Теперь отгадай ты мою загадку. Если отгадаешь – сам себя и добро свое спасешь.

Вот он и говорит такую загадку:

– Чистота понесла красоту на высоту. Заливай благодатью, не то не видать тебе своей хаты.

Повернулся и ушел. А хозяин сидит на лавке, думает. Тут слышит он, кричат на улице:

– Пожар! Пожар!

Высочил на улицу, видит: двор его горит, а на самом верху кошка бегаёт, кричит. Шерсть у ней горит, она и сарай-то подожгла. Тут-то мужик и понял, какую загадку ему солдат загадал.

Василий-лесник

Жил в лесу в избушке молодой лесник с такой же молодой и красивой женой. Грянула Гражданская война. Ушел Василий (так звали лесника) воевать. Выдали злые люди врагам его жену. Схватили молодую женщину, пытать стали. Да молчала она, не сказала, куда ушел муж. Заперли тогда ее изверги в избе и подожгли крышу. Заживо сгорела женщина.

Дошла молва о дикой расправе до Василия. Зверем сделался. Узнал, кто расправился с женой. Стал искать заклятого врага. И нашел. Коршунном кинулся он на бандита, разрубил пополам шашкой, да и сам упал возле врага, сраженный вражьей пулей. На этом месте сейчас огромная сосна растет. Сказывают люди, будто видели, как поздней ночью отделяется от дерева тень Василия и идет на старое пепелище. А с рассветом возвращается на место.

Заговор
в фольклорном архиве
Новгородского университета

Еще недавно в научной литературе было распространено мнение об исчезновении жанра заговора. Так, в 1977 году Э. В. Померанцева писала: «Заговоры неминуемо уходят из народного быта при угасании веры в их магическую значимость». В 1979 году в предисловии к «Традиционному фольклору Новгородской области» говорилось о том, что такие жанры, как былины и заговор, «прекратили свое существование». По поводу заговоров вывод явно был преждевременным.

Раньше почти в каждой новгородской деревне, а нередко и в каждой семье, были знатоки магических формул. Заговор считали одновременно и спасительным средством, и опасным орудием, так как с его помощью можно было погубить человека. В Новгородской губернии лекарство называлось «вешти», а лечиться – «ворожиться»: «Уж чем-чем ни ворожился, а Господь не прощает грехов, не дает здоровья». В Новгородском областном словаре говорится, что слово «ворожбитъ» (*несов.* ворожить) означает, что лечит не врач, а шептун (знахарь), ворожбит, обращаясь к помощи неведомых сил.

Крестьянин ощущал, что рядом с ним обитают какие-то невидимые, а иногда и показывающиеся существа: домовые, дворовые, лесовые, баенные, полевые. В его представлении от этих существ зависело благосостояние хозяйства, равно как и конкретная жизненная ситуация в доме напрямую была связана с благорасположенностью этих невидимых обитателей, которых надо уважать, не обижать, задабривать, уговаривать и считаться с ними.

Коллекция заговоров в архиве лаборатории фольклора университета обширна. Заговорный материал собирается со второй половины 1960-х годов; последние записи относятся к 2002 году. Самое большое количество текстов было получено из Старорусского, Новгородского, Крестецкого, Боровичского и Валдайского районов. Есть заговоры и из

Хвойнинского, Батецкого, Маревского, Демянского, Окуловского, Мошенского, Маловишерского, Пестовского районов.

Следует учитывать и тот факт, что записывать заговоры чрезвычайно трудно. Это связано, прежде всего, с нежеланием информатора «отдать» магический текст, который в результате, как принято считать, утратит действенную силу. Заговоры передаются, как правило, лишь по кровнородственной, чаще женской линии. Вера в сакральность произнесенной заговорной формулы сохраняется до сих пор. Обычно записать заговорные тексты удается либо родственнику, либо хорошо знакомому человеку, которому заговаривающий человек доверяет.

Людей, знающих заговоры, много. Но знахари, умеющие заговаривать все болезни, встречаются редко. Чаще всего мы имеем дело с теми, кто владеет знанием небольшого количества текстов, а записать от них удается самое большее от 6 до 8 текстов. Правда, можно предположить и другое: что передают только небольшую часть из того, что знают сами, те заговоры, которые не требуют особых знаний и навыков. В архиве имеются личные коллекции, которые насчитывают от 12 до 20 заговоров. Например, коллекции Куприяновой Нины Павловны (запись 1995 года), Федоровой Александры Ивановны (запись 1990 года), Антоновой Майи Кузьминичны (запись 1999 года).

В заговорах архива выделяются три основные тематические группы. Абсолютное большинство текстов относится к лечебным заговорам, направленным на оказание помощи заболевшему человеку. Интересно, что информаторы спокойно делятся ими, называя тексты, условия произнесения, действия, сопровождающие заговор.

Лечебные заговоры широко распространены в Новгородской области. Среди них есть и универсальные, то есть «от всех болезней», от любой боли. Заговоры с такими функциями столетиями являлись важным средством народного врачевания, что, вероятно, отчасти объясняет их распространенность.

Существует мнение о том, что бытование лечебных заговоров связано с недостатком врачей в сельской местности, низким уровнем медицинского обслуживания. Подтверждением тому служат рассказы о «шептунах», которые помогали в тех случаях, когда врачи оказывались бессильными. Однако надо сказать о том, что имеются сведения о «бабках» (так называют женщин, умеющих заговаривать), живущих в Новгороде и пользующих население.

Среди лечебных заговоров выделяются заговоры, призванные обеспечить здоровье ребенка. Знахари избавляли младенца от бессонницы, старались уберечь от всяких болезней. По словам информаторов (Ку-

прияновой Н. П., Алексеевой Н. И.), раньше все матери знали эти заговоры и сами заговаривали болезни своих детей. В архиве есть тексты заговоров от грыжи, сглаза, краснухи, золотухи. В детских заговорах на первый план выступает забота матери о здоровье ребенка. Младенца поручают заботе небесных и сил и домашних покровителей.

В заговоре от сглаза просят Пресвятую Богородицу «снять все призоры, все приговоры» (Румянцева А. А., 1976). Надежную защиту информаторы видят и в обращении к домашним магическим приемам, таким, как окачивание водой, делание зарубки на дверном косяке ножом: перерастет ребенок зарубку и больше не будет пугаться. Часто в лечебных заговорах называется предмет, через который должна действовать на человека заговорная сила: хлеб, соль, вода, дверная ручка.

Во вторую группу входят хозяйственные заговоры, призванные обеспечить хороший урожай, приплод скота, удачу в торговых делах. Их произносили, когда собирались по ягоды и грибы, отправлялись в дальнюю дорогу, пекли хлеб. Сюда входят и заговоры «на благополучие». В них обращались к батюшке дворовому, его просили присмотреть за скотиной, сохранить ее. Дворового почитали, приносили ему дары. В Любытинском районе просили у него прощения за какие-то прошлые проступки, принося ему корочку хлеба, просили, чтобы он «одарил добрым здоровьем скотинушку-животинушку» (Козырева У. А., 1975).

В Батецком районе, входя первый раз в новый двор, говорили: «Батюшка родной, хозяин дворовой, прими, господин, мою скотинушку, я буду кормить, поить, ухаживать, а ты ходить, поглаживать» (Петрова А. А., 1975). При выгоне скотины в поле в Егорьев день обращались за помощью к Царю Полевому, говорили: «Царь Полевой и Царица Полевая, кладу вам дань, а вы накормите и напоите мою матушку-коровушку». Выводили корову за ворота в поле, брали с собой кусочек хлеба и два вареных яйца, клали эту дань по правую сторону за воротами со словами заговора (Федорова М. И., 1976).

В третью группу входят заговоры, направленные на урегулирование общественных и личных отношений между людьми. К этой группе примыкают и любовные заклинания – «присушки» и «отсушки». Эти заговоры отличаются от лечебных. Ищущие любви люди прибегают к сторонней помощи, стараясь внушить другому чувство, которое он не испытывает.

Пользовались этими заговорами и женщины, и мужчины. В заговоре на любовь девушки, зафиксированном в Хвойнинском районе в 1975 году, говорилось: «<...>Разжечь ретиво сердце и алу кровь. Чтобы сердце ныло и белело, как в котле кипело по рабе божьей Марье, потом не запить и есем не заисть<...>» (Смирнова Н. С.). В заговорах этой группы магия, связанная

с действиями и использованием предметов, разнообразна: нужно пить наговоренную воду, выбирать из-под человеческой ноги след или собирать пот.

Заговоры по своей структуре разнообразны. Это могут быть короткие формулы и развернутые заговоры, где выделяются вступление, эпическая часть, «ссылание» болезни, закрепка. Это могут быть тексты, имеющие диалогическую структуру, диалог, правда, произносит сам знахарь.

В заговорах отчетливо просматривается их древняя языческая первооснова. Знахари обращаются к заре, к солнцу, ветру, воде с просьбой о помощи и участии в судьбе человека. Однако христианская традиция, несомненно, оказала влияние на заговорный текст, в который включались имена и образы, а иногда сюжеты, связанные с христианской символикой. В пространстве заговора «уживается» остров Буян с Пресвятым Антонием и Матерью Божией, Архангелом Михаилом, Козьмой и Демьяном. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» произносится весь текст от волоса-волосника. А Господа просят снять сглаз, то есть «урёки и упрёки» от «мужика-тирека, от бабы-простоволоски, от девки-долговолоски». При этом обязательно зааминивают произнесенный текст. «Вода-царица, матушка-источница» становится в заговоре помощницей Христа. Кстати сказать, большинство знахарок считает, что заговор помогает только крещеному человеку.

Интересно отметить и тот факт, что Матерь Божия и Христос всегда выступают в заговорах как помощники и защитники человека, если уж он к ним обратился. В то же время обращение к языческим домовому и лесовому вовсе не означает их расположенности к человеку. Это расположение человек еще должен заслужить. Хозяйка заговаривала домашнюю скотину, когда с ней начинало происходить необъяснимое. В таком случае считалось, что дворовой прогневался. И чтобы скотина не болела, была ухожена, нужно было не только попросить дворового сохранять порядок. Хозяйка просила благорасположения и помощи: «Хозяин дворовой, хозяйка дворовая, все малы детушки дворовые, все бабушки, все прадедушки, чем я вас прогневала, чем я вас проступила? Или на ваших малых детушек наступила? Простите меня. Я вас дарю хлебом-солью, а вы – добрым здоровьем скотинушку, мою животинушку» (Козырева У. А., 1975).

При этом нужно выходить в поле или во двор и обязательно «хозяину дворовому» оставить корочку хлеба, то есть, по сути, принести жертву. Этот же заговор можно было произносить, обращаясь к хозяину полевому, чтобы он тоже был расположен к домашним животным во время пастбы или работы.

В свое время Д. К. Зеленин писал о том, что в народе существуют поверья о том, что эти духи – предки рода, проклятые Богом на неизвестный срок, не принятые землей, обреченные на то, чтобы несколько лет быть бат-

раками у потомков рода. В других поверьях это люди, проклятые в гнев своими родителями. Они несут зло и становятся опасными для людей, а потому с ними надо считаться, платя добром и поощряя их хорошую работу. Сошлемся на В. И. Даля, который в статье «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа» впервые отметил в заговоре смешение религиозных и суеверных понятий. Скажем о том, что, исследуя заговоры, он скептически к ним относился и не доверял их лечебным свойствам, тем не менее он не мог «причислить их лишь к фантазиям народа, оправдать все невежеством». «Не верю, но не решусь сказать: это ложь», – писал В. И. Даль.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль записывает о домовом: «нэжить, ни человек, ни дух, жильцы стихийные, куда причисляют полевого, лешего, кикимору».

Дворовой всеми приметями похож на домового, только живет он не в доме, а во дворе и отвечает за порядок там. Дворовой, в представлении человека, бывает и непокладист, нрав его бывает злобен. Если он невзлюбит хозяйских животных, то будет их мучить беспощадно, и тогда скотина беспричинно болеет, худеет, не ест, у нее спутана грива, хвост обшипан. Коня дворовой может загонять ночью до смерти, а если понравится ему конь, то будет холить, чистить, подбросит корму. В представлении крестьянствующих людей мужику, который сумеет угодить дворовому, будет всегда и везде удача. Дворовой противодействует нечистой силе.

В некоторых селах Старорусского района сохранялся обычай 9 февраля ставить кашу на двор или сарай и таким образом задабривать дворового, чтобы на дворе был порядок. Это жертва, получив которую, дворовой должен был быть добрее к хозяевам. Еще В. И. Даль зафиксировал в «Толковом словаре»: «На Ефрема Сирина (28 января по старому стилю) домового закармливают, покидая ему каши на загнетке».

Вера в действенность заговорной формулы опирается на представление о магической силе слова и способность его материализации, недаром в текстах заговоров наличествуют глаголы повелительного наклонения, человек находит действенные слова для того, чтобы получить желаемый и необратимый эффект.

В заговорах называются имена людей. Это является важной деталью любой заговорной традиции. Имена делают магические тексты направленными. Здесь особенно проявляется эффективность слова как действия. Произнесение имени того, на кого направлен заговор, «запускает» особый механизм связи между носителем имени, заговаривающим человеком и иными силами. Здесь проявляются представления, свойственные архаическим верованиям о том, что имя связано с вну-

тренней сущностью человека и душой его носителя, что оно является источником силы.

Заговор, по мнению большинства им пользующихся, достигает желаемого результата только тогда, когда он сопровождается определенными действиями, усиливающими магию слова. Нашептывания и наговаривания в таком случае часто играют вспомогательную роль. Характерным тому примером может послужить заговор на рожу, записанный от Антониной М. К. в 1999 году. Перед тем, как наговаривать, надо посыпать воспаленное место ржаной мукой и привязать красную тряпку (К 27–3–6). Или при произнесении заговора от сглаза ребенка женщина умывает его водой из кружки, а затем определенным образом выливает воду на землю, вытирая лицо изнаночной стороной своей юбки. Болезнь пришла из враждебного мира, поэтому ее надо смыть, указав ей путь в сторону от дома. Вода, смывающая грязь и потому обладающая очистительной силой, смывает и сглаз, проявляющийся в каком-либо недомогании, а остатки воды выливаются, чтобы у болезни не было «пути назад». Целебные свойства воды осознаются как реальный факт.

Здесь налицо использование символических действий в сочетании с лечебными свойствами того или иного применяемого предмета. Часто наговор делается на мази и иные снадобья. Таков, например, заговор от лишая (Алексеева Е. П., 1992 год). Для того чтобы избавиться от болезни, делают мазь, содержащую желток яйца, сливочное масло и древесную серу. Желток смешивают со сливочным маслом, очень мелко растирают на муку древесную серу и, беря ее на кончике ножа, смешивают с желтком и маслом. Смесь нужно перекрестить ножом. И уже накладывая мазь на больное место, произносят заговор. Иногда, правда, бывает трудно, а то и невозможно объяснить, почему в заговорах используются те или иные предметы или действия.

При наговаривании сложных или редких болезней знахарки применяют сложные заговоры. Они имеют большой объем текста, сопровождаются целым рядом строго последовательных действий. Так, например, в Старорусском районе, чтобы выгнать из тела волос, знахарь должен сначала прочитать молитву, затем вскипятить золу с водой, когда вода остынет до комнатной температуры – слить. Далее заваривают веточки и листья с березового веника, как чай, потом следует собрать и приложить к ране лишь одну их часть. Во время чтения заговора знахарка слитую воду льет на веточки, приложенные к ране. Вторую же часть веток прикладывают к ране после процедуры (см. раздел «От волоса», Куприянова Н. П., 1995).

Или заговор от головной боли, записанный в д. Горшково Пестовского района от Муратовой М. С., и заговор от лихого человека, запи-

санный от Савельевой П. П. (пос. Окуловка) в июле 1990 г. (К 18–12–3) в деревне Наволок Валдайского района.

В 1999 году был записан редкий, но, видимо, теперь имеющий хождение заговор на рак от Антоновой М. К., 1924 года рождения (К 27–3–4).

Что ты, рак, стоишь,
Больно белена корни распускаешь?
Я корням вам запрещаю здесь быть,
Не гореть,
Не болеть,
Не стрелять
И булавочками не колоть.
Я пришла, рак, с тобой говорить,
И не устрашишь ты меня,
Я пришла тебя удалить
И запрещаю здесь быть.
У святой Богородицы
Есть острый меч
И хватит корни сечь...

В семейных обрядах (обрядов перехода) заговорам отведено достаточно много места, когда-то они были их составной частью, выполняя функцию защиты и оберега людей. Все ситуации, в которых использовался заговор, типичные.

Были заговоры на зачатие и легкие роды, на спокойствие и здоровье новорожденного, от крика и бессонницы ребенка. Из этой группы сейчас удастся записать только те, что касаются здоровья ребенка. Но однозначно невозможно сказать о том, что заговоры другой тематики отсутствуют вовсе.

Использовали заговоры и в традиционном свадебном обряде. В традиции русской свадьбы существовал обычай приглашать специальных «сторожей», которые должны были охранять молодых и совершать необходимые магические действия – обтирать пот невесте в бане, разметать молодым дорогу, чтобы им не испортили жизнь недобрые люди. Понятно, что даже само произнесение заговоров является обрядовым действием, а потому они легко встраивались в более масштабный обряд.

Когда невеста готовилась к отъезду под венец, говорили: «Черному ворону хлеб в рот, а лихому целовеку соль в глаз». Ворон не должен был каркать там, где шла свадьба, а лихой (недобрый, «глазливый») человек не должен был смотреть на невесту, впервые за все время подготовки свадьбы снявшую фатку и открывшую свое лицо. Так ее предохраняли от сглаза. Это далеко не единственный момент в свадьбе, когда заговор играл важную роль.

Заговоры произносились и после венчания, например, для того, чтобы жена была в доме хозяйкой и ее все слушались, боялись. Нужно, чтобы жених прошел впереди невесты, а она при этом должна была встать на порог и сказать: «Стану на порог, глаза в потолок, вы мои овцы, а я ваш волк. Я вас буду есть, а вы меня бойтесь» (Козырева У. А., 1975).

Похоронный обряд не был исключением. Постоянные заговорные формулы являются составной частью похоронных причитаний, они включают обязательные для заговора призывание неведомых внеположных человеку сил и приказ. Вот начало поминального причета Белоусовой Н. Т. (Старорусский район):

Уж и вы завейте, ветры буйные,
И разнесите, пески желтые,
И раскатитесь, камышки мелкие,
И откройся, гробова доска,
И вздынися, полотно белое,
И распуститесь, ручки удалые,
И открой ты очи ясные...

Заговоры сопровождали и похоронный обряд, правда, свидетельств тому немного. Соколова Л. П. из Мошенского района рассказывала о том, что если в доме кто-то умер, то перед сном надо было сказать: «Зааминаваю дверь, каждую щель. Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь» (1973). Произносили заговор для того, чтобы душа умершего никогда не приходила домой, так раньше, по словам Соколовой, верили и боялись того, что душа покойника вернётся в дом.

Произнесение заговоров связано с пограничным временем суток – заря утренняя и заря вечерняя. Многие действия, которыми сопровождается заговор, производятся у двери, на пороге. По словам Федоровой А. И. (г. Боровичи): «Порог отграничивает человека от чужого глаза, от семи бед. Над порогом заткнут серп, повешены пучки крапивы и чертополоха. Это чтобы нечистая сила в дом не пробилась. С порога отговаривали бабы злую силу-кумушницу» (К 18-1-59). Порог – это разделение общего пространства на свое, обжитое, защищающее и чужое внешнее, откуда приходят беды, сглаз, чужой наговор. С порогом связано много примет в крестьянской, да и не только крестьянской, бытовой жизни.

Как уже говорилось, заговор завершается, закрепляется «закрепкой», представляющей обычно в двух вариантах. В первом, вероятно, более древнем, происходят магическое запираение двери, замка на ключ и утрата этого ключа, который будет заброшен на дно глубокого моря. Теперь его никому не достать, а потому все сказанное «крепко и лепко». Во втором

варианте закрепки сказанное поддерживается формулой «отныне и до веку, во веки веков» и неоднократно заминивается, обычно трижды, а если заговор произносится три раза, то трижды три.

Для заговоров характерна абсолютная установка на традицию, так как широко распространено мнение, что в тексте нельзя менять ни единого слова, иначе он потеряет свою силу. В отличие от произведений необрядового фольклора, например сказок, заговоры оказываются малопроницаемыми для внешних влияний. Заметна сознательная установка информаторов на неизменяемость сакрального текста.

Представленные в этой книге тексты – лишь часть того, что имеется в архиве. Включить все не позволяет объём издания. Однако эти тексты дают представление о многообразии заговорных текстов, об основных направлениях, в которых заговор был востребован и в которых остается востребованным в настоящее время.

Все публикуемые заговорные тексты объединены по выполняемой ими функции и помещены в разделы в зависимости от того, на что заговоры направлены – на конкретную болезнь или какой-то недуг, либо они должны оберечь человека или его дом, его животных от каких-либо злых, чужих, вредных влияний и воздействий. Заметно, что количественно больше представлены те заговоры, которые чаще всего применяются в обиходе, которыми можно и поделиться с другими людьми. Они продолжают свое существование, причем хорошо заметно то, что форма их остается сохранной.

Однако следует сказать и о том, что наиболее действенные заговоры, по всей видимости, остаются сокровенными, хранятся в памяти лишь того, кто имеет право ими пользоваться. В период полевой фольклорной практики не раз приходилось сталкиваться с теми, кто владеет заговорной традицией (к ним обращаются местные жители за помощью), но на просьбы студентов просто поговорить с ними они реагировали негативно, а порой даже излишне эмоционально, буквально не пуская на порог или выгоняя из своего дома.

Кроме того, следует учитывать и то, что кроме знахарей существуют и колдуны, к которым, как принято считать, ходить опасно. Обычно именно они крайне неприязненно относятся к посещениям. С этими людьми связано и представление о том, что они могут сотворить недоброе с любым человеком. Но об этом разговор особый.

Хранящиеся в архиве заговоры дают представление об основных принципах заговора как художественной структуры, хотя следует признать, что значительная часть айсберга так и остается сокрытой. Нужно, однако, отметить, что большая часть заговоров записывалась студента-

ми первого курса филологического факультета. С этим часто связано качество записей, в которых отсутствует, например, описание производимых в момент заговора действий.

Почти каждый год архив пополняется новыми текстами заговоров. Это свидетельство того, что жанр продолжает жить. В нынешнее время заговор остается востребованным. Это кажется парадоксальным в XXI веке, но остается фактом. К заговору или к человеку, умеющему заговаривать, по-прежнему обращаются люди разных возрастов, чтобы получить здоровье, благополучие, удачу, любовь. И говорить о постепенном исчезновении этого фольклорного жанра пока не приходится. Следует сказать, что фонд заговоров в архиве достаточно велик, поэтому он не может войти в это издание с той полнотой, с какой хотелось бы.

Что касается научного осмысления проблемы заговора, то она, несомненно, стоит на повестке дня, по-прежнему оставаясь открытой. Требуются значительные усилия, чтобы понять, что же такое заговор не только как текст, но как целокупное явление. Это дело будущего.

Тексты заговоров

На здоровье

1

В бане при ополаскивании причитают: «Водица-царица, обмывала пенья-коренья, обмой с рабы (имя) всю худобу, дай чистоту и красоту».

Повторить три раза.

2

От болезней

Шел Иисус Христос по дороге,
Собирал с лес воду,
С трав росу
Рабы на доброе здоровье:
От призора, от злого глаза,
От голубого, от черного,
От своего болтливого языка.

3

От болезни

Встану, благословясь и перекрестясь, умоюсь свежелою водою и утрюсь пеленою. Пойду из дверей, из ворот в ворота, пойду я на широкую

улочку, на восточную сторону. Там стоит светлое батюшко океан-море. В том море есть бел горяч-камень. Под этим камнем стоит рыба белуга, булатные зубы, железные скулы. Как она пожирает на море морскую тину, так бы она пожирала у раба Божия (имя) скорби и болезни. Ключ в море, замок в небе. Как ключа не нахаживать и замка не открывать, так бы рабы Божия (имя) скорби не открывать. Век во веку, отныне и до веку, будьте мои слова крепки и метки и назад не отпадки. Аминь.

4

От недомогания и головной боли

Болячка тухлая,
Болячка гнойная,
Болячка от рожи,
Болячка от работы,
Болячка от надсаду,
Болячка от сглазу,
Болячка в час худой,
Болячка с ломотой,
Болячка от воли злой,
Болячка наспанная,
Болячка приспанная,
Болячка ветровая,
Болячка полевая,
Тут ей голову не ломить,
В зубах не пить,
В ушах не стрелять,
Кровью не плевать,
Места не искать,
А идти себе
На широкие броды,
На глубокие воды.
Там ей пески пересыпать,
Воды вымерять,
Камни разбивать,
Броды расширять,
Какие глубокие, какие широкие,
А чистого Божьего (имя) оставить.
Как его мать на свет породила,
Чтобы так его излечила молитвою Богу,
Своим заговором, во веки веков будь здоров.

Сказать три раза. Делать руками в воздухе вокруг головы больного. Затем нужно ножом вырезать в земле крест и нож выбросить. Заговор теряет силу и действие замедляется, если кто-то при этом присутствует.

От разных болезней

5

От «огня»

Огонь, огонь горючий. Возьми свой огонь летучий от раба Божьего (имя), а ему отдай чистоту, белоту и доброе здорovie.

6

От боли живота

Пуп-пупище, золотник-золотнице,
Иди в свое местище, в золотое гнездище.
Не коли, не ломи и рабу (имя) не томи.

Повторить все три раза, после третьего: «По сей день, по сей час, по мой приговор».

7

От свинки

Оселок-оселище, возьми свою свиницу. Как коса от оселка стирается, и ты, свинья, сотришь. Чтобы не ныло, не ломило, не жудило. По сей день, по сей час, по мой приговор.

Сказать три раза.

8

От удара (синяка)

Встану я, раба Божья, благословясь, выйду, перекрестясь, из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот во чисто поле. Во чистом поле бежит речка невеличка. По середине струя, по этой струе плывёт железное седло серебряные стремена. Спускаю и отправляю от рабы Божьего (имя) жар и удар, притчу и доспешку за море. Там тебе место, там тебе местилище. Аминь.

Наговаривается на растительное масло, им натирается ушиб.

9

От боли уха

Дую, дую, подуваю – все недуги выдуваю
С буйной головы, с белых мозгов,
С черных бровей, шипящих кровей.
По сей день, по сей час,

Ныне и присно и во веки веков.

Аминь. Аминь. Аминь.

Повторить три раза и после каждого подуть в ухо.

10

От детского переполоха

Дитя ни с того ни с сего заходится криком, значит, «переполох напал». А лечат его таким способом.

Обмеряют дитя ниткой в длину, делают в косяке двери дырку, чуть выше роста ребенка, туда прячут нитку и замазывают нитку воском. При этом нужно проговорить:

«Как дитя прятанку перерастет, так с него переполох пропадет. Аминь».

11

От судорог детских

Нужно сложить ребенку ножки пряменько, начертить обгорелой спичкой на подошвах кресты, говоря:

«Сниму крестом, царским перстом, то, что не от Бога, от чертова порога. Собаке злой выть, а дитю здоровым быть. Аминь».

От сглаза

12

Суреки, пророки, бегите по дороге, а рабу Божию (имя) доброго здоровья. Аминь Святого Духа. (Сказать три раза.)

13

От дурного глаза

Кто меня осудил,

Кто меня опризорил?

Старый ли мужик,

Молодой ли мужик,

Старая ли баба, молодая ли баба.

Аминь. Аминь. Аминь.

Воду разрезать на четыре части.

14

Наговаривается на воду:

«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот во чистое поле. Во чистом поле бежит

быстрая река, смывает крутые берега и желтые пески, и пенья, и коренья, и серые каменя. Так же мой, сплосщи осуд и урек, и притчу, и доспешку. Из кося, из мозья и белого тела, из горячей крови, из всего человеческого стана. И заговариваю рабу Божью (имя) от слова худого, от глаза лихого, от белоглазого, от черноглазого, голубоглазого, кареглазого, от синего глаза. И по сей день, по сей час, с ныне и до века веков. Аминь».

15

Нужно прокипятить полстакана соленой воды и три раза сказать слова: «Водица-царица, матушка-источница, Христова помощница, катилась ты по крутым берегам, по быстрым ручейкам, смывала с рабы Божьей (имя) все болезни и недуги радостные и завистливые. Повыйди, болезнь, повыйди из костей и суставов, из рук, из ног, из текучих мозог. По сей день, по сей час, по мой приговор. Аминь».

Этой водой надо облить больного и sprыснуть неожиданно, чтобы напугать, а воду выпихнуть за порог.

16

От уреков (от сглазу, от осуда)

Произносить в разное время по три раза. Перед приговором надо взять водички в ковшик. Зачерпнуть с одного раза из-под руки (сколько попадёт). Кинуть в воду соли, взяв щепотку, сколько можно за один раз тремя пальцами, и положить четыре столовые ложки, особо не мытые. Этими ложками мешать каждой и приговаривать:

Бежит водица, сонница-помощница,
 Бежит-пробегает, берёга промывает,
 Серые каменя, белые коренья.
 Смой уреки-близороки,
 Радусные-завистные,
 Мужские и женские
 На сун, на упокой
(если младенцу, такому-то)
 На доброе здоровье.
 Аминь.

Взять водицу в рот, на сторону тыльную руки своей правой – смочить и этой рукой по лицу человека поводить тыльной стороной. А выливать в дверь наискосок, наизнанку и кружку потом оборотить.

17

Водица-источница, куда ты бежишь? С востока на запад омываешь крутые берега и зеленые луга, желтые пески, белые камешки. Обмой

рабу Божьему (имя) с белых рук, с белых ног, с буйной головы, со всей внутренности. Обмываю и стовариваю со всех жил, со всех суставов и со всего человеческого стану. От женского, мужского глаза, от черноглазого и желтоглазого.

Говорить три раза, помыть голову, грудь, а остальную воду вылить на дверные петли.

18

Вода Марина, вода Мария, вода Ульяна, текли-бежали сквозь высокие горы, мыли-обмывали белое пеньё, белое кореньё, снимали с рабы Божьей (имя), брали-собирали все предки и припредки, уреки и призоры, лихие уговоры от пьяной пьяницы, от девки-долговолоски, от бабы-пустоволоски, от встречника и попутника-изухазушника, от черных глаз, от срослых бровей. Будь моя статья крепка и емка, и плотна, крепче камни, крепче булата, крепче меча-самосека.

Аминь. Аминь. Аминь.

19

От лихого глазу

В городе Иерусалиме, у Христа на престоле спала-ночевала сама Матушка Пресвятая Богородица. И виделся ей сон ужасен, страшен. На купоросном дереве Христа распяли: руки, ноги гвоздями прибивали, на головушку обруча одевали. Кто тот сон напоминает, Господь на память дает. Он в путь идет, сам с собой берет, его грозой не убьет, лихой человек не найдет, и зверь не набредет.

Господи, благослови.

20

От суреков*

Суреки-пророки, бегите по дороге, в чистом поле стоят столы дубовые, на столах скатерти браные. Вы столуйтесь, вы пируйте, вы даруйтесь. Столования, дарования, пирования, не сама я вас уговариваю, мать Пресвятую Богородицу призываю. Мать Пресвятая Богородица, помоги, пособи уговаривать, на истинный путь установить. От черного глаза, от серого, от радостного, от завистливого, от поганого. По сей день, по сей час, по мой приговор.

Наговаривают на воду, повторяют три раза.

* Сурек – сглаз, порча, болезнь, когда человека осудят. «Если скажут, что он хорошо выглядит, поздоровел или вообще отметят какую-то положительную черту его, то через некоторое время он может заболеть сильно».

21

От осуда*

Бежала речка с востока на запад, а по ней – Пресвятая Богородица, умывала пенья, белые коренья, белые каменя. Умой, Пресвятая Богородица, рабищу Божию (имя) от суда, от dospешки, от злых людей. Мать Пресвятая Богородица, пособи и помоги, чтоб не ломило ноженьки, чтоб не ломило рученьки, не ломило в ясных очах, в золотых ушах. Мать Пресвятая Богородица, пособи и помоги. Аминь.

22

Наговаривать три раза на воду и sprыснуть этого человека.

Вода-водица,
 Божья помощница,
 Смой с раба Божьего Николая порчу,
 Смой с раба Божьего Николая осуды, болезни,
 С ясных очей, с могучих плечей
 По сей день, по сей час господьни,
 Отныне и до веки веков.
 Аминь.

23

Встану я, благословясь, выйду, глаза покрестясь, к морю, ко океану. В море, в океане лежит камень златый. Под камнем златым щука менна, зубы железны. Она не ист, не пьет, только ист она осуд и призор от черноглазых, от белоглазых, от женского пола, от мужского пола, от ясных очей, от толстых плечей и съешь от рабы Божьей (Ириной). Аминь.

От порчи**

24

Против наговора

(Имя), твою мать, осиновый клин забивать, всю ворожбу выбивать.

25

Исполохи, переполохи, порчи,
 Уроки, всякие прикосы,

* Осуд (а) – болезнь, порча от дурного глаза, слова. «Осуд, когда позваидуешь человеку и скажешь, какой он хороший».

** Порча – заболевание, причиненное колдовством и наговором. «Порча – колдовство такое, на свадьбе часто бывало».

Идите в пенё, в коренье,
В грязи топучи, в ключи кипучи –
Там вариться, там кипятиться,
Под осиновый кол уйти,
Камнем накрыться, землей завалиться,
Мохом-травой зарасти.

26

Есть славное синее море,
На синем море есть синий остров,
На синем острове есть синий камень,
На синем камне сидит синий человек,
Синий человек держит синий лук без тетивы,
Натягивает синюю стрелу без стрелок,
Отстреливает от раба божьего Николая
Порчу, болезни, нечистую силу.
Есть славное серебряное море,
На серебряном море сидит серебряный человек,
Серебряный человек держит
Серебряную стрелу без перьев,
Отстреливает серебряной стрелой
Порчи, болезни, нечистые силы.
Есть славное могу-море,
На могу-море – могу-остров,
На могу-острове есть могу-камень,
На могу-камне сидит могу-птица.
Подлетает могу-птица
К рабу Божьему Николаю,
Своими когтями оттягивает,
Клювом отклявывает
Порчу, болезни, нечистую силу.
И полетит там могу-птица
Через огненные реки,
И сгорят у раба божьего Николая
Порчи, болезни, нечистая сила.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
И ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

От dospешки***27****От dospешки****(выйдешь не в час и что-нибудь заболит)**

Хожу я, раба Божия (имя), на зари, не с хитростям, не с мудростям, а с добрым здоровьем. Царь водяной, царица водяная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться.)

Царь земляной и царица земляная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться.)

Царь ветряной, царица ветряная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться.)

Надо встать и поклониться в землю на зарю, потом по кругу три раза. В обратную сторону кланяться и говорить: «Дарья, Дарья, дай мне здоровья».

28**От dospешки****(чтобы ребенок ночью спал спокойно)**

Встану я, раба (имя), благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, на синее море. На синем море лежит золотый камень. Из-под этого золотого камня бегут ручьи бегучие, кипят ключи кипучие, из-под пенья, из-под коренья, из-под белого камня. Смой, сполощи с раба (имя) все придше dospешки, все озы и досуды, от чего рабу (имя) сделалось

от частых дождей,

от буйных ветров,

от злых вихров, от худых дум.

Или ни в час, или ни в раз, или от белого глаза, или от синего глаза.

Не я помогаю, не я пособляю,

Помогает и пособляет сама Мать Пресвятая Богородица со всем собором, со всем святым во веки. Аминь.

За ручей перехожу и наговор переносу.

* Dospешка – внезапная болезнь от неизвестной причины, ломота суставов. «Упадешь, сругнешься и в сей же момент dospешка и пристанет».

От спешки***29****От спешки (вывиха, перелома)**

Выходи, болезнь, в мох и болота, там твое место. Колодина лежит, водичка чистая бежит, чтобы кости не ломило, тело не пучило. По сей час, по мой приговор. Аминь.

30**От перелома**

Перелом, перелом, с ветру пришел, на ветер поди. Из ружья порох, из глаза грязь. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Говорить на каленый камень, завернутый в тряпочку.

От грыжи**31****От грыжи по костям**

Грыжа-грыженица,
Грыжа, красная девица,
Не ходи, грызь, по нутру у рабы Божьей (имя),
По горячей крови,
По всем суставам,
По всем полусуставам,
По всем жилам,
По всем полужилкам.
Ты, грызь, – коза, а я – волк. Я тебя съем и закушу.
Во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.

Кусать три раза, три раза сплюнуть через левое плечо.

32**От грыжи (ребенку)**

Встану я, раба Божья (имя), благословясь,
Пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота к океану-
морю.

* Спешка – вывих, перелом.

В океане-море лежит кочище, на этой кочище сидит котишка с длинными зубищам, идет младенцу (имя) грыжу кусать. Кусай гораже, чтоб во век не было. Аминь. Аминь. Аминь.

Кусать грыжу через свой головной платок.

33

Три раза читать на какую-нибудь мазь. Мазью помазать грыжу, когда человек ложится спать, чтобы до утра не вставал. Мазать три ночи – грыжа должна пройти.

Кила-килица, красная девица,
 Тут те не садиться,
 Тут те не лепиться.
 Садиться тебе,
 Лепиться тебе
 Среди темных лесов,
 Крутых берегов,
 Сыпучих песков,
 Где люди не ходят,
 Птицы не летают,
 Там тебе садиться,
 Там тебе лепиться,
 А с раба Божьего Николая – удалиться.
 Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
 Аминь.

34

– Май месяц, май месяц,
 Где ходил, где бродил?
 – Я был на том свете, я был на сем свете,
 Я видел трех святых:
 Исаака, Абрама, отца Якова Праведного.
 Как эти мертвецы умирали,
 Закостеневали, замертвевали,
 Так бы и у младенца (имя)
 Грыжа закостеневала, замертвевала,
 Не кололо бы, не ломило бы, не щемило бы.
 По сей час, по сей приговор,
 Во веки веков.
 Аминь. Аминь. Аминь.

От золотухи, рожи

35

От золотухи

Как сумела тебя мать родити, все твои дуги, боли заговорити. Как пальцу указательному нет имени, так твоей боли не боливать. Во имя Сына и Святого Духа.

Аминь.

36

От золотухи

Золотая ты золотуха,
Красная ты краснуха.
Тут тебе не местечко,
Тут тебе не гнездечко.
Иди во мхи, иди во болоты,
Там ты развивайся,
Там ты рассыпайся,
Дай покой младенцу (имя).
Аминь. Аминь. Аминь.

Подуть на это место. Пока говоришь стих, это место обводить углём или обручальным кольцом. Заговор переговаривать по три раза – утром, вечером и опять утром.

37

От рожи

Рожа, рожа – красная кожа, синяя кожа,
Тебе здесь не место у рабы (имя).
Твое место в чистом поле, в красном моху.
Ты там живи, там разживайся, там разживайся, от рабы Божьей (имя) убирайся.

Чтобы у рабы (имя) не ломило, не кололо, не болело ни в костях, ни в мозгах, ни в жилах во всем животе.

Во веки веков.

Аминь. Аминь. Аминь.

От фурункулов и лишая

38

От фурункулов

Делается все утром натощак. Найти на полу сук, безымянным пальцем вести вокруг сука по часовой стрелке, произнося:

«Этому суку нет имя» (на одно круговое движение).

Дальше по фурункулу на три круговых движения:

«Этому чирью нету сдыму. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

Чирий перекрестить. Все повторять по три раза в течение трех дней.

39

От чирья

Заговаривают чирей на сучок. Указательным и средним пальцами обводят вокруг сучка, приговаривая: «Как сук в дереве засохнет, так и пусть засохнет в теле белом рабы Божьей (имя). Аминь».

Говорить нужно три раза. После каждого раза нужно плюнуть три раза.

40

От чирья

Господи, Боже! Благослови, Отче! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Ни от камене плоду, ни камене от угля, ни травы, ни зелени. Тако б у раба Божьего (имя) от чирья не было ни шипоты, ни болезней – всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Говорить 3 раза на палец от мизинца, потом плюнуть на палец три раза и очертить кругом чирья этим пальцем три раза.

41

От фурункулов

Найти сучок в полу, нет – в чем-то другом. Помокнуть палец правой руки и водить им вокруг сучка и вокруг начинающегося фурункула, говорить слова:

«Как этот сучок не болит, не зудит, не колет, не ломит, не растет, не прибывает, так у рабы Божьей (имя) прыщик не болел бы, не зудел бы,

не ломил бы, не колол бы, не рос, не прибывал. Повыйди, болезнь, повыйди из костей и суставов, из рук и ног, из текучих мозог. Как этому пальцу нет имени, так этому прыщику не было бы места здесь. По сей день, по сей час. Аминь».

Повторить три раза и поплевать через левое плечо.

42

От лишая

Сделать следующую мазь: желток яйца смешать со сливочным маслом. Взять древесную серу и очень мелко растереть на муку. Положить на кончик ножа и размешать с желтком и маслом. Затем покрестить мазь ножом. Взять мазь и, накладывая ее на больное место, приговаривать:

«Дорогой ты мой лишай, где ты был, туда – ступай. Я, раба Божия (имя), чиста. Ты мой бедный, проклятый, бойся моего слова. Не я помогаю, а сам Иисус Христос и Мать Пресвятая Богородица с ангелом, с архангелом, с серафимом, с херувимом – со всей силой небесной. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Читать три раза.

От кругов*

43

Круги

Взять с крыши соломинку, водить вокруг круга и приговаривать:

Как этой соломинке
На корешке не стаивать,
Корешков не распускать,
Так на белом теле
И кругу не бывать, и нарыва не давать.
Помогае, пособляе сам Иисус Христос,
Пресвятая Богородица, а я, раба (имя заговаривающей)
Только слово прикладаю.

* Круг – сухой лишай.

От ячменя (письяка)

44

От ячменя

Чига, чига, вот тебе кукиш,
Что хочешь, то и купишь.
Купи себе топорок,
Руби вдоль и поперек.

Это все делается утром натошак, при движении безымянного пальца правой руки по часовой стрелке на три круговых движения. На слово «кукиш» – показать кукиш, на слова «вдоль и поперек» – палец идет сверху вниз и слева направо. Затем плюнуть три раза. Все повторить три раза и делать это в течение трех дней.

45

От письяка

- Кукиш, кукиш, что ты купишь?
- Поеду в городок, куплю топорок.
- Куда тебе топорок?
- Сечь письячок у раба Божьего (имя).
- Письячок поперек.
- От ныне и во век. Аминь.Аминь.Аминь.

46

От ячменя

Господи, благослови! Солнце на запад, день на исход, сучок на глазу на извод, сам пропадет, как чело почернеет. Ключ и замок словам мои.

Смачивать своей слюной указательный палец и мазать им больной глаз, приговаривая на палец слова заговора.

47

От письяка

Письяк, письяк, как дам кулаком – сразу сгоришь и околеешь.

Повторять трижды. Безымянным пальцем обводить вокруг ячменя и тихо ударять его кулаком. Плюнуть три раза.

От грудницы (маститы)

48

От грудницы

Господи Иисусе Христе, Сын Божий. Царица, царица, прекрасная девица, дай сон-угомон, доброго здоровья коровушке, чтобы не болело, не шумело ни в костях, ни в мозгах, ни в буйной голове у (имя). По сей день, по сей час, по сию минуту. Аминь.

49

От грудницы

Грудниче-зориче, с чего ты взялось, с чего ты получилось? От худых часов, от худых ветров, от мужского глаза, от женского глаза. Поди в чистое поле, в зеленую дубравушку, куда люди не ходят, звери не забегают. Разойдися, расступися по маковому зернышку, по павиному перышку, чтоб не болело, не скомило, не ломило у рабы Божьей (имя). По сей день, по сей час, по мой приговор. Аминь. Господи, помоги, Господи, пособи. Как этот сучок сухой, так чтоб и грудниче засохло, как этот сучок.

Текст говорить шесть раз: три раза над больной грудью женщины и три раза над сучком любого высокого дерева (доски).

Заговаривать на вечерней зорьке.

50

От грудницы

Взять три камушка. Сначала одним камушком поводить – один раз прочитать, затем двумя – два раза прочитать, потом тремя – три раза прочитать:

Как у Иисуса Христа камушки замéли,
Не шумели, не гремели, не отра́стывали
От пахоты, от ломоты, от станóжины,
Так у рабы Божьей Марии
Грудь не шуми, не греми, не отра́стывай
От пахоты, от ломоты, от станóжины
По сей день, по сей час,
По мой вечный приговор
Отныне и до веки веков.
Аминь.

51**От сосков**

Приговаривать к суку:

«Сучок, сучок, возьми свой сосок,
Выше не вздымайся, шире не распускайся,
Как захватила, так и оставайся».

Повторить три раза, после третьего:

«По сей день, по сей час, по мой приговор».

На остановление крови**52**

На синем небе, на сыром камне сидит Мать Пресвятая Богородица, с шелковой ниткой, с серебряной иголкой. Кровь вынимаю, рану зашиваю. Аминь Святого Духа.

53

Читать три раза и обводить рукой вокруг того больного места, где течет кровь. Кровь останавливается.

Ехала лошадь старая,
Сидит мужик старый,
Стань да остановись,
Назад возвратись,
Старый человек тебя заклиняет,
На покой отправляет.
Пух, земля – одна родня,
Слово мое крепко,
Будет по-моему.

54

На Сеянской горы мужики сеяли рожь. Рожь не вышла, и кровь не пошла. (Обводит рану безымянным пальцем.)

Шел Христос по мосту, наколол ногу на тресту. Треста не камень, кровь не канет.

55

Жили три брата
Ковель, Явель и Тив.

Тильем кололись,
Топориками рубились,
Ножиками резались –
У них кровь не шла.
Надо, чтобы у рабы Божьей (имя),
Чтоб кровь не шла.

Повторить три раза.

От бессонницы и ночницы

56

Заря-заряница, красная девица, утренняя Марина, Вечерняя Катерина, Возьми от рабы Божьей (имя) ночную полуночницу, дневную полуденницу, дай рабе Божьей (имя) приятный сон.

Если это ребенок, вынося, его нужно закрыть. Прийти, лечь спать, закрыться, перекрестить подушку и не разговаривать.

57

Когда ребенок спутал день с ночью, чтобы спал ночью:

«Заря-заряница, красная девица, твое дитя плачет – гулять хочет, мое дитя плачет – спать хочет».

Сказать три раза, поклониться заре три раза и уйти, не оборачиваясь.

58

Когда ребенок плохо спит ночью, нужно снести его на зарю. Встать под крышу дома лицом к солнцу и говорить:

«Заря-заряница, красная девица,

У тебя есть десять сыновей, моя – десятая дочь, возьми от нее кыксу и вяксу, крыксу и плаксу. Дайте ей покой, угомон и доброе здоровье, чтоб спать с добрыми людьми вровень».

Повторять 3 раза, после каждого раза пятиться на один шаг. Уйти, не оглядываясь.

59

Заря-заряница, заря красная девица. Возьми от рабы (имя) ночные ночницы, дневные денницы. Все ночные полуночные, дневные, полуденные, часовые, получасовые, минутные, полуминутные. Крыксы, плаксы, пьянки, гулянки, идите во чистое поле, там вам есть нянька, будет вас качать, величать, а раба (имя) будет сладким сном спать на доброе здоровье. Аминь.

60

Произносить, когда заря (солнце встает или садится) три раза. Перед приговором подойти к окну и проводить по солнцу рукой тыльной стороной три раза и говорить:

«Заря-зареница, красная девица,
У тебя дочь Катерина,
У меня (имя ребенка).
Твоя хочет есть-пить,
Моя хочет спать.
Мне – напоить-накормить,
Тебе – спать уложить.
Аминь».

Потом 3 раза тыльной стороной ладони правой руки провести по лицу ребенка по солнцу.

От волоса

61

Вскипятить воду, и бросить в нее камень, и сказать:

«Волос, ты, волос,
Выходи на каменный голос,
Сам выходи и детей выводи
Из раба Божьего (имя), из его крови,
Из буйной головы, из ясных глаз.
Чтобы не болело, не щемило
Ни в костях, ни в мозгу, ни на белом теле.
С века до веку
Сам Иисус Христос помогал. С века до веку.
Аминь. Аминь. Аминь»

62

Волос, волосяник лютый. Волосяник, полно тебе тело белое гноить, колоть и ломить. Выйди из костей, из мозжей, из ясных очей, из всего стана человеческого. От какого глаза завелся, голубого, серого, карего, выйди, кошачий, мышиный, лошадиный, овечий, собачий, человеческий.

Во имя Отца, Сына и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Надо накипятить золу с водой, когда вода отстоится, слить, но так, чтобы вода была еще горячая, терпимая к телу. Заварить с березово-

го веника веточки и листья, как чай, собрать и приложить к ране одну часть листьев для процедуры (поливать на рану слитой водой с приложенными листьями). Вторую часть приложить после процедуры. Все нужно делать в тепле.

Три раза поливать и три раза читать. Делать на заре утром и вечером. Все повторять в течение трех дней.

От зубной боли

63

Иду я не улицей, не дорогой, а пустым переулком, по оврагам – навстречу мне заяц: «Заяц, ты заяц, где твои зубы? Отдай мне свои, а возьми мои». Иду темным лесом – навстречу серый волк: «Волк, ты, серый волк, вот тебе зубы мои, отдай мне свои».

64

Злат месяц в небе, замри червь в зубе. Сходи мертвому в рот. Как у мертвого зубы не болят, так и у рабы(а) (имя) никогда.

Ножом ставятся крестики на луковице, одновременно три раза повторяется заговор.

От мозолей

65

Найдешь, где б она ни лежала, кость, лишь бы в земли лежала. Три раза обведь вокруг мозоли и три раза надо сказать:

«Как эта кость не болит, не щемит, так у рабы (имя), чтоб не болело, не щемило».

От бородавок

66

Взять холщовую нитку, обвязать вокруг бородавки три узелка и сказать:

«От раба Божьего (имя) уйди туда, откуда пришла,

Чтобы не болело, не кололо.

Аминь. Аминь. Аминь.

67

Накинуть на бородавку суровую нитку или паклю, завязать три узла, вертеть ее в левую сторону. Нитку положить в пятник (в двери), хлопнуть дверью, сказать:

«Как нитка будет жить в пятнике, так у рабы (имя) сгнили бы все бородавки. Отныне на века. Аминь».

Плюнуть в пятник. Повторить три раза. Нитку можно вместо пятника закопать в землю.

**Заговоры, связанные с домом
и домашним хозяйством****68**

От нечистой силы, когда первый разходишь во двор:

Батюшка родной, хозяин дворовой. Прими, господин, мою скотинушку. Я буду поить, кормить, ухаживать, а ты ходить, поглаживать. (Сказать три раза).

69**При выгоне скота весной**

Выгоняют корову и берут с собой кусочек хлеба и два вареных яйца. Прогоняют корову за ворота в поле, и по правую сторону кладут эту дань со словами заговора:

«Царь полевой и царица полевая, кладу вам дань, а вы накормите, напоите мою матушку-коровушку».

70

Встану я, раба Божья (имя), благословясь, выйду перекрестясь из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот во чистое поле. Во чистом поле – синее море, во синем море – беловатый камень. Под этим камнем сидит змея ярая-преярая, лютая-прелютая, надо всем гадом атаман: над черным, над серым, над пестрым, над полосатым, над свистучим, над летучим, над логовым и над водяным, и над дворовым, и надо всем гадом атаман. Поди, змея, ярая-преярая, лютая-прелютая, добынь свое жигало и опухоль из живота пестрой коровы, из вымя, из парного молока. Если не добынешь, змея ярая-преярая, лютая-прелютая, то я пойду пожалуюсь к самому Христу. Придет Иисус Христос, возьмет свою

острую рипаю, прибьет ваши приплоды, прибьет, приполит и головней прикатит. Во веки веков. Аминь.

71

Когда корова не дает молока. Прочитать натошак три раза у печки.

Лежит белый камень во чистом поле, на белом камню лежат камни, двенадцать видов змей. Змея Матрена, унимай своих деток и всех змей. Заживайте, унимайте. Сама не делай так и своих деток унимай. У коровушки (имя) уничтожайте все боли и с костей, и с мозгей, и с буйного сердца, и с щемоты, и с ломоты с коровушки (имя). Отныне на века. Аминь.

Перекрестить масло в стакане ножом, низко наклониться и шептать. Трубы должны быть закрыты, из избы никому нельзя выходить. Входить можно. После заговора намазать вымя коровы.

На удачную торговлю

72

Говорить на мед, а затем помазать им губы, кусочек хлеба кинуть в кусты:

«Как пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к тем торговым людям купцы сходились».

На вход в лес

73

Чтобы не увидеть гада, произнести, входя в лес, трижды:
«Земля моя, вода моя, камень мой, а ты, гад, стой».

74

Когда идешь в лес.

1. Гаду пни-колоды, а мне (имя) путь – чистая дорога.
2. Шишли-выжли – все в кусты.
3. Матушка Мария, спаси меня
От змея, от змея летучего,
От гада, гада ползучего.

Примечание: шишли-выжли – змеи.

От змеиного укуса

75

Змея-македоница, всем змеям старшая и большая, зачем ты кусаешь добрых людей? Собери ты своих тёток, дядей, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба Божия (имя). А если не вынешь своего жала, то нашлаю на тебя грозную тучу, тебя она камнем побьет, молнией пожжёт. Сниму я с тебя двенадцать шкур, сожгу самую тебя и развею по чистому полю. Будьте, все змеи, мне покорны во веки веков.

76

Встану по утру благословясь и пойду перекрестясь из дверей, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле, из рек в реки, из полей в поле. Выйду я на большой океан-остров, где живет змеище ядовитое жалище.

Прошу тебя, возьми свое жалище у раба Божия (имя). Не я помогаю, не я пособляю, помогает и пособляет вся небесная сила.

Заклинаю тебя и проклинаю тебя: по чреву ходи, а на земле вреда не делай. Заклятый ты царем Давидом, и я тебя заклинаю. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. (Сказать три раза.)

77

Я, раба Божия (имя)-женщина, благословясь, выйду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, во чисто поле. Во чистом поле змея жиговая-кусовая. Она людей жигает-кусает. «Раба Божия (имя)-женщина, подойди поближе, кланяйся пониже». Попрошу я змеи: «Сними с рабы Божией (имя) свое жигало и кусало, нечистую силу, чтоб не болело, не ломило у нее. С ныне и до века. Аминь».

Заговор произносится шепотом сразу после укуса змеи три раза, одновременно надо кусать больное место.

На разные случаи жизни

78

После венчания

Встану на порог, глаза в потолок, вы мои овцы, я ваш волк, я вас буду есть, а вы меня бойтесь.

После венчания, для того чтобы жена была в доме хозяйкой и ее все боялись. Говорить, стараясь, чтобы жених прошел вперед невесты, встать на порог.

79**Если кто умер**

Этот заговор применяется, если кто умер, для того, чтобы его душа не приходила никогда домой. Раньше верили, что душа покойника могла прийти и очень боялись. Поэтому над матицей вторкали веточку вереса, на порог иногда клали гранитный камень, который использовался в пиве, когда его варили, и был он рассыпчатым. Говорили три раза перед сном:

«Зааминиваю дверь, каждую щель. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

80**От испуга**

Медведь ходил по долам, по бремям, по мхам, по болотам, по лесам. Не боялся ни света, ни крика, ни ночной зари, ни полуночной зари. Так бы наш младенец (имя) не боялся ни света, ни крика, ни ночной зари, ни полуночной. (Повторить три раза.)

81**От грозы**

Иван Креститель,
Иван Спаситель,
Иван Богослов,
Прикрой мою избушку –
Все четыре уголочка,
Пятую дверь
И каждую щель,
Перекрести кресточком
Да замкни замочком.

От тоски и печали**82****От тоски**

Куда вода течет – туда и моя тоска уйдет.

Умыться на речке встречь воды. Повторить все три раза.

Приворотные и на разлучницу

83

Стою я, раба Божия (имя), благословясь, иду, перекрестясь, из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота, на красивое крыльцо, на широкую улицу, к светлому столбу. У этого светлого столба я помолюсь двенадцати вихрям, двенадцати ветрам, двенадцати апостолам. Возьмите у меня тоску, сухоту, печаль. Возьмите, унесите, не оброните – за синие моря, за высокие горы, за дубовые болота в город (адрес, его фамилия, имя, отчество). Не бойтесь его, ни крестов, ни ветров, ни молитв. Втолкните ему в буйную голову, в ретивое сердце, в подколенные жилы, зубы и губы, устцы сахарные, в тело его белое, в печень его черную, в кровь его горячую. Все бы шел, все бы ехал к рабе Божьей (имя).

84

На море, на океане есть бел-горюч камень Алатырь, никем не ведомый. Под тем камнем скрыта сила могучая, и силы нет концы. Выпускаю я силу могучую на (имя)-молодца. Сажаю я силу могучую во все суставы, полусуставы, во все кости, полукости, во все жилы, полужилы, в его очи ясные, в его щеки румяные, в его грудь белую, в его ретивое сердце, в утробу, в его руки и ноги. Будь ты, сила могучая, с (имя)-молодцем неисходна. Жги ты, сила могучая, его кровь горячую, его сердце кипучее на любовь с (имя), красной девицей, на всю его жизнь.

85

Если муж (жених) гуляет, жена (невеста) ловит в реке рыбку. Поймав, говорит:

«Как рыбке тяжело без воды, так чтоб и милому было тяжело без меня».

86

Наговор на разлучение

Черт идет водой, волк идет горой.

Они вместе не сходятся, думы не думают,

Мыслей не мыслят, плоду не плодят, плодовых речей не говорят.

Так бы и рабы Божии (имена) мыслей не мыслили, плоду не плодили, плодовых речей не говорили, а все бы, как кошка с собакой жили.

Из коллекции
редких записей

В этот раздел включены некоторые редчайшие записи текстов, которые имеются в единственном варианте. Прежде всего это касается масленичных песен, записанных в Холмском районе в 1983 году М. А. Лобановым, ныне старшим научным сотрудником Российского института истории искусств, и студенткой Новгородского педагогического института Петренко И., тогда студенткой первого курса Новгородского педагогического института, проходившей фольклорную практику.

Теперь можно с уверенностью сказать, что мы располагаем уникальным текстом народной драмы «Атаман», известной больше под иным названием – «Лодка». Студентка первого курса Н. В. Антонова записала от семидесятичетырехлетней Черновой А. С., жительницы деревни Сотско Старорусского района драму, игравшуюся во время народных празднеств людьми старшего поколения, в частности, отцом исполнительницы. К редким записям относится и запись святочной игры «В покойника», записанная в Парфинском районе.

Деревенские молодежные посиделки были распространены в Новгородской области и имели в разных районах свои особенности. Архив располагает записями. Но мы включили в эту книгу лишь один материал.

Детский фольклор – явление малоизученное, но очень яркое. В качестве примера мы привели то, что было записано в разное время от детей разных возрастов. Заметно, что записи 60-х годов сохраняли более древние фольклорные черты. Очень интересно наблюдать, как от 60-х годов к концу XX века в традиционной форме (например, считалки) меняются образы, обозначая иные интересы ребенка и иное его восприятие мира.

Масленичные песни

(поются на гулянье во время Масленицы)

1

Наша масленица дырогая,
Дырогая, душа, дырогая,
Ты нямноженько пыстояла,
Пыстояла, душа, пыстояла.
А мы думали, семь няделек,
Семь няделек, душа, семь няделек,
Оказался, семь дянёчкыв,
Семь дянёчкыв, душа, семь дянёчкыв.
Нас скорешенько подманила,
Пыдманила, душа, пыдманила,
На большой посток пысадила.
Пысадила, душа, пысадила.

Сохраняются фонетические особенности исполнения.

2

А мы Масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали.
Мы на горочке не бывали,
Не бывали, душа, не бывали.
Блинков с маселицем не едали,
Не едали, душа, не едали.
С блинком горушку укладали,
Укладали, душа, укладали.
И мы маселицем поливали,
Поливали, душа, поливали.
Наша горушка, ох, катлива,
Ох, катлива, душа, ох, катлива,
А залесская калотлива,
Калотлива, душа, калотлива.
Наши девушки, ой, гульливы,
Ой, гульливы, душа, ой, гульливы,
А залесские, так блядливы,
Так блядливы, душа, так блядливы.

3

Эх, ты, пташечка полевая,
Полевая, душа, полевая,

И где ж ты ночушку ночевала,
Ночевала, душа, ночевала?
– В чистом полюшке, при дорожке
При дорожке, душа, при дорожке,
Тама шли, прошли скоморожи,
Скоморожи, душа, скоморожи,
И было у них по ножечку,
По ножечку, душа, по ножечку.
Они вырезали по пруточку,
По пруточку, душа, по пруточку,
Вот свели они по гудочку,
По гудочку, душа, по гудочку.
Вы, гудки мои, не гудите,
Не гудите, душа, не гудите,
Отца с матерью не будите,
Не будите, душа, не будите.
А мой батюшка за рекою,
За рекою, душа, за рекою,
Моя матушка за нивою,
За нивою, душа, за нивою.
Они пьют вино зеленое,
Зеленое, душа, зеленое,
У них чашечка золотая,
Золотая, душа, золотая,
Она по столу побежала,
Побежала, душа, побежала,
Всех гостей-пташек собирала,
Собирала, душа, собирала.

4

И как в городе в Ярославле,
В Ярославле, душа, в Ярославле,
Там ходила коза в сырафане,
В сырафане, душа, в сырафане,
Носила письмо у карманы,
Давала читать мужунами,
Мужунами, душа, мужунами,
Твоим борисовским богачами,
Богачами, душа, богачами,
А за залесскими да блядунами,
Блядунами, душа, блядунами.

5

У нас на горочке лен посеян,
Лен посеян, душа, лен посеян,
А во льну трава-повелица,
Повелица, душа, повелица,
У Михайла жена – кобылица,
Кобылица, душа, кобылица.
Она спит, лежит, что лосица,
Что лосица, душа, что лосица,
У ей работушка не спорится,
Не спорится, душа, не спорится,
У ей все с ручушек-то валится,
То валится, душа, то валится.
За водой пойдет – обольется,
Обольется, душа, обольется,
За дровам пойдет – разобьется,
Разобьется, душа, разобьется.
А за огнем пойдет – обожгётся,
Обожгется, душа, обожгётся.
А за хлебом пойдет – обожрётся,
Обожрется, душа, обожрётся.
За вином пойдет – обопьется,
Обопьется, душа, обопьется.

6

Ой, дорогая наша ли,
Ой, да наша масленка, эй,
Да наша хорошая,
Ой, да наша пригожая, эй.
Во покатайтесь-кра,
Ой, да красны девушки, эй,
У покули* воля,
Да воля, воля батюшкина, эй,
Ой, да другая-то,
Ой, да воля матушкина, эй.
Ой, да не ровён да сват,
Ой, да сватается, эй,
Ой, не ровен-то, дурак,

* Покули (*диал.*) – до тех пор, пока.

Дурак навяжется, эй.
И ён и не пустит меня
Гулять на улицу.
Ой, я украдкой да нагуляюся, ой,
Ой, наворуюся, ой, да нацелуюся.

Посиделки

7

Зайнька

(игровая песня исполнялась на посиделках)

Все сидят вокруг. Выходит парень. Он должен выбрать девушку. Пока он выбирает, сидящие поют:

Ходит зайнька,
Ходит серенький.
Зайка в сторону скочил,
Чего надобно купил,
На другу перескочил –
Там река глубока,
Речка тиновая,
Друга – рябиновая.
Ты, рябинушка, густа,
Бери девушку с куста.

Парень с выбранной девушкой идут по кругу. Им поют такую песню:

Ходит барин по горы,
С черной кожи сапоги.
Уж он хвалится, выхваляется:
– У меня, у меня, у меня хорошая,
У меня хорошая, девушка пригожая:
Речи бает, рассыпает,
Одна бровь – сто рублей,
У ей взгляд – пятьдесят,
Целоваться – шестьдесят.

Пара уходит. Выходит другой парень. Он выбирает себе пару. Ему поют:

Ты ходи, походи
В нашу круговую,
Выбирай, молодец,
Барышню любую.

Пара идет по кругу и уходит. Игра продолжается. Другим парам поются такие песни:

Мальчик маленький родился,
 Никуда не пригодился.
 Он маленечко подрос –
 В хоровод с девчонкам гожд.

Или:

Журав, журав долгоногий,
 Не ходи большой дорогой,
 А ходи-ка стороной,
 Борони-ка бороной,
 Бороной железною,
 Выбирай любезную.

Песни продолжаютя, пока все не окажется парами. Тогда все поют последнюю песню:

Как горнешенски ребята
 Разжились, разбылись,
 Понаставили дома,
 Дома каменные,
 Дома каменные,
 Стены раменные,
 С поднавесочками окошечки,
 Хрустальный потолок.
 Вы пожалуйста-ка ручку
 Да ступайте в хоровод.

Народная драма

8

Атаман

(напевный рассказ)

Атаман. Что за тишь, как здесь уютно,
 Будто край родной я зрю.
 Посмотрел бы хоть минутно –
 Всей душой по ней горю.

Я на злобу воповаю
 Восхищаюсь сам собой,
 Когда мой меч, в крови облитый,
 Держу, любуясь, пред собой.
 – Есаул, приходи бодрее, говори вернее,
 Измены мне не делай никогда.

Есаул. – Здравствуй, друг-атаман!

Атаман. – Здравствуй, друг есаул!
 На, саблю очисти, пицаль заряди.
 Смотри не мешкай, скорее приходи.

Есаул. – Саблю очистил, пицаль зарядил,
 Еще что прикажешь, ты мой господин.

Атаман. – Благодарю за службу, друг.
 Иди, будь свободен.
 Теперь и я отправлюсь как господин.
 Пойду прогуляюсь по Волге один.
 Не едет ли кто там по Волге
 На лодке или на судне?
 Я постараюсь дать им место на дне.
 Самому другу и то не спущу,
 В ужасной пучине как раз утоплю.

(Есаулам и фарбантам.)*

Мы не будем дураки,
 Кто бы ни был каким франтом,
 Всех изрубим на куски.
 Есаул, погляди в зрительную трубку,
 Не едет ли кто на лодке или на судне.

(Поют песню.) Ничего в волнах не ви-и-и-дно, только видно,
 Только слыши-и-но, только слышно,
 Одна лодочка красне-е-е-е, да краснеет,
 А на ней парусы беле-е-е-е, да белеют.
 Да на гребцах шляпы черне-е-е-е, да чернеют.

* Особенность произношения слова «фабрикант» – О. Б.

(Продолжают петь.)

Приворачивай, ребята, ко крутому бережочку,
Ко желтому ко песочку, ко желтому ко песочку,
К атаманову домочку, да домочку.
Весла в лодку, сами на берег,
И толь на горке, на горочке,
На высоком пригорочке.
Там стояли-то два дубчика,
На тех дубчиках голубчики сидят,
Промеж себя разговаривают,
Нас, молодчиков, подхваляют.
Где найти нам такого молодца,
Чтоб поднес бы нам по рюмочке винца?

Фабрикант *(рассказ)*.

Только вышел за ворота, точно так теперь я.
Говорить немного стану, вы поверьте мне, друзья,
Попадался старичонок и с бочонком в руках.

(Бросает на пол бочонок.)

Вот тебе, атаман-господин, винцо-пивцо.
Пей-попивай, фабрикантов шайки не забывай.

(Запевают.)

Друзья, бутылки наливайте,
И лейся через край вино.
Свою отчизну забывайте
И осушайте в рюмках дно.
Мы заберем в лес дремучий,
Землянки выроем мы там,
Свою добычу и прибычу
Всегда разделим пополам.
Взойди, взойди, красно солнышко
Над горою над висо-о-о-о, да над высокою,
Над поляночкой, да над широкою.
Обогрей нас добрых молодцев,
Да нас разбойничков, да беспорточников.

(Рассказывает.)

Что по бору-бору темному, бору темному, преужасному,
Проходила-то там туча грозная.

Впереди шел атаманничек, атаманничек тех разбойничков,
Был он задумавша, запечаливша об одной душе красной девице.
Ему девица, ему красная и с ума нейдет, все мерещится.

Есаул. Все тучки повисли,
На море пал туман.
Скажи, о чем задумался,
Скажи нам, атаман.
Здесь место незнакомо,
И я есть есаул,
Кругом твоего дому
Поставлю караул.

Атаман (*есаулу*).

Скажу я, признаюсь, что в душе утаил,
Девицу-красотку ведь я полюбил.
Лицо ее бело, как днем облака,
Глаза её черны, как Волга-река.
Она отсюда недалеко в замке с отцом.
Добудь-ка черноокою,
Так будешь молодцом.

Есаул. Это дело наше, спокоен только будь.
Наташу или Машу достанем как-нибудь.
Друзья, за мной, мы косную приготовили
И в поход сейчас пойдем.
Мы тот замок-то такой,
Мы его в прах разобьем.
Там сидит старик угрюмый,
Долго прожил на веку,
У старика деньги ведутся,
Давай пулей старика.

(Старика застреляет, а Наташу берут в плен и приводят к атаману.)

– Наташа, будешь ты моей женой?
– Как же мне быть твоей женой,
Когда разбойник ты лихой?
– Ведите её, негодную, в тюрьму,
Морите её голодом и жаждой...

(Наташа сидит в тюрьме и поет.)

Несчастлива я на свет родилась,
Не долго жизнь моя цвела,
И я в темнице очутилась.
Чем виновата я была?

Атаман. Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда.
Сходи приведи Наташу.

(Приводят Наташу.)

– Наташа, одумалась, будешь моей женой?
– Как же мне быть тебе женой,
Когда разбойник ты лихой?
– Ты предо мною не гордись,
А на колени становись.

(Она встает на колени.)

Пусть же льются слезы током,
Пусть я в горести живу,
Пусть терплю такие муки
Я во сне и наяву.

Атаман. Встань, встань, красавица,
Утетила ты меня своими словами.
Не хочешь быть моей женою,
Так сделаю слугою.
Есаул, подходи быстрее, говори вернее,
Измены мне не делай никогда.
– Здравствуй, друг есаул, сходи приведи Зарезу.

(Входит Зареза.)

– Здравствуй, друг атаман!
– Здравствуй, друг Зареза!
Должно быть, пьешь ты, как свинья.
Жениться, будто, ты желаешь,
Сказали мне вчера друзья.

Заре́за. Я жениться-то и желаю,
Господин ты мой честнуй.
Взял бы я попову дочку замуж и с попом.
Только дали б мне приданого
Бочку полную с вином.

Атаман. Ты все о водке мне толкуешь,
Пора и замолчать.
Водкой горла не запрудишь.
Дурак, я дело укажу,
Тебе невесту отыщу.
Притешь, приголубь,
Не делайся глуп.

(Обращается к Наташе)

Скажи мне, пташка дорогая,
Скажи-ка, любишь ли меня?
Вся жизнь моя истлела,
В свете краше нет тебя.
Хочешь ли быть моей женой?

Наташа. Как же мне быть твоей женой,
Когда ты пьяница лихой?

Атаман. Я водки мало выпиваю,
Больше ложкою хлебаю,
Чтоб не напиться допьяна.

(Вбегают рыцарь и подрывцарь – Наташины братья – и налетают на атамана.)

Не ты ль злодей, адский подлец,
От которого помер наш несчастный отец?
Не ты ль, злодей, губителем был,
Убил и брата двоюродного,
Убил сестру нашу родную?
Разбойник, дерзкий человек!
И ад разинет свою пропасть,
Проглотит тебя навек!

(Они кричат) – Коли его!
*(И ранят атамана.
 Он падает на колени, упирается штыком в землю.)*
 – Друзья, прощайте, я помираю.

Атаман *(есаулу)*. – А ты, друг мой, пойдешь домой,
 Скажи моей семье родной,
 Чтоб не ждали меня домой.

Умирает.

9. Игра в «покойника»

В Святки играли в покойника на посиделках.

Приносили голого мужика. Принесут мужика, ну, мертвый. Голого, голого принесут. Лежит и всё, и в гробу. И принесут. С ума сойдешь! Ну, там и орут, кричат. Страшно! На самом деле он не покойник.

А потом плёхнут водой, он и соскочит, и побежит. Так народ веселили. Кто хохочет, кто плачет. Мы-то знали, что он не покойник. Все равно страшно. Он наряжен. Зубы вот таки! (Показывает руками величину.) Сделаны из картошки, торчат. Страшный такой. Сажей вымажут. Визгу, крику бывало.

Народные игры

10. Тетера

Два-три играющих делают «воротики». Цепочка других игроков проходит в ворота (их ведет мать Тетера) и поют песню. В конце песни «воротики» опускают руки, пойманные игроки встают в круг.

Игра продолжается.

11. Дударь

Выбирается дударь. Он сидит в кругу. Остальные играющие ходят по кругу и поют, поддразнивая дударя. После песни спрашивают хором:

– Дударь, дударь, что болит?

Дударь показывает и называет все, что угодно. Игра повторяется до тех пор, пока дударь не произнесет:

– Все болит!

Все убегают, дударь догоняет, пойманный становится дударем.

12. Игра в камешки

Клади на стол по 5 камешков или любое другое число камешков, как уговаривались. Затем водящий подбрасывал их россыпью. Вначале один камень, затем два и до пяти или больше. Пока камень летит, его должен был поймать другой играющий. Выигрывал тот, кому удавалось поймать все камешки, подброшенные его соперниками. Ход (подбрасывание камней) переходил тому, кто не успевал ловить камешки.

Игра, сопровождавшаяся песнями, при помощи которых на зимних посиделках парни подбирали себе девушку в пару.

Загадки

13

Идут лесом,
Поют кукаресом,
Несут пирог с мясом

(Покойник)

14

Ходит баран по подполью,
Хвощет рогам по уголью.

(Мутовка в квашне)

– Церковка-соломеевка,
Кто тебя гладил?
– Я сама гладка.

(Бутылка)

15

Развалился собор,
Никому не собрать:
Ни попам, ни дьячкам,
Ни серебряничкам.

(Звезды)

16

Мать толста, дочь красна,
А сын кудреват, полетел на небеса.

(Печь, огонь, дым)

17

Под полом, полом
Ходит барыня с колом.
(Помело)

18

Поля стеклянные,
а межи деревянные.
(Рама)

19

Сам худ, а голова с пуд.
(Умывальник)

20

Встану поране, побегу к барану –
Толстой голове.
(Умывальник)

21

Две галки сидят на одной палке.
(Вёдра и коромысла)

22

Утка в море, а хвост на заборе.
(Ковш)

23

Ходит щука по заводи,
Ищет щука тепла гнезда,
Где бы щуке трава густа.
(Коса)

24

Без жил, без сустав, кверху встал.
(Тесто)

25

Что за загадка – под яйцами гладка?
(Сковорода)

26

Висит корова, дырка готова,
Пришёл бык, в дырку тык.
(Замок и ключ)

27

В Ленинграде рубят,
А в Москву щепки летят.

(Письма)

28

Стоит столбом, горит огнем –
Ни жару, ни пожару.

(Свечка)

29

Сушеным едят,
а вареным выкидывают.

(Лавровый лист)

30

1. Маленький, зелененький, шуршит?

(Шуршавчик)

2. Маленький, зелененький, шуршит,
но не шуршавчик?

(Брат шуршавчика)

31

1. Кто быстрее добежит до финиша:
мышка или слоник?

(Мышка, потому что у неё велосипед)

2. Как узнать, есть ли мышка в холодильнике
или нет?

*(Если рядом с холодильником стоит велосипед,
значит, мышка там)*

32

1. Что будет, если в автобус набить
много маленьких бегемотиков?

(Целый автобус бегемотиков)

2. Что будет, если в автобус набить
много крокодильчиков?

*(Ничего не будет, так как там
уже целый автобус бегемотиков)*

Загадки на логическое мышление*

33

1. По дороге ехала машина. За рулем водитель. Кто-то перебежал дорогу. Машина разбилась.

– Кто перебежал дорогу и почему разбилась машина?

Ответ. Машина разбилась, так как:

1) дорогу перебежала мышь;

2) за рулем сидела женщина; увидев мышь, она испугалась её и не справилась с машиной.

34

2. В экипаже ехали мать с дочерью. Они приехали в гостиницу. Их поселили в разных номерах: мать на втором этаже, дочь – на первом. Войдя в свой номер, мать посмотрела в зеркало, дочь у себя в номере сделала то же самое. Мать, посмотрев в зеркало, сразу же побежала к дочери в номер, но было уже поздно: дочь была мертва.

– Почему дочь была мертва?

Ответ. И мать и дочь были из древнего рода, который по внешности был очень страшным. Увидев себя в зеркале, мать испугалась и побежала к дочери, которая никогда не видела зеркала. Дочь умерла от разрыва сердца.

35

3. Мужчина, отсидевший очень большой срок, ехал в поезде. К нему в купе вошла женщина, на руках у неё были перчатки. Мужчина не обратил на нее никакого внимания, но как только женщина сняла перчатку, мужчина убил её. Суд его оправдал.

– Кто был мужчина, кто женщина? Почему он убил её? Почему суд оправдал его, хотя перед этим он отсидел очень большой срок?

Ответ. Мужчина и женщина – муж и жена. Жена, решив избавиться от мужа, подстроила убийство. Она отрубила себе палец и подкинула его мужу как улику в убийстве жены (т. е. её). Сама же, изменив внешность пластической операцией, уехала в другую страну. Мужчину обвинили в убийстве жены и посадили на огромный срок. Отсидев его, он возвращался домой в поезде.

В купе вошла женщина. Сняв перчатку, она показала руку, на которой не было одного пальца. Мужчина узнал в ней свою жену

* Так их называет рассказчица.

и убил её в отместку за то, что та его посадила. Но его оправдали, так как срок за убийство жены он уже отсидел.

36

4. В Америке был подготовлен шпион для засылки в Сибирь. Его обучили местному языку, наречию, дали тулуп, валенки, ушанку. Его невозможно было отличить от сибиряка. Но вот первая же встречающая бабуля-сибирячка, увидев его во всем этом одеянии, сказала: «Ну ты, шпион американский, что у нас выведываешь?»

– Как бабуля-сибирячка догадалась о шпионе?

Ответ. Шпион был негром.

5. Человек зашел домой. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Войдя в комнату, хозяин увидел труп.

– Что это был за труп? При чём тут стекло?

Ответ. Когда хозяин вошел домой, то сквозняком (очень сильным) снесло со стола аквариум (это звон стекла). В аквариуме жила рыбка, которая без воды умерла (это труп).

Правила разгадывания загадок

Для отгадывания можно задавать различные вопросы (наводящие), на которые загадывающий может отвечать только «да», «нет», «не имеет значения». Постепенно выстраивается цепь логических рассуждений, и загадка отгадывается.

Примечания

Настоящие примечания не касаются материала, вошедшего в разделы, описывающие свадебный и похоронный обряды Новгородской области. Приводимые в статьях тексты сопровождаются пояснениями (от кого они были записаны, когда и где), однако чтобы не перегружать текст, в него не вводились архивные шифры.

Примечания касаются остальных текстов и содержат имя исполнителя, сведения о его возрасте, месте, где производилась запись, дате записи, фамилию собирателя и иногда небольшие комментарии, связанные с конкретным текстом, затем следует архивный шифр единицы хранения.

Среди имен собирателей, упоминаемых здесь, можно выделить Петрову Л. Я., ныне преподавателя старославянского языка, доцента кафедры НовГУ, которая, будучи студенткой Ленинградского университета, собрала великолепный фольклорный материал в Пестовском районе.

Надо назвать кандидата искусствоведения Лобанова М. А., ныне старшего научного сотрудника Российского института истории искусств, председателя секции фольклора Союза композиторов С.-Петербурга, глубокого знатока новгородского фольклора. В экспедиции 1983 года по Холмскому району он записал циклы свадебных и масленичных песен. Участниками этой экспедиции были и студенты Новгородского педагогического института.

Яд материалов был записан студентом Новгородского педагогического института, а позднее аспирантом ИРЛИ Васильевым А. Г.

В основном записи, помещенные в данном издании, сделаны студентами Новгородского университета в период фольклорной практики.

Некоторые тексты архива НовГУ, публикуемые здесь, имеют дубликаты в архиве ИРЛИ РАН. Те материалы, которые были ранее напечатаны в изданиях Пушкинского Дома без ссылок на наш архив, в примечаниях указаны.

Свадебные и лирические песни

1. Евстигнеева Н. П., 1901 г. р., д. Красная Горка Пестовского района. Июль 1968 г. Записала Бердяева О. С. Пели девушки на девичнике в последнюю ночь у невесты.

2. Туманова У. И., 1904 г. р., д. Улома Пестовского района. 16.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-20. Пели до венца.
3. Исполняли: Боброва Е. К., Фролова А. В., 72 года; Родионова В. Р., 72 года; д. Погорелово Пестовского района. 18.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-29. Пели до венца.
4. Новожилова А. Н., 1908 г. р., г. Пестово. 30.06.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-24. Пели девушки до венца невесте-сироте.
5. Исполняли: Боброва Е. К., Фролова А. В. 72 года; Родионова В. Р., 72 года; д. Погорелово Пестовского района. 19.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-28. Пели до венца невесте-сироте.
6. Соколова Ф. М., 1911 г. р., д. Алехново Пестовского района. Июль 1968 г. Записали: Бердяева О.С, Быстрова Т. А. К 16-1-5. Пели до венца невесте-сироте.
7. Родионова В. Р., 1896 г. р., д. Погорелово Пестовского района. 17.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-30. Пели девушки, когда приезжал свадебный поезд.
8. Евстигнеева Н. П., 1901 г. р., д. Красная Горка Пестовского района. Июль 1968 г. Записала Бердяева О. С. Пели девушки, когда жених приезжал за невестой, чтобы ехать к венцу.
9. Евстигнеева Н. П., 1901 г. р., д. Красная Горка Пестовского района. Июль 1968 г. Записала Бердяева О. С. Пели девушки жениху, когда свадебный поезд возвращался из церкви.
10. Новожилова А. Н., 1908 г. р., г. Пестово. 30.06.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-25. Пели невесте, когда идут к венцу.
11. Исполнили: Чурбанова М. К., Белорусова А. Е., Вишнякова Е. С., Веселова Ф. И., Веселова Е. Е., д. Кузюпино Пестовского района. Июль 1968 г. Записали: Бердяева О. С., Быстрова Т. А. К 16-1-42. Когда жених и невеста отъезжали к венцу.
12. Исполняли: Боброва Е. К., Фролова А. В., 72 года; Родионова В. Р., 72 года; д. Погорелово Пестовского района. 19.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-31. Пели, когда приезжали от венца.
13. Кузнецова А.И., 73 г., д. Озерёво Боровичского района. 10.07.74. Записали: Гурьянова Н.Я., Иванова Г.В. Пелось сиротам.
14. Кузнецова А.И., 73 г., д. Озерёво Боровичского района. 10.07.74. Записали: Гурьянова Н.Я., Иванова Г.В. Пелось гостям.
15. Кузнецова А.И., 73 г., д. Озерёво Боровичского района. 10.07.74. Записали: Гурьянова Н.Я., Иванова Г.В.
16. Маркова О.М., 71 г., д. Укроево Боровичского района. 3.07.74. Записали: Гурьянова Н. Я., Иванова Г. В. К5-19-16. Пелось жениху.
17. Ильина Е.Н., 63 г., д. Укроево Боровичского района. 3.07.74. Записали: Гурьянова Н.Я., Иванова Г.В. К 56-19-17. Пелось жениху.
18. Бочкова А.И., 67 л., д. Ёгла Боровичского района. 8.11.75. Записала Бочкова В.Н. К 6А-2-3. Исполнялась после венца.
19. Бочкова А.И., 67 л., д. Ёгла Боровичского района. 8.11.75. Записала Бочкова В.Н. К 6А-2-2. Исполнялось до венца.
20. Бочкова А.И., 67 л., д. Ёгла Боровичского района. 8.11.75. Записала Бочкова В.Н. К 6А-2-4.
21. Смирнова Е.Я., д. Устье-Кировское Пестовского района. Июль 1975 г. К 6а-2-10. Песня исполнялась накануне свадебного дня на девичнике.

22. Ефимова А. Д., 72 г., д. Аполец Холмского района. 2.02.83. Записала Грустнова Л. В. К 11-11-5.
23. Ефимова А. Д., 72 г., д. Аполец Холмского района. 2.02.83. Записала Грустнова Л. В. К 11-11-6.
24. Ефимова А. Д., 72 г., д. Аполец Холмского района. 2.02.83. Записала Грустнова Л. В. К 11-11-7.
25. Комиссарова А. Н., 1909 г. р., д. Морильница Старорусского района. 08.07.87. Записали: Клюева Е., Павлова О., Егорова О., Жаворонкова О., Григорьева Ю. К 15-11-61.
26. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-1. Пелось невесте сироте, когда собирались в церковь.
27. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-2.
28. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-4. Пели невесте перед отправлением к венцу.
29. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-5. Пели молодым от венца.
30. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-6. Пели жениху и невесте, садясь за свадебный стол.
31. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-7. Пели за столом шурина.
32. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-8. Пели жениху.
33. Волкова Д. Н., 1913 г. р., д. Борисово Холмского района. 27.07.92. Записали: Михайлова Е. В., Хлусова Л. В. К 20-4-9. Пели невесте, когда благословляли.

Сказочная проза

Сказки о животных

1. *Курочка и кочеток*. Семенова Е. П., 1917 г. р., г. Новгород. Июль 1991 г. Записал Шаталов А. К 19-5-43.
2. *Коза-дереза*. Петров Н. Р., 1903 г. р., д. Милославское Новгородского района. 05.02.1983. Записала Парамонова К. В. К 11-6-4. Копия находится в архиве ИРЛИ РАН. В издании «Традиционный фольклор Новгородской области». СПб, 2001 – данный текст опубликован за № 20, в нем ошибочно указан другой исполнитель.
3. *Козочка, заяц и петух*. Александрова П. Я., 1910 г. р., д. Большое Лановщино Маловишерского района. 29.07.87. Записала Максимова О. И. К 15-6-60, 61.
4. *Коза-дереза, заяц и петух*. Копышева М. М., 62 года, д. Хотяж Новгородского района. 14.11.1975. Записала Никитина Н. Н. К 6а-5-29.
5. *Про козу Дерезу*. Афанасьева А. С., 1929 г. р., пос. Панковка Новгородского района. 01.08.93. Записали Коновалова Е. А., Афанасьева Е. В. К 21-5-29, 30, 31.
6. *Про козу*. Ващура К. Е., 1914 г. р., уроженка Белгородской обл. Записано в г. Валдай, 20.08.93, Антоновой Л. К 21-14-3.
7. *Котопфей Иванович*. Федорова В. Е., 62 года, д. Мстиже Демянского района. 07.07.1990. Записали Иванько А. Н. и Гусева Т. Г. К 18-4-72.
8. *За курочку – гусочку*. Федорова В. Е., 62 года, д. Мстиже Демянского района. 07.07.1990. Записали Иванько А. Н. и Гусева Т. Г. К 18-4-76.

9. *Хитрая лиса*. Копышева М.М., 62 года, д. Хотяж Новгородского района. 14.11.1975. Записала Никитина Н. Н. К 6а-5-118.
10. *Про петушка и курочку*. Ващура К. Е., 1914 г. р., уроженка Белгородской обл. г. Валдай. Записано 20.08.93 Антоновой Л. К 21-14-11.
11. *Сказка про жаронки*. Леонтьева Е. С., 1909 г. р., д. Кречнино Окуловского района. Записано в июле 1987 г. К 15-8-25.

Волшебные сказки

12. *Кудряши и Ильмена*. Жукова П. В., 61 год, д. Белушки Окуловского района. 31.12.1973. Записала Митрофанова Т. А. К 5а-8-16.
13. *Волшебное кольцо*. Стрелкина У. Е., 1886 г. р., д. Коровино Пестовского района. 07.07.68. Записали: Бердяева О. С., Гусева Л. А., Быстрова Т. В. К 3-2-7. Вариант сказки находится в архиве ИРЛИ РАН, колл. 241.
14. *Волшебная рубашка*. Савёнова К. А., 1906 г. р., д. Лутовёнка Валдайского района. Записано 08.08.1988. К 16-5-13.
15. *Ваня и ведьма*. Ващура К. Е., 1914 г. р., уроженка Белгородской обл. Записано в г. Валдай, 20.08.93, Антоновой Л. К 21-14-5.
16. *Лихо Одноглазая*. Кузьмина П.А., 81 год, д. Нечаино Старорусского района. 04.12.1976. Записала Красавина Т. В. К 7-15-12.
17. *Сказка о трех апельсинах*. Машина В., 15 лет, д. Беззубцево Пестовский р-н. Записано 03.08.1968. К 3-2-4, 5.
18. *Чудо-дерево*. Савёнова К. А., 1906 г. р., д. Лутовенка Валдайского района. Записано 12.08.1988. К 16-5-10.
19. *Муж-уж*. Сидорова З. И., 1938 г. р., д. Вотolino Демянского района. 10.08.90 г. Записали: Кичигина Ю. В., Фомина Н. Н., Ляховская Е. Е., Семенова Н. В. К 18-4-15,16.
20. *Муж-гад*. Стрелкина У. Е., 1886 г. р., д. Коровино Пестовского района. 07.07.68 г. Записали: Бердяева О. С., Гусева Л. А., Быстрова Т. В. К 3-2-9. Вариант сказки находится в архиве ИРЛИ РАН, колл. 241.
21. *Сказка про двух братьев*. Поликарпова А. Д. 1912 г. р., пос. Масеево Мурманской обл. 4.08.98 г. записала Шепелева Е. К. К ЙЙ (98)-5.
22. *Волшебная тросточка*. Стрелкина У. Е., 1886 г. р., д. Коровино Пестовского района. 07.07.68. Записали: Бердяева О. С., Гусева Л. А., Быстрова Т. В. К 3-2-11. Вариант сказки находится в архиве ИРЛИ РАН, колл. 241.

Новеллистические сказки

23. *Мудрая внучка*. Большакова М. Н., 68 лет, д. Красные Станки Новгородского района. 07.11.1975. Записали Шмелева А. А., Федорова Е. В. К 6б-10-27.
24. *Про Ванечку-дурачка*. Маслакова В. И., 1915 г. р., д. Вольная Горка Батецкого района. Записали 19.07.93 Дмитриева О. О., Старченко М. А. К 21-12-33.
25. *Хитрый зять*. Большакова М. Н., 68 лет, д. Красные Станки Новгородского района. Записали 07.11.1975 Шмелева А. А., Федорова Е. В. К 6б-10-28.
26. *Муж и жена спорщики*. Белов Н.И., 1952 г. р., д. Хотяж Новгородского района. 30.07.96. Записали Родионова М., Белова А., Катаева А. К 24-10-42. Копия передана в архив ИРЛИ РАН.
27. *Сын-женых*. Лукина М. Г., 74 года, с. Поддорье. Записано 05.12.1975 Михайловой Е. В. К 6б-13-2.

28. *О двух братьях, бедном и богатом*. Соцкова Е. А., 68 лет, д. Холынья Новгородского района. 27.11.1974. Записала Семенова Е. Г. К 5а-8-184,185.
29. *Пастушок и царь*. Тимофеев П. Т., 85 лет, д. Горушка Старорусского района. 09.12.1974. Записала Васильева М. Н. К 5б-14-32. Копия текста передана в архив ИРЛИ РАН.
30. *Сказка о том, как бедный мужик делил гуся у царя*. Тимофеев П. Т., 85 лет, д. Горушка Старорусского района. 09.12.1974. Записала Васильева М. Н. К 5б-14-33. Копия передана в архив ИРЛИ РАН.
31. *Мужик и барин*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского района. 18.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-8.
32. *Как цыган старуху крестил*. Деревня Елкино Пестовского района. Записано от группы женщин, вспомиавших об известной рассказчице и шутнице Марье Петровне (фамилия ее не зафиксирована). Среди вспомиавших были: Богатырева Ф. И., Сазанова М. А., Орлова У. К., Костыгова Н. С. Запись от 09.07.1968 Петровой Л. Я. К 3-2-6. Копия текста находится в архиве ИРЛИ РАН.
33. *Про солдата*. Иванова Т. Н., 68 лет, д. Григорьево Батецкого района. Записано в июле 1989 Ивановой О. К 17-1-15, 16.
34. *Сказка о похождениях солдата*. Кузьмина П. А., 81 год, д. Нечаино Старорусского района. 04.12.1976. Записала Красавина Т. В. К 7-15-13.
35. *Солдатская загадка*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского района. 18.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-9.
36. *Солдат-рассказчик*. Малышева М. Т., д. Лукенщина Новгородского района. 25.06.1984. Записала Сурикова Н. В. К 12-5-6.
37. *Находчивый солдат*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского района. 18.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-1.
38. *Два брата и волшебная береза*. Петров Н. Р., 1903 г. р., д. Милославское Новгородского района. 05.02.1983. Записала Парамонова К. В. К 11-6-3. Копия передана в архив ИРЛИ РАН. В издании «Традиционный фольклор Новгородской области» (СПб, 2001) данный текст опубликован за № 96, в нем ошибочно указан другой исполнитель.
39. *Хитрый крестьянин*. Евсеева А. В., 70 лет, д. Тополево Парфинского района. 12.01.1971. Записала Литова Л. А. К 2-5-5. Копия передана в архив ИРЛИ РАН.
40. *Ванюшка и поп*. Федорова В. Е., 62 года, д. Мстиже Демянского района. 07.07.19-90. Записано Иванько А. Н., Гусевой Т. Г. К 18-4-70, 71. Копия передана в архив ИРЛИ РАН.
41. *Наговорная водица*. Лазарева А. Т., 70 лет, д. Горка Боровического р-на. 18.02.1992. Записала Цейтлина А. Г. К 20-8-12.
42. *Как муже жену проучил*. Ряхинова Н. З., 79 лет, д. Чепурино. Записано 04.07.68. К 3-2-3.

Небылицы

43. *Волшебные бобинка и горошинка*. Федорова В. Е., 62 года, д. Мстиже, Демянский р-он. 07.07.1990 г. Записали Иванько А. Н. и Гусева Т. Г. К 18-4-74.
44. *Сказка о том, как мужик на небо ходил*. Шабанова Е. М., 71 год, Новгород. Записала 28.12.1974 Бойкова Е. А. К 5а-8-43, 44. Второй экземпляр текста находится в архиве ИРЛИ РАН.

45. *Как бабка с неба упала*. Петров Н. Р., 1903 г. р., д. Милославское, Новгородского района. 05.02.1983. Записала Парамонова К. В. К 11-6-5. Копия текста была передана в архив ИРЛИ РАН. В издании «Традиционный фольклор Новгородской области» (СПб, 2001) данный текст опубликован за № 16, в нем ошибочно указан другой исполнитель.
46. *Как мужик жеребеночка высиживал*. Белова А. М., 73 г., д. Хотяж Новгородского района. 16.07.96. Записали: Родионова М., Белова А., Катаева А. К 24-10-40.
47. *Рыбак и охотник*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского района. 18.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-7.

Были и былички

48. *Про старую жизнь*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского р-н. 18.05.2000. Записала Бурьян О.М. К 28-8-5.
49. *Про сапожника и его жену*. Анишин Г. А., 50 лет, д. Большая Витонь Шимского района. 18.05.2000. Записала Бурьян О.М. К 28-8-6.
50. *Быль про попа*. Филиппов А. Д., 85 лет, с. Едрово Валдайского р-на. 06.08.1999. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-59.
51. *Поехал мужик на промыслы*. Семенова Е. П., 1917 г. р., г. Новгород. Июль 1991. Записал Шаталов А. К 19-5-42.
52. *Раз зимою*. Семенова Е. П., 1917 г. р., г. Новгород. Июль 1991 г. Записал Шаталов А. К 19-5-42.

Мертвецы и проклятые

53. *Варушка-покойница*. Сидорова З. И., 58 лет, д. Вотолينو Демянского района. 10.07.90. Записали Кичигина Ю. В., Фомина Н. Н., Ляховская Е. Е., Семенова Н. В. К 18-4-15, 16. Копия текста передана в архив ИРЛИ РАН.
54. *Гость-покойник*. Сидорова З. И., 58 лет, д. Вотолينو Демянского района. 10.07.90. Записали: Кичигина Ю. В., Фомина Н. Н., Ляховская Е. Е., Семенова Н. В. К 18-4-12, 13. Копия текста передана в архив ИРЛИ РАН.
55. *Как парень мертвеца перехитрил*. Волкова А. А., 75 лет, г. Пестово. 28.12.1976. Записала Голицына И. Н. К 7-14-22.
56. *Жена из могилы*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-2. Помнит со слов покойной бабушки.
57. *Как я помер*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-3. Помнит со слов покойной бабушки.
58. *Случай на кладбище*. Завирина М. А., 1923 г. р., пос. Пола Парфинского р-на. 09.06.99. Записала Бердяева О. С. К 27-7-35.
59. *Солдат и чудовище*. Кузьмина П. А., 81 год, д. Нечаино Старорусский район. 04.12.1976. Записала Красавина Т. В. К 7-15-14.
60. *Проклятая*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-5.
61. *Из люльки потерялась*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О.М. К 28-8-9. Помнит со слов покойной бабушки.

Нечистая сила

62. Завирина М. А., 1923 г. р., пос. Пола Парфинского р-на. 09.06.99. Записала Бердяева О. С. К 27-7-35.

63–71. Яковлева П. А., 70 лет, г. Малая Вишера. 25.08.76. Записала Чекменева Г. В. К 7-8-8-16. Копия текста была передана в архив ИРЛИ РАН.

72–76. *Черт и крестьянин*. Борисов М. Н., 1914 г. р., пос. Сясьстрой Волховского района Ленинградской обл. 16.08.1987. Записала Свистунова Н. К 15 (II)-1-10-14.

Легенды и предания

Христианские легенды

77. *Суд святых*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-10. Помнит со слов покойной бабушки.

78. *Притча про Илью*. Филиппов А. Д., 85 лет, с. Едрово Валдайского района. 06.08.1999. Записала Выгодина Т.С. К 27-3-57, 58.

79. *Божья награда*. Стрелкина У. Е., 1886 г. р., д. Коровино Пестовского района. 07.07.1968. Записали Бердяева О. С., Гусева Л. А., Быстрова Т. В. К 3-2-5. Вариант сказки находится в архиве ИРЛИ РАН, колл. 241.

О богатырях и силачах

80. *Иван Лобанов на Архангельской пристани*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-13, 14, 16, 17. Помнит со слов покойной бабушки.

81. *Коням не под силу*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-14. Помнит со слов покойной бабушки.

82. *Силач Иван Носков*. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-17.

83. Была девочка. Панова М. В., 24 года, пос. Шимск. 26.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-8-16.

Исторические предания

84. *Петр I и солдат*. Богданов Н. А., 52 года, д. Мостоково Пестовского района. 28.11.1976. Записала Румянцева Г. В. К 7-14-10, 11. По словам рассказчика, он «слышал эту сказку от старшего брата».

Топонимические предания

85. *Священный крест*. Жукова П. В., 61 год, д. Белушки Окуловский р-н. 31.12.1973. Записала Митрофанова Т. А. К 46-9-14.

86. *Золотая гора*. Жукова П. В., 61 год, д. Белушки Окуловский р-н. 31.12.1973. Записала Митрофанова Т. А. К 46-9-14.

87. *Деревня Брагин Остров*. Алексеева А. А., 1908 г. р., д. Поддубье Маловишерского района. 13.10.1988. Со слов Васильевой А. М. записала Семенова М. Н. К 16-8-1.

88. *Смерть рыцарей*. Алексеева А. А., 1908 г. р., д. Поддубье Маловишерского района. 13.10.1988. Со слов Васильевой А. М. Записала Семенова М. Н. К 16-8-1.

89. *Речка Псижа*. Бухарова А. И., 1925 г. р., д. Березовка Вологовского района. 08.07.1994. Записала Васильева Е. С. К 22-2-1.

90. Бобров Я. М., 77 лет, д. Ивановское Мошенской р-н. 25.08.1995. Записала Боброва Л. Ю. К 25-5-12.

Прибаутки, докумные сказки

90. *Сказка-миказка*. Петров Н. Р., 1903 г. р., д. Милославское Новгородского района. 05.02.1983. Записано Парамоновой К. В. К 11-6-2. Копия текста хранится в архиве ИРЛИ РАН. В издании «Традиционный фольклор Новгородской области» (СПб, 2001) данный текст опубликован за № 10, в нем ошибочно указан другой исполнитель.
91. *Сивенький сивочек*. Шабанова Е. М., 71 год, г. Новгород. 25.08.1974. Записала Бойкова Е. А. К 5а-8-45. Копия текста хранится в архиве ИРЛИ РАН.
92. *Жил-был царь*. Семенова Е. П., 1917 г. р., г. Новгород. Июль 1991 г. Записал Шаталов А. К 19-5-42.
93. *Я сидел на пню*. Феофанова Л. Е., 1899 г. р., д. Село Гора Новгородского района. 10.11.1976. Записала Шибанова Л. К 7-12-68.

Заговор в фольклорном архиве Новгородского университета

На здоровье

1. *На здоровье*. Федорова М. И., 1906 г. р., д. Бажонка Демянского района. 15.10.1976. Записала Богданова В. М. К 7-5(1)-2.
2. *От болезней*. Терентьева М. Г., 1920 г. р., д. Мокрый Остров Крестецкого района. 20.10.1974. Записала Макарова А. С. К 5а-3-1.
3. *От болезни*. Куприянова Н. П., 1926 г. р., д. Борисово Старорусского района. Июль 1995 г. К 23-10-23.
4. *От недомогания и головной боли*. Мурашова М. С., 1909 г. р., д. Горшково Демянского района. 13.12.76. Записала Богданова В. М. К 7-5(1)-3.

От разных болезней

5. *От «огня»*. Иванова А. Т., 1900 г. р., д. Ячвено Окуловского района. Июль 1986 г. К 14-9а-6.
6. *От боли живота*. Сторожевая М. Н., 1901 г. р., д. Колома, Старорусский район. 30.01.1984. Записала Дергачева З. И. К 12-9-75.
7. *От свинок*. Алексеева А. И., 1920 г. р., г. Старая Русса. 29.07.1997. Записала Назарова И. Н. К 25-10-5.
8. *От удара (синяка)*. Савельева П. П., 1910 г. р., пос. Окуловка. Июль 1990 г. К. 18-12-12.
9. *От боли уха*. Михайлова А. И., 1923 г. р., д. Заборье Валдайского района. 26.08.1991. Записала Павлова Л. К 19-3-13.
10. *От детского переполоха*. Шведова Н. С., 1958 г. р., пос. Шимск. 21.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-10-4.
11. *От судорог детских*. Шведова Н. С., 1958 г. р., пос. Шимск. 21.05.2000. Записала Бурьян О. М. К 28-10-3.

От глаза

12. *От глаза*. Петрова А. А., 1905 г. р., д. Дубцы Батецкого района. 29.12.1975. Записала Алексеева Н. А. К 6а-1-20.
13. *От дурного глаза*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.1990. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-57.

14. *От сглаза*. Савельева П. П., 1910 г. р., пос. Окуловка. Июль 1990 г. К 18-12-14.
15. *От сглаза*. Никифорова Л. И., 1900 г. р., д. Жилино Старорусского района. Июль 1976 г. К 7-15-5.
16. *От уреков (от сглазу, от осуда)*. Смирнова Нина, 1928 г. р., д. Жежванниково, Старорусский район. Июль 1988 г. Записала Красникова Л. К 16-10-3.
17. *От сглаза*. Куприянова Н. П., 1926 г. р., д. Борисово Старорусского района. Июль 1995 г. К 23-10-23.
18. *От уреков*. Иванова Г. С., 1923 г. р., д. Кованцы Волоотовского района. Авг. 1990 г. К 18-3-90.
19. *От лихого глазу*. Веселова Е. Ф., 1913 г. р., д. Шуя Валдайского района. Июль 1986 г. Записала Филина Л. К 14-2-42.

От суреков

20. Алексеева А. И., 1920 г. р., г. Старая Русса. 29.07.1997. Записала Назарова И. Н. К 25-10-4.

От осуда

21. Козлова Е. А., 1906 г. р., д. Стуковья Крестецкого района. Авг. 1986 г. Записала Федорова И. К 14-4-68.
22. Антонова М. К., 1924 г. р., д. Наволок Валдайского района. 07.07.1999. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-4.
23. Иванова А. И., 1905 г. р., д. Мокрый Остров Крестецкого района. 28.12.1975. Записали Бурдакова Л., Иванова Л. К 66-10-11.

От порчи

24. *Против наговора*. Козлова Е. А., 1906 г. р., д. Стуковья Крестецкого района. Авг. 1986 г. записала Федорова И. К 14-4-68.
25. *От порчи*. Иванова П. Д., 1912 г. р., д. Тарасово Демянского района. 09.02.1986. Записала Иванова Т. К 14-3-1.
26. *От порчи*. Антонова М. К., 1924 г. р., д. Наволок Валдайского района. 07.07.1999. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-4.

От dospешки

27. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.1990. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-62.
28. Петухова Е. В., 1908 г. р., д. Разгон Любытинского района. Июнь 1986 г. Записала Петухова Е. К 14-5-8.

От спешки

29. Ефремова П. Ф., д. Веретье Новгородского района. Записано в июле 1974 года. К 5-8-20.
30. *От перелома*. Федорова А. Ф., 1912 г. р., п. Песь Хвойнинского района. 05.12.1975. Записала Григорьева Г. Н. К 6в-17-19.

От грыжи

31. *От грыжи по костям*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.1990. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-50, 63.

32. *От грыжи (ребенку)*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.1990. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-50, 63.
33. Антонова М. К., 1924 г. р., д. Наволок Валдайского района. 07.07.1999. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-8.
34. Михайлова А. И., 1923 г. р., д. Заборье Валдайского района. 26.08.1991. Записала Павлова Л. К 19-3-14.

От золотухи, рожи

35. *От золотухи*. Сипина Л. И., 1885 г. р., д. Ровное Боровичского района. 15.11.75. Записала Бочкова В. В. К 6а-2-27.
36. *От золотухи*. Егорова Т. Ф., 1908 г. р., д. Передки Боровичского района. 15.08.76. Записала Навалихина М. В. К 7-2-37.
37. *От рожи*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 8.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-54.

От фурункулов и лишая

38. *От фурункулов*. Елева А. П., 1900 г. р., г. Боровичи. 16.11.76. Записала Громогласова. К 7-2-13.
39. *От чирья*. Иванова М. И., 1900 г. р., д. Пятилипы Новгородского района. 22.08.74. Записала Веселова Л. М. К 5а-8-14.
40. *От чирья*. Гарусова М. А., 1928 г. р., д. Малышево Пестовского района. 5.08.92. Записала Крючкова И. А. К 20-7-23.
41. *От фурункулов*. Никифорова Л. И., 76 лет, д. Жилино Старорусского района. 28.10.1976. Записала Богданова А. К 7-15-40.
42. *От лишая*. Алексеева Е. П., 1923 г. р., д. Бронница Новгородского района. 14.11.1992. Записала Смирнова И. В. К 20-1-18.

От кругов

43. Дмитриева П. И., 1989 г. р., д. Большие Гривы Волоотовского района. 20.12.1974. Записала Нестерова Н. К 5а-3-2.

От ячменя (писяка)

44. Елева А. П., 1900 г. р., г. Боровичи. 16.11.1976. Записала Громогласова. К 7-2-13.
45. Гарусова М. А., 1928 г. р., д. Малышево Пестовского района. 05.08.1992. Записала Крючкова И. А. К 20-7-23.
46. Яковлева Л. В., 1958 г. р., г. Боровичи. 08.08.1997. Записала Яковлева Е. Д. К 25-1-1.
47. Дмитриева М. А., 1900 г. р., д. Парахино Окуловского района. Июль 1974 г. Записала Купцова Е. Н. К 5а-9-19.

От грудницы (маститы)

48. Петрова А. А., 1905 г. р., д. Дубцы Батецкого района. 29.12.1975. Записала Алексеева Н. А. К 6 (а)-1-18.
49. Куприянова Н. П., 1926 г. р., д. Борисово, Старорусский район. Июль 1995 г. К 23-10-24.
50. Антонова М. К., 1924 г. р., д. Наволок Валдайского района. 07.07.99. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-4.

51. *От сосков*. Сторожевая М. Н., 1901 г. р., д. Колома, Старорусский район. 30.01.84. Записала Дергачева З. И. К 12-9-75.

На остановление крови

52. Петрова А. А., 1905 г. р., д. Дубцы Батецкого района. 29.12.1975. Записала Алексеева Н. А. К 6а-1-20.
53. Антонова М. К., 1924 г. р., д. Наволок Валдайского района. 07.07.1999. Записала Выгодина Т. С. К 27-3-4.
54. Куприянова Н. П., 1926 г. р., д. Борисово Старорусского района. Июль 1995 г. К 23-10-23.
55. Смирнова М. Ф., 1902 г. р., ст. Кабожа, д. Горка Хвойнинского района. 31.12.1986. Записала Смирнова Н. С. К 14-14-193.

От бессонницы и ночницы

56. *От бессонницы*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 8.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-49.
57. *От детской бессонницы*. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 8.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-49.
58. *От детской бессонницы*. Савельева П. П., 1910 г. р., пос. Окуловка. Записано в июле 1990 г. К 18-12-13.
59. *От бессонницы*. Васильева П. И., 1910 г. р., д. Нагово Старорусского района. 24.10.75. Записала Егорова В. А. К 6в-15-32.
60. *От ночницы*. Смирнова Н., 1928 г. р., д. Жежванниково Старорусского района. Июль 1988 г. Записала Красникова Л. К 16-10-4.

От волоса

61. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-60.
62. Куприянова Н. П., 1926 г. р., д. Борисово Старорусского района. Июль 1995 г. К 23-10-24.

От зубной боли

63. Павлова Л. П., 1919 г. р., с. Яжелбицы Валдайского района. 05.02.86. Записала Абрамова С. К 14-2-29.
64. Смирнова Е. Т., 1930 г. р., д. Новое Ракомо Новгородского района. 21.12.75. Записали Гусева М. А., Кривель Н. М. К 6а-5-76.

От мозолей

65. Егорова Т. Ф., 1908 г. р., д. Передки Боровичского района. 15.08.76. Записала Навалихина М. В. К 7-2-37. Копия текста передана в архив ИРЛИ РАН.

От бородавок

66. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-57.
67. Соловьева А. Т., 1920 г. р., г. Пестово. 20.07.84. Записала Смирнова М. Ф. К 12-7-9.

Заговоры, связанные с домом и домашним хозяйством

68. *От нечистой силы, когда первый раз входишь во двор*. Петрова А. А., 1999 г. р., д. Дубцы Батецкого района. 29.12.75. Записала Алексеева Н. А. К 6а-1-19.

69. *При выгоне скота весной*. Федорова М. И., 1906 г. р., д. Бажонка Демянского района. 15.10.76. Записала Богданова В. М. К 7-5(1)-2.
70. *От укуса змеи*. Фадичева М. Н., 1909 г. р., пос. Окуловка. 25.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-12-4.
71. *Когда корова не дает молока*. Соловьева А. Т., 1920 г. р., г. Пестово. 20.07.84. Записала Смирнова М. Ф. К 12-7-9.

На удачную торговлю

72. Большакова А. Ф., 1908 г. р., д. Осинушка Демянского района. Авг. 1988 г. Записала Шумейко С. К 16-19-2.

На вход в лес

73. Сторожевая М. Н., 1901 г. р., д. Колома, Старорусский район. 30.01.84. Записала Дергачева З. И. К 12-9-76.
74. Яковлева А. Я., 1900 г. р., д. Озерки Поддорского района. 24.06.84. Записала Алексеева. К 12-8-8.

От змеиного укуса

75. Павлова Л. П., 1919 г. р., с. Яжелбицы Валдайского района. 05.02.86. Записала Абрамова С. К 14-2-29.
76. Алексеева А. И., 1920 г. р., г. Старая Русса. 29.08.97. Записала Назарова И. Н. К 25-10-5.
77. Мослякова Г. А., 1898 г. р., с. Анциферово Хвойнинского района. 10.12.82. Записал Тийслер Ю. К 10-1-59. Копия текста передана в архив ИРЛИ РАН.

На разные случаи жизни

78. *После венчания*. Козырева У. А., 1897 г. р., п. Любытино Любытинского района. 08.11.75. Записала Хайло Е. Л. К 66-9-15.
79. *Если кто умер*. Соколова Л. П., 1955 г. р., д. Покровское Мошенского района. 30.12.73. Записала Соколова Р. П. К 4а-6-6.
80. *От испуга*. Михайлова А. И., 1923 г. р., д. Заборье Валдайского района. 26.08.91. Записала Павлова Л. К 19-3-14.
81. *От грозы*. Баронова Е. В., 1904 г. р., г. Новгород. 15.11.76. записала Бушуева Е. Б. К 7-11-340.

От тоски и печали

82. Федорова А. И., 1915 г. р., г. Боровичи. 08.07.90. Записала Жукова Е. Н. К 18-1-51.

Приворотные и на разлучницу

83. Иванова Г. С., 1923 г. р., д. Кованцы Волотовского района. Август 1990 г. К 18-3-90.
84. Иванова О. И., 1927 г. р., д. Стёново Окуловского района. Июль 1990 г. Записала Васильева Н. Н. К 18-12-9.
85. Смирнова А. Т., 1929 г. р. г. Пестово. 16.07.84 г. Записала Смирнова М. Ф. К 12-7-16.
86. *Наговор на разлучение*. Бабкина З. В., 1918 г. р., д. Луга Маловишерского района. Август 1990 г. Записали Демидова Т., Манухина Е. К 18-7-2.

Из коллекции редких записей

Масленичные песни

- 1–4. Андреева Д. Н., 1913 г. р., Григорьева П. И., 1915 г. р., Петрова К. П., 1912 г. р., Леонова П. Н., 1926 г. р.; д. Борисово Холмского района. 24.07.83. Записали Лобанов М. А., Петренко И. А. К 11-12-11-15.
5. Андреева Д. Н., 1913 г. р., Григорьева П. И., 1915 г. р., Петрова К. П., 1912 г. р., Леонова П. Н., 1926 г. р.; д. Борисово Холмского района. 24.07.83. Записали Лобанов М. А., Петренко И. А. К 11-12-11.
6. Боброва Е. К., Фролова А. В., Родионова Ф. А., д. Погорелово Пестовского района. 19.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-60.

Посиделки

7. Торопина П. Г., 1898 г. р., д. Горнешно Окуловского района. 07.07.74. Записала Иванова О. В. К 5а-9-34.

Народная драма

8. *Атаман (напевный рассказ)*. Чернова А. С., 1874 г. р., д. Морильницы. 15.12.76. Записано Антоновой Н. В. в д. Сотско Старорусского района. К 4-4-7. Данный текст был опубликован Жекулиной В. И. в кн: «Традиционный фольклор Новгородской области». СПб, 2001.

Народные игры

10. *Тетёра*. Морозова Т. С., 1931 г. р., г. Боровичи. 20.08.98. Записала Потапенко О. В. К 26-2-35.
11. *Дударь*. Морозова Т. С., 1931 г. р., г. Боровичи. 20.08.98. Записала Потапенко О. В. К 26-2-35.
12. *Игра в камешки*. Яковлева Н. И., 1927 г. р., д. Бор Парфинского района. 11.07.2000. Записала Романова И. А. К 28-10-56.

Загадки

13. Казанцев В., 7 лет, д. Устюцкое Пестовского р-на. 15.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-45.
- 14–17. Новожилова А. Н., 60 л., г. Пестово. 19.09.68. Записала Петрова Л. Я. К16-1-50.
- 18–23. Панасенко Т., 9 лет, Панасенко Г., д. Ёлкино Пестовского района. 10.07.68. Записала Петрова Л. Я. К16-1-62.
- 24–27. Смирнова Л., 9 лет, г. Пестово. 13.07.68. Записала Петрова Л. Я. К 16-1-63. Загадки слышала от бабушки, которой на момент записи был 51 год.
- 28–29. Жаров А., 12 л., п. Пола Парфинского р-на. 10.07.2001. Записали Паршина Е. А., Сметанина О. В., Бушуева В. С. К 29-10-42.
- 30–32. Караева Л., 6 л., г. Новгород. 15.07.91. Записала Егорова В. К 19-5-2.
- 33–36. Яковлева Е., 13 л., г. Новгород. 19.08.91. Записала Егорова В. К19-5-6.

Список литературы*

1. *Артынов А. Я.* Сказания Великого Новгорода / Сост. Ю. К. Бегунова. Под общ. ред. К. Д. Ван Скониельда. Б-м, 2000.
2. *Банин А. А.* Свадебные песни Новгородской области / А. А. Банин, А. П. Вадакария, В. И. Жекулина. Расшифр., сост. и комм. А. А. Банина. Л., 1974.
3. *Банин А. А.* Музыкально-поэтический фольклор Новгородской области / А. А. Банин, А. П. Вадакария, Л. Г. Канчавели. Сост. и комм. А. А. Банина. Новгород, 1983.
4. *Бердяева О. С.* Проект «Фольклор Новгородской области» / <http://www.novgorod.ru/city/history/folklor>
5. *Бурьяк М. К.* Певческие традиции региона как фактор оптимизации художественного развития личности: на примере этнокультурных традиций Новгородской области / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. СПб., 1999.
6. *Бурьяк М. К.* Новгородское народно-певческое искусство: Научное исследование. Великий Новгород, 2000.
7. *Быстрова А. В.* Новгородская круговина / А. В. Быстрова, Е. Е. Васильева. Новгород, 1983.
8. Валдайская свадьба / Сост. В. И. Жекулина. Новгород, 1994.
9. *Васильев М. И.* Новгородская традиционная праздничная культура: Местные праздники Волоотовского района. Великий Новгород, 2001.
10. Заиграла с переливом Хвойнинская хромочка / Сост. Н. Б. Боброва. Великий Новгород, 2000.
11. Зимние катания новгородских крестьян: Методические рекомендации / Сост. Васильев М. И. Новгород, 1992.
12. *Ланин В.* Наигрыши на гармони-хромке П. В. Черемисова. Новгород, 1988.
13. *Лобанов М. А.* Лесные кличи. Вокальные мелодии-сигналы на Северо-Западе России. СПб., 1997.

* Список литературы не претендует на библиографическую полноту и касается лишь наиболее интересных, на наш взгляд, изданий новгородского фольклора, которые вышли за последние годы.

14. *Малинина Г.* История Новгородской земли в древнерусском певческом искусстве // Музыкальная культура средневековья: Сб. науч. трудов: Проблемы древнерусской и армянской музыкальной письменности и культуры. Вып. 1. М., 1990.
15. Новгородские былины / Вступ. ст. и изд. подг. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978.
16. Новгородские сказки / Подг. текстов В. А. Дериглазов, предисл. Г. В. Лысенко-Варик. Новгород, 1993.
17. Новгородский областной словарь. Вып. 1–12 / Авт.-сост. В. П. Строгова, А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Новгород, 1992–2000.
18. Песни Городенского хора / Сост., предисл, нотации напевов Е. Е. Васильевой. Новгород, 1990.
19. Посиделки в Новгородской области. Песни и игры / Сост., нотации напевов, предисл. М. А. Лобанова. Новгород, 1988.
20. Старорусская свадьба / Сост. В. И. Жекулина. Новгород, 1988.
21. Традиционные новгородские игры и забавы: Метод. пособие / Авт.-сост. Григорьев С. В. Новгород, 1991.
22. Традиционный костюм Новгородского края: Метод. реком. в помощь самодеятельным коллективам / Сост. М. И. Васильев, С. Л. Ефимова. Новгород, 1989.
23. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.). Песни. Причитания / Изд. подг. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.
24. Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999г.) / Изд. подг. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001.
25. Я любила сердце тешить: Частушки Чудовского и Батецкого районов Новгородской области / Сост. Н. Бондарь. Новгород, 1983.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования и науки РФ, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и с наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) — частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов просвещения и профессиональной подготовки в практической деятельности.

Научно-популярное издание

**ФОЛЬКЛОР НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Составитель О. С. Бердяева

Художественное оформление серии *А. Л. Бондаренко*

Корректор *К. Р. Антонов*

Компьютерная верстка *О. Г. Свиридовой*

Подписано к печати 20.07.2005. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

ООО «Издательский дом “Стратегия”»
123001 Москва, ул. Большая Садовая, д. 4, стр. 1.
e-mail: publish-strategy@mtu-net.ru
Тел. 299-32-82, 299-34-74

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Полиграфический комплекс “Ориус”»
398055, г. Липецк, ул. Московская, 83